

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 6

**Москва
2014**

Б 042(02)1

В шестом выпуске периодического издания Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН публикуются материалы, которые отражают различные аспекты истории народов Кавказа, Прибалтики, Украины, Казахстана, Европейской части России в XVIII–XX вв. Наряду с исследователями из столичных центров, представлены работы историков из Украины и Белоруссии. В центре внимания авторов находятся этническая политика и положение этнических сообществ в России и СССР; отражение истории народов России в историографии и исторической памяти; малоисследованные сюжеты из истории народов России. Представлены новые архивные документы: грамота царя Алексея Михайловича крымскому хану 1672 г. с обсуждением русско-крымских отношений и международной ситуации; материалы, отражающие реакцию руководства СССР и обеспокоенность нарастающим напряжением в межэтнических отношениях на Северном Кавказе в 1980-х годах.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *В.В. Трепавлов* (отв. ред.),
канд. ист. наук *К.С. Дроздов*, канд. ист. наук *А.В. Марчуков*,
канд. ист. наук *Д.Я. Рахаев*

Рецензенты:

д-р ист. наук *К.А. Аверьянов*,
д-р ист. наук *И.В. Зайцев*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В шестом выпуске сборника публикуются материалы, которые отражают различные аспекты истории народов Кавказа, Прибалтики, Украины, Казахстана, Европейской части России в XVIII–XX вв. Наряду с исследователями из столичных научных центров, представлены работы историков из Украины и Белоруссии.

В центре внимания авторов находятся следующие вопросы:

– этническая политика и положение этнических сообществ в России и СССР (статьи Д.А. Аманжоловой об особенностях формирования этнической элиты в Казахстане 1920-х годов, К.С. Дроздова о политике коренизации~украинизации в Центральном Черноземье, Э.П. Федосовой о миграциях финнов, формировании и жизни финской диаспоры в России с начала XIX в. до 1930-х годов);

– отражение истории народов России в историографии и исторической памяти (статьи А.Д. Гронского о современных трактовках Отечественной войны 1812 г. белорусскими историками, А.Е. Локшина об освещении положения евреев в Российской империи в западной исторической литературе, Ф.Л. Синицына об этническом факторе в формировании концепции «советского патриотизма» в предвоенные годы, В.В. Трепавлова о представлениях татар XIX в. о Касимовском царстве XV–XVII вв.);

– малоисследованные исторические сюжеты (статьи Д.Я. Рахаева о кабардинском факторе в русско-турецких отношениях XVIII в., Н.А. Слободянюка об отношениях евреев и украинских националистов с киевским анитфашистским подпольем в период оккупации Киева 1941–1943 гг.).

Канд. ист. наук Д.Я. Рахаев подготовил к печати грамоту царя Алексея Михайловича крымскому хану 1672 г. с обсуждением русско-крымских отношений и международной ситуации. Канд. ист. наук Л.С. Гатагова публикует документы, отражающие реакцию и обеспокоенность нарастающим напря-

жением в межэтнических отношениях на Северном Кавказе в 1980-х годах (в частности, в связи с массовыми беспорядками в г. Орджоникидзе в октябре 1981 г.).

Редколлегия сборника приглашает к сотрудничеству коллег из исследовательских центров России и других стран. Надеемся, что публикуемые в этом выпуске материалы окажутся полезными и познавательными для специалистов и всех, кто интересуется историей нашего многонационального государства.

Аманжолова Д.А.

**«...СОВСЕМ ПО-СТАЛИНСКИ...»:
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ЕЕ ПОСРЕДНИКИ
И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В КАЗАХСКОЙ АССР
В 1920-Е ГОДЫ**

Враги нашей жизни, враги миллионов, –
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг!

Жамбыл. Нарком Ежов¹

Публикуемое письмо Н.И. Ежова В.М. Молотову от 24 августа 1925 г. раскрывает нюансы сложного взаимодействия центральной власти, ее посредников и казахской этнополитической элиты в условиях формирования советской государственности в национальных регионах. К этому времени Ежов (1895–1940) успел в 1921–1922 гг. поработать заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом Татарского обкома РКП (б) и ответсекретарем Марийского обкома РКП (б) и, видимо, зарекомендовал себя как научившийся понимать этнополитическую специфику. С марта 1923 г. он ответственный секретарь Семипалатинского губкома партии в Казахской АССР, и здесь его карьера начинает развиваться по восходящей². Хороший исполнитель, в 1924 г. он назначается заведующим одним из самых важных отделов в партийной бюрократической системе – организационным в Киргизском³ обкоме ВКП (б), а в 1925–1926 гг. становится заместителем ответственного секретаря Казакского, как тогда писали, крайкома партии. При этом Ежов часто позиционировался как 3-й секретарь крайкома, хотя официально таковой должности не было. В

феврале 1927 г. сбывается заветное желание назначенца, уже разобравшегося в «весовых категориях» основных звеньев иерархической структуры партаппарата. Об этом назначении он просил Молотова в ниже публикуемом документе. Будущий нарком внутренних дел стал инструктором Орграспредотдела ЦК ВКП (б). После небольшого перерыва, с 1930 до 1934 г. он уже заведовал этим отделом, активно участвуя в реализации сталинской кадровой политики.

В письме, составленном, судя по всему, в рамках предварительной договоренности о предоставлении информации с места, Ежов довольно подробно излагает свои оценки ситуации в республиканском руководстве, сложившейся после отставки В.И. Нанейшвили⁴ с поста руководителя казахстанской парторганизации (сентябрь 1924 – июнь 1925 г.) и накануне приезда нового посланца Москвы – Ф.И. Голощекина⁵. Структура документа вполне продумана. Как достаточно опытный функционер, он начинает с безусловного одобрения решения центра по поводу новой кандидатуры на пост фактического главы республики, недобрую память о котором до сих пор хранят казахстанцы. В документе не раз, как бы попутно, но всегда комплиментарно, упоминается имя И.В. Сталина и его курс. Вторая, самая большая часть письма посвящена получившей довольно острые формы внутриэлитной борьбе в казахской части высшей республиканской бюрократии, заключительная – личным карьерным интересам автора.

Именно перипетии группировочной борьбы между националами – руководителями КАССР, интерпретированные одним из присланных в республику посредников в отношениях центра с этнополитическими лидерами в регионах, представляют наибольший интерес. Для понимания описываемых Ежовым эпизодов и предлагаемых им оценок следует иметь в виду тот факт, что ни один из присланных в республику назначенцев не знал казахского языка, и это обстоятельство использовалось националами в конъюнктурных интересах. Не случайно Ежов отмечает, что среди «европейских» работников нет единства в оценке происходящего. Кроме того, сама борьба между казахскими лидерами, втянувшими в нее поделившуюся на группи-

ровки местную бюрократию, возникла сразу с образованием автономии в 1920 г., и понять суть событий и роль отдельных персонажей (в т.ч. С. Ходжанова⁶, о снятии которого с должности пишет Ежов, – вскоре он был отправлен из республики в Москву) можно, обратившись к их предыстории.

Самоопределение наций предполагало включение в состав партийно-советской номенклатуры представителей титульного этноса, призванных через органы власти и управления проводить социалистические преобразования. Как и в других автономиях и союзных республиках, решение этой задачи сопровождалось значительными трудностями. Большевистские руководители края признавали самое ничтожное влияние политической борьбы, развернувшейся на просторах бывшей Российской империи и на территории Казахстана в том числе, на массовое сознание и поведение. Это неизбежно ставило перед ними вопрос: «Откуда взять честных и надежных советских работников?» В советскую элиту рекрутировались лица просто образованные, и среди них естественным образом оказалось немало выходцев из имущих (байских) кругов, имевших опыт так называемой «партийной» борьбы во время волостных выборов. Многовековое отчуждение масс от сознательного и активного участия в организации общественной жизни, отсутствие представлений и опыта в применении европейских демократических процедур, которые в той или иной степени отражала большевистская политика социального структурирования и воспитания людей, приводило к своеобразным курьезам и встраиванию традиционных норм социальной практики в советский формат.

Поверхностная убежденность в марксистских идеалах не мешала стремительной бюрократизации кадров, прежде всего из числа национальных «выдвиженцев», и это в конечном счете составило главную причину низкого качества управленческой культуры и самой советской номенклатуры. Минимальная образовательная и социально-политическая культура, очевидная искусственность навязываемых стандартов гражданственности порождали циничное отношение к ним самих активистов. Политические механизмы формирования новой

идентичности противоречили наличной социокультурной реальности, что не могло не поощрять иждивенческое отношение к власти и представлявшим ее общественным структурам, равнодушие к труду и дисциплине, различные способы социальной мимикрии и латентное доминирование индивидуальных интересов над общественными.

Нельзя сказать, что присланные из центра руководители не видели сложность стоявших перед ними задач. Однако они во многом оказались заложниками той идеологии, которой преданно служили, и которая лишь в очень общем виде отвечала на конкретные вопросы жизни. В «ловушку» национальной государственности попали и большевики, и националы. Правда, одни стремились использовать ее как средство для утверждения классовой справедливости, а другие уповали на нее как на универсальное лекарство в лечении всех болячек этносоциального организма. Ни то, ни другое не могло быть осуществлено исключительно административными и политическими инструментами, которым тогда отдавалось наибольшее предпочтение.

Особенно трудно было преодолевать взаимное недоверие и постоянные разногласия, возникавшие во взаимоотношениях с работниками-националами, а также эмиссарами из Москвы, поразному видевшими задачи и средства их решения на месте. Тем более что к выдвинутым из националов отношение было столь же скептическим, что и у «туземцев» к «русским колонизаторам и шовинистам». Между тем быстро обозначившиеся противоречия социального развития, ошибки и радикализм в реализации коммунистического проекта в этносоциальной среде, колоссальный рост бюрократизма и сохранение классовых приоритетов во всем порождали скепсис, разочарование, а также разногласия в рядах малочисленного образованного класса, прежде всего в зависимости от социального происхождения и стажа принадлежности к большевистскому движению в регионе.

В руководстве КАССР почти сразу начались и стали перманентными конфликты. Поводами служили «грехи» сотрудничества с антибольшевистскими силами или «несвоевремен-

ное» признание советской власти, взаимная подозрительность присланных из центра и местных работников в уклонениях от интернациональной линии к шовинизму или национализму, личные амбиции, бесконечные перегруппировки одних и тех же лиц, интриги и обиды. Все это дополнялось взаимными обвинениями в «колониаторстве», незнании национальной специфики или карьеризме, нечистоплотности и прочих прегрешениях. Синдром бескомпромиссности, непримиримость и безоглядная уверенность в непогрешимости избранной стратегии и тактики, культивировавшиеся в партии большевиков и подкрепленные особенностями массовой культуры, традициями и ментальностью всего общества, определили многое в судьбе страны и упомянутых Ежовым героев.

Вдобавок бдительный внутривластный контроль за чистотой рядов своих адептов создавал для всех вступивших в РКП (б) казахских активистов дополнительную напряженность, ставшую в 1920-е годы перманентной. В 1919 г. прошла перерегистрация коммунистов, в 1920 г. в связи с введением единого образца партбилета она была проведена вновь. С августа 1921 г. по февраль 1922 г. шла чистка рядов партии в республике, и к сентябрю ЦКК исключила из РКП (б) М. Мурзагалиева⁷ как бывшего чиновника и члена облуправы Алаш-Орды, а областная контрольная комиссия – С.Д. Арганчеева⁸, тоже за «связь с некоторыми членами Алаш-Орды»⁹. Весной началась Всероссийская партийная перепись с обменом документов, в 1922–1924 гг. контрольные комиссии парткомов КАССР вынесли решения об очищении от 1512 человек, «не оправдавших доверия». В 1925 г. состоялась проверка производственных партячек, в 1925–1926 гг. – выборочная проверка аульно-сельских, в 1927 г. коммунисты вновь прошли испытание Всесоюзной партпереписью, а летом 1929 г. по решению XVI конференции ВКП (б) началась новая генеральная чистка.

Все эти акции вызывали массу неизбежных проблем, в т.ч. провоцировали конфликтные отношения, стремление использовать спущенные сверху механизмы в борьбе амбиций и для удовлетворения карьерных интересов путем устранения сопер-

ников. Достаточно активно практиковались с этой целью частые ротации работников из одних регионов в другие под всевозможными благовидными предложениями (а не менее частые административно-территориальные преобразования давали еще один повод для этого), что позволяло отстранить от ключевых постов неугодных и выдвинуть сторонников. Определенную, и подчас весьма значительную, роль играли также родственные и клановые связи (на тех или иных этапах развития межличностных отношений, в проявлениях негласной групповой солидарности или лояльности и пр.), хотя придавать им решающее значение во всех случаях вряд ли правомерно¹⁰.

Жена С. Сейфуллина позже свидетельствовала, что Ежов ехидно спрашивал ее мужа, почему это казахи такие жалобщики. «Чуть что – строчат один на другого». Как отмечал казахстанский историк В.К. Григорьев, представители элиты «в политической борьбе использовали не только данные интеллекта, но ту или иную мощь родоплеменных связей, богатства и т.п. Подобное резко увеличивало как силу, так и амплитуду колебаний внутри течений и группировок интеллигенции...»¹¹.

Наряду с множеством действительно сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера, которые приходилось решать призванным в ряды советских управленцев всех уровней, мало предсказуемая ситуация требовала огромных усилий для тщательного анализа быстро меняющейся конъюнктуры, умения гибко и оперативно перестраиваться на ходу, в т.ч. в отношениях с коллегами, также рисковавшими неожиданно потерять должность и чин или, наоборот, резко подняться по иерархической лестнице. Даже для не запятнавших себя сотрудничеством с «классовыми врагами» до, в период революции и во время Гражданской войны все это было сильным испытанием выдержки, ума и адаптивности. Бывшим алашординцам приходилось практически ежедневно находиться еще и под гнетом уже неисправимого крамольного прошлого. Всем требовалось постоянно доказывать свою лояльность власти и ее идеологии, что заставляло некоторых вообще отказываться от советской работы и даже выходить из партии. К тому же одной из причин разнообразных

чисток в этот период была острая внутривнутрипартийная борьба с различными «оппозициями» в центре, отзывавшаяся даже на рядовом партийно-советском составе.

Между тем, самую стремительную и головокружительную карьеру, в т.ч. и с сегодняшних позиций, сделали 28-летние Т. Рыскулов¹², С. Сейфуллин¹³ и С. Ходжанов¹⁴, 27-летний Н. Ежов, 26-летний А. Асылбеков¹⁵, 25-летний М. Ауэзов¹⁶, 23-летний У. Жандосов¹⁷ и 22-летний С. Садвокасов¹⁸. Как известно, для молодежи всегда характерны романтизм и эмоциональность, повышенная возбудимость вместе с политической неопытностью, социально-психологической податливостью пропаганде и агитации, утопическая вера в возможность быстро разрушить многовековые устои общественной и государственной жизни и на их развалинах так же решительно построить мир истинной справедливости и благополучия; максимализм и бескомпромиссность в борьбе с политическими противниками и оппонентами; ожесточенность и упорство в достижении цели. Эти качества быстро закреплялись в бурное революционное время.

Среди других факторов, которые также сыграли свою роль, можно назвать тесную идейно-психологическую связь молодежи с представителями старших поколений, патерналистскую воспитательную практику старших и их умение в нужных целях использовать специфику молодежной психологии; четко выстроенную систему формирования приоритетов социального служения и долга, коллективизма и солидарности над эгоистическими и частными интересами и целями (которые, конечно же, сохраняли значение). Молодые выдвиженцы-националы привлекались старшими для продвижения своих замыслов и проектов, но постепенно становились все более самостоятельными, накапливая причудливо сочетавший в себе разные по ценности традиции дореволюционной бюрократии и идейно подкрепленный краткосрочный опыт советской аппаратной культуры и включаясь в различные комбинации под давлением ситуации, собственных амбиций и представлений о должном.

Солидарно действующего состава руководителей в молодой республике не было, каждый из них понимал сложность

положения, но пытался представить в лучшем свете самого себя. Ауэзов и Садвокасов не без оснований могли подозреваться в сочувствии идеям Алаш, Мурзагалиев и Байдильдин¹⁹ выглядели мечущимися между разными силами притяжения, а Мендешев и Коростелев²⁰ – не способными обуздать амбиции товарищей и предотвратить обострение отношений.

Центру пришлось признать нарастающий конфликт и вмешаться в ситуацию. 5 апреля Секретариат ЦК РКП (б) на основе поступившего В.М. Молотову письма группы ответственных работников КАССР (Мурзагалиев, Ауэзов, Алманов²¹, Арганчеев, Кенжин²² и др.) рассмотрел «киргизские дела», решив создать в республике Бюро ЦК (Юдовский²³, Вайнштейн²⁴ и 3 члена бюро) с правом приостановки решений Киробкома и обязательством в двухнедельный срок представить в ЦК доклад о состоянии парторганизации республики. Было решено подготовить проект циркулярного письма ЦК РКП (б) к парторганизациям и коммунистам КАССР. 12 мая 1922 г. по докладу И.В. Сталина Секретариат ЦК РКП (б) рассмотрел письмо С. Мендешева²⁵ и принял его к сведению.

23 мая 1922 г. Секретариат ЦК РКП (б) утвердил циркуляр. В нем констатировалось извращение основ национальной политики и непонимание парторганизациями КАССР ее связи с нэп. Взаимная борьба т.н. «колонизаторов и не менее сильной группы националистически настроенных элементов», говорилось далее, «сплошь и рядом превращается в склоку, мелкие дразги и увлечения бесплодными спорами, митинговыми разговорами, которые отвлекают ... как от непосредственной работы по укреплению партийных организаций, так и от руководства административно-хозяйственной работой». Парторганизации республики, в которых отмечались пассивность и упадочное настроение (а в советской работе застой), обязывались «отказаться от мелочных споров и склоки и сосредоточить силы на деловой практической работе по укреплению парторганизации и привлечению широких масс к хозяйственному возрождению края»²⁶. В ноябре Оргбюро ЦК РКП (б) по результатам обследования парторганизаций республики признало необходимым сохранить Кирбюро как представительство ЦК и от-

метило слабость работы Киробкома. Для поправки дел Учраспред ЦК командировал в распоряжение Кирбюро 5 новых губернских работников²⁷.

Не стоит забывать также, что в сентябре между Лениным и Сталиным возникли принципиальные разногласия в вопросе о форме отношений центра с независимыми республиками, когда Сталин предложил разъяснить молодому поколению коммунистов на окраинах, что заявления о независимости – лишь игра²⁸. Пожалуй, в этом контексте предложение Рыскулова о роспуске КАССР лишь подкрепляло убежденность Сталина в своей правоте. Тем временем крепнущая борьба против «проявлений великодержавного шовинизма и местного национализма» приобретала болезненный и затяжной характер, часто трансформировалась в провоцирование групповых конфликтов внутри национальных элит, которые умело использовались в интересах укрепления власти номенклатуры. Сами националы, став частью этой номенклатуры, неизбежно воспринимали принятые «правила игры», внося в них еще и существенный этнокультурный колорит.

Т. н. групповщина усиливалась. Об этом свидетельствуют регулярные доклады сотрудников ГПУ и ПП ОГПУ в партийные органы республики и Восточный отдел ГПУ о политической атмосфере в республике за 1922–1923 гг., специальные решения краевых органов РКП (б)-ВКП (б), а также свидетельства самих «фигурантов»²⁹.

14 апреля 1924 г. Оргбюро ЦК РКП (б) приняло новое решение о положении в Казахстане. Наряду с установками по привлечению лояльных элементов интеллигенции в центре и особенно на местах, усилению борьбы с колонизаторским уклоном, повышению политической культуры партийцев, развитию национальной печати и общественных организаций, в постановлении предлагалось действительно изжить разногласия среди «кирработников», «ранее принадлежавших к “левой” и “правой” группировкам». Киробком должен был использовать националов «независимо от их принадлежности к тем или иным группировкам в прошлом на основе партийных реше-

ний» и одновременно усилить выдвижение молодых казахских работников³⁰.

Между тем образование СССР и развитие межнациональных отношений, характер преобразований в значительной мере изменили условия жизни, экономику, политические и социальные отношения в этносообществах. В то же время унитаристская политика опиралась на господствующие общественные представления и псевдосоциалистическую интернационалистскую фразеологию, подкрепленную всевозможными целенаправленными средствами идеологического воздействия.

Интенсивные дискуссии велись и в ходе подготовки первой Конституции СССР 1924 г., а также в середине 1920-х годов, когда распределение прав, полномочий и компетенций между субъектами федерации и федеральным центром, координация деятельности общесоюзных, объединенных и автономных наркоматов и других ведомств, наряду с почти перманентными административно-территориальными перекройками внутренних границ вносили огромные трудности в налаживание управления, снижали и без того невысокую эффективность менеджмента на местах и на региональном уровне.

Решения XII съезда РКП (б) как будто поощряли самостоятельность националов и осуждали ошибки «русопятства». В республике было отмечено «стремление молодежи к захвату ответственных краевых постов и вытеснению старых», а русских – «бежать из Киргизии». На определенное время ответсекретарю Киробкома Г.М. Дунаеву удалось объединить Мендешева, Сейфуллина, Нурмакова³¹ и Айтиева³². Садвокасов, работавший в Госплане и «хотя и политиканствующий за чужой спиной», значительно «оздоровился». «Абсолютно не способных к практической работе, экспансивных и неустойчивых» Асылбекова и Джангильдина³³, считал Дунаев, нужно нейтрализовать. Асылбекова предлагалось направить учиться в Москву, Джангильдина же, спровоцированного «товарищами» добиваться поста главы ЦИК КАССР, следовало после соответствующих внушений в ЦК отправить на прежнюю должность наркомсобеса³⁴.

Но ситуация, а вслед за ней и настроения интеллигенции, были неустойчивыми. Секретарь Семипалатинского губкома партии П.Ф. Костерин³⁵ докладывал в ЦК 11 октября 1924 г., что в отличие от низовой интеллигенции, повернувшей в сторону советской власти и партии, в ее верхах чувствуется отчужденность. На краеведческом съезде во время доклада секретаря по теме «Революция и интеллигенция» прозвучала реплика: интеллигенция отвернулась от революции, так как не могла мириться с ее абсурдом³⁶. Стремясь приспособиться к политической ситуации, часть ее «впала в покаянное настроение», другие сохраняли скептицизм – «история, де, нас рассудит». Однако все они выступали за то, чтобы «создать самостоятельную единицу из Киргизии с вхождением непосредственно в СССР. Одно смущает их, – докладывал секретарь губкома, – в силах ли будет самоуправляться Кирреспублика собственными силами. Большинство отвечает из них утвердительно. Момент проявления активности совпал именно с моментом разговоров о вхождении Кирреспублики непосредственно в СССР»³⁷. Однако, если вновь входившие в СССР азиатские республики по международным соображениям превращать в автономии было нецелесообразно, то повышать статус КАССР, обременяя себя дополнительными проблемами с и без того амбициозными и к тому же неконсолидированными казахскими кадрами, уже доставившими немало хлопот, Москва посчитала шагом непродуктивным³⁸.

Национальное размежевание в Средней Азии с присоединением к Казахстану ряда южных территорий сопровождалось новыми дискуссиями и попытками казахских деятелей закрепить ведущую роль республики в регионе, а за Ташкент, где в середине 1920-х годов сосредоточились основные образовательные, научные и культурные силы центральноазиатской интеллигенции (в том числе часть алашординцев), развернулась нешуточная борьба. Идея сделать Ташкент центром Казахстана и даже присоединить к автономии практически весь Туркестан обсуждалась КирВРК и Т. Рыскуловым по инициативе последнего (видимо, в связи с его проектом Тюркской Советской Республики) уже в марте 1920 г.³⁹

В свою очередь, казахские деятели в ТАССР С. Ходжанов, С. Асфендиаров⁴⁰ и киргиз Худайкулов⁴¹, участвуя в обсуждении предстоящего национального размежевания, летом 1924 г. предложили создать Среднеазиатскую федерацию, включая КАССР. Ходжанов вдобавок настойчиво проводил идею о значении Ташкента для казахов как единственного хозяйственного и культурного центра, исторически оказавшегося «узбекско-сартовской колонией» на казахской земле. Он предлагал в качестве компромисса сделать Ташкент центром федерации на правах вольного города, но с местопребыванием в нем ЦИК КАССР. «Мифическое единство» КАССР и необходимость ее включения в среднеазиатскую федерацию обосновывал и замнаркомнаца Г.И. Бройдо. Он предлагал туркестанских казахов присоединить к автономии, зато Букеевскую орду объединить с Калмыкией в автономную область, Адай включить в Хорезм, сибирские (северо-восточные) районы – в состав Сибири, а Оренбург с уездом и частью Уральской области «вымежевать». Анализируя затем ход размежевания и этнизацию управленческих кадров в Казахстане, Ходжанов в письме к Сталину (октябрь 1924 г.) призвал покончить с интригами и распрями между ответственными работниками радикально – распустить Киробком, создать временное бюро ЦК партии на год, перенести центр республики уже в Чимкент, разделив автономию на восточную, западную и южную административно-хозяйственные области. В общем, ЦК должен был «ценою каких бы то ни было жертв» обеспечить «здоровую обстановку для творческой практической работы»⁴².

В постановление Политбюро ЦК РКП (б) 11 октября 1924 г. о национальном размежевании Средней Азии был включен пункт 4: «Не возражать в принципе против вхождения Кирреспублики на договорных началах в СССР, считать необходимым отложить практическое проведение этого решения впредь до выяснения опыта работы Кирреспублики на новых началах и в новых границах и предложить Киробкому провести через советские органы Кирреспублики соответствующее постановление. Предложить Киробкому воспрепятствовать дальнейшему обсуждению вопроса как в партийных органах, так и в беспар-

тийных массах». Там же указывалось на абсолютную недопустимость перенесения вопроса на обсуждение и решение по советской линии без предварительного решения ЦК партии, а ЦКК поручалось расследовать, как делу был дан ход по этой самой «советской линии» (по существу, единственно правомочной решать такие вопросы) и наказать виновных за нарушение партдисциплины.

Между тем обсуждение проблемы столицы и «казахизации» Казахстана продолжалось, сопровождаясь очередными конфликтами в руководстве автономии. Один из самых последовательных проводников партийных директив Мендешев в декабре обратился в ЦК партии с предложением все же найти другое место для центра КАССР, подчеркивая очевидную для всех объективную отстраненность Оренбурга от степного края. После размежевания у Мендешева окрепла убежденность в способности «киргизской части» справиться с дальнейшей советизацией республики, и он предложил перенести столицу в Ак-Мечеть⁴³, несмотря на решение Киробкома о сохранении статус-кво в этом плане. Как известно, вскоре решение о переносе столицы состоялось⁴⁴.

В ноябре 1924 г. секретарь Киробкома партии В.И. Нанейшвили сообщал в ЦК, что восточная группа казахских руководителей находится «в слишком близких, больше, чем можно, отношениях с “беспартийной” кадетской (алашординской) интеллигенцией, настолько близких, что теряется грань между киргизом-коммунистом и киргизом – беспартийным интеллигентом. Вместе с последними обсуждаются самые, можно сказать, партийные вопросы в узком смысле этого слова. Беспартийная интеллигенция влияет на киргиз-коммунистов, а не наоборот»⁴⁵.

1 декабря 1924 г. появилось очередное письмо ЦК РКП (б) парторганизациям Казахстана, где заявлялось о дополнительном росте трудностей в связи с реорганизацией территории: она выросла еще больше, а низкая плотность населения, отсутствие инфраструктуры, крайняя отсталость хозяйственной и культурной базы сохранялись. Понятно, что разногласия, уклоны и противоречия в кругу националов, как и между ними, с

одной стороны, и «работниками-европейцами» – с другой, вызвали резонные опасения в центре. Однако рецепты ЦК прописал стандартные, и звучали они в основном как пожелания «объединиться, усилить, принять меры, проработать»⁴⁶ и т.п., а не точные прописи процедур, доз, инструментов и режима лечения, и потому не возымели должного эффекта.

Власть пыталась административными мерами преодолеть созданное под давлением идеологии препятствие – бесчисленные искусственные барьеры (территориальные, политические, социально-культурные) между различными социально-этническими общностями. Между тем внутри последних сложились и развивались собственные сложные взаимные связи и зависимости, предпочтения и ориентиры, а принадлежавшие к разным этносообществам граждане организовывали собственную жизнь не только на основе культурной идентификации, а все больше руководствуясь общегражданскими (национальными), профессиональными, демографическими, гендерными и т.д., и т.п. интересами, ценностями и стереотипами.

Жесткое социальное структурирование советского общества также обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Гарантией «расцвета и сближения» народов, их спонсором и руководителем обязаны были выступать облеченные властью институты. Но многообразная действительность в каждом конкретном случае модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Да и т. н. центр постепенно подстраивался к местам, проявляя разную степень гибкости в принимаемых решениях и особенно – в конкретной практике органов управления республики. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий нередко вполне успешно вписывались в советскую систему, или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закрепленные функции и общественную ценность. Складывание реальной метаэтнической советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации общества, отнюдь не привело к исчезновению

традиционной культуры. Происходило пересечение и наложение разных культурных (в т.ч. политико-правовых), психологических, поведенческих, бытовых практик.

Однако тревожные сигналы с мест о тяжелом положении окраин, нехватка средств, госбюджетных ассигнований, замедленные темпы промышленного строительства, крайне неудовлетворительное состояние материально-технической базы восстанавливаемого народного хозяйства – все эти вопросы не могли игнорироваться. К тому же руководители автономий настаивали на четком определении своего правового статуса, представительстве меньшинств в центральных органах законодательной и исполнительной власти, ведении государственного делопроизводства на родном языке в судебных и других учреждениях, выступали против формализации декларируемого самоопределения.

Немаловажно и то, что т. н. группировочная борьба не прекращалась. С. Ходжанов в конце 1924 г. объяснял ее в письме к Сталину объективной обстановкой – она превращает чиновника-национала в типичного бездушного карьериста, который считает себя «центром всего», стоящим «выше критики, и, чтобы ему не мешали «творить», будет доносить, угождать, жаловаться и т.д. вышестоящим органам и лицам». Появляются «верхушки без низов, разговорные революционеры, в день три раза устраивающие похороны давно похороненной Алаш-Орды, рассуждающие то так, то иначе по личному смотрению и не связанные ни в какой мере фактическими условиями»⁴⁷.

Междоусобицы и борьба честолюбий были на руку изощренным в бюрократических хитросплетениях и аппаратных интригах сотрудникам ГПУ и «встававшим над схваткой» посланцам центра. Терзания совести заставили губернского сотрудника ГПУ Ф. Иванова сделать характерное признание Ф.И. Голощекину и С. Садвокасову (сентябрь 1926 г.): «...первоочередной операционной работой является собирание ложных материалов на казахских ответработников. Мы ... нарочно создаем группировки из казахских влиятельных родоначалников и русских кулаков, чтобы натравить последних на казахских ответработников и тем самым приобретаем нужные нам

материалы... и для того, чтобы побеждать и парализовать казахских работников искусственно натравливаем одних работников на других...». Примечательно, что русскоязычные управленцы, анализируя действия заподозренных в нелояльности власти националов, также признавали: последние в собственной культурной среде применяют «совершенно другие методы, чем партии эсеров, меньшевиков и т.п.». Объединение и компромисс между «бывшими» и «нынешними» представителями органов управления достигались на основе устойчивых иерархических и кровнородственных критериев, ценностей и традиций межпоколенческих и этносоциальных отношений⁴⁸.

В свою очередь, и казахские деятели не без успеха использовали нацеленность органов ГПУ на разоблачение скрытых противников власти, чтобы в перевыборных кампаниях и чистках обеспечить всевозможные посты своим единомышленникам в борьбе против конкурентов из других групп⁴⁹. Борьба амбиций, циничный расчет и интрига, обида, зависть и желание власти или мщения, тщеславие и честолюбие, наряду со столь же сильными чувствами и намерениями реализовать себя в общественно значимой и престижной деятельности, интеллигентской идеей служения народу – все это соединялось в сложный клубок переживаний и поступков.

В связи с этим стоит сослаться на закрытое письмо Г.А. Коростелева в ЦК РКП (б) от 6 марта 1924 г. с характеристикой поведения казахской элиты на IV Всекиргизском съезде советов (январь 1924 г.). Как оказалось, блоки между персонажами и выдвижения кандидатур могли происходить на весьма конъюнктурных началах. Так, зарекомендовавшие себя националистами поддерживали вполне благонадежных коммунистов (С. Садвокасов – А. Джангильдина), дабы сместить опытных и умных конкурентов (в данном случае предКирЦИКа С. Мендешева и предсовнаркома С. Сейфуллина) и, закрепив на одной из решающих должностей амбициозного, но управляемого, «доверчивого и слабого характером» А.Т. Джангильдина, «за его спиной командовать как угодно, в силу его ограниченности»⁵⁰.

Нельзя согласиться с утверждением, что «уклоны» и «группировки» были навязаны сверху⁵¹, но они, безусловно, использовались «третьей стороной», в качестве которой не обязательно выступали центр и его эмиссары. В апреле 1925 г. после отстранения от должности главы СНК республики (ноябрь 1924 г.) С. Сейфуллин обратился к Сталину с обширной запиской, посвященной внутриэтническим коллизиям борьбы за власть. Как и другие, он, конечно, акцентировал внимание на идейно-классовом противостоянии между участниками и сторонниками Алаш и теми, кто боролся за советскую власть с 1917 г., к которым принадлежал сам. Как заметил Сейфуллин, в отличие от его единомышленников, вступившие в партию с 1920 г. оказались как бы легализованными проводниками идей Алаш, быстро внедрявшими «своих людей» и на высокие ответственные посты, и на руководящие должности в губерниях. «Притом тяжеловесность характера ПредСНК Нурмакова и малограмотность ПредКЦИКа т. Мынбаева⁵² прекрасно позволяют ... за их спинами работать людям правого уклона», – утверждал он, приводя конкретные примеры. «Вот, в конечном счете, сейчас в Киргизии правые элементы господствуют, а Алаш-Орда рукоплещет», – резюмировал Сейфуллин. Особенно ярко это продемонстрировала попытка выставить зеленое знамя западного отделения Алаш-Орды на V республиканском съезде советов, под непосредственным впечатлением которого было написано обращение⁵³.

Об этом же эпизоде и в целом о том, что «искренние киргизские коммунисты, в своем прошлом ни в чем не опороченные, а работающие в Совучреждениях и партийных организациях с самого начала революции... подпадают под деспотизм националистов алаш-ординцев ... и по близорукости и односторонности Крайкома РКП (б) выбрасываются за борт, как ненужные ныне элементы», живописал Сталину и обиженный на провал своей кандидатуры на съезде Джангильдин.

По его мнению, ответсекретарь Крайкома партии В.И. Нанейшвили и 3-й секретарь Н.И. Ежов проявили «односторонний и заблужденный уклон ... в сторону интеллигенции алаш-ординцев» и «оказались более националистами», чем они, по-

скольку, «не зная ни обычая, ни права, ни сноровки и ни психологии киргизского народа...не знают никакого политического подхода и слишком верят словам алаш-ординцев... совершенно не соответствуют своим назначениям». Джангильдин дал весьма нелицеприятные характеристики своим конкурентам – С. Ходжанову («отъявленный склочник... создал тесную связь со своими бывшими единомышленниками алашординцами и... открыл фронт исключительно против принципиальных работников киргиз»), а также Садвокасову и Нурмакову как мелкобуржуазным элементам, не имеющим ничего общего с пролетариатом. Сам он принципиально отмежевался от подобных деятелей, как «происходящий из низов и работающий не за страх, а за совесть с самого начала революции в авангарде киргизского пролетариата, как Вам небезызвестно об этом».

Первый казах-большевик настаивал «пока не поздно» отозвать, чтобы обезвредить, секретарей крайкома партии Нанейшвили, Ежова и Ходжанова «в интересах прививки негнилых семян социализма среди киргизской массы», ответсекретарем Крайкома партии прислать на год-два истинного марксиста из центра, «совершенно изолировать» двух последних и распустить старый комитет. Список политически выдержанных и пользующихся доверием национального пролетариата товарищей в новый состав он также был готов предоставить. Симптоматичным выглядит замечание Джангильдина о сохранении у казахов «патриотизма аймака» (отделения). Он выделял «пятиэтажные киргизские патриотизмы» – отделения, родовой, племенной (колен), жузовый («ордынский») и «национальный киргизский», порождающие «страшную вражду среди мелкобуржуазных киргизских элементов». В этих патриотизмах, писал он, Нанейшвили и Ежов «абсолютно не имеют понятия», зато Ходжанов, Садвокасов и Нурмаков «эксплуатируют их и создают бучу»⁵⁴.

Ежов в публикуемом письме вполне откровенно изложил Молотову набравшие силу методы работы с национальными кадрами, подлинные механизмы и мотивы действий которых оставались непонятными для подобного рода руководителей. Об этой тактике Ежова и Нанейшвили по балансированию меж-

ду группами напомнил крайкому партии С. Ходжанов в 1927 г.⁵⁵

Вообще, для некоторых посланцев центра бескрайние казахские просторы могли поначалу показаться удобным краткосрочным трамплином для карьерного взлета на высокие должности в прежней социально-культурной среде. Однако неизбежное погружение в подвижный и мозаичный этнополитический и социокультурный ландшафт, дополнительно запутанный сложным рисунком хитросплетений, ошибок или некомпетентности местных работников и просто объективными трудностями, языковой барьер, как и проблемы адаптации к непривычным природно-климатическим, бытовым и гастрономическим условиям жизни ставили порой даже искренне стремившихся наладить дело и помочь националам «европейцев» в очень тяжелое положение. Кстати, казахи как билингвы имели бóльший потенциал мобильности и адаптивности в течение всего советского периода, поскольку русскоязычные работники весьма редко считали нужным овладевать национальной речью, даже когда власть стимулировала это.

Нужно иметь в виду и организационную перестройку, происходившую в 1920-е годы, которая сопровождалась частой сменой руководства. Состав Киробкома партии с 1921 по 1925 г. увеличился с 14 до 28 чел., с 1921 по октябрь 1924 г. его возглавлял президиум, затем бюро (от 5 до 7 чел.), вдобавок с сентября 1924 г. появился секретариат со своим статусом, а с 5 апреля 1922 по октябрь 1924 г. по решению и назначению ЦК РКП (б) работало еще и Кирбюро ЦК партии, стоявшее над обкомом. Его возглавил сначала упоминавшийся уже В.Г. Юдовский, но вскоре сменил ответсекретарь обкома Г.А. Коростелев, а также входили председатель КирСТО А.И. Вайнштейн, председатель КирЦИКа С.М. Мендешев и председатель КирЭКОСО и заместитель главы правительства В.И. Вельман. За июнь 1921 – февраль 1925 г. первыми, или ответственными секретарями Киробкома партии побывали М.М. Мурзагалиев, М.М. Костеловская, Г.А. Коростелев, В.И. Нанейшвили. Пост второго секретаря в феврале 1922 г. получил А.А. Асылбеков, но через год на эту должность нико-

го не избрали, а еще через год ее восстановили, избрав И.М. Курамысова. Всего за 1920–1938 гг. в республике сменилось 8 первых руководителей парторганов, из них лишь Мурзагалиев в течение одного месяца (январь 1921 г.) представлял титульный этнос (повод для освобождения – совмещение с должностью главы правительства, с января 1923 до середины 1926 г. работал представителем КАССР при СНК РСФСР в Москве). Дольше всех продержались Ф.И. Голощекин и Л.И. Мирзоян (январь 1933 – 1938 г.). При этом все назначенцы Москвы до того вообще не имели отношения к региону (если не считать И.А. Акулова и Г.А. Коростелева, работавших в Оренбурге, и Голощекина, имевшего небольшой и не вполне удачный опыт общения с мусульманами в соседней Башкирии и в Турккомиссии в ТАССР). Структура местных органов партии в эти годы также пережила немало реорганизаций⁵⁶.

Трезвое понимание созревшего уже среди самих националов стремления «стабилизировать кадры» обнаружил между тем У. Жандосов (О. Жандосов) 22 октября 1925 г.⁵⁷ – после снятия Ходжанова с поста 2-го секретаря Крайкома партии и отъезда в Москву. К этому времени имевший существенный для республики 7-летний стаж партиец прервал учебу в Тимирязевской сельхозакадемии и вернулся в Казахстан, где остро не хватало надежных работников. С конца 1925 г. он являлся членом бюро и секретарем Крайкома партии⁵⁸. Признавая тактические ошибки Ходжанова, Жандосов вместе с тем справедливо не ограничивал оценку дел результатами борьбы группировок. Главное – хозяйственное и культурное возрождение казахского народа в рамках советского строя, подчеркивал он, всемерное использование преимуществ этого строя для национального прогресса, как бы вторя прежним выводам алашординцев. Именно поэтому Жандосов считал, что нужно проводить не осуждение самой постановки национального вопроса, ярко представленной Ходжановым, а неослабно изживать колониальное прошлое, в т.ч. организацией широких масс через советы, хозяйственно-организационной помощью аулу. Он предлагал также связывать автономию как субъект с федерацией в целом «на основе экономических мероприятий сверху и адми-

нистративно-культурных мероприятий снизу, т.е. как раз прямо противоположно тому, что было до сих пор».

Эти задачи, а также просвещение и специализация кадров никак не вязались «с нашими привычками прошлого: переборски, личные связи, групповая склока и т.д. ...мы должны (пусть даже постепенно) переходить к новым методам подготовки выдвижения и распределения сил». Именно данный вопрос он считал камнем преткновения «для всех наших виднейших работников» и предлагал самокритично изменить отношение к сложившейся практике: «простой сговор тут делу не поможет. Необходима и работа над самим собой, и рост политического уровня партийных масс, и связь с массами рабочих и крестьян, и, наконец, это самое главное, практическая работа с добросовестным старательным отношением к ней, с сознанием действительной ответственности за ее выполнение. Коалиции, паритеты, пропорциональное представительство и т.п. способы механического решения задачи едва ли помогут делу, едва ли способствуют оздоровлению и росту наших партийных организаций». Жандосов разумно призывал прекратить перепалки и не развязывать новую группировочную стихию по поводу отзыва Ходжанова, а проявить больше вдумчивого, делового и спокойного отношения к работе⁵⁹.

Вскоре (2 марта 1926 г.) Казкрайком ВКП (б) направил на места письмо «О межнациональных отношениях и группировках внутри партийных организаций», поскольку обнаружили новые подтверждения группировочной борьбы, особенно в ходе перевыборов советов. Трудно было, по признанию руководящего органа, «сказать, кто больше разлагает» – беспартийные представители родов «наши партряды или наоборот». Эти явления наблюдались во всех региональных организациях ВКП (б), а обилие принятых резолюций тоже повсюду не сопровождалось существенными результатами, порождая пессимизм среди партийцев как по поводу возможности решить проблему в силу ее злостной укорененности, так и в отношении действенности принимавшихся решений.

В качестве лекарства от хронической болезни предлагалось различать низовую массу коммунистов, родовыми связями

«спаянную» с беспартийными в ауле (для них назначались «воспитание, пример, еще раз воспитание и пример»), и руководящую часть. В последней проявлялись не только принципиальные расхождения, но и борьба за личное влияние и за власть, и безответственность вследствие отрыва от масс, что порождало доносы, в т.ч. «с групповой целью» и утаивание «дезорганизирующих действий групповых руководителей». Для этой части, наносящей наибольший вред, полагалась ударная доза специальных мероприятий. Среди них собрания актива с обсуждением разногласий, «организация низов для вскрытия» действий группировщиков и давления на них, наказание наиболее отличившихся, вплоть до исключения из партии, деловой подбор кадров и, конечно, отрыв национальных партийных верхов от идеологического влияния Алаш, представителей которого все же разрешалось использовать в советских органах⁶⁰.

Впрочем, положение в Казахстане не было исключением – сходные проблемы давали о себе знать во многих автономиях (Крым, Киргизия, Татарстан, Бурят-Монголия, Юго-Осетия, Каракалпакия, Дагестан)⁶¹, где культурная и социально-политическая консолидация этнических общностей была далека от завершения, а радикальные советские преобразования делали ее скачкообразной и потому еще более противоречивой и болезненной. К тому же, еще в начале 1920-х годов из разных мест в Москву поступали выводы о сходных проблемах: один из корреспондентов писал о впечатлениях, полученных на Урале: «...сплошь и рядом у нас здесь господствует система выдвигания креатур при “единоличии в управлении”...»⁶².

Чтобы, наконец, разобраться в ситуации и как-то покончить с нескончаемой и утомительной для всех борьбой, контрольная комиссия еще с осени 1925 г. попробовала основательно исследовать истинные причины беды и найти методы ее устранения. Для этого использовались архивные материалы, собирались сведения в устных беседах и письменном виде от самых разных лиц на местах и в краевом центре. Всевозможные усилия, однако, дали с мест «необработанные, в большинстве случаев сырые материалы», а потому комиссия положила на архивы и опять же – на письменные свидетельства краевого и

губернского актива, рассчитывая, видимо, на понимание корреспондентами своей ответственности за предоставленную информацию.

В докладе основные причины возникновения и развития группировок правомерно связывались с особенностями социальных процессов в Казахстане, когда по мере колонизации края усилился культурный прогресс, происходила кристаллизация политических ориентиров интеллигенции и населения в целом. С усилением борьбы за власть росла роль социально-классовых приоритетов в поведении немногочисленных, но разношерстных по происхождению и политическому опыту казахских активистов, вовлеченных в революционные преобразования. Действительно, в таких условиях возникновение противоречий внутри казахских деятелей было неизбежно, а «европейское» руководство оказалось вынуждено использовать всех, представлявшихся сколько-нибудь годными для решения своих задач, пытаясь на ходу разобраться, «кто есть кто» и как-то оптимизировать управление. Выделявшиеся группы (внутри них тоже могли возникать конфликты и альянсы) обозначались по их лидерам, а для их оценки использовались характеристики конкурентов.

Субъективизм в такой ситуации был неизбежен: достаточно ограниченное пересекающееся пространство поступков, смыслов, амбиций, подозрений и недомолвок, взаимных обвинений, противоречивых объяснений одних и тех же событий могло поставить в тупик даже самых опытных аналитиков этносоциальной психологии. Ходжанов, к примеру, группировки объяснял пестрым национальным составом крестьянского населения республики, когда от уклонов не свободен и не гарантирован ни один активный коммунист республики.

Так или иначе, письменные объяснения главных фигурантов, судя по тексту доклада, пестрили взаимными упреками в сходных грехах: карьеризм, неверное толкование и осуществление национальной политики, уклон к «колонизаторству» одних (т.н. мендешевцев) и действия под влиянием националистов-алашординцев других (садвокасовцев). Возникшие в недрах ТАССР группы Рыскулова и Ходжанова добавили остро-

ту и путаницу в борьбу за руководящие посты, особенно в связи с размежеванием Средней Азии. В итоге «в старом Казахстане» победу одержала садвокасовская группа, а в присоединенных областях юга – ходжановская, и к V краевой партконференции⁶³ «садвокасовская группа является преобладающей силой в группировочной борьбе». «Европейцы» при этом становились заложниками любой из групп – неважно, старались они быть «регуляторами», поддерживали ту или иную «идейную платформу» или оставались безразличными.

Контрольной комиссии удалось убедиться, что та или иная группа проводила тактику лавирования, привлекая на свою сторону сторонников идей Алаш о патриархально-родовой социальной иерархии казахского общества для преобладания над конкурентами. По сути, алашординцы вновь оказывались в центре обвинений, поскольку любая группа в той или иной степени, сознательно или нет, но опиралась на них и особенно на их ценностные установки⁶⁴.

Это объяснялось не столько коварством и изощренной хитростью представителей Алаш, сколько объективными характеристиками этнической традиции и политико-правовой культуры, параметрами внутриэтнических взаимоотношений и социальной структуры казахов. Предложения алашординцев о самобытном пути к социализму, опираясь на эти характеристики, были оправданны, но могли увести большевиков, как им казалось, на околицу, далекую от уверенного и победного пути по будто бы ясной марксистской магистрали. Поэтому главные обвинения в национализме и разжигании межнациональной розни, абсолютизации задач коренизации, недоверии к руководящей роли русского пролетариата и возможности советизации аула и пр. адресовались именно алашординцам.

Между тем объединенный пленум Казкрайкома и КрайКК ВКП (б) 29 ноября 1926 г. обсудил положение в бюро Крайкома партии в связи все с той же группировочной борьбой. Главными виновниками объявлялись Ходжанов, уже не работавший в республике, Садвокасов и Мунбаев. Они осуждались за попытки противостоять радикальному слову традиционных социально-экономических отношений в ауле и провести корени-

зацию аппарата пропорционально численности казахского населения, а не по принятому принципу «функциональности». Мунбаев и Садвокасов заявили об отказе от групповой борьбы. Ходжанов уже в феврале 1927 г. в связи с этим решением напомнил крайкому партии о своей, вполне разумной, оценке группировок как карьерных, где политические и родовые факторы играют «обслуживающую роль», а бюро крайкома – как коалиции групп, а не рабочего органа. Объясняя свое участие в группировках активной реакцией на окружающую политическую среду, а не личным творчеством, он напоминал о Рыскулове, который «больше всех подвизался ... в личных группировочных напаках на меня». Аналогичные объяснения в непричастности к событиям после его отзыва из КАССР он вынужден был повторить в письме в Казкрайком от 10 августа 1927 г., признав, между прочим, что Казахстан как следует не знает и проявлял себя во время работы в республике «главным образом, как туркестанец»⁶⁵.

К этому времени в полном соответствии с основными тенденциями борьбы за власть в центре и в республике группировки стали оцениваться по двум критериям – «правые» и «левые». Точно так же и борьба с ними с конца 1925 г. разворачивалась по введенным в Москве стандартам: разоблачения на собраниях и в печати, партийные взыскания, «вплоть до высших мер по отношению руководителей их». Показательным можно считать состоявшийся в 1926 г. процесс над Ж. Аймаутовым, который Садвокасов оценил как политический суд над Алаш-Ордой⁶⁶.

Президиум Казкрайкома ВКП (б) снова обратился к злосчастным группировкам 17 октября 1927 г. Причины их появления назывались все те же, а отказ от них на III пленуме крайкома партии расценивался как закономерное свидетельство роста классового сознания как трудовых масс, так и самих коммунистов. Предлагавшиеся методы дальнейшего очищения от застарелой болезни тоже не отличались новизной – направить «по партийному пути» замеченные разногласия, «углубить, усилить, обратить внимание» и пр. Впрочем, действительно, расширение социальной базы через общественные сети и орга-

низацию бедноты, подготовка новых кадров «из народа» постепенно укрепляли идеологические и организационные установки Советской власти. Позицию «группировщиков» наиболее полно в это время выразил Садвокасов.

Наконец, 3 мая 1928 г. по докладу Казкрайкома ЦК ВКП (б) «изживание группировочной борьбы» тесно связал со всем комплексом форсированного внедрения социализма в республике (ликвидация байства, землеустройство, коренизация советского аппарата, развитие образования и т.д.). Но главный упор уже делался на организационно-хозяйственные задачи⁶⁷. Всего с апреля 1920 по май 1928 г. ЦК партии принял 16 постановлений и писем о парторганизациях республики, и 14 из них были посвящены организационным и этнополитическим проблемам⁶⁸.

В рамках острой борьбы в руководстве ВКП (б) бюро Казкрайкома по данным Контрольной комиссии не могло не обнаружить союзников Троцкого в лице Садвокасова, Султанбекова и Мустамбаева⁶⁹ и подтверждений их националистической линии, связи с Алаш-Ордой и пр. В постановлении от 16 мая 1928 г. они обвинялись в самых странных на сегодняшний взгляд, но очень «своевременных» для разоблачения врагов социализма «блоках» – «слева», «справа» и наоборот⁷⁰. Дальнейшая эволюция методов известна – с конца 1928 – 1929 г., когда с нэпом было покончено. В оправдание тезиса о росте классовой борьбы по мере строительства социализма и для подтверждения масштабов последовательно обнаруживавшихся в центре оппозиций, мешавших утверждению единовластия Сталина, начались аресты и репрессии в разных регионах страны, в т.ч. против алашординцев, а затем и всех остальных.

Как подтверждает публикуемый документ, одной из наиболее сложных задач советского социального проекта было изменение статусных приоритетов, карьерного потенциала. Именно с ее решением связана история борьбы против многочисленных группировок, «центробежных и местнических» проявлений в номенклатурных стратах, отнимавшая столько сил и внимания у руководства страны и республики. Свою роль сыграла также межродовая и межжуровая конкуренция за

доступ к власти и ресурсам, наряду со стремлением части национальной бюрократии и интеллигенции взять реванш за русификацию.

Документ входит в комплекс закрытых писем руководителей Казахского областного (краевого) комитета РКП (б) в ЦК партии 1924–1925 гг., хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Машинописный текст содержит характерные лексические обороты и ошибки, отражающие уровень образования и общей культуры многих партийных работников 1920-х годов.

На первом листе сверху имеется неразборчивая карандашная пометка с поручением зарегистрировать корреспонденцию. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. При сохранении стилистики документа исправлены очевидные орфографические ошибки.

Письмо
секретаря Казкрайкома ВКП (б)
Н.И. Ежова секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову

г. Оренбург

24 августа 1925 г.

Уважаемый Вячеслав Михайлович.

До сего времени по целому ряду вполне уважительных причин не смог написать Вам о положении дел в Крайкоме, согласно переговоров в Москве (болезнь и т.п.), и лишь сейчас после предварительной ориентировки в положении – пишу. Несмотря на то, что тов. Нанейшвили снят и уже имеется у нас официальное решение ЦК, я все же счел необходимым написать письмо и ему, по тем вопросам, о которых мне пришлось говорить с Вами в Москве.

Я думаю, что он к Вам зайдет и будет говорить. Вместе с тем без достаточной обиды для тов. Нанейшвили и установившегося у нас порядка переписки с Секретарями ЦК я считаю возможным написать непосредственно и Вам, имея в виду решение ЦК о переброске тов. Нанейшвили.

Несколько слов по поводу решения ЦК об отзыве Секретаря и присылке тов. Голощекина. Со стороны наличного количества членов Крайкома (многие в отпуску еще) отношение к этому решению ЦК самое хорошее. По правде сказать, мы не мечтали получить для Казакстана столь авторитетного товарища, как Голощекин, а вместе с тем, мы особенно ощущали необходимость в таком товарище. Нам думается, что ЦК как нельзя лучше учел этим решением положение Казакстана. С одной стороны, общая обстановка постоянной групповой грызни между кирработниками, иногда причудливо переплетающаяся с местничеством, мелочностью и т.п. местных организаций, требует твердого и авторитетного руководства, с другой стороны, мы находимся в полосе чрезвычайно больших для Казакстана хозяйственных задач, без решения которых вряд ли мы сможем направить в необходимое русло хозяйственное и политическое развитие Киргизии. Вопросы сельского хозяйства и скотоводства, вопросы промышленности, кооперации, районирования в чрезвычайно тяжелых условиях Казакстана требуют и соответствующего авторитета и твердости и знания от руководителя, и нам думается, что с этой ролью справиться⁷¹ тов. Голощекин, если принять во внимание его прошлую работу. По целому ряду деловых соображений следовало бы ускорить его приезд на работу. Некоторые организационные выводы, частично связанные с приездом т. Голощекина в конце письма, а пока о возможности и необходимости отзыва из Киргизии Ходжанова.

Пользуюсь случаем, чтобы к этому частному вопросу в нашей общей политике написать о политике Крайкома вообще по вопросу об отношении к киргизским группировкам и о борьбе с ними. Для нас этот вопрос является одним из больших в нашей работе, групповая борьба иногда совершенно парализует какую бы то ни было практическую работу, поэтому хотелось бы, говоря об общей политике, на частном примере с Ходжановым знать мнение ЦК в общих принципиальных чертах на этот вопрос. Конкретно, конечно, для ЦК трудно разобраться в каждом отдельном случае, но в общих чертах я полагаю оценку мнения дать можно. Несчастье заключается еще в том, что в руководящей части европейских работников по существу нет определенного мнения по этому вопросу, и все понимают его по-разному (хорошо, если понимают, чаще всего совсем не понимают).

До сего времени политика европейской части Крайкома об отношении к группировкам приблизительно сводилась к следующему. Исходя из того положения, что киргизские группировки не носят под собой принципиальной подосновы и в равной мере и в той, и в другой группе мы можем встретить уклонистов разного порядка, удивив-

тельно уживающихся под одним флагом Мендешевской ли, Ходжановской, Садвокасовской, Рыскуловской и др. группировок, не однажды и на официальных заседаниях Крайкома, и на партконференциях, и наконец комиссией ЦК в прошлом году, бесспорно это положение подтверждалось. Даже такое простое явление, как разделение группировок по территориальному признаку говорит о том, что дело не в принципиальных разногласиях. Принципиальные разногласия могут ведь быть на разных территориях хотя бы по одному тому, что политика Крайкома все же распространяется на всю территорию. С другой стороны, если на той или иной территории и есть отдельные представители территориально противоположной группировки, то он либо переброшен из другой губернии, либо наконец принадлежит к выходцам рода, который в основном осел из другой территории, это обстоятельство наталкивает в некоторой мере на то, что группировки в значительной своей части носят родовой характер, причудливо сочетаясь с чиновными, карьеристическими, территориальными др[угими] интересами. Было бы полбеды, если бы хотя эти группировки делились по тем уклонам, о которых так ярко в своей последней речи говорил тов. Сталин, тогда было бы гораздо легче вести определенную политику между этими группировками. Можно было бы в конце концов с натяжкой остановиться на одной группе, наиболее правильно ведущей свою политику, и на нее опираться, создавая ей и авторитет и все то, что в этих случаях нужно. Растворяя в ней другие группировки. Но дело обстоит не так, и мы этого сделать не можем, т.е. мы не можем опереться на одну какую-либо группу, встав как говорят, «обоими ногами на нее».

По-моему, мы должны искать опору во всех этих группах (опираясь на здоровый элемент их), одновременно и в одинаковой мере ведя борьбу с нездоровыми уклонами в каждой из них, направляя тем самым их деятельность в партийное русло. Так я себе представляю задачи руководящего партийного ядра в Казахстане. Эта политика трудная, но эта политика партийная. Опора на одну группировку без достаточно высоких и целесообразных для партии причин, по-моему, не годится, и этой политикой вряд ли мы изживем группировки. Конечно, гораздо проще и легче, целиком опираясь на одну группу, загнать в подполье другие и т.п. (что между прочим не раз в отдельных местах Киргизии наблюдалось), но этим работу не двинешь и не укрепить партийной организации. Я думаю, такую политику придется вести еще довольно продолжительное время, пока не создастся подлинно большевистская закалка у национальных партий наших окраин (я сужу о Киргизии).

Это вот общий вопрос, на который хотелось бы иметь мнение ЦК.

Так как с этим письмом я очень тороплюсь, может быть, ряд положений не совсем точно сформулированы, но я думаю, В[ячеслав] М[ихайлович], Вы поймете, хотя как раз эту часть письма и следовало формулировать наиболее точно. Паче чаяния, если по этому вопросу понадобятся какие-либо данные для ЦК, я смогу разработать его полнее и конкретнее.

Подходя с точки зрения поставленного вопроса к частному вопросу о снятии Ходжанова, мне оно рисуется в следующем виде. Если мы возьмем положение группировок и их силовое соотношение в конкретной обстановке сегодняшнего дня, то оно мне рисуется приблизительно в следующем виде и сочетании. Беру в основном три группировки (маленькие оттенки той или иной группировки не в счет).

Самой сильной и количественно и качественно является «Восточная» группировка, как ее теперь называют, «Садвокасовская», тот незначительный откол, который от них произошел (Сейфуллина, Асылбекова и другие) в случае серьезной борьбы будут опять с ними, да их и считать не следует.

Вторая по количеству и качеству тоже является группировка «Ходжановская» или «южная», тот незначительный откол от этой группировки, который произошел от них (Тохтабаев⁷², Ескараев⁷³ и др.) не в счет, так как вряд ли эта часть может делать какую-либо погоду, и, наконец, наиболее слабой группировкой во всех отношениях является группировка мендешевская, от которой, кстати сказать, сейчас отходят и уже очень и очень многие отошли. Эту группировку (западную) можно сосчитать по пальцам, в ней остались разве только руководители ее и больше очень мало последователей, они (последователи) могут быть опять в том случае, если эта группировка пойдет в гору, что очень маловероятно, принимая во внимание ее состав.

Дальше. Внегруппировочная часть киргизской организации (я подразумеваю исключительно киргиз) у нас крайне незначительна, и ее двинуть в ход в полной мере не представляется возможным по вполне понятным причинам (слаб состав, мало и т.д.), правда, эта часть постепенно увеличивается. Это вынуждает нас еще длительное время использовать на работе явных группировщиков, пытаясь в процессе работы выработать из них подлинных коммунистов.

Исходя из всего сказанного, мне представляется, что снятие Ходжанова сейчас же немедля без предварительной, достаточной подготовки может значительно повредить делу борьбы с группиров-

ками, с одной стороны, и с другой, вообще поставить нас перед рядом затруднений, которые и придется преодолевать.

Конкретно:

1. Поскольку в основном на снятие Ходжанова настаивают (неофициально) в частной форме Восточная группировка (Садвокасов и др.), причем и между ними по этому вопросу нет особого единодушия, – это снятие может быть истолковано лишь как победа этой группировки.

Да и по существу это так и будет. Со снятием Ходжанова несомненно, увеличивается опасность, при которой мы можем совершенно произвольно опереться лишь на одну группировку (в данном случае Садвокасовскую), конечно, если бы это было необходимо в интересах партии и организации, над этим разумеется, вряд ли следовало бы задумываться, но в этом-то как раз я и не убежден, ведь если говорить даже об уклонах в их конкретной форме, то у Садвокасова вряд ли их меньше, чем у Ходжанова, и вряд ли он спокойнее, чем Ходжанов. Совершенно бесспорно из разговоров мне удалось установить, что сейчас со стороны Садвокасовской группировки намечается приблизительно следующая политика. Принципиально свою оппозицию они обосновывают следующим образом: «Есть два уклона – один правый, другой левый, и есть третья серединка, правоверная, которую возглавляет Садвокасов. Левый уклон – уклон колонизаторский, не учитывающий особенностей киргизской действительности – этот уклон возглавляет Мендешев, и эта группировка с этим нездоровым уклоном. Второй уклон правый – националистический, который возглавляет Ходжанов, который переоценивает национальные особенности». Как видите, совсем по-сталински. Но достаточно проверить факты, как видна совершенная вздорность этих положений, чем лучше Садвокасов со своими уклонами Ходжанова и Мендешева, трудно сказать. И доказать это никак невозможно. Как вывод из этого он ставит вопрос так: «С Мендешевым наполовину покончили. На конференции покончим совсем. В состав Крайкома вводить его не следует. Остался Ходжанов. С ним тоже нужно покончить до конференции, а на конференции тогда будет господствовать наша группа». Расчет, как видите, не лишен известной реальности, в том случае, если бы удалось склонить на это европейскую часть. Если бы это паче чаяния случилось, у нас создалось бы на этой конференции действительно пиковое положение, мы (боюсь этого) вынуждены были бы опереться на эту группировку, т.е. на Садвокасовскую. Отсюда вытекает новая смена работников и т.д. Это обстоятельство не-

избежно, на мой взгляд, приведет к объединению Мендешевской и Ходжановской группировки, недаром сейчас очень многие мендешевцы уже чуть не перекочевали в стан Ходжанова и во всяком случае действуют в «альянсе». Из этого между прочим несколько несерьезные рассуждения о принципиальных разногласиях Ходжановской и Мендешевской группировок, представляющихся по рассуждениям Садвокасова двумя противоположностями, если эти группировки смогут объединиться. Ясно, что все они «лучше». Вот первое соображение и сомнение.

Второе. Если мы снимем сейчас Ходжанова, то к конференции мы будем иметь несомненную оппозицию из Сыр-Дарьи, Джетысуя и Каракалпакии в основном (из др[угих] губ[ерний] будет мелочь, и ее во всяком случае можно исключить). Дело в том, что в этих губерниях общеизвестно, что сидят все ходжановцы! И освежить эти губернии будет очень трудно, кроме того, эта работа длительного порядка. А у нас в этих губерниях не проделано почти ничего, чтобы овладеть хотя бы основные командные высоты, аппарат весь в их руках. Там нужно сменить секретарей, в основном взять организацию в руки, а тогда уже делать соответствующую смену. Стало быть, снятие Ходжанова вряд ли пройдет безболезненно и вызовет целую бучу жалоб в ЦК.

Третье. Если сейчас Ходжанов сидит как на углях, т.е. не ответчик и не оппозиция, и сделать ничего не может, то со снятием вся ходжановская группировка уходит в оппозицию, и т.д. Тогда как сейчас этого нет. И само собой разумеется, будет одно из двух – нужно вести либо такую политику как Сыр-Дар[ьинская] и Джетыс[уйская]. Давить всех ходжановцев (как проделали с Рыскуловцами) и наоборот выдвигать Рыскуловца, Садвокасовцев – в противном случае все время будет Ходжановская оппозиция, которой он с успехом сможет руководить и из Москвы, в то же время организовав Казакстан № 2 в Москве, где тоже будет по возможности тормозить то или иное мероприятие.

В заключение по этому вопросу хочется сказать следующее. В том случае, если все же ЦК решит вопрос о снятии Ходжанова, по моему, предварительно и в последующем следует провести следующие мероприятия. Это, конечно, в большой мере дело Крайкома.

1. Немедленно снять из Сыр-Дарьи Каучуковского⁷⁴ и по возможности перебросить в другие губернии ряд ответственных работников оттуда, дав туда сильного Секретаря и усилив губернию свежими силами работников.

То же самое, но в несколько иной вариации и несколько ослабленном виде проделать с Джетысуйской губернией.

Дело в том, что Каучуковский по общему мнению Крайкома вряд ли справится с задачей ослабления Ходжановского влияния в организации.

2. Принять все меры к тому, чтобы снятие Ходжанова не истолковывалось как борьба со всеми сторонниками, тем самым не дав развертываться Ходжановской оппозиции, с которой в этом случае придется считаться и расправляться, а расправляясь, неизбежно опираться на одну группу.

3. Для этого необходимо (между прочим, для того, чтобы не особенно торжествовала Садвокасовская группировка) Секретарем посадить Ходжановца, нельзя отстранять их от работы, иначе они будут вечно в оппозиции.

4. Снятие Ходжанова провести (и если будут другие) обязательно до конференции, до конференции сейчас же нужно и снять и снимать людей из Сыр-Дарьи.

5. На конференции обновить состав Крайкома с расчетом введения и внегруппировочной части, я подразумеваю некоторых рабочих, работающих ныне в Кирбюро ВЦСПС. Конечно, оставив и основную часть нынешнего состава бюро Крайкома.

Последний вопрос о себе. В[ячеслав] М[ихайлович]. В Киргизии я работаю уже два с половиной года, в архи-тяжелых условиях окраинной национальной обстановки, если учесть то, что я до этого времени работал два года в Татреспублике и год в Марийской области, то мне думается, я имею некоторое моральное право на изменение обстановки.

С приездом тов[арища] Голощекина этот вопрос, по-моему, решить очень не трудно. Я думаю, что до конференции мне следует здесь поработать, иначе т. Голощекину, конечно, будет трудно, а потом он сможет себе подобрать работника, меня же следует отпустить. Я думаю, В[ячеслав] М[ихайлович], что с этой конференции, а еще лучше было бы сейчас (я думаю, придет Голощекин, мы это проведем здесь) следует упразднить третьего секретаря. Меня до сего времени согласно решения Крайкома таким считают, хотя, по-моему, в этом нет никакой нужды.

Правда, это название по существу не внесло никаких изменений, и Орграспредом я заведывал и продолжаю ведать, тем не менее, я думаю, в третьем секретаре никакой нужды нет. Копировать с других без достаточно деловых соображений не следует.

Было бы целесообразно иметь трех Секретарей в том случае, если бы была крепка и велика местная организация, в которой находится центр Киргизии, но этого нет, т.е. генеральный Секретарь, национал,

и Секретарь местной организации (губкома, окружкома). Это обстоятельство еще больше облегчает задачу моего откомандирования.

Перед отъездом из Москвы я подал заявление о командировании меня в Ком[мунистическую] Академию. У меня величайшая просьба, В[ячеслав] М[ихайлович], не препятствовать этому, а помочь мне немного хоть поучиться. Чувствую я себя недостаточно подготовленным, заниматься систематической марксистской учебой на работе нет никаких возможностей, и я думаю (приложу все силы), что мне удастся оправдать надежды ЦК на подготовку работников в Академии.

В том случае, если по каким-либо причинам ЦК не найдет возможным командировать меня в академию, мне бы очень хотелось хотя бы год поработать в Москве, в иной обстановке, где я бы смог немного себя поднакачать, лучше всего это в аппарате ЦК на какой-либо Орграспредовской работе.

На этом кончу.

С коммунистическим приветом Ежов.

24 августа 1925 года.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 29–37.

Машинопись. Подпись – автограф.

¹ *Жабаев Жамбыл* (1846–1945). Нарком Ежов. 1937 г. / перевод К. Алтайского. 1937 г. // Пионерская правда. 1937. 20 декабря № 171 (1989).

² В характеристике Семипалатинского ГК РКП (б) в июне 1923 г. указывалось: «Тов. Ежов умеет укрепить аппарат, различить работника, и не стесняя инициативы, не вмешиваясь в мелочи, умеет дать тон, заставить проводить требуемую им линию. Это проявляется в работе аппарата самого губкома и в руководстве губкома советскими органами. Быстро ориентируется в местных условиях, умеет подойти к организации, взять верный тон и направление, в то же время настойчиво и твердо проводить свою линию. Наиболее целесообразно использование в занимаемой должности» (*Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009. С. 231–232. Цит. по: URL: <http://istmat.info/node/24554>; дата обращения 27.10.2013).

- ³ До 1925 г. казахов называли киргизами, Казахстан – Киргизией, в связи с чем во многих документах эти названия республики используются как равнозначные.
- ⁴ Нанейшвили Виктор Иванович (1878–1940) – член партии с 1901 г., ответственный секретарь Киробкома – Казкрайкома РКП (б) с сентября 1924 по июнь 1925 г. В 1939 г. арестован, 22 марта 1940 г. расстрелян (Москва, Донское кладбище). Реабилитирован в 1955 г.
- ⁵ Голощекин Филипп Исаевич (1876–1941) – член партии с 1903 г., первый секретарь Казкрайкома ВКП (б) с июля 1925 по январь 1933 гг. В 1938 г. арестован и осужден, расстрелян в 1941 г. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1957 г.
- ⁶ Ходжанов Султанбек (1894–1938) – член партии с 1920 г., в 1924–1925 гг. – секретарь Казкрайкома РКП (б). В 1916 г. окончил Остроумовскую учительскую семинарию, год работал учителем в русско-туземной школе в Андижане. Автор одного из первых казахских учебников по математике. В 1917–1918 гг. – сотрудник, зам. редактора алашской газеты «Бирлик туы» («Знамя единения»). В 1918 г. был членом Краевого муссовета Туркестана, во главе которого стояли А.-З. Валидов, М. Чокаев и др. В январе 1919 г. во время Осиповского мятежа совместно с бывшими кадетами, семинаристами и гимназистами с оружием в руках выступил против большевиков. В 1919 г. за контрреволюционную агитацию среди казахов Туркестанского уезда по постановлению угоркома был арестован. В 1920 г. работал в Наркомземе Туркестанской АССР. В 1922–1925 гг. – заместитель председателя ТуркЦИКа, нарком просвещения ТАССР, секретарь ЦК КПТ и Казкрайкома партии. В 1925 г. переведен в аппарат ЦК ВКП (б) ответственным инструктором по национальным республикам и областям. Позднее возглавлял «Союзхлопок», был основателем и первым директором Среднеазиатского хлопко-ирригационного политехнического института. Заместитель уполномоченного Комиссии советского контроля СНК СССР по Узбекистану. Расстрелян 8 февраля 1938 г., 5 мая 1957 г. реабилитирован.
- ⁷ Мурзагалиев Мухамедхафий (1887–1938 или 1941) – член партии с 1919 г. В 1914–1917 гг. участковый агроном с. Александров-Гай Новоузенского уезда Самарской губернии. Со 2-й половины 1919 г. заместитель председателя Урало-Букеевского ревкома, председатель Джамбейтинского уездного ревкома, сотрудник КирВРК. В октябре 1920 г. избран в КЦИК, член коллегии Главкомтруда и нарком внутренних дел КАССР. С ноября 1920 г. одновременно заместитель председателя СНК КАССР и председа-

тель Кир. (Каз.) СТО. В январе – июле 1921 гг. – ответственный (1-й) секретарь Кироблбюро и Киробкома РКП (б). С октября 1921 по октябрь 1922 г. председатель СНК КАССР, в декабре 1922 г. направлен на учебу в Петровско-Разумовскую академию, в 1923–1926 гг. представитель КАССР при СНК РСФСР, затем по июнь 1929 г. нарком финансов КАССР. В 1930–1937 гг. работал в Наркомземе РСФСР. В 1938 г. репрессирован, реабилитирован в 1957 г.

⁸ Арганчиев Сакипгирей Джармаевич (1887 – 1938) – с 1907 г. эсер, член партии большевиков с 1917 г. В 1918–1919 гг. комиссар по национальным делам, член Уральского облисполкома, заместитель председателя коллегии по национальным делам при Уральском областном военно-революционном комитете, работник политотдела 4 армии. С февраля 1920 г. член КирВРК, с апреля одновременно член Облбюро РКП (б) края, с октября нарком соцобеспечения КАССР. С октября 1921 г. председатель Верховного трибунала КАССР. С 1927 г. ректор Алма-Атинского зооветинститута, директор Чимкентского верблюдозавода, Темирской опытной станции животноводства. В 1937 г. репрессирован. В 1958 г. реабилитирован, восстановлен в КПСС.

⁹ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. Алматы, 2007. С. 115.

¹⁰ Например, по разные стороны «баррикад» оказались аргыны Среднего жуза А. Букейханов, Ж. Акпаев, А. Байтурсынов, Х. Габбасов, А. Ермеков и Н. Нурмаков, С. Сейфуллин, О. Исаев, кипчаки М. Чокаев и А. Джангильдин, найманы К. Тогусов и М. Тынышпаев. К Младшему жузу относились Х. и Ж. Досмухамедовы и М. Мурзагалиев. О жузовой и родовой принадлежности казахской элиты см., в частности: *Tomohiko Uyama. The Geography of Civilizations: A Spatial Analysis of the Kazakh Intelligentsia's Activities, from the Mid-Nineteen to the Early Twentieth Century.* Sapporo, 2007. P. 98.

¹¹ См.: Последние дни Сакена // О чем не говорили: документальные рассказы и очерки / сост. Лукина Л.П., Сатыбалдиев Е.А. Алма-Ата, 1990. С. 80; Фрагменты времени // Там же. С. 49; Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: сб. документов. Караганды, 2005. С. 331–333, 368–387.

¹² Рыскулов Турар (1894–1938) – в 1918 г. избирается первым заместителем председателя ЦИК Туркестанской АССР, в марте 1919 г. – секретарь Мусульманского бюро при Крайкоме КПТ, в январе 1920 г. избран председателем ЦИК ТАССР. В августе 1920 г. назначен вторым заместителем наркома по делам национальностей РСФСР, с октября 1924 по июль 1925 г. – представитель Исполкома Коминтерна в Монголии, с 28 мая 1926 г. – 3-й заместитель

председателя СНК РСФСР. Являлся председателем Хлопкового комитета при Экономическом Совещании (ЭКОСО) РСФСР (1926–1930), позднее заместителем председателя ЭКОСО РСФСР, председателем Комитета содействия строительству Турксиба при СНК РСФСР (1927–1930), начальником Главного управления коммунального хозяйства при СНК РСФСР (1930–1931), возглавлял Экспортное Совещание РСФСР (1930–1934), Совет содействия общественному питанию при СНК РСФСР (1930–1934), Комитет кустарной промышленности и промысловой кооперации при ЭКОСО РСФСР (1932–1934) и др. Арестован в 1937 г. Расстрелян 10 февраля 1938 г., реабилитирован в 1956 г., восстановлен в партии в 1957 г.

¹³ Сейфуллин Сакен (1894–1939) – член партии с 1918 г., в 1917 г. создал общественно-политическое и культурное общество «Жас казак» («Молодой казах»), участвовал в издании газеты «Тіршілік» («Жизнь»). В 1921 г. – член чрезвычайной комиссии по присоединению Акмолинской и Семипалатинской областей к КАССР, в 1922 г. назначен заместителем наркома просвещения КАССР и редактором газеты «Еңбекши казак» («Трудовой казах»). С декабря 1922 по апрель 1925 г. – председатель СНК КАССР, 7 апреля 1925 г. назначен председателем академического центра при Казнаркомпросе. В мае 1926 г. назначен заведующим испарта Казкрайкома ВКП (б), в 1927 г. – ректор Кызыл-Ординского института народного просвещения, в 1928 г. – лектор Ташкентского казахского пединститута, руководитель литообъединения казахской молодежи. В 1929 г. доцент кафедры казахской литературы Казахского педагогического института, с сентября 1934 г. — профессор Казахского коммунистического института журналистики. Арестован в 1938 г., расстрелян в Алма-Ате 28 февраля 1939 г., реабилитирован посмертно.

¹⁴ Прием главы ТуркЦИКа Ходжанова в партию в 1920 г. был во многом продиктован его личными достоинствами, столь важными в развернувшейся тогда борьбе между «работниками из коренного населения» и «европейской» группой: «высокое общее развитие среди киргизских работников... энергичность и умение ориентироваться в любой обстановке», подкрепленные словесными уверениями в «желании искренне и честно работать ради интересов пролетариата киргизского населения и советской власти». См.: Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 181.

¹⁵ Асылбеков Абдулла Абдрахманович (Мусапирович) (1896–1938) – член партии с мая 1917 г., окончил начальное татарское медресе в г. Акмолинск, участник восстания 1916 г. в Казахстане, участник

- Гражданской войны. В 1922 г. избран 2-м секретарем Киробкома РКП (б), член Кирбюро ЦК РКП (б), с осени 1923 г. учился в Тимирязевской сельхозакадемии, с 1929 г. – секретарь КЦИК, затем нарком пищевой промышленности, соцобеспечения КССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.
- ¹⁶ Ауэзов Мухтар Омарханович (1897–1961) – окончил учительскую семинарию в Семипалатинске, член партии с декабря 1919 г., в 1919–1920 гг. участвовал в движении Алаш, в начале 1920 гг. заведовал киргизским отделом Семипалатинского ГИК, член Семипалатинского губкома РКП (б), в 1922 г. секретарь КЦИК. Писатель (роман «Путь Абая» и др.), автор трудов по истории казахской литературы и фольклору, академик АН Казахской ССР (1946), лауреат Госпремии СССР (1949), Ленинской премии (1959).
- ¹⁷ Жандосов Ураз (1899–1938) – член партии с 1918 г. В 1920–1922 гг. председатель Семиреченского облВРК, председатель, заведующий отделом по национальным делам облисполкома. Член Семиреченского обкома и исполбюро обкома партии, один из инициаторов создания союза «Кошчи». В 1920 г. – член ЦК КПТ, заведомо агитации и пропаганды ЦК КПТ. В 1923–1924 гг. обучался в Тимирязевской сельхозакадемии, затем руководил экспедицией в Сыр-Дарьинскую и Джетысуйскую губернии по изучению переустройства аула. В 1925 г. – член бюро и Секретариата Казкрайкома партии, с конца 1927 по 1937 г. – нарком просвещения КАССР. Первый директор Казахского сельхозинститута, первый директор Государственной публичной библиотеки Казахстана (1931–1932). В 1937 г. арестован, расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1957 г.
- ¹⁸ Садвокасов Смагул (1900–1933) – член партии с 1920 г., в 1925–1927 гг. нарком просвещения КАССР. Трудовую деятельность начал в 1915 г. учителем аульной школы. В 1918 г. окончил Омское сельскохозяйственное училище. В 1918–1919 гг. – инструктор Западно-Сибирского кооперативного союза. В 1920–1921 гг. – редактор газеты «Кедей даусы» («Голос бедняка»), секретарь бюро Оренбургского ОК РКСМ, редактор газеты «Енбекші жастар» («Трудовая молодежь»). В 1921–1928 гг. – секретарь ЦИК КАССР, полпред ЦИК КАССР в Туркестанской Республике, председатель Плановой комиссии КАССР, нарком просвещения Казахстана, редактор газеты «Енбекші казак» («Трудовой казах»). В 1928–1931 гг. – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, одновременно студент Московского института инженеров транспорта, в 1931–1933 гг. – инженер на строительстве железной дороги Донбасс – Москва.

- ¹⁹ Байдильдин Абдрахман (1891–1931) – в 1921–1922 гг. – член коллегии наркомата земледелия КАССР, редактор газеты «Енбекші қазақ». В 1922–1923 гг. – член президиума Казахского обкома комсомола, редактор газеты «Кызыл ту». В 1923–1925 гг. – секретарь казахской секции Центрального издательства Москвы. В 1925–1926 гг. – заведующий отделом печати Казкрайкома ВКП (б), в 1926–1929 гг. – председатель Центрального правления Союза работников просвещения КАССР. С 1929 г. преподаватель Казахского государственного университета. В 1929 г. репрессирован, в 1931 г. приговорен к расстрелу, реабилитирован в 1990 г.
- ²⁰ Коростелев Георгий Алексеевич (1885–1932) – член партии с 1905 г. Участник революционного движения в Оренбурге. На первой Казахстанской облконференции РКП (б) избран в состав обкома партии. С сентября 1921 по октябрь 1924 гг. – ответсекретарь Киробкома РКП (б), с августа 1922 по октябрь 1924 г. – секретарь Кирбюро ЦК РКП (б), затем отозван, председатель Московской КК-РКИ, член коллегии НК РКИ. В 1930–1932 гг. член партколлегии ЦК ВКП (б).
- ²¹ Алманов Б.А. (1896–1943) – член партии с 1918 г. В 1918 г. – председатель Иргизского укома РКП(б) и уврк, в 1920–1922 гг. член Президиума КЦИК и его секретарь, в 1923–1924 гг. – в аппарате Президиума. В 1925 г. – заместитель председателя акционерного общества «Казторг».
- ²² Кенжин Асфендиар (1887–1938) – учитель, член движения Алаш, член РКП (б) с 1920, один из первых наркомов просвещения КАССР, в 1922 г. уполномоченный КЦИК в Акмолинской области, исключен из РКП (б) на 6 месяцев за национал-уклонизм, в 1924 г. – замнаркома РКИ КАССР, затем нарком просвещения и торговли КАССР.
- ²³ Юдовский Владимир Григорьевич (1880–1949) – член партии с 1903 г., после февраля 1917 г. член Петербургского Комитета РСДРП (б), с октября 1917 г. в штабе Красной Гвардии в Одессе, член губкома партии, с 1918 г. председатель Одесского ВРК и Румчерода (ЦИК советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области), один из руководителей вооруженного восстания и установления советской власти в Одессе. Затем до 1921 г. секретарь Сырдарьинского обкома РКП (б), член ЦК КПТ, в ноябре 1921 г. откомандирован в распоряжение ЦК РКП (б), после снятия обвинений в службе до революции в жандармском управлении решением Политбюро ЦК РКП (б) восстановлен в партии 31 декабря 1921 г. В феврале 1922 г. направлен уполномоченным ЦК РКП (б) в КАССР,

- в апреле введен в состав Кирбюро ЦК РКП (б), в июле освобожден и отозван в распоряжение ЦК РКП (б), в апреле 1923 г. направлен в Главполитпросвет, затем на преподавательской работе.
- ²⁴ Вайнштейн Арон Исаакович (1877–1938) – с 1898 г. член БУНДа, в РКП (б) вступил в 1921 г., в 1922–1923 гг. – заместитель председателя СНК КАССР, председатель КирСТО, член Кирбюро ЦК и обкома РКП (б). С лета 1923 г. до конца 1930 г. член коллегии Наркомфина СССР. С 1931 г. арбитр Госарбитража при СНК СССР.
- ²⁵ Мендешев Сейткали Мендешевич (1882–1938) – член партии с 1919 г. В 1920–1925 гг. – председатель ЦИК КАССР. В 1919–1920 гг. председатель Букеевского губисполкома, с июля 1919 г. член Кирревкома. В 1921 г. член Кирбюро ЦК РКП (б). В 1924–1925 гг. член Президиума ЦИК СССР. В 1926 г. председатель Казпотребсоюза, член ЭКОСО РСФСР до августа 1930 г. в Москве. В 1930–1933 гг. нарком просвещения КАССР, в 1933–1937 гг. председатель Комитета науки при СНК КАССР, в 1937 г. начальник управления заповедниками и охраны памятников старины при СНК КАССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.
- ²⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 333. Л. 5, 95; Д. 313. Л. 3–4; Д. 328. Л. 4; Циркулярное письмо ЦК РКП (б) коммунистам Кирреспублики // Вехи консолидации: из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг.: (к 70-летию Компартии Казахстана): сб. документов. Алма-Ата, 1990. С. 64–66. В более раннем издании оно датируется 15 июня 1922 г. См.: КПСС и Советское правительство о Казахстане, 1917–1977 гг.: сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1978. С. 60–62.
- ²⁷ Дополнительные направления были проведены по решению Оргбюро и в 1923 г. См.: КПСС и Советское правительство о Казахстане ... С. 62–63, 66.
- ²⁸ ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М., 2005. С. 78.
- ²⁹ См. подробнее: Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 108–118, 125–126, 127–167, 172–173, 187–194, 205–208, 217–239, 244–254, 260–273, 279–282; Россия и Центральная Азия. С. 368–387, 415–420.
- ³⁰ КПСС и Советское правительство о Казахстане ... С. 67–70.
- ³¹ Нурмаков Нигмет Нурмакович (1896–1937) – в 1920 г. член Семипалатинского губкома РКП (б), в 1924 г. член президиума Киробкома РКП (б), в 1922–1924 гг. – председатель Революционного трибунала КАССР, председатель Казахского отделения Верховного суда РСФСР, нарком юстиции КАССР, в сентябре 1924 – апреле 1929 г. – председатель СНК КАССР. В 1929–1931 гг. обучался на

- курсах марксизма-ленинизма при Коммунистической академии при ЦК ВКП (б). В 1931–1937 гг. – заместитель секретаря ВЦИК, заведомом национальностей Президиума ЦИК СССР. В 1937 г. арестован и репрессирован, реабилитирован в 1956 г.
- ³² Айтиев Абдрахман (1886–1936) – член партии с 1918 г. В 1917 – 1918 гг. один из организаторов Советов, заместитель председателя Уральского облисполкома, комиссар охраны. В 1919–1920 гг. политрук 25-й дивизии, заместитель председателя и член национальной коллегии Уральского губврк, председатель Лбищенского уездного врк, с февраля 1920 г. член КирВРК, с апреля одновременно член президиума оргбюро РКП (б), член облбюро края. В октябре 1920 г. избран в КЦИК и его президиум. В 1921–1925 гг. – нарком внутренних дел КАССР, председатель Акмолинского губревкома, затем на руководящих должностях в Наркомтруде, Казторге, Центральном музее Каз. ССР, Алма-Атинском госзаповеднике, преподаватель школы ФЗУ.
- ³³ Джангильдин Алиби Тогжанович (1884–1953) – член партии с 1915 г. Окончил Оренбургское духовное училище и Казанскую учительскую семинарию, учился в Московской духовной академии, в 1910 г. оставил ее и предпринял путешествие по странам Европы, Африки и Азии, с 1913 г. работал в отделении Пулковской обсерватории в Крыму. В 1916 г. вернулся в Казахстан, участник восстания в Тургайской области. В декабре 1917 г. назначен СНК РСФСР временным военкомом Тургайской области, в марте 1918 г. избран председателем Тургайского облисполкома. В мае 1918 г. назначен чрезвычайным и военным комиссаром Степного Киргизского края, возглавил военкомат при Тургайском облисполкоме. С июля 1919 г. член КирВРК, замкрайвоенкома. В октябре 1920 г. избран членом ЦИК КАССР и его Президиума, назначен наркомом соцобеспечения (1921–1929) и представителем КАССР в Совете пропаганды и действия народов Востока. В 1925–1927 гг. председатель ЦК крестьянского общества взаимопомощи, в 1925–1929 гг. председатель Казкрайкома союза Кошчи. Впоследствии член КазЦИК и его Президиума, заместитель председателя Верховного Совета КССР.
- ³⁴ ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 146–147.
- ³⁵ Костерин Павел Федорович (1891–1939) – в 1921–1922 гг. – ответсекретарь Вятского губкома РКП (б), в 1922–1923 гг. – заведующий орготделом Ярославского губкома РКП (б), в 1924 г. – секретарь Семипалатинского губкома РКП (б). В 1930-е годы школьный учитель в г. Яранске Кировской области. Репрессирован в 1939 г. Реабилитирован в 1959 г.

- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 12.
- ³⁷ Там же. Л. 11, 22.
- ³⁸ См. доклад секретаря ЦК РКП (б) Я.Э. Рудзутака на Пленуме ЦК РКП (б) о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик 26 октября 1924 г.: ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 242–247.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 31. Л. 22; Оп. 32. Д. 10. Л. 152–153, 156, 158; Оп. 84. Д. 1056. Л. 10; ГАСО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 318. Л. 1–7; Протоколы революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.). Алматы, 1993. С. 66, 76, 167, 173.
- ⁴⁰ Асфендиаров Санжар Жапарович (1889–1938) – окончил Петербургскую военно-медицинскую академию, участник Первой Мировой войны. Член партии с 1919 г. Нарком здравоохранения ТАСССР (1919–1920, 1923–1924), нарком земледелия ТАСССР (1920–1921), заместитель председателя ТурЦИК (1920), заместитель председателя СНК ТАСССР (1923), член коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР (1921–1922), ученый, профессор истории (1927), член Президиума ВЦИК (1925–1927), заместитель секретаря Президиума ВЦИК и секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР (1925–1927), директор Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова при ЦИК СССР (1927–1928), ректор Казахского государственного университета (1928–1931), директор Государственного медицинского института (1931–1933), нарком здравоохранения КазАССР (1931–1933), заместитель наркома просвещения КазАССР (1933–1933), первый заместитель председателя Казахской базы АН СССР (1932–1937). Арестован в 1937 г., в 1938 г. расстрелян, реабилитирован в 1958 г.
- ⁴¹ В октябре 1924 г. решением Политбюро ЦК РКП (б) утвержден членом временного партбюро Каракиргизской АО.
- ⁴² В сентябре в Ташкенте состоялись запрещенные вскоре «большие демонстрации и манифестации степных киргиз», требовавших присоединения города к КАСССР. Смирившись с неудачей, туркестанские казахи вместе с представителями КАСССР пытались добиться предоставления в Ташкенте помещений для центральных учреждений КАСССР. Одновременно среди возможных столиц казахской автономии стали обсуждаться Чимкент, Аулие-Ата, Ак-Мечеть, Казалинск и Алма-Ата. См.: ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. С. 212–213, 218, 238; Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 247–248.
- ⁴³ Кзыл-Орда, с 1925 г. столица КАСССР.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 455. Л. 8; ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. С. 252–255.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 2–4.

⁴⁶ КПСС и Советское правительство о Казахстане ... С. 72–74.

⁴⁷ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 251. Интересно, что оставшийся не у дел Б. Каратаев свои обиды попытался выместить предоставлением обширных свидетельств контрреволюционности алашординцев, якобы из коварных соображений карьеры и подрыва Советской власти «изнутри» участвовавших в ее органах. В «Кратком очерке истории Алаш-Орды» (не ранее 1929 г.) он обращал внимание на типичные, на его взгляд, особенности казахской психики, приводя наблюдения и выводы как дореволюционных, так и советских работников: «Корысть стала доминирующим стимулом деятельности всех «бас-адамов» (*бас адам* – буквально “главный человек”, имелись в виду старшины, волостные управители и пр. – Д.А.). Психология киргизов развратилась настолько, что без подкупов и взяток у них ничто не делается и не творится. Никакой общественной деятельности и никаких общественных надобностей или пользы для них не существует». Каратаев подчеркивал актуальность вывода, что «без сомнения, угнетенное положение киргизов при царизме выработало в них психику хитрых рабов. Они вынуждены признавать власть-силу. Они говорят: кто нас не режет, кто нас защищает – с тем мы. Но выбирают, кто сильнее» (ЦГА РК. Ф. 1227. Оп. 1. Д. 7. Л. 10–11, 30. Выражаю благодарность за предоставление настоящего документа канд. ист. наук О. Кобыратбаеву).

Взаимосвязь между системой управления и укоренением негодных способов борьбы за власть подтверждается и другими примерами. Присяжный поверенный Е.А. Самойлов, 8 лет проработавший членом Семипалатинского окружного суда, юрисконсульт местного переселенческого управления, признавал в 1919 г., что царское правительство «уничтожало не только самобытность, но и весь киргизский народ», использовало межродовую борьбу и поощряло ее в своих интересах. В результате «власть получила характер азиатской деспотии, а народ развращался подкупам, насилиями и несправедливостью, лежавшей в основе управления. ... наш суд был жестокой игрушкой в руках киргизских главарей». См.: ГА РФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6в. Л. 124–126.

⁴⁸ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 215–217, 141.

⁴⁹ См.: Там же. С. 134.

⁵⁰ Там же. С. 143.

⁵¹ *Кыдыралина Ж.У.* Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX в.). Астана, 2008. С. 113.

- ⁵² Мынбаев Жалау (1892–1929) – рыбак, грузчик, после февраля 1917 г. избирался в совет рксд Адаевского уезда, участвовал в борьбе против интервентов, армий ген. Железнова, атамана Толстова, в 1920 г. заместитель председателя Адаевского исполкома, начальник уездной милиции в 1921 г., предуревкома, член КЦИК, председатель Уральского гик, член бюро Уральского ГК РКП (б) в 1925 г., председатель ЦИК КАССР, уполномоченный представитель КЦИК на строительстве Турксиба, председатель Гурьевского окрика, заместитель управляющего «Союзхлеб» в Алма-Ате (1926–1929).
- ⁵³ Сахара сұңқары: (мемлекет және қоғам қайраткері, жаңа заманғы қазақ әдебиетінің кошбасшысы Сәкен Сейфуллинге арналады). Алматы, 2004. С. 92–98.
- ⁵⁴ Россия и Центральная Азия. С. 415–420.
- ⁵⁵ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 251.
- ⁵⁶ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие: справочник. Алма-Ата, 1990. С. 34–37, 278–283.
- ⁵⁷ В справке Института истории партии при ЦК КП Казахстана – Казфилиала ИМЛ при ЦК КПСС от 18 мая 1961 г. указано, что Ходжанов был отозван в Москву в ноябре 1925 г. См.: Движение Алаш: из истории изучения вопроса: сб. документов и материалов, 1918–2007 гг. Алматы, 2008. С. 34.
- ⁵⁸ Нетривиальную и полезную для осмысления ряда аспектов внутриэтнических и внутриаппаратных процессов в это время статью опубликовал о своем замечательном отце А.У. Джандосов. См.: *Джандосов А.У.* Дихотомия «классового» и «национального» в реформаторской деятельности У.К. Джандосова: историографические и теоретические аспекты (1925–1927 гг.) // У.К. Джандосов и особенности социокультурного развития Казахстана в 1918–1938 гг.: материалы научной конференции, Алматы, 21 мая 2009 г. Алматы, 2010. С. 56–132.
- ⁵⁹ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 196–200. А.У. Джандосов в указанной выше статье также приводит показательные примеры политического прагматизма У. Джандосова и достаточно объективного анализа им специфики социальной психологии и культуры этносоциальных взаимоотношений в казахском обществе.
- ⁶⁰ Там же. С. 205–208. Между прочим, еще в 1920 г. член КирВРК Т.И. Седельников разумно предлагал: «Надо дать ход киргизской неграбительской интеллигенции. Надо перестать приставать к ним с ножом к горлу: “Крестись в коммунисты!” Они сами потихоньку это сделают, но умно, осторожно и целесообразно». См.: «Мнение

- без прикрас»: письмо члена КирВРК Т.И. Седельникова В.И. Ленину, 1920 г. // Исторический архив. 1994. № 4. С. 81.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 191. Л. 18; ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. С. 355–359.
- ⁶² ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 620. Л. 16.
- ⁶³ 1–7 декабря 1925 г., Кызыл-Орда.
- ⁶⁴ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 219–228, 231–234, 261.
- ⁶⁵ Там же. С. 217–219, 245–253. История с Ходжановым имела продолжение: Казкрайком через месяц объяснялся перед Сталиным, доказывая, что обвинения в его адрес относятся к событиям 1926 года, а сам Ходжанов должен, как тогда требовалось, сделать «открытое и честное заявление» с признанием своих ошибок и отказом от группировок (Там же. С. 256–257). Августовское письмо Ходжанова и решение Казкрайкома ВКП (б) см.: Там же. С. 260–266.
- ⁶⁶ Там же. С. 242.
- ⁶⁷ Там же. С. 267–269; КПСС и Советское правительство о Казахстане ... С. 90–94; *Садвокасов С.* О национальностях и националах // Большевик. 1928. № 1. С. 56–64.
- ⁶⁸ Подсчитано по: Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. С. 226–228.
- ⁶⁹ Мустамбаев Идрис Мустамбаевич (1898–1937) – в 1924–1925 гг. – прокурор Акмолинской области, в 1928 г. – председатель Сыр-Дарьинского ГИК, член ЦИК СССР. Затем директор геологоразведочного института. Расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1991 г.
- ⁷⁰ Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. С. 279–280. См. также: Справки Института истории партии при ЦК КП Казахстана – Казфилиала ИМЛ при ЦК КПСС «О Ходжанове Султанбеке», «О Садвокасове Смагуле» от 18 мая 1961 г. // Движение Алаш. Т. 4. Алматы, 2008. С. 34–40.
- ⁷¹ Так в тексте.
- ⁷² Тохтабаев (Токтыбаев) К.Д. (1892–1937) – деятель Алаш-Орды. В 1927–31 гг. член коллегии Наркомзема КАССР. С 1931 г. – представитель Казпредставительства в Москве.
- ⁷³ Ескараев Сулеймен (1897–1938) – член партии с 1918 г., в 1923–1925 гг. – председатель Сырдарьинского облисполкома, зав. орг. отделом Сырдарьинского губкома РКП(б). В 1921–1922 гг. – заместитель начальника Ташкентской областной ЧК, в 1922–1923 гг. – замсекретаря партколлегии ЦК КПТ. В 1925–1928 гг. – нарком внутренних дел КАССР, в 1928–1930 гг. – начальник Оренбургской краевой школы милиции, в 1930–1933 гг. учился в Московской плановой академии, в 1933–1935 гг. работал председателем Карагандинского облисполкома. В 1936 г. – первый прокурор Ка-

захской ССР. Арестован в 1937 г., расстрелян в Алма-Ате в 1938 г., реабилитирован в 1957 г.

⁷⁴ Каучуковский Григорий Данилович (1898–1942) – член партии с 1917 г., в 1925 г. ответственный секретарь Сырдарьинского губкома РКП (б). В 1918 г. – секретарь Симбирского горкома РКП (б). Репрессирован в 1938 г.

**ГРИМАСЫ ТЛЕЮЩИХ ЭТНОФОБИЙ:
КАК ПАРТИЯ РЕАГИРОВАЛА НА СОБЫТИЯ
24–26 ОКТЯБРЯ 1981 Г. В Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ**

В подборку включены три документа из фонда № 89 Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). У этого фонда есть своя особая история: он был сформирован из документов аппарата и руководящих органов ЦК КПСС для передачи в Конституционный суд Российской Федерации, где весной – летом 1992 г. проходили судебные заседания, посвященные т. н. процессу над КПСС. По окончании процесса документы были рассекречены и переданы на открытое хранение в Центр хранения современной документации (ЦХСД), позднее переименованный в РГАНИ.

Как известно, решение об организации суда над Коммунистической партией Советского Союза было принято после провала путча 1991 г. и указов президента РФ Б.Н. Ельцина о запрете деятельности КПСС. По каким критериям отбирались документы для этого судебного разбирательства, вряд ли представляется возможным установить – прежде всего, из-за отсутствия информации о ходе и характере подготовительной работы к процессу над компартией. Впрочем, совершенно очевидно одно: документы, включенные в фонд, явно представляли особую историческую и научную ценность для осмысления механизмов функционирования системы высшего партийного руководства, согласования и принятия решений в наиболее уязвимой и сложной сфере внутренней жизни страны – этнонациональной. По-видимому, выбор документов, касающихся т. н. национального вопроса, диктовался и стремлением обнародовать наиболее актуальные для новой России сюжеты из недавнего прошлого...

Три документа из восемьдесят девятого фонда имеют отношение к событиям эпохи позднего брежневского застоя, а именно, к массовым беспорядкам 24–26 октября 1981 г. в сто-

лице Северо-Осетинской АССР, городе Орджоникидзе, спровоцированным убийством таксиста-осетина в районе проживания ингушского населения. Вообще-то эпоху застоя принято считать спокойной: возможно, потому, что на фоне предыдущих эпох она действительно производила впечатление бесконфликтной и даже стабильной. Однако это впечатление крайне обманчиво, поскольку во многом сложилось из-за дефицита информации, вызванного, в свою очередь, традиционной закрытостью советского общества, политикой тщательной фильтрации текущих новостей сквозь сито идеологических табу. А в стране, где доминировала доктрина пресловутой «дружбы народов», как известно, не могло быть места межэтническим антагонизмам и, уж тем более, насильственным конфликтам. К чему привела практика тотального замалчивания чрезвычайных событий (требующих не только незамедлительной реакции и безотлагательных мер со стороны государства, но и внятной общественной оценки), все смогли увидеть спустя 11 лет после беспорядков в Орджоникидзе, когда в 1992 г. в Пригородном районе Осетии вспыхнул вооруженный осетино-ингушский конфликт¹. Поскольку история этого конфликта (включая и его «прелюдию») весьма обстоятельно исследована, обратимся к анализу действий высшего партийного руководства, предпринятых в связи с произошедшими на Северном Кавказе в октябрьские дни 1981 г. событиями.

Первое, что обращает на себя внимание, – запоздалый характер реакции со стороны аппарата, Секретариата и Политбюро ЦК КПСС: прошло около трех месяцев, прежде чем верховная партийная власть выразила свое отношение к событиям в Орджоникидзе. Возможно, это из ряда вон выходящее происшествие застало Старую площадь и Кремль врасплох. Но скорее всего, затягивание с принятием решений было вызвано стремлением детально разобраться в сложившейся на Северном Кавказе ситуации и как можно более решительно на нее отреагировать.

Забегая вперед, заметим, что в год подготовки к празднованию 60-летия СССР КПСС пришлось признать наличие существенных проблем в межэтнических отношениях. Во всяком

случае, в программном докладе на торжественном заседании 21–23 декабря 1982 г., посвященном юбилею страны, новоизбранный генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, провозгласив тезис о «решении национального вопроса» в СССР, сопроводил его следующим пассажем: «Вместе с тем сохраняются национальные различия, обусловленные фактом существования в рамках единого государства множества наций и народностей». Генсек не захотел говорить о реальных проблемах советской «многонациональности», но все же оставил небольшой люфт для возможных непредвиденных ситуаций...

Первые годы перестройки не только подтвердили наличие признаков неблагополучия в этнонациональной сфере, но и с пугающей наглядностью продемонстрировали, что факт существования в едином государстве множества национальностей – при наличии массы нерешенных в этой области проблем – таит в себе опасный конфликтогенный вирус: 4 апреля 1986 г. произошли столкновения на «межнациональной» почве в столице Якутской АССР, а 17–18 декабря вспыхнули массовые беспорядки с националистическим окрасом в столице Казахской ССР Алма-Ате². Эти конфликты требуют упоминания хотя бы потому, что два из трех анализируемых документов, вне сомнения, обязаны своим появлением не только пятилетней давности событиям в городе Орджоникидзе, но и этим «свежим» вспышкам межэтнической розни.

Первый документ, датированный январем 1982 г., создан на излете брежневской эпохи. Два других, датированные январем 1987 г., относятся к началу горбачевской эры. Между ними пролегли пять лет, спрессовавших короткие периоды правления Ю.В. Андропова и К.У. Черненко, а также начало эпохальных перемен в стране, известных под собирательным термином «перестройка». В эти пять лет верховной власти было явно недосуг заниматься урегулированием «национальных» проблем...

Однако вернемся к анализируемым документам. 12 января 1982 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС по идейно-политическому, интернациональному воспитанию

трудящихся». На следующий день, 13 января документ был передан в Политбюро ЦК КПСС на утверждение. Еще одним днем позже Политбюро приняло постановление, которое было отправлено на секретное хранение. Таким образом, текста этого постановления не видел никто, за исключением узкого круга посвященных лиц. Можно лишь предполагать, что его текст был во многом идентичен документу, утвержденному 12 января 1982 г. Секретариатом.

Второй документ датирован 8-м января 1987 г. и представляет собой выписку из протокола заседания Секретариата ЦК КПСС. На заседании обсуждались результаты проверки, проведенной в Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР по выполнению постановления Политбюро ЦК КПСС от 14 января 1982 г. Проверке, помимо северо-осетинского обкома, подверглась также работа чечено-ингушского обкома партии: ведь речь в документах шла не только об осетинском, но и об ингушском населении Северной Осетии. К тому же, межэтнический климат в Чечено-Ингушетии на протяжении многих лет постоянно омрачался серьезными инцидентами (достаточно вспомнить события 1958 г. и 1973 г.).

Судя по содержанию проекта первого постановления Секретариата, Северо-Осетинскому обкому предстояло проделать работу по выполнению решений высшего партийного руководства к 1-му октября 1982 г. Пункт постановления о замене первого секретаря республиканского обкома КПСС был выполнен немедленно. Новым руководителем партийной организации автономии стал В.Е. Одинцов. Мы не располагаем информацией о результатах работы обкома и о том, была ли осуществлена проверка. Возможно, внезапная кончина в ноябре генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного совета СССР Л.И. Брежнева и последовавшая вслед за этим чехарда со сменой генсеков помешали этому. Надо было случиться новым конфликтам на «межнациональной» почве, чтобы высшее руководство партии вернулось к рассмотрению национального вопроса! В соответствии с установившейся в недрах ЦК КПСС бюрократической традицией, к каждому важному документу директивного характера, как пра-

вило, прилагались дополнительные материалы в виде аналитических докладов или иницилирующих записок. Третий из документов представляет собой аналитическую записку на семи листах – плод совместной работы отделов организационно-партийной работы, пропаганды и административных органов ЦК КПСС. Записка посвящена результатам выполнения постановления 1982 г. Этот документ в виде директивы был разослан по нескольким национальным регионам, включая и союзные республики (в обкомы Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Дагестанской, Кабардино-Балкарской АССР, а также в ЦК компартии Казахской ССР). События в стране развивались таким образом, что генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев и члены Политбюро были вынуждены вплотную заняться «национальными» проблемами. В этот момент уже началась подготовка к пленуму ЦК КПСС, на котором планировалось обсудить национальный вопрос.

Первый и единственный в истории КПСС специально отведенный этому вопросу пленум ЦК состоялся 19–20 сентября 1989 г. Выступая перед членами и кандидатами в члены Центрального Комитета КПСС с докладом «О национальной политике партии в современных условиях», генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев признал факт неблагоприятия в «национальной» сфере. Он заявил: «Сегодняшнюю ситуацию в межнациональных отношениях нельзя оценить иначе как весьма сложную. Один за другим всплыли на поверхность нерешенные здесь вопросы, дали себя знать допущенные за многие десятилетия ошибки и деформации, вспыхнули тлевшие годами межнациональные конфликты»³. Впрочем, запоздавшее признание генсека мало что могло изменить, поскольку джин уже выбрался из бутылки... Партия, по всей вероятности, недооценила степень опасности, таящейся в самом непредсказуемом и взрывоопасном сегменте советского общества, за что в конечном итоге поплатились все без исключения народы бывшего СССР...

№ 1

**Постановление Секретариата ЦК КПСС
по поводу беспорядков 24–26 октября 1981 г.
в городе Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР,
12 января 1982 г.**

Ст-45/3с
от 12.1.1982 г.

О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудящихся

протокол № 45 заседания Секретариата ЦК КПСС.

ЦК КПСС отмечает, что Северо-Осетинский обком партии не удовлетворительно выполняет постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», допускает крупные недостатки в идейно-политическом и особенно интернациональном воспитании трудящихся. Идейно-воспитательная работа партийных организаций по-прежнему страдает формализмом, словесной трескотней, зачастую не связана с конкретной обстановкой, слабо направлена против таких чуждых социализму уродливых пережитков прошлого, как проявления национализма, взяточничество, стяжательство, тунеядство, пьянство, хулиганство, нарушения трудовой дисциплины и общественно-порядка.

Обком, Орджоникидзевский горком, райкомы КПСС, первичные партийные организации не проявляют должной заботы о создании здорового морально-психологического климата в многонациональных коллективах, особенно в отношениях между осетинами и ингушами. Серьезные упущения и ошибки имеют место в воспитании молодежи, прежде всего, студентов, учащихся школ и профессионально-технических училищ. В республике не принимаются необходимых мер по пресечению противозаконных действий религиозных объединений, шейхов, мулл, вредного влияния их на отсталую часть населения. В деле интернационального воспитания трудящихся, преодоления националистических и религиозных предрассудков принижена роль республиканских и районных газет, местного радио и телевидения. Зачастую в стороне от этой работы стоят пропагандисты и агитаторы, лекторские группы партийных комитетов, организации общества «Знание», культурно-просветительные учреждения.

Многие руководящие партийные и советские работники республики редко бывают на предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах, учебных заведениях, глубоко не вникают в деятельность трудовых коллективов, не принимают личного участия в воспитании людей, плохо связаны с активом. Отдельные руководители не только не показывают примера в борьбе с проявлениями национализма, но порой сами заражены националистическими настроениями, допускают элементы национальной кичливости и чванства. В результате принижения требовательности к партийным организациям, к кадрам на многих участках работы ослаблена производственная и трудовая дисциплина. Имеется немало фактов, когда коммунисты не занимают активных позиций в борьбе с недостатками, поддаются отсталым настроениям.

Партийные, советские и административные органы Северо-Осетинской АССР ослабили внимание к вопросам укрепления социалистического правопорядка. В последние годы здесь значительно увеличилось количество убийств, грабежей, разбойных нападений. Возросла групповая преступность, особенно среди подростков. Административные органы неэффективно ведут оперативную и розыскную работу, допускают волокиту в расследовании преступлений. Не принимаются необходимых мер к активизации административных комиссий исполкомов местных Советов, добровольных народных дружин. В республике не ведется должной борьбы со спекуляцией, хищениями социалистической собственности. Свыше 8 тысяч трудоспособных граждан не заняты в общественном производстве. Многие из них ведут паразитический образ жизни, что разлагающе действует на определенную часть населения.

Обком партии и его первый секретарь т. Кабалоев Б.Е.⁴ не сделали практических выводов из постановления ЦК КПСС от 13 марта 1973 года «Об антиобщественных националистических проявлениях в г. Грозном», примиренчески относятся к проявлениям национализма, не дают должного отпора их инициаторам и участникам. В селах Октябрьском, Камбилеевском, Чермен Пригородного района неоднократно собирались многолюдные сборища, на которых высказывались националистические требования о насильственном выселении ингушей за пределы республики, распространялись провокационные листовки. Располагая данными об этих фактах, обком КПСС не давал им политической оценки, ограничивался общими призывами об укреплении дружбы народов. За последние годы в республике не был привлечен к ответственности ни один из подстрекателей националистической деятельности, что создавало для них обстановку безнаказанности.

Дело дошло до того, что 24–26 октября 1981 года группа экстремистски настроенных лиц спровоцировала часть осетинского населения города Орджоникидзе на антиобщественные действия. В качестве непосредственного повода к этому послужило убийство в ингушском селении осетина Гаглоева К.И., а также несколько других преступлений. Подстрекаемые националистическими призывами, бесчинствующие элементы, среди которых было немало тунеядцев, пьяниц, наркоманов и лиц, ранее судимых, нападали на общественные и государственные учреждения, пытались дезорганизовать работу городского транспорта, допускали оскорбительные выпады и угрозы в отношении жителей ингушской национальности. В течение нескольких дней нормальная жизнь города и работа на отдельных предприятиях была нарушена.

Центральный Комитет КПСС постановляет:

1. Признать неудовлетворительной, запущенной работу бюро Северо-Осетинского обкома партии и его первого секретаря т. Кабалоева Б.Е. по идейно-политическому и интернациональному воспитанию трудящихся республики.

За крупные недостатки в руководстве областной партийной организацией освободить т. Кабалоева Б.Е. от обязанностей первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС.

2. Потребовать от обкома, Орджоникидзевского горкома, райкомов партии в кратчайший срок устранить недостатки, отмеченные в настоящем постановлении. Обеспечить коренное улучшение идеологической работы среди всех слоев населения, давать решительный отпор любым проявлениям национализма, строго пресекать подстрекательские действия, направленные на разжигание национальной розни. Последовательно и неуклонно руководствоваться указаниями Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л.И., данными на XXVI съезде партии, о том, что «КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов... Священный долг партии – воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине»⁵.

В идейно-воспитательной работе глубоко раскрывать сущность ленинской национальной политики КПСС, общность коренных интересов народов СССР, придать интернациональному воспитанию конкретный и целенаправленный характер, уделять первостепенное вни-

мание вопросам укрепления дружбы между трудящимися всех национальностей, проживающих в республике, особенно между осетинами и ингушами. Усилить воспитательную работу среди молодежи, формировать у всех юношей и девушек преданность социалистической Родине, делу Коммунистической партии, непримиримость к буржуазной идеологии и морали, к националистическим пережиткам. Более активно вести антирелигиозную пропаганду среди населения, добиваться преодоления вредных обычаев.

3. Предложить обкому КПСС устранить имеющиеся недостатки и ошибки в работе с кадрами, повысить спрос с руководителей за порученное им дело, за создание во всех трудовых коллективах здоровой морально-психологической атмосферы. Настойчиво формировать у руководящих кадров высокие идейно-политические качества, воспитывать их в духе партийной принципиальности, политической бдительности, непримиримости к любым проявлениям национальной кичливости и чванства. Обеспечить неуклонное выполнение требований XXVI съезда КПСС о том, чтобы руководители повседневно общались с массами, не по документам, а из личного опыта знали, чем живут рабочие, крестьяне, интеллигенция, знали их запросы и интересы, активно влияли на настроения людей.

В кадровой работе исходить из того, что все нации, проживающие в республике, имеют право на должное представительство в ее партийных и государственных органах, при строгом учете деловых и политических качеств каждого работника.

4. Обязать обком, горком, райкомы партии улучшить руководство первичными партийными организациями, повысить их роль и ответственность за состояние идейно-политического и интернационального воспитания трудящихся, укрепление трудовой и производственной дисциплины, выполнение планов хозяйственного и культурного строительства.

5. Обязать Северо-Осетинский обком КПСС, Совет Министров Северо-Осетинской АССР принять решительные меры к укреплению кадрами и всемерному улучшению работы органов милиции, суда и прокуратуры, повысить требовательность к ним за состояние борьбы с преступностью, нарушениями общественного порядка, за сохранность социалистической собственности. Поднять в этом деле роль партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, советских органов, трудовых коллективов, добровольных народных дружин, товарищеских судов. Считать неотложной задачей партийных, советских, административных органов усиление борьбы с туеядством,

выявление и привлечение к общественно-полезному труду всех лиц, которые не работают без уважительных причин.

6. Протоколно. Обратить внимание прокурора РСФСР т. Кравцова Б.В.⁶ на неудовлетворительный надзор за расследованием дел об убийствах и других тяжких преступлениях в Северо-Осетинской АССР и обязать его устранить допущенные недостатки в этом деле.

7. Протоколно. Учитывая просьбу местных партийных и советских органов, поручить Совету Министров СССР рассмотреть вопрос о временном ограничении, в порядке исключения, прописки граждан, прибывающих на постоянное жительство в Пригородный район Северо-Осетинской АССР.

8. Протоколно. Поручить МВД СССР (т. Щелокову)⁷ принять дополнительные меры к изъятию огнестрельного и холодного оружия, незаконно хранящегося у населения Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР.

9. Настоящее постановление обсудить на пленуме Северо-Осетинского обкома КПСС.

10. Обязать Северо-Осетинский обком партии доложить ЦК КПСС о проделанной работе по выполнению данного постановления к 1 октября 1982 года.

11. Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что Северо-Осетинская областная партийная организация, имеющая славные революционные, боевые и трудовые традиции, в короткие сроки сумеет устранить недостатки, отмеченные в настоящем постановлении, обеспечит значительное улучшение всей идейно-политической работы, воспитания трудящихся в духе братской дружбы народов СССР, советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Нет сомнения в том, что рабочие, колхозники, интеллигенция Северной Осетии под руководством областной партийной организации, тесно сплоченной вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, добьются новых успехов в осуществлении решений XXVI съезда КПСС, заданий одиннадцатой пятилетки.

12. Внести на утверждение Политбюро.

Секретарь ЦК

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 23. Д. 33. Л. 93–98.

Копия. Машинопись.

№ 2

**Выписка из протокола заседания
Секретариата ЦК КПСС о результатах выполнения
постановления ЦК КПСС от 14 января 1982 г.
в Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР,
8 января 1987 г.**

Ст-35/4с

Сов. Секретно

Центральный комитет Коммунистической партии
Выписка из протокола № 35 заседания Секретариата ЦК КПСС
от 8 января 1987 года.

О результатах проверки выполнения постановления ЦК КПСС
«О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС
по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудя-
щихся» от 14 января 1982 года в Северной Осетии и Чечено-
Ингушетии.

1. Отметить, что Северо-Осетинский и Чечено-Ингушский обкомы партии существенно ослабили работу по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудящихся. Партийные органы в автономных республиках не всегда дают принципиальную оценку имеющимся фактам националистических и других негативных проявлений, ненастойчиво и зачастую формально ведут атеистическую работу, борьбу с религиозными пережитками. В республиках принята роль правоохранительных органов и трудовых коллективов в проведении профилактической работы по предотвращению правонарушений, не создано единого фронта борьбы за укрепление социалистического правопорядка, оздоровления нравственной атмосферы.

Обратить внимание бюро Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского обкомов КПСС и лично первых секретарей этих обкомов т.т. Одинцова В.Е.⁸ и Фотеева В.К.⁹ на проявляемые ими самоуспокоенность и благодушие в этих вопросах. Предупредить т.т. Одинцова В.Е. и Фотеева В.К. о личной ответственности за принятие решительных мер по улучшению идейно-политического, интернационального, атеистического воспитания трудящихся Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР и устранение существенных недостатков в этом деле.

2. Записку отделов ЦК КПСС направить Северо-Осетинскому, Чечено-Ингушскому, Дагестанскому и Кабардино-Балкарскому об-
комам партии, а также ЦК компартий союзных республик (прилага-
ется).

Секретарь ЦК.

*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 23. Д. 36. Л. 1–2.
Копия. Машинопись.*

№ 3

**Аналитическая записка
отделов организационно-партийной работы,
пропаганды и административных органов
ЦК КПСС о результатах выполнения
постановления ЦК КПСС от 14 января 1982 г.,
8 января 1987 г.**

Секретно

Приложение к п. 4с, пр. № 35

ЦК КПСС

О результатах проверки выполнения постановления ЦК КПСС
«О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС
по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудя-
щихся» в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии

В соответствии с поручением отделы организационно-партийной
работы, пропаганды, административных органов ЦК КПСС провери-
ли ход выполнения данного постановления в Северной Осетии и Че-
чено-Ингушетии.

Постановление ЦК КПСС от 14 января 1982 года сыграло важ-
ную роль в оздоровлении морально-политической обстановки в рес-
публиках, улучшении организаторской деятельности местных пар-
тийных органов по идейно-политическому, интернациональному
воспитанию трудящихся, очищении от всякого рода негативных яв-
лений.

Вместе с тем установлено, что в последние годы в работе многих партийных комитетов по выполнению постановления ЦК КПСС произошёл заметный спад, проявляется переоценка достигнутых результатов, притупилась острота и принципиальность при рассмотрении просчетов в воспитании людей.

В 1984–1986 годах зарегистрировано свыше ста националистических проявлений. Среди них избиения и убийства на почве неприязненных отношений между ингушами и осетинами, осквернение русских кладбищ, хулиганские действия по отношению к сельской интеллигенции некоренных национальностей. Многие такие факты партийными органами расцениваются как случайные и остаются без соответствующего реагирования. В Чечено-Ингушском обкоме, например, не вызвал беспокойства тот факт, что за последние годы количество учителей русской национальности сократилось почти на 360 человек, из направляемых в республику медицинских работников половина вынуждена уезжать, не проработав и года.

В Назрановском и Малгобекском районах Чечено-Ингушетии, Пригородном районе Северной Осетии продолжает усиливаться в ряде трудовых коллективов однородность национального состава. В некоторых населенных пунктах все еще действуют отдельные школы для детей по национальному признаку. Дальше разговоров об этих ненормальных явлениях дело не идет.

По-прежнему допускаются существенные недоработки в патристическом воспитании молодежи, подготовке ее к службе в Вооруженных Силах СССР. Хотя в республиках и сделали необходимые выводы из фактов беспорядков, допущенных в воинском эшелоне, следовавшем маршрутом Батайск-Мары, многие призывники о случившемся судят понаслышке и не всегда правильно. В ходе весеннего призыва в военкоматы не явились около 210 человек. Более 17 процентов призывников не имеют среднего образования, каждый пятый не является членом ВЛКСМ, каждый второй не сдал нормы ГТО. Возросло число юношей, освобожденных от призыва по состоянию здоровья.

Обкомы партии, партийные комитеты на местах проявляют неоправданное благодушие в вопросах борьбы с религиозными пережитками. Они недооценивают влияние религии и, в первую очередь, ислама на молодежь, а это влияние по-прежнему велико. Из 400 опрошенных студентов Чечено-Ингушского университета и педагогического института почти 80 процентов ответили, что соблюдают религиозные обряды и праздники, каждый третий назвал себя верующим. О приверженности к исламу заявили в беседе учащиеся 10 класса

Октябрьской школы. Часть учителей Тарской средней школы считает атеистическую работу ненужной или бесполезной. Не занимают воинствующей позиции по отношению к подобным явлениям обкомы ВЛКСМ, комсомольские организации.

Не дается решительного отпора попыткам религиозников управлять семейно-бытовыми отношениями. Среди ингушей, особенно в мюридских общинах¹⁰, участились призывы не родниться с осетинами. Более половины браков лиц чеченской и ингушской национальности заключаются по шариату. Ежегодно в органах загса устанавливается отцовство свыше четырех тысяч детей, родившихся от подобных незаконных связей. С 1982 года были похищены и выданы замуж более 100 учениц 7–9 классов. В состоянии кровной вражды находится свыше 60 тейповых групп¹¹. За последние два года на этой почве совершено три убийства. Опасная конфликтная ситуация сложилась между враждующими тейпами Яндаевых и Хаджиевых-Албановых, проживающих на границе автономных республик.

Причин живучести религии в республиках много, но главные – это лояльное отношение руководящего актива к деятельности религиозников, а также отсутствие серьезной индивидуальной работы с маловоспитанными и запущенными людьми.

Многие руководители-коммунисты из коренных национальностей, их семьи участвуют в различных обрядах, не пытаются ломать религиозные обычаи, то есть фактически уклоняются от участия в атеистической работе. В Чечено-Ингушской АССР, например, для подвоза паломников к «святым местам» ежегодно выделяются десятки служебных легковых автомашин и автобусов. До сих пор местные органы в решении вопросов прибегают к помощи религиозных авторитетов (разрешение споров между семьями, привлечение людей на сельхозработы, субботники).

Проведение атеистической работы осложнилось и в связи с тем, что в последние годы секретарями райкомов КПСС по идеологии избраны преимущественно женщины.

В республиках остается сложной оперативная обстановка. В Чечено-Ингушетии резко снизилась раскрываемость преступлений, в том числе краж – до 54 процентов. Большая часть преступлений совершается с использованием боевого оружия. В Северной Осетии растет групповая преступность. Не произошло коренного поворота в преодолении пьянства и алкоголизма, по-прежнему много пьяных на улицах, около ресторанов, гостиниц и в других общественных местах.

Чрезвычайно острой стала проблема борьбы с наркоманией. Число лиц, состоящих на учете, удвоилось и превысило средний союзный уровень в Северной Осетии в 5, а в Чечено-Ингушетии – в 3 раза. Вместе с тем, органами внутренних дел республик не выявлено ни одного нарушителя, занимающегося сбытом наркотического сырья.

Обкомы партии не предъявляют должной требовательности к административным органам за сокращение и предотвращение правонарушений, слабо привлекают трудовые коллективы, общественность для создания широкого и наступательного фронта борьбы за укрепление общественного правопорядка.

В Чечено-Ингушетии получает распространение такое социально-опасное проявление, как использование наемного труда в хозяйствах лиц коренных национальностей. Только в Ачхой-Мартановском, Сунженском и Шалинском районах выявлено 65 так называемых «батраков». Среди них – алкоголики, ранее судимые, без определенного места жительства. Все они, как правило, завозятся нанимателями из других регионов страны. У Эктумаевых, например, для ухода за личным подворьем, насчитывающим до 500 овец, 27 голов крупного рогатого скота, 29 лошадей, использовались Абрамов, Александров и Соболев. В личном хозяйстве Хашиевых – Павлов из Краснодарского края и Котов из Горького, у Хариповых – неоднократно судимые Костенков и Бондарев. Такие лица содержались даже в хозяйствах секретаря партийной организации, депутата Ореховского сельсовета т. Хачукаева, завхоза школы т. Мурадова.

Неединичны факты самовольного захвата земли, строительства домов-дворцов, хищений сельскохозяйственной техники. В последние годы только в Шалинском районе у неработающих граждан обнаружено в личных хозяйствах 13 тракторов. И хотя лица, использующие наемный труд, государственную технику, имеющие огромные стада и отары, не делают из этого секрета, местные Советы остаются в роли сторонних наблюдателей. Не было дано принципиальной оценки и при рассмотрении аналогичных фактов на бюро Чечено-Ингушского обкома в апреле 1986 года.

В автономных республиках по-прежнему значительная часть населения не занята в общественном производстве, что отрицательно сказывается на морально-политической, нравственной обстановке. Почти 30 тысяч лиц коренных национальностей в Чечено-Ингушетии и более 10 тысяч – в Северной Осетии ежегодно неорганизованно выезжают за пределы республики на сезонные работы. В то же время предприятия промышленности и строительные организации испытывают потребность в рабочих кадрах общей численностью до 7 тысяч

человек. Загрузка имеющихся мощностей на заводах строительных материалов, в консервном производстве составляет от 44 до 69 процентов. Не проявляется должной заботы об организации вторых и третьих смен. Разработанная в Чечено-Ингушетии обстоятельная программа вовлечения населения в общественное производство не была подкреплена энергичной работой партийных, советских, хозяйственных органов и пока мало что дала.

Доля трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве, практически не сокращается и составляет в Северной Осетии почти 13, а в Чечено-Ингушетии 25 процентов, что в 2,5 раза больше, чем в среднем по стране. Эта категория людей оказывается за рамками идеологического, общественного воздействия.

Обкомы партии, советские органы республик не проявляют настойчивости в формировании рабочего класса из числа местных национальностей, сокращается их численность в материальном производстве и, наоборот, увеличивается прослойка в торговле и бытовом обслуживании. В то время как в общей численности трудоспособного населения Чечено-Ингушской АССР удельный вес лиц коренных национальностей составляет 62 процента, среди промышленно-производственного персонала их менее трети, а в торговле – более 70 процентов. Лиц коренных национальностей значительно меньше на инженерно-технических факультетах (например, в горно-металлургическом и нефтяном институтах – 37 процентов), но как и прежде, они преобладают на гуманитарных факультетах (в университетах – от 63 до 80 процентов). Аналогичная картина в техникумах и профессионально-технических училищах. Все это усугубляет решение задачи более полного вовлечения осетин, чеченцев и ингушей в материальное производство.

Несмотря на острую критику, содержащуюся в постановлении ЦК КПСС от 14 января 1982 года, обкомы партии не сумели понастоящему вовлечь в политическую работу в массах руководящий актив. Особенно плохо используются возможности единых политемней. От руководства группами докладчиков партийных комитетов устранились первые секретари. В обкомах, горкомах и райкомах партии нет системы учета задаваемых населением вопросов, критических замечаний и просьб, а также контроля за реагированием на них.

Все это приводит к росту обращений населения республик в центральные органы. В них остро ставятся вопросы кадровой политики, представительства в руководящих органах всех национальностей. За 9 месяцев 1986 года из Чечено-Ингушетии в ЦК КПСС поступило более 3,5 тысяч писем, почти столько же, сколько в областной коми-

тет партии. В 2,5 раза больше, чем за весь 1985 год, получено жалоб по вопросам идеологической работы. Поступает немало писем из Северной Осетии. Сложившееся положение является следствием не всегда глубокого и принципиального рассмотрения обращений трудящихся аппаратами обкомов КПСС.

В преодолении имеющихся недостатков и упущений слабо используются критика и самокритика, расширение гласности. В докладах на пленумах, активах, партийных собраниях редко вскрываются причины негативных явлений, не называются лица, виновные в провале работы. За последние полтора года на пленумах Чечено-Ингушского обкома партии ни разу не прозвучала критика в адрес бюро, секретарей, заведующих отделами обкома.

Особую обеспокоенность вызывает то, что местная печать помещает мало острых статей: преобладают материалы пассивные, безликие, особенно их много в районных и многотиражных газетах. Плохо с действенностью печати. В 1986 году осталось без ответа каждое третье критическое выступление республиканских газет. Не изжиты факты, когда стремление журналистов обнажать недостатки наталкивается на открытое сопротивление руководителей. Так, в августе прошлого года по указанию первого секретаря Наурского райкома партии т. Карагичевой из сверстанного номера районной газеты была снята статья «Червоточина в авторитете» о недостойном поведении директора совхоза «Советская Россия», покровительстве ему руководителей района. Но и по прошествии двух месяцев этот факт так и не был рассмотрен в Чечено-Ингушском обкоме партии. Обком КПСС не предъявляет должной требовательности к печатным органам за тщательный отбор информации. Только за последние два месяца со страниц газеты «Грозненский рабочий» выражено соболезнование 4 лицам, ранее судимым, сообщено о кончине 11 лиц, совершивших в прошлом уголовные преступления. Недостаточная острота и слабая действенность местных газет во многом объясняется тем, что их редакторы не являются членами бюро партийных комитетов.

Вопреки требованиям ЦК КПСС Северо-Осетинский и Чечено-Ингушский обкомы партии не повернули руководящие кадры к активному и инициативному решению социальных вопросов. Они по-прежнему слабо занимаются улучшением условий труда и быта людей, редко бывают в жилых домах, общежитиях, столовых, магазинах. В запущенном состоянии находятся общежития Садонского рудника, Северо-Осетинского управления строительства, хлебозавода № 2 г. Орджоникидзе, некоторые студенческие. В них отсутствовала горячая и даже холодная вода, не были оборудованы кухни, в

антисанитарном состоянии находились буфеты, жилые комнаты. Неприглядный вид имеют многие продовольственные магазины, особенно в сельской местности, некоторые рабочие и студенческие столовые г. Орджоникидзе.

Со стороны руководящих органов Северо-Осетинской АССР проявляется невнимательное отношение к населенным пунктам, где преимущественно живут ингуши и кумыки. В этих селах хуже развит материальная база учреждений культуры, народного образования, сферы обслуживания. Руководители республиканского и районного звена редко встречаются с их жителями. В селении Хурикау Моздокского района, селе Тарском Пригородного района, несмотря на многочисленные решения местных органов, детских, дошкольных учреждений, отсутствуют предприятия службы быта. В кумыкском селе Кизляр на 7 тысяч жителей нет клубных учреждений.

В Чечено-Ингушетии в прошлом году выпуск товаров народного потребления снизился на 14 процентов. Лишь наполовину освоены средства, выделенные на строительство детских дошкольных учреждений, больниц и поликлиник.

Серьезным пороком, поразившим различные уровни производства республик, трудовых коллективов, является стремление выдать необъективную информацию, приукрасить истинное положение дел. Многие партийные работники постоянно отмечали проводимую «значительную работу», ссылаясь не на реальные результаты, а на многочисленные планы мероприятий, совещания, собрания, лекции и т.д.

О результатах проверки информированы бюро обкомов КПСС.
Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС
Отдел пропаганды ЦК КПСС
Отдел административных органов ЦК КПСС

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 23. Д. 36. Л. 3–11.

Копия. Машинопись.

¹ О корнях и природе этого конфликта см.: *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...), его предыстория и факторы развития. М., 1998.

² См.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010.

³ Материалы пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября. М., 1989. С. 14.

- ⁴ *Кабалоев Б.Е.* – советский государственный и партийный деятель, в 1961–1982 гг. первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС.
- ⁵ Цитата из доклада Л.И. Брежнева без купюр звучит так: «КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или сионизм. Мы против тенденций, направленных на стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание».
- ⁶ *Кравцов Б.В.* – советский государственный и партийный деятель, в 1984–1989 гг. министр юстиции РСФСР.
- ⁷ *Щелоков Н.А.* – советский государственный и партийный деятель, в 1976–1984 гг. министр внутренних дел СССР.
- ⁸ *Одинцов В.Е.* – советский государственный и партийный деятель, в 1982–1988 гг. – первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС.
- ⁹ *Фотеев В.К.* – советский государственный и партийный деятель, в 1984–1989 гг. – первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС.
- ¹⁰ Мюридские общины (от араб. «ученик, последователь») – то же самое, что вирды, или вирдовые братства: религиозные объединения последователей мистического учения в исламе – суфизма, возникшие в среде чеченцев и ингушей во второй половине XIX в. Каждый вирд носит имя своего основателя – устаза. Во главе вирда стоит наставник – туркх.
- ¹¹ Тейповые группы (от тейп (тайп) – род) – структурная единица родоплеменной организации чеченцев и ингушей, сохранившаяся по сей день. Члены тейпа самоидентифицируются по имени единого предка.

*Гронский А.Д.
(Минск)*

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. В БЕЛОРУССИИ КАК ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Вряд ли у кого-то может вызвать сомнение тот факт, что в связи с политическими изменениями начинают меняться и остальные сферы жизни. Обычно эти изменения касаются отношения к сфере идей, поскольку именно идеи помогают преодолевать трудности, встающие на пути или изобретать новые, которые якобы нужно преодолеть для достижения светлого будущего. В борьбе за идеологическое доминирование применяются разные методы. Однако один из смыслов этой борьбы можно описать как попытку с помощью навязывания общих ценностей большой группе людей отделить массу «своих» от массы «чужих».

Войны в формировании идей имеют особое значение, т.к. именно война дает возможность черпать примеры трагизма и героизма для эксплуатации в политико-идеологической сфере. Особое значение некоторым войнам придается в период их юбилеев, что можно было наблюдать в 2012 г. по отношению к Отечественной войне 1812 г.

В нынешней белорусской ситуации этой войне «не повезло», ее начали переименовывать, а также подвергать коррекции некоторые устоявшиеся термины, использующиеся для ее описания. В принципе, относиться к прошлому более объективно, чем это было раньше, не так уж и плохо, но грань, где заканчивается объективность и начинается субъективность другого идеологического лагеря, очень тонка. Зачастую все делается по следующему принципу. Событие подвергается переоценке, поскольку оно объявляется слишком мифологизированным; с заявлениями об установлении истины заинтересованная сторона

дает свое субъективное представление о событии. Это новое субъективное представление объявляется объективным, общество начинает его рассматривать как объективное, потому что то, как оно описывается теперь, не похоже на прошлое описание, которое было объявлено субъективным. И мало кому в голову приходит, что новое описание – это такая же субъективность, только с другой стороны. Именно эта «другая субъективность» сейчас формируется в отношении представлений об Отечественной войне 1812 г.

Рассмотрим три момента, связанных с этим событием. Первый – объявление Отечественной войны 1812 г. для белорусов войной гражданской. Второе – употребление (или не употребление) термина «партизаны» и его производных (партизанская война, партизанские действия и т.д.) по отношению к участникам событий эпохи 1812 г. И третье – употребление (или не употребление) собственно названия «Отечественная война 1812 г.».

Начнем с анализа понятия «гражданская война». В современных белорусских околонучных и даже научных публикациях можно встретить утверждения, что Отечественная война 1812 г. является для белорусов не Отечественной, а гражданской. Дескать, белорусы, набранные в русскую армию, воевали с белорусами, добровольно вступившими в армию Наполеона. В связи с этим стоит выяснить, что такое гражданская война. Если просто называть гражданской войной конфликт внутри определенной группы или между группами, тогда стоит говорить о непрекращающейся гражданской войне во всем мире. Значит, участники внутри какой-либо группы или из разных групп должны конфликтовать не просто так. А что же было в Литве и Белоруссии?

В России того времени основной массой населения были крестьяне, и Западный регион исключением не был. Общество белорусско-литовских губерний во время войны или осталось нейтральным (насколько это возможно), или определилось со стороной, за которую они воевали. Наполеона поддержала часть польско-литовского дворянства и горожан. И не потому, что Наполеон хотел какой-то «белорусской независимости», а

потому что поддержавшие Наполеона мыслили себя *поляками*, и все окружающие были уверены в том же. Низы, если и поддерживали Наполеона, желая освобождения от крепостного права, то не выступали за него с оружием в руках. Наборы в литовские полки происходили среди народных низов принудительно, и только польская шляхта, которую современные белорусские историки принципиально называют белорусской, шла в наполеоновскую армию добровольно. Но не по причине своей «белорусской ориентации», а из-за желания восстановить Польшу. Набранные в русскую армию солдаты воевали за Российскую империю. И воевали они не против своих «братьев-белорусов», а против наполеоновской армии, в рядах которой служили изменники присяги. Которые, в свою очередь, тоже воевали не со своими «братьями-белорусами» из русских частей, а с русской армией вообще.

Стоит проанализировать настоящие гражданские войны, например, в Древнем Риме, США в 1861–1865 гг., в России в 1917–1922 гг., в Испании в 1936–1939 гг. и др., чтобы выяснить, что общего у этих событий, и лишь на основе этого сказать, какими признаками должны обладать гражданские войны. Если рассмотреть определения гражданских войн авторами, придерживающимися как более-менее объективных взглядов, так и различных идеологических предпочтений¹, можно выявить некие общие черты, присущие гражданским войнам вообще. Итак, конфликты происходили между носителями высшей власти и их оппонентами, т.е. между правительством (руководством региона) и его противниками, а воевали за то, чтобы захватить власть и управлять с ее помощью, а не тотально уничтожать друг друга. Из этого вытекает, что обе стороны имели некие структуры или элементы структур, которые должны были исполнять функции высшей власти или исполняли их. Для того, чтобы создать аппарат управления (или претензии на него), нужно, чтобы обе стороны обладали политически организованными группами, из которых можно черпать кадры, и которые формировали бы идеологию. Ну, и массовое участие всех слоев общества в конфликте. Причем они участвуют не просто так, по принципу Портоса из «Трех мушкетеров» – «я

дерусь, потому что дерусь», а воюют за идею своего комфортного (или, если более романтично сказать, светлого) будущего. А теперь проверим, имелись ли в наличии эти признаки в западной части Российской империи в 1812 г.

Если рассматривать наличие конфликта между носителями высшей власти и его противниками, то стоит напомнить, что высшая власть находилась в Санкт-Петербурге, т.е. никак не на территории Белоруссии, сколько бы представление о ней не растягивали на соседние регионы любители порасширять белорусские границы. И уж что-то не видно, чтобы кто-нибудь из тогдашних представителей польско-литовской элиты, служившей у Наполеона, или белорусско-литовских уроженцев, служивших в русской армии, стремился установить верховную власть в Петербурге.

Хотя можно сократить представление о гражданской войне до пределов определенного региона как борьбы за власть именно в нем. Тогда стоит рассмотреть, а что же было в данном регионе такого, чтобы отношения внутри него можно было назвать гражданской войной. Если рассматривать наличие конфликта между региональными властями и их оппонентами, то российская администрация из региона эвакуировалась, т.е. конфликта не существовало. Со стороны России вооруженные и политические действия направлялись из центра, находившегося за пределами белорусского региона. Временное правительство Великого Княжества Литовского, созданное Наполеоном, во-первых, было фиктивным, т.е. реальными полномочиями не обладало, а во-вторых, присоединилось к Генеральной конфедерации Королевства Польского, т.е. выступило за возрождение Польши, столица которой также была расположена вне белорусских земель. То есть той вооруженной попытки отобрать в определенном регионе власть у соперника, которая характеризует гражданскую войну, не было. У местной польско-литовской шляхты была лишь попытка отделиться от Российской империи и присоединиться к Польше.

А борьба за высшую власть в регионе между белорусами вообще не выдерживает критики, хотя бы потому, что такими категориями в то время не мыслили. Да и не существовало в

регионе силы, которая, являясь в политическом отношении противником временного наполеоновского правительства, еще и претендовала бы только на контроль над территорией Белоруссии. Т.е., если в лице Временного литовского правительства можно найти хоть какую-то структуру, формально выполняющую функции некой верховной власти или близкие к ним, то аналогичного по функциям их противника не существовало. С другой стороны Временному правительству, как и всей наполеоновской администрации в других оккупированных регионах, угрожала русская армия. Ее нельзя рассматривать как какой-то вариант «белорусов», боровшихся с Наполеоном и своими «братьями», вставшими на его сторону: русская армия не структурировалась по этно-культурным признакам.

Что касается политически организованных групп, которые куют кадры и создают идеи для той и другой стороны гражданской войны, то с этим в 1812 г. тоже проблема. Если признать всевозможные шляхетские сеймики, поддержавшие Генеральную конфедерацию, политически организованными группами, то у противной стороны вообще не существовало политических организаций. То есть местные уроженцы, служившие в русской армии, не формировали политические группы, готовые бороться за власть в регионе.

Остается последний момент, связанный с массовым участием всех социальных групп в конфликте. Причем, напомним, что социальные группы воюют за идею «светлого будущего» для себя. Опять же белорусские уроженцы в русской армии не воевали за то, чтобы после победы над Наполеоном Александр I создал независимую или автономную Белоруссию или объявил о существовании белорусской культуры и языка. А польско-литовская шляхта не воевала за независимую Белоруссию, так как считали эту землю Польшей, а себя – поляками.

Таким образом, общественному мнению в Белоруссии хотят навязать примитивное понимание гражданской войны как любое частное столкновение внутри определенной группы, причем группы, на которую искусственно были перенесены представления из будущего, не существовавшие в 1812 г. Но, если исходить из вульгарных трактовок гражданской войны,

тогда любой конфликт между детьми в стандартной семье нужно рассматривать как гражданскую войну.

Следующим понятием станет термин «партизан» и его производные. В настоящее время мы говорим о партизанах применительно ко всем периодам истории, однако слово «партизан» не такое уж древнее, оно появилось только на рубеже XVIII–XIX вв. В начальный период своего существования оно означало только бойцов армейских летучих отрядов, т.е. партизан – это военный служащий. Например, в воспоминаниях Д.В. Давыдова² очень часто можно встретить слово «партизан» именно в упомянутом контексте. Причем Д.В. Давыдов разделял партизан и местное крестьянское население, называя последнее поселянами. Кроме того, Давыдов иногда называл партизанами не всех партизан (в этом смысле слова), а только ту их часть, которая состояла из солдат регулярной армии. Так, в одном месте своих воспоминаний Давыдов пишет: «партизаны и казаки», отделяя последних – иррегулярные части русской армии – от регулярных (из текста мемуаров можно выяснить, что из регулярных войск в отряде Давыдова были гусары, драгуны, егеря и артиллерия). В конце XIX в. значение этого слова продолжало оставаться прежним³. Соответственно, партизанские действия – это лишь те, которые вели армейские летучие отряды.

Крестьянские отряды, которые начали появляться в 1812 г. в то время к партизанским не относили. Их называли по-разному – кордоны, ополчения, вооруженные поселяне и т.д.

Таким образом, если мы говорим о партизанах в 1812 г. и имеем в виду только армейские отряды, тогда нет смысла заявлять, что партизан в белорусско-литовских губерниях не было. Они были. Ведь тот же Давыдов дошел со своим партизанским отрядом до Гродно. Так что в том, узком смысле слова, партизаны на белорусских территориях существовали. Если же мы говорим о крестьянском сопротивлении в терминах начала XIX в., тогда нужно сказать, что крестьянских *партизанских* отрядов не было нигде в мире, ведь партизанами были только армейские летучие отряды.

Но в данном случае возникает проблема, каким термином обозначить совокупность всех действий (и армейских отрядов,

и крестьян) на оккупированной французами территории. Нужно понимать, что понятие «партизан» для современного читателя, живущего на постсоветском пространстве, связано в первую очередь с представлением о партизанских отрядах времен Великой Отечественной войны. К тому времени данное понятие приобрело сегодняшний расширительный смысл. И все действия в прошлом, похожие на действия советских партизан, стали обозначаться как партизанские. Рассмотрим, что стали понимать под партизанской войной или партизанскими действиями в советское время.

Если обратиться к статье «Партизанская война» в первом издании «Большой советской энциклопедии», то можно сделать вывод, что в это время термин «партизан» уже имел расширительное значение, но отголоски узкого понимания термина еще существовали. Так, партизанская война определяется как «действия отдельных самостоятельных отрядов и частей, организуемых в тылу противника или выделяемых регулярной армией»⁴. Из определения непонятно: те группы, которые организуются в тылу, состоят из отставших и попавших в окружение солдат, или все же из мирных граждан? Однако далее автор пишет, что «героическая борьба русского народа против иноземных поработителей – монголов, немецких “псоврыцарей” [...] поляков, шведов и др. – нередко принимала характер партизанской войны»⁵.

Далее приводятся следующие примеры партизан и партизанских действий: отряды русских крестьян периода Смуты начала XVII в., специальные армейские отряды, выделяемые Петром I во время Северной войны 1700–1721 гг., действия в тылу противника в период Семилетней войны 1756–1763 гг., действия на оккупированных Францией территориях России и Испании в период наполеоновских войн, действия местного населения и специальных отрядов северян против южан на их коммуникациях в Гражданской войне в США 1860–1865 гг., а также действия французов в период франко-прусской войны 1870–1871 гг. По отношению к XX в. (напомним, что этот том энциклопедии вышел в 1939 г., поэтому в нем отражены события только до этого периода) к партизанским действиям автор

энциклопедической статьи относит действия периода Первой русской революции («Восстание и вооруженная борьба московского пролетариата в 1905 г. является яркой страницей в истории революционной партизанской войны»), действия красных в тылу белогвардейских войск во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг. (о белых партизанах автор скромно умалчивает), а также последние на то время события – действия эфиопов в итало-эфиопской войне 1935–1936 гг., деятельность некоторых отрядов республиканцев в тылу франкистской армии в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., и действия китайцев в продолжающемся тогда японо-китайском конфликте⁶. Однако самым значимым примером партизанской войны в советской литературе того времени все же признавали действия периода Гражданской войны, не даром этому посвящена отдельная энциклопедическая статья⁷. Таким образом, энциклопедия в конце 30-х годов относит к партизанским действиям не только активность армейских отрядов, но и мирного населения в тылу противника. Расширенное и «современенное» наполнение термина «партизан» в тот период начинает доминировать.

Если же обратиться ко второму изданию «Большой советской энциклопедии», которое начало выходить после Великой Отечественной войны, то там можно обнаружить, что термин «партизанское движение» окончательно приобрел новый смысл. А именно, «активная национально-освободительная борьба широких народных масс на оккупированной иноземными захватчиками территории против оккупантов и их приспешников, за независимость родины»⁸. Как видим, термин определяется уже исключительно «не армейским» наполнением. Подчеркнуто, что партизанское движение – это активность «широких народных масс». Не буду останавливаться на перечислениях примеров партизанского движения, они в основном совпадают с примерами, которые использовались в первом издании «Большой советской энциклопедии». Только уточню, во втором издании, что совершенно естественно, примерно половина объема статьи посвящена партизанам Великой Отечественной.

В этом же томе второго издания есть статья, посвященная собственно термину «партизаны». Она интересна тем, что фиксирует изменившиеся представления о наполнении термина. Итак, партизанами называются «участники народной войны, лица, добровольно взявшие за оружие и ведущие боевые действия против вторгшегося иноземного захватчика или внутренней контрреволюции, но не входящие в состав регулярных вооруженных сил»⁹. Чтобы не путать новое наполнение со старым, в последнем абзаце сказано: «В военной литературе 18–19 вв., реже 20 в. партизанами назывались также участники небольших подвижных, обычно кавалерийских, отрядов, выделявшихся регулярными войсками для действий в отрыве от главных сил на коммуникациях противника, по его тылам, для расстройств его линий связи, снабжения и т.п. В настоящее время такое употребление термина “Партизаны” вышло из употребления и партизанами называются только участники отрядов, создаваемых самим населением»¹⁰.

Таким образом, в современном представлении термин «партизан» имеет более широкое наполнение, чем в начале XIX в. Употребляя этот термин по отношению к событиям более ранним, чем те, которые произошли в XX в., нужно это постоянно учитывать. Что же касается корректности употребления термина «партизан» по отношению к событиям 1812 г., думаю, что его можно использовать, обязательно предупреждая читателя, что в тот период понятие использовалось в узком значении. Ведь современный читатель воспринимает под понятием «партизанские действия» всю совокупность борьбы в тылу врага на оккупированной территории, поэтому именно такое обозначение тех событий будет доминировать в общественном сознании до той поры, пока наполнение термина снова не изменится.

И в качестве вывода по проблеме «партизан 1812 г. в бело-русско-литовских губерниях». Они в любом случае были. Если мы используем термин в узком значении – как армейских летучих отрядов, то эти отряды доходили до Гродно, т.е. на территории присутствовали. Если мы говорим о современной трактовке термина, т.е. относим к партизанским проявлениям и

крестьянскую активность, тогда тоже нужно признать, что она существовала, пусть и не в большей мере.

Я вообще противник модернизации истории, т.е. употребления современной терминологии по отношению к прошлому, если в прошлом существовали определенные понятия, обозначающие соответствующие явления. Если же и делать такую «модернизацию», то только с оговорками. Однако в некоторых случаях подобная модернизация необходима для создания представлений о ходе исторического процесса. Приведем простой пример с термином «декабристы». Мы говорим о декабристских организациях в 1823 или 1824 г. Но были ли они *декабристскими*, если даже термина «декабрист» не существовало? О *декабристах* можно говорить только после декабрьского восстания на Сенатской площади. А до этого как определять участников тайных обществ, связанных между собой определенными отношениями? Приходится применять термин к тому времени, в котором его не существовало. Т.е. в некоторых случаях от модернизации истории никуда не деться, но когда это происходит, лучше оговаривать использование терминов и их смысловую нагрузку.

И третья проблема: является ли Отечественная война 1812 г. «отечественной» для белорусов? Этот вопрос встал не сейчас. Если посмотреть учебник по истории БССР советского периода, то там мы найдем термин «Отечественная война»¹¹. Но нынешние учебники этот термин отрицают¹². Пожалуй, первым явным отрицанием того, что война 1812 г. для белорусов является отечественной появилось в достаточно одиозной книге «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі», вышедшей в 1993 г.¹³ Естественно, что в книге подобного идеологического плана (радикально-националистического) и не могла содержаться иная трактовка той войны. Это было бы странным для такого издания. Борьба за термин продолжалась. Так, в 1993 г. был выпущен первый том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», где была статья, которая так и называлась «Отечественная война 1812 г.»¹⁴. В 1995 г. в том же издательстве вышел энциклопедический справочник «Беларусь», где содержится статья «Война 1812 г.» того же автора¹⁵. В 1997 г. снова в том же из-

дательстве вышел четвертый том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», в котором опубликована статья о М.И. Кутузове. Тот же автор снова использует в ней термин «Отечественная война 1812 г.»¹⁶. Хотя в последнем случае можно предположить, что использование именно такого термина обусловлено тем, что статья о Кутузове отсылает читателя к статье о войне, а та, в свою очередь, называется именно «Отечественная война 1812 г.». Хотя в этом же томе в статье (других авторов) о кобринском бое 1812 г. указывается «война 1812 г.» без слова «Отечественная»¹⁷.

В настоящее время существуют утверждения, что термин «Отечественная» не должен существовать в белорусской историографии, т.к. для белорусов эта война таковой не являлась, а не использование этого термина будто бы менее эмоционально. Однако в данном случае представляется, что как раз отменять термин «Отечественная война 1812 г.» будет более эмоциональным, чем не отменять его. Ведь все привыкли именно к тому, что война Отечественная, поэтому исчезновение термина влечет за собой вопрос, что что-то тут не так; значит к событиям того времени общество будет относиться уже не отстраненно, а более эмоционально. Вообще, следует признать, что наиболее значимой (если хотите, эмоционально окрашенной) войной для современного белорусского, российского и любого другого постсоветского общества (особенно на европейской части бывшего СССР) является Великая Отечественная война. Остальные войны не так переживаются, как эта последняя. Поэтому понятие «Отечественная война 1812 г.» не несет какой-то сильный эмоциональный заряд именно потому, что прошло много времени между современностью и уже случившимся событием. Да еще, к тому же, хронологическое расстояние между 1812 г. и современностью перекрыто другими очень значимыми событиями, например, той же Великой Отечественной войной.

Представляется, что борьба с термином «Отечественная война 1812 г.» ведется больше по идеологическим причинам. В настоящее время в Белоруссии еще слышны отголоски национально-романтического отношения к истории, которое сложи-

лось в 1990-х годах. В каждом событии искали ответ на вопрос, а полезно ли это событие для создания национального самосознания и нового взгляда на мир? Эту проблему решала национализация истории¹⁸. Одним из способов национализации истории является формирование концепции «своей» или «не своей» войны. Смысл этой концепции в следующем. Если войну можно использовать для формирования национальной гордости, то тогда она объявляется «своей», если нет, то, соответственно, и война «не своя».

Отечественная война 1812 г. для некоторых белорусских ученых и общественных деятелей не укладывается в рамки «своей войны». Российскую сторону они «своей» не считают. Но вряд ли логична и исторически обоснована их попытка навязать белорусскому обществу представление об организации Временного правительства Великого Княжества Литовского как о значимом для белорусов событии. При этом «забывается», что это самое Временное правительство присоединилось к Генеральной конфедерации Королевства Польского, а литовские войска (которые даже некоторые доктора исторических наук называют «белорусской армией») устроивались и обмундировывались по образцу польских полков, имели следующие по порядку номера (18–22 пехотные, 17–20 кавалерийские) и «должны были войти в состав армии княжества Варшавского»¹⁹. А раз нельзя в событиях найти ничего «национального белорусского», тогда, по их логике, нужно перевести войну на уровень «нейтрального» отношения к ней. Думаю, что именно это, а не только выяснение исторической истины, играет большую роль в отрицании термина «Отечественная война 1812 года».

Кстати, интересно рассмотреть проблему «народности» этой войны. Я сейчас имею в виду то, что часто понимают под народом сейчас, т.е. социальные низы. Широкая активность низов в период наполеоновского нашествия существовала. Хотя в разных частях империи она была разной. Российский историк А.И. Попов указывает, что советское представление о возникшей на территории литовско-белорусских губерний «народной партизанской войне» является мифом²⁰. О термине

«партизан» было сказано выше (А.И. Попов является последовательным сторонником употребления аутентичных терминов, поэтому он однозначно заявляет, что крестьяне не создавали партизанских отрядов), а вот о «народной войне» можно сказать следующее. В данном случае «народная война», видимо, определяется по массовому участию в ней низов. Во всяком случае, А.И. Попов пишет, что «войну 12-го года можно, конечно, именовать народной, так как крестьяне и мещане приняли в ней широкое участие»²¹.

Таким образом, «народная война» определяется им по одному критерию – широкому народному участию. Естественно, что в литовско-белорусских губерниях такой массовости быть не могло. Причин этому несколько. Во-первых, недавнее вхождение этих территорий в состав Российской империи и, как следствие, не сформировавшееся пока представление о стране-родине. Во-вторых, у крестьян не было тех, кто подтолкнул бы их начать антинаполеоновские действия. Если сослаться на того же А.И. Попова, то он указывает, что инициаторами формирования крестьянских отрядов выступали «царь и местная администрация»²². Крепостное крестьянство, которое составляло основной костяк отрядов самообороны, кордонов, внутренних ополчений – всего того, что потом стали называть партизанским движением, – в силу своего крепостного положения самостоятельно принимать ответственные решения в массе не решалось. То есть далеко не вся антинаполеоновская крестьянская активность исходила из крестьянской среды. Часто ее направляли или инициировали дворяне.

Вообще, народная война начала разгораться после обращения Барклая де Толли, т.е. власть, по сути, призвала «к единению всех сословий перед лицом национальной угрозы»²³. В конце июля 1812 г. военный министр М.Б. Барклай де Толли обратился с воззванием к жителям Смоленской, Псковской и Калужской губерний. В частности, он писал: «[...] многие из жителей губернии Смоленской пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя! Воинство

ваше не выйдет из пределов ваших, доколе не изгонит и не истребит сил вражиих. Оно до самой крайности решилось бороться с ними, и вам остается подкреплять его одною защитою собственных домов ваших от набегов более дерзких, нежели страшных»²⁴. Таким образом военный министр призывал к массовому сопротивлению. Причем, исходя из текста воззвания, жители Смоленской губернии проявили инициативу еще до официальных призывов. Вообще же, изначально Александр I в своем Манифесте о сборе внутри Государства земского ополчения 6 июля 1812 г. указывал, что «предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными [...]»²⁵. Помимо того, в Манифесте прямо указывалась роль дворянства: «Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества»²⁶. Таким образом, изначально, по мысли императора, главную роль в неармейском сопротивлении должно было играть дворянство.

В принципе, оно так и было. Один из исследователей событий 1812 г. А.И. Попов полностью соглашается со своим коллегой В.М. Безотосным в том, что «дворянство играло тогда руководящую и цементирующую роль»²⁷. То есть во многих случаях «спусковым механизмом» начала крестьянских действий против оккупантов являлись представители привилегированного сословия (или в лице чиновников администрации, или командиров армейских летучих отрядов). Что касается литовско-белорусских губерний, то здесь в силу того, что местная шляхта или поддержала Наполеона, или самоустранилась в ожидании развязки, такого «спускового механизма» не существовало. Но крестьяне, все же, самоорганизовывались для сопротивления небольшим группам наполеоновских войск. И эта самоорганизация шла из низов, от самих крестьян. Так что если говорить о «народном» характере сопротивления не в смысле массовости, а в смысле инициативы, тогда можно предположить, что белорусско-литовские крестьяне для защиты вынуждены были проявлять собственную инициативу, а инициативу крестьян, проживающих восточнее, иногда (или часто) направ-

ляли дворяне. Дворянство же литовско-белорусских губерний было в массе настроено пронаполеоновски.

Еще один «аргумент» в пользу того, что война 1812 г. не может восприниматься для белорусов как Отечественная, заключается в том, что, дескать, белорусские крестьяне организовывали свои отряды только с целью защиты себя от мародеров и фуражиров. И защищали себя не только от наполеоновских солдат, но и от русских. Тогда стоит посмотреть, ради чего организовывались крестьянские отряды в «коренных российских губерниях». Итак, со ссылкой на Д.В. Давыдова, А.И. Попов пишет, что «истребление мародеров и фуражиров [...] “более было делом поселян, нежели партий” [...]»²⁸. Тамбовский губернатор Л.С. Кологривцев специально разъяснял, что вооруженные подданные «само по себе разумеется, защищают только себя от нападений, возвращают из их домов похищенное и преграждают пути к их разорению». Кроме того, вооруженные обыватели в «коренных российских губерниях» «охраняли область не только от противника, но также от русских мародеров [...]»²⁹. Если все это так, тогда почему борьба с мародерами (как наполеоновскими, так и русскими) для белорусских и для великорусских крестьян должна различаться? Или подмосковный крестьянин ловил какого-нибудь мародера с другими чувствами, не похожими на чувства, испытываемые по отношению к мародеру крестьянами под Витебском, Минском или Могилевом?

Мало кто подвергает сомнению, что Отечественная война 1812 г. является таковой для России. Эта война Отечественная не только для жителей Московской или Тверской губерний, по которым она прокатилась. Эта война является Отечественной и для проживавших в Архангельской, Саратовской, Нижегородской и других губерниях, в которых не проходили боевые действия, не собирались крестьянские отряды с вилами, косами и топорами. То есть Отечественная война 1812 г. непосредственно затронула далеко не всех подданных Российской империи; более того, основная масса ее не ощутила, поскольку она проходила далеко от сибирских просторов, Поморья или многих других частей империи. Но война для них стала Отечествен-

ной, потому что в защите Родины приняли участие все сословия.

Так если война стала Отечественной для всей страны, почему она должна не быть таковой для ее части? О людях, изменивших присяге, я здесь не говорю. Такие встречаются в любую войну, но от этого война не становится гражданской. Давайте вспомним Великую Отечественную. Для современных белорусов она представляется именно таковой, хотя существовали белорусские коллаборанты. Для современных россиян эта война тоже Великая Отечественная, но ведь существовали и власовцы, и другие коллаборационные формирования. Так почему, если изменники были в 1941–1945 гг., и мы должны воспринимать их как изменников, это не мешает нам относиться к войне как Отечественной, а если были изменники в 1812 г., тогда сразу же нужно учитывать их наличие и говорить об «неотечественности» войны?

Мы часто сравниваем военные события более отдаленного прошлого с Великой Отечественной войной, которая является своеобразным эталоном для измерения патриотизма, наличия партизанского движения или многого другого. Нужно понимать, что патриотизм 1940-х годов и патриотизм начала XIX в. – это не идентичные понятия. Чувство патриотизма редко прививается сразу. Причем опять же следует учитывать, что в СССР существовал государственный механизм поддержания патриотизма. Государство заботилось о лояльности граждан, для этого существовал штат идеологов, существовала отдельная литература, кино и т.д. В александровскую эпоху в Российской империи ничего этого не было. Обычному российскому подданному вполне возможно не приходило в голову ощущать свой патриотизм ежедневно. Это проявлялось только в определенных условиях, когда появлялась необходимость идеологического выбора. А если такой необходимости не возникало, тогда не только простой обыватель, но, возможно, даже и славянин мог за всю свою жизнь и не задумываться о привязанности или не привязанности к стране, в которой родился.

И еще чем интересны параллели между Отечественной войной 1812 г. и Великой Отечественной войной, так это тем,

что отрицание «отечественности» одной и другой (а попытки создать представление об «неотечественном» для белорусов характере последней войны тоже наблюдаются) очень похожи.

Итак, получается некая логическая цепочка, которая отражает современный белорусский историко-политический дискурс о тех событиях. Она состоит из трех звеньев. Первое – Отечественная война 1812 г. не является Отечественной, а всего лишь русско-французской или просто войной 1812 г. Второе – партизан в 1812 г. не существовало (имеется в виду современное расширенное понимание термина), а были лишь крестьянские отряды самообороны, которые воевали как с французами, так и с русскими, т.е. против всех. Третье – для белорусов события 1812 г. могут считаться гражданской войной, поскольку часть местного населения служила в русской армии, а еще часть была взята в Наполеоновскую армию. Вот примерно так сегодня в Белоруссии оцениваются те события.

А теперь давайте проследим еще одну логическую цепочку, тоже связанную с войной, но уже с другой – 1941–1945 гг. Сразу оговорюсь, что этот взгляд до сих пор остается маргинальным и разделяется немногими радикально настроенными националистами, но он существует. Итак, логическая цепочка «правильного» отношения белорусов к событиям 1941–1945 гг. состоит из следующих звеньев. Первое – Великая Отечественная война для белорусов не является Великой Отечественной, а всего лишь советско-немецкой или советско-германской. Второе – партизанское движение на самом деле было антибелорусским и состояло из русских диверсантов, антибелорусского элемента и запуганных белорусских крестьян, которых силой загоняли в партизанские отряды. Третье – события 1941–1945 гг. для белорусов являются гражданской войной, поскольку часть белорусов обманом или насильно была завлечена в советские партизанские отряды, а еще часть добровольно начала помогать немцам воевать за белорусскую независимость.

Никому не кажется, что методы объяснений как в случае с Отечественной войной 1812 г., так и с Великой Отечественной очень похожи? Все те же попытки убрать представление о за-

щите Родины, полностью лишит местное население хоть каких-то намеков на то, что они боролись за что-то большее, чем элементарное выживание, низвести все до внутреннего конфликта, чтобы подчеркнуть отрицательность внешних сил. По этому поводу стоит задуматься.

-
- ¹ *В.Б.* Гражданская война // Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 18. М., 1930. С. 663–687; *Голубев А.В., Найда С.Ф.* Гражданская война и интервенция 1918–20 // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Изд. 3-е. Т. 7. М., 1972. С. 223–235; Гражданская война в Англии // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 8. СПб., 1912. С. 446–447; *Згурский Г.В.* Словарь исторических терминов. М., 2008. С. 121; *Иванов Р.Ф.* Гражданская война в США // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 7. М., 1972. С. 219–222; Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР 1918–1920 // Большая советская энциклопедия: в 52 т. Изд. 2-е. Т. 18. М., 1953. С. 175–211; *Какурин Н.Е.* Гражданская война в России 1917–21 // Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 18. М., 1930. С. 687–723; *Нерике А.К. фон.* Междоусобные войны Рима // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 15. СПб., 1914. С. 239–243; *Никифоров Л.А., Кузьмин И.Ф.* Гражданская война в США // Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 12. М., 1952. С. 408–412; *Панфилов Е.Г.* Гражданская война // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 7. М., 1972. С. 218–219; *Сташкевич М.* Грамадзянская вайна і ваенная інтэрвенцыя 1918–20 // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 3. Мінск, 1996. С. 99–110.
- ² *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года. М., 1941.
- ³ *Орлов Н.А.* Партизанская война // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 17. СПб., 1914. С. 303–308; Партизанская война // Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. XXIIIа. СПб., 1897. С. 886.
- ⁴ *Аргунов Н.* Партизанская война // Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 44. М., 1939. С. 266.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 266–268.
- ⁷ *Геласимова А.* Партизанское движение в годы гражданской войны в СССР // Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 44. С. 270–280.
- ⁸ Партизанское движение // Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 32. М., 1955. С. 161.
- ⁹ Партизаны // Там же. С. 165.
- ¹⁰ Там же. С. 165–166.

- ¹¹ *Абецедарский Л.С., Баранова М.П., Павлова Н.Г.* История БССР: учебник для учащихся средней школы. 4-е изд. Минск, 1978. С. 66; *Баранова М.П. Загорульский Э.М., Павлова Н.Г.* История БССР: учебник для 8–9 классов средней школы. 2-е изд. Минск, 1990. С. 138.
- ¹² *Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В.* Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га кл. 2-е выд., дап. і перагл. Мінск, 2011. С. 15.
- ¹³ *Тарасаў К.* На чым баку былі беларусы ў вайне 1812 года? // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. С. 51.
- ¹⁴ *Антонань В.В.* Айчынная вайна 1812 // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*: у 6 т. Т. 1. Мінск, 1993. С. 73–78.
- ¹⁵ *Антонань В.В.* Вайна 1812 г // *Беларусь: энцыклапедычны даведнік*. Мінск, 1995. С. 146.
- ¹⁶ *Антонань В.* Кутузаў (Галянiшчаў-Кутузаў) Міхаіл Іларыенавіч // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*: у 6 т. Т. 4. Мінск, 1997. С. 319.
- ¹⁷ *Бекцінееў Ш., Швед В.* Кобрынскі бой 1812 // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*: у 6 т. Т. 4. Мінск, 1997. С. 219.
- ¹⁸ Подробнее о белорусских способах национализации истории см.: *Гронский А.Д.* Методы национализации белорусской истории // *Русский сборник: исследования по истории России*. Т. XII. М., 2012. С. 345–367.
- ¹⁹ *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 340.
- ²⁰ Там же. С. 24.
- ²¹ Там же. С. 323.
- ²² Там же. С. 322.
- ²³ Там же. С. 325.
- ²⁴ *Отечественная война 1812 г.: сборник документов и материалов / под ред. Е.В. Тарле; сост. А.В. Предтеченский, А.И. Васильев, Б.Б. Фраткин. Л.; М., 1941. С. 32–33.*
- ²⁵ *Полное собрание законов Российской империи. Собрание I: 1812–1815.* СПб., 1830. № 25176. Далее: ПСЗ; *Отечественная война 1812 г.* С. 25.
- ²⁶ ПСЗ. Собрание I. Т. XXXII. № 25176. В сборнике документов «Отечественная война 1812 г.» эти слова опущены.
- ²⁷ *Попов А.И.* Указ. соч. С. 324.
- ²⁸ *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982. С. 139.
- ²⁹ *Попов А.И.* Указ. соч. С. 23.

**«ИГРЫ С УКРАИНИЗАЦИЕЙ»:
ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ
1920–1930-Х ГОДОВ НА РУССКО-УКРАИНСКОМ
ПОГРАНИЧЬЕ¹**

Национальная политика, проводимая большевиками в первое десятилетие после Октябрьской революции, опиралась на достаточно разработанную теоретическую и идеологическую базу марксизма. Смыслом борьбы большевиков, которые считали себя интернационалистами, была мировая революция и построение коммунистического общества, не знающего классовых и национальных различий. В своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс обращали внимание на то, что «национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и, таким образом, исчезнут точно так же, как отпадут всевозможные сословия и классовые различия вследствие уничтожения их основы – частной собственности»². Установка, с которой партия большевиков приступила к реализации своей национальной политики, заключалась в том, чтобы создать условия для стирания национальных различий, что приведет в скором времени к слиянию наций. Существование наций и их будущее многими мыслилось как бесперспективное.

Однако мощный процесс дезинтеграции, охвативший национальные окраины после октября 1917 г., поставил большевистских лидеров перед необходимостью поиска новых форм и механизмов в управлении многочисленными этническими группами и национальностями бывшей Российской империи. Уже «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. провозглашала немедленное и бесповоротное раскрепощение народов, уничтожение всяческого гнета и произвола, замену политики натравливания народов друг на друга политикой добровольного и честного союза народов России. Гарантиро-

вались «равенство и суверенность народов России», их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства», «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»³.

Национально-освободительное движение, разбуженное революциями 1917 г., достигло наиболее впечатляющих результатов в деле национального строительства на Украине. Более того, на наш взгляд, именно факт существования независимой Украины способствовал активизации украинского национального движения и на территории РСФСР, где проживало около 7 млн. человек украинского населения (Кубань, Центральное Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток).

В 1918–1920 гг. на части этих территорий происходит первый опыт небольшевистской украинизации: в южных уездах Курской и Воронежской губерний, которые были присоединены к Украинской Державе гетмана П.П. Скоропадского, на территории Кубани в ходе деятельности Кубанской краевой рады и на Дальнем Востоке, где по инициативе Украинской Дальневосточной Краевой Рады была даже принята «Конституция национально-культурной автономии (самоуправления) украинцев на Дальнем Востоке»⁴.

Параллельно с этим происходил процесс «признания» советской властью украинцев отдельной от русских национальностью (чего не было в царской России), со своим особым языком, бытом, традициями. Не случайно, что на X съезде РКП (б) И.В. Сталин в своем заключительном слове по национальному вопросу заявил о том, что «украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории»⁵.

Политика уступок националам, к которой с конца 1922 г. все активнее призывал большевиков их лидер В.И. Ленин, после образования Советского Союза обрела форму «коренизации», которая должна была на практике разрешить назревшие национальные проблемы, как в национальных республиках, так и в самой РСФСР.

В результате к началу 1920-х годов малороссов, проживавших на территории РСФСР среди русского населения, стали относить к категории украинского национального меньшинства. А это, в свою очередь, означало, что в отношении украинского нацменьшинства предстояло проводить широкую культурно-просветительную работу на украинском языке.

Еще в начале двадцатого столетия на территории русских губерний Российской империи, где проживало многочисленное малороссийское население, обозначилось соперничество двух проектов национального строительства: проекта триединой русской нации, включавшей в себя великороссов, малороссов и белорусов, с одной стороны, а с другой стороны – украинского проекта, который выступал с позиций существования отдельного от русских украинского народа, украинского языка и украинской культуры. Оба проекта стремились утвердить среди местного населения свои ценности и свою национальную идентичность⁶.

Так как украинское национальное движение на территории губерний бывшей Российской империи/РСФСР являлось составной частью общеукраинского национального движения, то, понятно, что сначала лидеры Центральной рады и УНР, а затем украинские национал-коммунисты в УССР играли определяющую роль в процессах национально-культурного строительства и среди украинцев России. Для активистов украинского национального движения малороссы были, прежде всего, жертвами русификации и несознательными украинцами, теми, кого надо было спасти для украинской нации. Украинские националисты верили, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке «все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона»⁷.

Со своей стороны для многих русских националистов русскость малоросса воспринималась как естественное состояние. «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова “малоросс”. Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: “Я – русский”. Представление о полном единстве русского

народа глубоко внедрилось в умы южноруссов», – писал один из главных идеологов общерусского единства, киевлянин Савенко⁸.

Борьба двух национальных проектов за умы и сердца малороссов РСФСР резко обострилась в период начавшейся здесь политики украинизации.

Главным препятствием на пути реализации украинского проекта в первые годы советской власти оставался негативный образ восприятия его сторонников в широких кругах населения. Если раньше, в дореволюционной России, в них видели «мазепинцев» и «сепаратистов», то теперь «украинцев» рассматривали, прежде всего, как «контрреволюционеров» и «петлюровцев».

В одном из дел за 1922 г. сохранились проекты циркулярных писем и распоряжений Совета по просвещению национальных меньшинств (Совнацмена) Наркомпроса РСФСР областным и губернским отделам народного образования по вопросам перевода обучения украинцев, проживающих на территории РСФСР, на украинский язык. В одном из них говорилось: «Необходимость перехода на родной язык обучения в местностях, населенных национальными меньшинствами, (основной принцип советской власти в области соцвоса), встречается вследствие отрицательного отношения, непонимания и даже игнорирования местными органами НКПроса в своем развитии большие препятствия (...) Культурно-просветительные стремления украинского населения считаются шовинизмом, сепаратизмом и пр. Ввиду вышеизложенного НКП считает себя обязанным указать областным и губернским отделам народного образования, в пределах которых живут украинцы (под названием хохлов, малороссов, казаков), на необходимость устранения отрицательного отношения к культурно-просветительным нуждам украинского населения и принять меры к созданию нормально-правильных условий работы»⁹.

В другом циркулярном распоряжении за № 1562 от 23 ноября 1922 г. в адрес отделов народного образования Кубано-Черноморской области было замечено следующее: «По конституции РСФСР все народы, населяющие республику, имеют

право на просвещение на родном языке, и между тем из докладов инструкторов как Оботнароба (Областной отдел народного образования. – *К.Д.*), так и Наркомпроса явствует невнимательное и зачастую явно враждебное отношение как отдельных, так и местных органов просвещения к просветительным нуждам народов невеликорусского языка вообще, и украинцам в особенности. Некоторые заведующие отнаробами (Отделы народного образования. – *К.Д.*) благодаря ложному пониманию идеи коммунистического просвещения чинят всевозможные препятствия и тормозят работу органов просвещения национальных меньшинств. Официальные выступления заведующих отнаробами и представителей отнаробов на съездах работников просвещения с заявлениями о второстепенности и ненужности подотделов нацмен, несуществовании украинской национальности в Кубано-Черноморской области, а также ненужности перехода в школах, обслуживающих невеликорусское население области, к преподаванию на родном языке, как это имело место в Ейске и Новороссийске, совершенно противоречат просветительной политике советской власти и делают работу органов просвещения нацмен невозможной»¹⁰.

Вместе с тем, к началу 1920-х годов в России было уже довольно много и сторонников украинского проекта. Как только украинское население стало осознавать себя в качестве отдельной национальности, отличной от великорусской, «с этого момента население преобразуется, оно предъявляет требования ведения среди них работы, как среди особой национальности, на их родном языке, и тогда начинается стихийный рост национальных просветительных учреждений»¹¹.

В ходе территориального спора, возникшего в эти годы между УССР и РСФСР, вновь со всей остротой был обозначен «украинский вопрос». Так, 21 сентября 1924 г. бывший красноармеец Мазаренко писал в письме на имя председателя Совнаркома УССР Чубаря следующее: «Скажите, почему уезды Курской, Воронежской губерний, населенные украинцами, тесно соприкасающимися с Украиной, не присоединены к последней? Почему в восточной и южной Украине спокойно продолжается обрусение украинского народа? Заметьте, что в

акте присоединения Шахтинского и Таганрогского районов¹² украинский народ еще раз видит над собой явное издевательство. Если Вы не хотите знать правильных границ, то украинский народ Вам напомнит правильные границы. На севере и на востоке, включая Кубанскую область, должны быть отданы Украине все земли, население которых перетягивают украинцы. Возглавляемое Вами украинское правительство (Украинский сфатул церий) глоткой матушки Москвы кричит во все горло (губа не дура) “украинцев в Польше обижают” и ни капли слова о тех 7 млн. украинцев, находящихся в РСФСР. Скажите, что сделано в защиту последних? (...) Я бывший красноармеец, честно прослужил добровольцем в Красной Армии 4,5 года, сын крестьянина, располагающего 3-мя десятинами земли. Будет зависеть от Вашего ответа, перейти мне в лагерь непримиримых ваших врагов или нет»¹³.

Как нам представляется, советская политика украинизации в РСФСР должна была разрешить вопросы, связанные с общественно-политическими и культурными запросами украинцев, которые впервые были подняты еще в 1917–1918 гг. В Москве наиболее активными сторонниками продвижения украинского проекта выступали сотрудники Центрального украинского бюро Совнацмена Наркомпроса РСФСР – заведующие Гадзинский В.А. и Шафран П.С., а также инструктора созданного в 1924 г. Отдела национальностей ВЦИК – Моравский, а затем Островский З.С., последние курировали всю работу с украинским нацменьшинством по линии советов.

Интересно отметить, что главные причины, по которым было создано Центральное украинское бюро Совнацмена, состояли в том, чтобы поставить под идеологический контроль партии всю работу по просвещению украинского населения и положить конец «петлюровщине». В обзоре деятельности ук-бюро за 1922–1923 гг. можно прочитать следующее: «Украинское центральное бюро является самым молодым детищем Совнацмена Наркомпроса, оно организовано только в мае 1921 года. Работа по просвещению среди украинского населения велась и до организации бюро, но не было органа, который бы идеологически направлял эту работу, и она зачастую велась

в духе “самостийности”, как в Сибири, Туркестане и других губерниях и областях. Украинское представительство, получая запросы с мест, видело, что просвещение на родном языке принимает нежелательные формы и направление. Дабы положить конец “петлюровщине” в области просвещения, по соглашению с отделом нацмен НКП организовано украинское бюро. Организация его, таким образом, была вызвана необходимостью идеологически направлять работу среди украинского населения РСФСР, которого по переписи 1920 года числится 6 552 718 человек (...)»¹⁴.

* * *

Период с февраля по июнь 1923 г. можно обозначить как *подготовительный этап украинизации*, когда «украинский вопрос в РСФСР» впервые был поставлен перед высшим партийно-советским руководством страны. В связи с тем, что в исторической литературе вопрос о начале украинизации на территории РСФСР совершенно не исследован¹⁵, остановимся подробно на этом моменте. С чего началась украинизация в РСФСР, и как она проходила на начальном этапе в первой половине 1920-х годов? Пока у специалистов не было ясных ответов на этот вопрос. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

По инициативе Центрального украинского бюро Совета по просвещению нацменьшинств (Совнацмена) Наркомпроса РСФСР вопрос о культурно-просветительской деятельности среди украинского населения Советской России обсуждался сначала в Агитпропе ЦК РКП (б) (февраль 1923 г.), а затем он прозвучал в выступлениях Н.А. Скрыпника на XII съезде РКП (б) (апрель 1923 г.) и на IV совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик (июнь 1923 г.).

5 февраля 1923 г. в Агитпроп ЦК РКП (б) поступила докладная записка из украинского центрального бюро Совета по просвещению нацменьшинств (Совнацмена) Наркомпроса РСФСР «О необходимости организации и усиления партработы среди украинского населения России» за подписью заве-

дующего укрбюро В.А. Гадзинского. Причем Гадзинский, ставя вопрос перед ЦК РКП (б) о необходимости политики украинизации на территории РСФСР, имел за собой серьезную поддержку в лице Н.А. Скрыпника, главного идеолога украинского проекта в СССР¹⁶.

В докладной записке, в частности, говорилось, что среди семимиллионного украинского населения России ведется декретированная конституцией и соответствующими органами власти работа по просвещению, но политико-просветительная работа ввиду отсутствия откомандированных на эту работу партийных сил (украинцев или владеющих украинским языком) ведется в минимальном размере, а партийная работа полнейшим образом отсутствует. «В таких условиях работа среди украинского населения ведется исключительно беспартийными и может получить не советский, а узко национальный, даже сугубо мелкобуржуазный уклон. У.Ц.Б. считает своей обязанностью обратить внимание агитпропа ЦК РКП на эти обстоятельства и просит соответствующих мер и указаний. Созданных школ, педтехникумов и политпросветучреждений закрыть нельзя, стихийного стремления украинского населения к просвещению на родном языке и к развитию своей культуры уничтожить невозможно. Необходимо считаться с фактическим положением и дать ему соответствующее направление»¹⁷.

Далее в документе перечислены возможные мероприятия, которые следовало бы предпринять по линии партийных органов, чтобы взять под контроль процессы стихийной украинизации:

«а) Обратить внимание парторганов на местах на неправильность отрицательного или невнимательного отношения к политпросветительной и партийной работе среди украинского населения.

б) Создать при Об- и Губкомах в местностях, населенных украинцами, при их органах по работе среди нацмен соответствующие ячейки для руководства политико-просветительной и партийной работой среди украинцев. Эти ячейки должны использовать при своей деятельности существующий аппарат Совнацменов ГубОНО НКП.

в) Об- и Губкомы должны откомандировать для этой работы по одному парттоварищу (украинца или владеющего украинским языком), который знает украинское население, его быт, культуру и исторические условия развития, а также внимательно к ним относится.

Это устранит возможность мелкобуржуазного националистического уклона в работе по просвещению и укрепит наше влияние среди украинского населения, которое, выселенное царским режимом со своей родины, очень часто даже при 85% безграмотности, в далекой Сибири и Туркестане, задержало свою национальную физиономию, родной язык и культуру.

г) Необходимо издавать одну просветительную газету на украинском языке ввиду того, что для 7-ми миллионного населения нет ни одного печатного листа. Украинская пресса из Украины не доходит, и население не имеет никакой возможности получать сообщение с УССР. Газета должна иметь определенный политико-просветительный характер.

Нужно обратить внимание, что 3,5 миллиона украинского (населения) Америки имеют хорошо развитую прессу (17 названий), издаваемую на определенно советской платформе, и что из политических соображений отсутствие даже единственной газеты для укрнаселения России может создать неблагоприятные для нас истолкования такого положения»¹⁸.

На этом документе стоит резолюция заведующего подотделом нацмен агитпропа ЦК РКП (б) В. Лобовой: «Списаться с соответствующими губкомами и бюро ЦК». И уже через несколько дней циркулярное письмо было направлено в агитпропы Юго-Восточного бюро ЦК, Сиббюро ЦК, Кубано-Черноморского областкома, а также в агитпропы Ставропольского, Донского, Терского, Саратовского, Самарского, Царицынского, Курского, Воронежского, Гомельского и Тамбовского губкомов. В нем сообщалось следующее: «Украинский отдел Совнацмена Наркомпроса поднимает вопрос перед ЦК о необходимости организовать украинские секции при указанных губкомах для ведения партийной работы среди украинцев, считая, что той политико-просветительной работы, которая ведется по линии Наркомпроса преимущественно беспартий-

ными учителями, недостаточно. Агитпроп ЦК просит Вас срочно сообщить Ваше мнение по этому вопросу. Считаете ли Вы целесообразным организацию украинской секции при агитпропе Губкома для ведения партийной работы среди украинского населения»¹⁹. Как видим, реакция отдела агитации и пропаганды ЦК РКП (б) была моментальной. Да это и понятно. Нельзя было не реагировать на сигнал о том, что украинизация в областях и губерниях России «ведется исключительно беспартийными и может получить не советский, а узко национальный, даже сугубо мелкобуржуазный уклон».

По всей видимости, за несколько дней до открытия XII съезда РКП (б) заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена В.А. Гадзинский направил делегату съезда от КП(б)У и члену ЦИК СССР Н.А. Скрыпнику докладную записку (на украинском языке) под названием «О школьной и просветительной работе среди украинцев России – материалы для XII съезда РКП». Это чрезвычайно интересный документ, в котором дается анализ культурно-просветительной деятельности центральных и местных органов Наркомпроса в отношении украинского нацменьшинства Советской России за 1922–1923 учебный год. Вместе с февральской докладной запиской в Агитпроп ЦК РКП (б) эти документы можно считать первыми документальными свидетельствами, в которых на официальном уровне (партийно-государственном) был впервые поставлен «украинский вопрос в РСФСР».

Гадзинский, обращаясь к Скрыпнику, сообщал, что накануне XII съезда украинское бюро считает своей обязанностью обратить его внимание на тот факт, что работа среди украинцев России встречается, как в партийных кругах, а еще больше в беспартийном советском аппарате, недоброжелательное, если не целиком враждебное отношение, которое очень часто принимает характер систематического игнорирования программы партии (в национальном вопросе). Он констатирует отсутствие правильного подхода в национальном вопросе (в украинском вопросе особенно) со стороны партийных товарищей, а тем более со стороны великодержавно настроенных беспартийных работников советского аппарата²⁰.

Здесь же заведующий укрбюро Совнацмена приводит ответы целого ряда Губкомов на циркулярное письмо Агитпропа ЦК РКП (б) с просьбой высказаться по вопросу о целесообразности организации украинских секций для ведения партийной работы среди украинского нацменьшинства губерний и областей. Только Саратовский и Самарский губкомы одобрили это предложение, с горечью констатирует Гадзинский. Воронежский губком ответил: «Организация украинской секции совершенно нецелесообразна». Царицынский губком: «Не нужна и нецелесообразна». Курский губком: «Нет надобности, дабы излишня». Из Сибири (имеется в виду Сибирское бюро ЦК РКП) прислали ответ следующего содержания: «Не зная условий в указанных губерниях, агитотдел ничего существенного сказать не может». Кубано-Черноморский областной партийный комитет за два истекших месяца так и не дал никакого ответа по этому вопросу²¹.

Все усилия Наркомпроса РСФСР, который в чрезвычайно тяжелых условиях ведет некоторую работу в деле просвещения нацменьшинств, «разбиваются об этот незабываемый еще на местах настрой из прошлого к инородцам и все еще живую великодержавную и националистическую традицию», – к такому неутешительному выводу приходит Гадзинский. По его словам, два украинских педтехникума – Полтавский на Кубани и Новоанненский в Царицынской губернии – уже три года работают при голоде и холоде, и только в последнее время их материальное положение улучшилось. Однако, с точки зрения идеологической, они находятся на подозрении, и местные органы считают их «гнездами национализма и контрреволюции»²².

В заключении своего доклада Гадзинский делает следующий вывод: если в центре имеются решительные стремления к проведению в жизнь партийных принципов в национальном вопросе, то на местах все они разбиваются о сознательное или неосознанное неодобрение, а часто даже враждебное отношение со стороны местных партийных и советских органов. И это тем больше нужно подчеркнуть как раз сегодня, настаивает Гадзинский, когда руководители нашей партии понимают ост-

роту и неотложность этого вопроса и ставят его на повестку дня XII партсъезда, когда тов. Троцкий пишет, что «в национальном вопросе партия нуждается в повторительном курсе, а молодежь в первоначальном», и когда национальный вопрос необходимо понимать как политическую смычку с крестьянством»²³.

17–25 апреля 1923 г. в Москве проходил XII съезд РКП (б), определивший на целое десятилетие важнейшие принципы советской национальной политики, которые нашли свое практическое воплощение в политике коренизации партийно-государственного аппарата, административно-судебных органов и культурно-просветительных учреждений не только в национальных республиках СССР, но и на территории РСФСР, где проживало множество нерусских народов, которые были отнесены к категории национальных меньшинств. 24 апреля в прениях по докладу Сталина «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве» принял участие Скрыпник. Интересно отметить, что свое выступление он начал как раз с вопроса о культурно-просветительской и партийной работе в отношении украинского населения, проживающего на территории РСФСР. «(...) Мы имеем на эти 7 млн. населения во всей РСФСР и других входящих в нее республиках, как Кирреспублика и Татреспублика, всего 500 школ на украинском языке и затем всего два техникума типа средних учебных заведений, причем существование школ этих находится сейчас под вопросом. До сего времени уже закрылись 300 школ, а оба техникума находятся под вопросом и подлежат в ближайшее время сокращению и уменьшению. Я не думаю, чтобы такой процент удовлетворял культурно-просветительные нужды этого украинского населения и был признан в какой-нибудь мере благополучным. Очевидно, здесь практика наша расходится с нашей теорией. Необходимо по этому вопросу, чтобы наши тезисы воплощались в жизнь надлежащим образом»²⁴.

Далее Скрыпник приводит примеры того, как обслуживается в России украинское нацменьшинство по партийной линии. Нет никаких сомнений в том, что он использует при этом ма-

териал, который содержался в докладной записке Гадзинского, о которой говорилось выше. «Я имею данные, что в одной лишь Саратовской губернии в губкоме имеется единственная в России украинская секция. В некоторых губерниях у отдельных наробразов имеются работники, специально ведущие работу среди тамошнего украинского населения, на близком населению языке, но это все работники беспартийные. А ведь как-никак в Сибири 1 200 000 украинцев, в Кубанской области 2 273 000 и т.д. Партийной работы нами среди них совершенно не ведется. Когда Агитпроп ЦК РКП запросил губкомы, то только Саратовский и Самарский губкомы признали необходимость такой работы на украинском языке. А что говорят остальные? Воронежский заявляет, что организация украинской секции не целесообразна, Царицынский: «не нужна и не целесообразна», Курский: «совершенно излишня», Кубанский: не последовало решительно никакого ответа. Надо указать, что такие же ответы о ненужности вести работу на украинском языке давали многие парткомы и в самой Украине. Говорят, можно вести работу и на русском языке. Но 7 000 000 украинских крестьян на территории РСФСР, – это число показывает, что нам необходимо в этой области принять меры для того, чтобы вести работу на местном языке»²⁵.

В июне того же года на IV совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками нацреспублик Скрыпником вновь был поднят вопрос об украинском населении в РСФСР. В своем выступлении на вечернем заседании 12 июня, когда проходили прения по докладу Сталина «Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу», он вновь коснулся проблемы культурно-просветительской работы среди украинцев России. «Как же они обслуживаются в культурном отношении?», – задает вопрос делегатам совещания Срыпник. И сам же отвечает: «Я знаю, что за последние два года были изданы только две брошюры на украинском языке во всей РСФСР: одну брошюру мы получили позавчера – это постановления 1-го съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик; другая брошюра – сборник стихотворений. Я думаю, что это немного ма-

ловато, чтобы обслуживать в культурном отношении эти 7 миллионов. Зато, в школьном отношении – школ первой ступени имеется 820, второй ступени 46 и техникумов всего 2 – это тоже на семь миллионов населения. Необходимо и здесь эту работу усилить, поставить и расширить»²⁶.

Таким образом, со всей остротой вопрос об украинском населении в РСФСР и удовлетворении его общественно-политических, экономических и культурных нужд был поставлен перед высшим партийным руководством страны активными сторонниками продвижения и реализации украинского проекта в тот самый момент, когда в национальных республиках начался переход к коренизации партийно-государственного аппарата и культурно-просветительных учреждений.

* * *

Говоря об этапах украинизации в РСФСР, нам представляется возможным выделить три ключевых ее этапа, которые будут иметь свои особенности и отличительные черты. В качестве критерия периодизации, на наш взгляд, могут выступать те важнейшие цели и задачи, которые возникали по ходу реализации политики украинизации перед государственными органами на каждом из этапов.

С середины 1923 г. и вплоть до конца 1925 г. можно говорить о *первом этапе* государственной политики украинизации в РСФСР. Главная цель на этом этапе заключалась в том, чтобы поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную («самостийную») культурно-просветительную работу беспартийного учительства по созданию украинской национальной школы и обеспечить условия для ее нормального функционирования. Поскольку, как свидетельствуют архивные документы, вопрос о создании украинской школы являлся «новым и не всегда правильно понятым явлением революции». Другая важнейшая задача партийно-советского руководства состояла в том, чтобы обеспечить полную советизацию украинского села, вовлечь селян-украинцев в социалистическое строительство.

Характерная особенность данного этапа заключалась в том, что не было еще полного контроля над процессом украинизации со стороны партийно-государственной власти и органов Наркомпроса РСФСР, в этот период украинизация во многом носит еще стихийный характер. В докладной записке заместителя председателя Совнацмена Давыдова в Президиум Совнацмена по вопросу об украинизации советского аппарата, которая была составлена не ранее мая 1925 г., указывалось, что на Кубани, «несмотря на то, что население в значительной степени украинское во многих округах края, несмотря на то, что это население ведет работу, общается на украинском языке, несмотря на это, ни партийные, ни советские органы к разрешению украинского вопроса вплотную не подошли, директив не дали», «партийные органы украинской работы не охватили, и последняя развивается стихийно, вне влияния и руководства партии». – «Надо удивляться, что партийные комитеты допустили стихийное развитие украинизации, не вырешили этого вопроса и не взяли течения в свои руки», «каков бы ни был взгляд на украинизацию, нельзя было оставлять вне направления и руководства партии, надо было взять в свои руки»²⁷.

Не раз в первой половине 1920-х годов центральному украинскому бюро Совнацмена приходилось подчеркивать угрозу со стороны националистических кругов, которые в любой момент готовы взять дело украинизации в России в свои руки, пока органы народного образования на местах бездействуют или даже тормозят мероприятия по просвещению нацмен. Так, в отчете о деятельности Центрального украинского бюро за 1923–1924 гг. указывается: «Имеется целый ряд губерний и областей, где украинское население насчитывается сотнями тысяч, как например, Курская, Гомельская, Дальневосточная и др., но где до сего времени не приступлено ни к какой украинской советской работе. Мы подчеркиваем “советской” потому, что национальная работа ведется помимо государственных органов и принимает уродливые формы. ГубОНО ограничиваются формальной отпиской на все циркуляры Наркомпроса и Совнацмена и ничего практически в этом отношении не делают. Украинцев же они не считают за нацмен, причисляя их к

русским, считая просвещение на родном языке за “искусственную украинизацию”. (Гомельская, Ставропольская и другие губернии). Такое отношение со стороны ОНО, явно противоположное всей политике советской власти, не дает возможности закончить организационную работу и даже не представляется возможным выяснить, имеются ли необходимые условия для ведения работы на родном языке»²⁸.

Неслучайно Сталин в своем докладе на XII партсъезде обращал внимание делегатов на следующее обстоятельство: «Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности»²⁹.

На наш взгляд, такая постановка вопроса вполне отвечала действительности первой половины двадцатых годов и во многом была характерна даже для русско-украинских взаимоотношений в губерниях и областях РСФСР. Поэтому, как нам кажется, вполне справедливо говорить о том, что в этот период политика украинизации на территории областей и губерний России должна была содействовать одновременно и процессу советизации этих регионов, вовлекая селян-украинцев в сферу советского государственного и культурно-национального строительства³⁰.

В период между 1 и 7 апреля 1925 г. в Краснодаре (Кубанский округ Северокавказского края) состоялись учительская украинская конференция Кубанского округа и краевое совещание представителей окружных партийных комитетов по украинскому вопросу. Одна и другая конференции показали, что украинский вопрос актуален и требует скорейшего разрешения со стороны советской власти. «Характерно противопоставление, которое было во всех выступлениях на учительской конференции: “Мы и вы, мы – украинцы и вы – россияне”. Вследствие отсутствия понимания на местах, в станицах учителям приходится все время доказывать, что украинский язык есть,

что школа нужна и прочее, и прочее. Развернувшиеся по докладам прения свелись опять-таки к доказательствам, что украинский вопрос есть, что школа нужна, что это соответствует желаниям населения. Учителя прямо говорили: “Нам чинят препятствия на местах, на нас смотрят косо, как на каких-то контрреволюционеров. У ячеек партии мы не находим поддержки, в лучшем случае – безразличное отношение”. “Скажите нам, что мы делаем, делаем ли мы необходимое для государства дело или мы творим контрреволюционное дело? Если мы делаем полезную работу, дайте по этому вопросу четкие указания местам”. Такое настроение естественно и понятно, то оно и привело к тому, что первая половина прений состояла из доказательств необходимости украинской работы. На этот вопрос надо дать ясный и точный ответ высшему партийному органу ЦК РКП (б)»³¹.

Отсутствие партийных директив по вопросу украинизации сильно осложняло работу государственных органов и приводило к непониманию происходивших процессов не только в массе простого крестьянского населения, но и в среде партийцев: «Коммунисты спрашивали: а можно ли быть коммунисту украинцем, а беспартийные обратный ставят вопрос: “Можно ли украинцу быть коммунистом?”»³².

К аналогичным выводам пришел и тогдашний заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена П.С. Шафран, побывавший с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах Воронежской губернии весной того же 1925 г. В его докладе было отмечено следующее: «Украинское учительство запугано. Еще до сих пор смотрят на украинское учительство, как на шовинистическо-петлюровское. Работник, который заботится о школе, получает ярлык “щирый”. Над переводом школ на украинский язык производятся опыты (...)»³³.

К концу 1925 г. по всей РСФСР насчитывалось всего-навсего 84 украинских школы 1-й ступени³⁴. Тем не менее, несмотря на все сложности этого этапа, с конца 1925 г. начался (прежде всего, на Кубани и в Воронежской губернии) заметный перелом в деле украинизации.

Говоря о причинах того, почему политика украинизации школ и культурно-просветительных учреждений в губерниях Центрального Черноземья и на Кубани с самого начала ее реализации велась очень слабо и непоследовательно, необходимо иметь в виду, что, кроме отсутствия достаточного количества украинских педагогических кадров, учебно-методической литературы на украинском языке, наличия постоянного дефицита в финансировании украинских школ, изб-читален и клубов, было еще одно веское обстоятельство, которое позволяло местным чиновникам довольно длительное время игнорировать и спускать на тормозах директивы центра. Таким обстоятельством была абсолютная уверенность в том, что бывшее малороссийское население за время длительного проживания в Российской империи полностью ассимилировалось (обрусело), не считает себя украинцами, а русский язык в настоящее время знает гораздо лучше, чем украинский. И потому оно само выступает противником украинизации школ и культпросветучреждений.

Действительно, многое в этом суждении было справедливым и заслуживало того, чтобы отнестись к разрешению украинского вопроса как здесь, так и в целом в РСФСР, более гибко, с позиций объективной реальности, нежели теоретической догмы.

Так, еще 3 марта 1923 г. заместитель заведующего агитационно-пропагандистского отдела Воронежского губернского комитета партии Павленко направил в адрес АПО ЦК РКП (б) письмо, в котором сообщал о нецелесообразности организации украинской секции при агитпропе. Причина заключалась, на его взгляд, в том, что «украинское население говорит не на чистом украинском языке, так что последний ей будет малопонятен». «Потребности в этом до сих пор не встречалось. Попытки организовать украинскую секцию уже имели место два раза и оба раза совершенно безрезультатно»³⁵.

Из Богучарского уезда Воронежской губернии 30 июня 1923 г. сообщали, что «вследствие вековой русификации украинских поселений через школы и официальный русский язык, украинское население полуутратило свое наречие, с которым

оно пришло с правобережной Украины, и в настоящее время говорит своеобразным коверканным наречием, несколько подходящим к языку, на каком написан “Кобзарь” Шевченко»³⁶.

В это же время на заседании Острогожского уездного комитета партии рассматривался вопрос о целесообразности введения в школах украинского языка. В информации, которая была получена от жителей «наиболее украинских» волостей – Колыбельской, Каменской и Матрено-Гвоздевской, отмечалось, что «украинские школы, как опыт, были открыты в некоторых пунктах (...) Острогожского уезда, но не привились и население в них совершенно не заинтересовано». В конце документа подчеркивалось, что «на украинизацию у населения взгляд вообще отрицательный»³⁷. После подобных заявлений Президиум Острогожского укома партии на своих заседаниях в июле и сентябре 1923 г. принял решение от украинизации отказать.

В июле 1923 г. заведующий Россошанской школой 2 ступени Шаталов писал по поводу нецелесообразности введения украиноведения следующее: «В Россоши и окрестностях говор – русский, нередко слышится разговорный русско-украинский, т.е. русский с примесью небольшого процента украинских слов. О чистом украинском языке здесь нет и речи (...) Наконец, в обиходе, в учреждениях только русский язык. И, по моему мнению, в Россошанской школе 2 ступени должен быть только русский язык»³⁸.

Осенью 1925 г. А.Л. Щепотьев, будучи недавно назначенным на должность уполномоченного по работе среди национальностей Воронежского губисполкома, основные причины медленного перевода школ на украинский язык преподавания видел в том, что, во-первых, население отрицает украинский язык как самостоятельный и отдельный от русского, «благодаря вековой русификации и малокультурности у него сложилось пренебрежительное отношение к собственному языку». Во-вторых, у населения отсутствуют перспективы для развития национальной школы ввиду оторванности их от жизни: «Школ 2-й ступени и средних учебных заведений с украинским языком не было, делопроизводство велось на русском языке». И,

наконец, в-третьих, «неясности в отнесении групп населения к той или иной национальности»³⁹.

По нашему мнению, период с конца 1925 г. и вплоть до конца 1929 г., до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства, можно обозначить в качестве следующего, *второго этапа* украинизации. Основная цель на этом этапе заключалась в украинизации партийно-советского аппарата, правоохранительных и судебных органов. Необходимо было начать украинизацию сельских советов, волостей и районов, перевода делопроизводство на украинский язык. Тем самым были сделаны первые шаги на пути по административно-территориальному выделению украинских национальных сельсоветов, волостей и районов на территории РСФСР. С другой стороны, в сфере народного образования возникла острая потребность в школах повышенного типа (школы 2 ступени, ШКМ, ФЗС) на украинском языке и украинских педтехникумах для обеспечения украинскими педагогическими кадрами массовой школы (школы 1 ступени).

Данный этап кардинально отличается от предыдущего, прежде всего, тем, что работа инспекторов по просвещению украинского населения по линии Наркомпроса РСФСР и уполномоченных по работе среди украинского нацменьшинства по линии Край-, Обл- и Губисполкомов принимает строго плановый характер. Более того, в этот период постепенно налаживается взаимодействие между обоими государственными структурами, проводившими важнейшие мероприятия в области украинизации, как по линии административно-советских органов (Отдел национальностей ВЦИК и уполномоченные советов), так и по линии культурно-просветительных учреждений (Совнацмен и инспектура Наркомпроса РСФСР). Еще одной особенностью данного периода является то, что в это время активно формируется законодательная база, обеспечившая функционирование и деятельность органов, отвечавших за проведение в жизнь советской национальной политики, в соответствующем правовом поле и придавшая им соответствующий правовой статус. Тогда же проходят первые совещания всероссийского уровня, на которых подводятся определенные итоги в

деле украинизации и обеспечении интересов украинского меньшинства в РСФСР, происходит обмен опытом. (Например, I и II Всероссийское совещание уполномоченных по работе среди нацмен и др.)

Правда, следует сделать одно принципиальное уточнение. Все вышеперечисленные моменты, характеризующие 2-й этап украинизации, и особенно процесс украинизации органов управления, в полной мере проявили себя лишь в самом конце этого этапа, в 1928–1929 гг., да и то, главным образом на территории Центрально-Черноземной области и Кубани.

Так, например, вплоть до конца 1928 г. на территории РСФСР не было выделено еще ни одного района или округа с делопроизводством на украинском языке, за исключением 3-х волостей бывшей Воронежской губернии, где эта работа проводилась в качестве эксперимента с 1927 г. В конечном итоге частичный перевод делопроизводства на украинский язык был произведен в 2-х волисполкомах с общим числом сельсоветов 21. В связи с образованием летом 1928 г. Центрально-Черноземной области процесс по административному выделению украинских районов затормозился и к нему приступили снова лишь в начале 1929 г., когда было принято соответствующее постановление Центрально-Черноземного Облисполкома.

«На Северном Кавказе до конца 1928 г. ровно ничего не было сделано в этом направлении, хотя имелся ряд постановлений сходов пленумов стансоветов и даже районных съездов советов о необходимости полной украинизации соваппарата»⁴⁰. Только в декабре 1928 г. Северо-Кавказский крайком партии принял решение о проведении украинизации советского и партийного аппарата в 37 районах края, в том числе 12 районов Кубани, где проживало свыше 1750 тыс. украинского населения (или 44% всего украинского населения в крае). Планом предусматривалась переподготовка необходимого количества низовых советских работников. За 3 года переподготовку должны пройти 2878 человек, из которых 1620 человек работники сельских советов (по 3 человека на каждый сельсовет). Кроме того, предполагалось подготовить на каждый украини-

зированной район по 10 человек представителей сельской милиции, всего 370 человек. А весь состав технических работников районного аппарата должен был пройти переподготовку на специально организованных для этого курсах. Это работники райисполкомов, его отделов, судебные работники и работники милиции. Переподготовка же ответственных работников с ненормированным трудом, т. е. членов президиумов райисполкомов, заведующих отделами и т.д., должна быть проведена без отрыва их от основной работы, посредством организации в районных центрах вечерних кружков по самообразованию.

В 1929 г. было намечено переподготовить 927 человек, в предстоящем 1930 г. еще 903 человека, и, наконец, в 1931 г. – 1048 человек. На проведение украинизации советского аппарата было запланировано израсходовать 389 666 рублей, из них в текущем 1929 г. – 141 547 рублей⁴¹.

«По этому плану украинизация Славянского района должна была закончиться полностью еще в 1929 году. В действительности же это решение не было выполнено и вообще почти ничего не было сделано в отношении украинизации соваппарата в намеченных районах. Такое положение получилось вследствие того, что руководство проведением украинизации со стороны окружных исполкомов, риков и стансоветов было совершенно неудовлетворительное; местные руководящие работники оправдываются тем, что в начале развертывания украинизации почти все руководящие работники были брошены в деревню на проведение хлебозаготовок, подготовку к переходу на сплошную коллективизацию и не сумели увязать этих кампаний с работой по украинизации»⁴².

В постановлении ЦИК СССР по докладу Северо-Кавказского крайисполкома о практическом осуществлении национальной политики в Северо-Кавказском крае от 12 февраля 1930 г. было отмечено следующее: «3. В частности, в отношении обслуживания украинского населения и проведения украинизации, несмотря на ряд имевшихся решений, дело практически не получило должного разрешения. Принятый крайисполкомом план проведения украинизации на Северном Кавказе к 1930 г. соответствующего перелома на местах не создал. До

весны 1929 г. руководство краевых советских органов в этом вопросе не было ни твердым, ни последовательным. Точно также и в планах работы окрисполкомов большинства округов вопрос украинизации до сих пор не находил достаточного отражения»⁴³. В целях активизации мероприятий в области украинизации краевым органам власти предлагалось в ближайшее время создать в центре Северо-Кавказского края и округах с украинским населением очаги культуры – театры, библиотеки, литературные объединения писателей-украинцев, а также развернуть организацию школ, изб-читален, народных домов и клубов.

XVI съезд партии, проходивший в июне 1930 г., выдвинул лозунг социалистического наступления по всему фронту. И.В. Сталин охарактеризовал это наступление, как движение «на всех парах к социализму», как задачу превращения СССР в промышленно-аграрный металлургический комбинат. В связи с этим основной задачей национальной политики советской власти становится задача укрепления диктатуры пролетариата и выдвижения пролетарских кадров: «Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата»⁴⁴. Вместе с тем, Сталин озвучил на съезде принципиально важный тезис о том, что «период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме». При этом он подчеркнул, что «развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке», что «только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства», что «в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР»⁴⁵.

В связи с этим, нам представляется вполне справедливым выделить период с 1930 г. по декабрь 1932 г. в качестве заклю-

чительного *третьего этапа* украинизации в РСФСР. Главная цель на этом этапе заключалась в том, чтобы, во-первых, в ходе активно развернувшейся культурной революции осуществить всеобщее начальное обучение и ликвидацию неграмотности среди украинского нацменьшинства на украинском языке, а, во-вторых, завершить перевод всей общественно-политической, хозяйственной и культурно-просветительной работы в национальных районах с русского на украинский язык. Именно поэтому в это время достигает своего пика украинизация школ и культурно-просветительных учреждений, массовыми тиражами выходят районные газеты на украинском языке, создаются украинские отделения в ВУЗах и т.д.

В связи с этим перспективные планы украинизации зачастую необоснованно завышаются, а ее темпы ускоряются, административный нажим усиливается, вызывая негативную реакцию, как со стороны представителей низового партийно-советского аппарата, так и местного украинского населения.

Вместе с тем, с началом перехода к строительству социализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства меняются приоритеты в реализации целей политики украинизации. Теперь украинизация в сельских районах РСФСР должна была стать одним из инструментов власти в деле успешного проведения сплошной коллективизации. Как следствие этого, резко усиливается ее классовая составляющая, всячески подчеркивается ее антикулацкая направленность. Важнейшей задачей в ходе украинизации становится воспитание и выдвижение пролетарских национальных кадров, которые должны были возглавить строительство украинской культуры, национальной по форме, но социалистической по содержанию.

В книге «Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР» З.С. Островский подчеркивает классовый характер советской украинизации, который стал наиболее заметен в период социалистической реконструкции сельского хозяйства: «Кулаки не могли быть сторонниками нашей большевистской, советской украинизации, потому что она ничего хорошего им не сулит. Украинизация соворганов должна была в то время поставить станичного кулака или зажиточного казака лицом к

лицу с казацкой беднотой, а это для него весьма неприятно; в этом национальном моменте до известной степени отражается классовая сущность»⁴⁶.

Не случайно, что в постановлении ЦИК СССР по докладу Северокавказского крайиспокома о практическом осуществлении национальной политики (февраль 1930 г.) указывалось на необходимость «принять более решительные меры к окончательному очищению советского аппарата и аппарата кооперативного и других общественных организаций автономных областей и национальных районов от классово-чуждых элементов, укреплению и перестройке работы национальных советов в соответствии с новыми политическими и хозяйственно-культурными задачами и к усилению их руководящей роли в проведении коллективизации», «взять твердый курс на более широкое развертывание работы по организации и укреплению групп бедноты при национальных советах», «разработать практические мероприятия, обеспечивающие в кратчайший срок укрепление советского и кооперативного аппарата национальными кадрами из среды рабочих, батраков и бедняков»⁴⁷.

22 апреля 1932 г. Северо-Кавказский краевой отдел народного образования предоставил Наркомпросу РСФСР следующие статистические данные об итогах украинизации школ к концу учебного года: «В конце 1932 г. на Северном Кавказе на украинском языке работало 1609 школ 1-й ступени с 221 453 учащимися и с 558 учителями, 259 школ 2-й ступени с 42 148 учащимися и с 1552 преподавателями, 12 педагогических техникумов, краткосрочные педагогические курсы и сеть политпросветучреждений»⁴⁸.

В Центрально-Черноземной области (ЦЧО) к декабрю 1932 г. существовало уже 52 района полной и частичной украинизации. Вместе с тем, довольно значительных результатов ЦЧО достигла в сфере украинизации системы школьного образования и культурно-просветительных учреждений. Например, к началу 1931/32 учебного года в большинстве районов завершалась украинизация школы 1-й ступени (80%), развертывалась украинизация школ повышенного типа – 34 и педтехникумов – 14. Значительно выросла и украинская печать: если в

1930 г. было всего 2 украинских газеты по области, то к концу 1931 г. полностью украинизированных было 10 районных газет, 3 газеты были частично украинизированы (имелся вкладыш на украинском языке) и выходила 1 областная газета для малограмотных⁴⁹.

К этому времени украинизация на территории РСФСР набрала достаточно высокие темпы (а по сравнению с предыдущими этапами это был гигантский рывок вперед): одних только украинских школ 1-й ступени насчитывалось около 4 тысяч, было выделено около сотни украинских районов, выходило несколько десятков областных и районных газет на украинском языке.

Однако в декабре 1932 г. происходит резкая смена векторов в национальной политике сталинского руководства, которая привела к свертыванию политики украинизации на всей территории РСФСР.

Таким образом, говоря об этапах политики украинизации на территории РСФСР в 1923–1932 гг. и их характерных чертах, следует отметить следующее. В своем развитии государственная политика украинизации прошла несколько этапов, а ее приоритеты менялись в соответствии с изменением политической и социально-экономической ситуации в стране. На первом этапе (1923–1925) решались задачи по созданию украинских школ и культурно-просветительских учреждений; на втором этапе (1926–1929) возник вопрос о необходимости украинизации партийно-советского аппарата и выделении национальных украинских районов и сельсоветов; на третьем этапе (1930–1932) в ходе развернувшейся культурной революции и коллективизации крестьянских хозяйств украинизация должна была стать одним из главных инструментов власти, способным ускорить начавшиеся социалистические преобразования на селе; приоритетным становится воспитание и выдвижение пролетарских национальных кадров, которые должны были возглавить строительство советской украинской культуры, национальной по форме, но социалистической по содержанию.

Главные причины, которые заставили большевиков перейти к активной поддержке политики украинизации в РСФСР,

заклучались в том, чтобы, во-первых, перехватить инициативу из рук украинских националистов («петлюровцев»), а во-вторых, поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную («самостийную») культурно-просветительную работу беспартийного учительства. Важнейшей задачей Центрального украинского бюро Совнацмена Наркомпроса РСФСР на первом этапе украинизации было стремление устранить отрицательное отношение местных отделов народного образования к культурно-просветительным нуждам украинского населения и создать «нормально-правильные условия работы». Как показали первые попытки украинизации учреждений народного образования в губерниях РСФСР, деятельность Губсовнацменов и уполномоченных по просвещению нацмен, направленная на создание национальной украинской школы, украинизацию низового советского и административного аппарата, встретила активное сопротивление со стороны представителей не только партийно-советского руководства, но и части самого малороссийского населения. Такая ситуация складывалась вплоть до конца 1929 – начала 1930 г., после чего политике украинизации на всей территории РСФСР был придан новый импульс. Это было связано с теми огромными изменениями в социально-экономической жизни советского общества, которые многие исследователи называют сталинской «революцией сверху». Культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств на заключительном этапе украинизации должна была содействовать тому, чтобы все активнее вовлекать их в социалистическое строительство. Культурная революция, коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, во всех этих процессах национальные меньшинства должны были участвовать наравне с русским населением. А расцвет национальных по форме, но социалистических по содержанию культур должен был наглядно демонстрировать успешное разрешение национального вопроса в Советском Союзе.

Коренизация украинцев РСФСР являлась составной частью более широкого процесса по приобщению многочисленных национальностей Советского Союза к национально-культур-

ному и советскому строительству. Ее отличительной чертой стало то, что, несмотря на признание украинцев России национальным меньшинством наравне с другими национальностями, на протяжении практически всего 10-летнего периода осуществления украинизации органам государственной власти приходилось преодолевать сопротивление со стороны тех, у кого эта политика продолжала вызывать сомнения и недоверие.

* * *

В борьбе с украинским национальным движением большевики вынуждены были пойти на определенный компромисс: Москва сохраняла за собой политический контроль над Украиной, но украинцам, отказавшимся от борьбы за политическую независимость, была предоставлена возможность для широкого развития украинского языка, украинской культуры и украинского национального самосознания, как на территории УССР, так и за ее пределами, среди украинцев России.

Более того, если говорить о Советской Украине, то именно в этот период украинская идентичность одержала окончательную победу над малороссийской культурной спецификой, что привело к распаду общерусского культурного пространства. Русское общественное сознание переживало в этот период специфическую травму, вызванную происходившим распадом общерусской идентичности. Малороссы, не воспринимавшиеся ранее в массовом сознании как отдельный национальный организм, на глазах превращались в украинцев, отвергавших концепцию триединой нации⁵⁰.

Однако влияние проекта общерусской нации оказалось достаточно прочным среди украинцев РСФСР, его инерция была очень сильна даже в 1920-е годы, когда украинский проект достигает здесь своих самых больших результатов. Местное малороссийское население, проживавшее в русских губерниях, упорно отказывалось признавать себя «украинцами», продолжая называть себя «хохлами», «суржиками», «перевертнями». Здесь, на русско-украинском пограничье (Кубань, ЦЧО), даже несмотря на многолетнюю политику украиниза-

ции, процессы естественной ассимиляции среди украинско-малороссийского населения России проявлялись ярче всего.

Обращает на себя внимание тот неоспоримый факт, что довольно большая часть населения Кубани воспринимала свою этническую идентичность как промежуточную между русской и украинской: многие жители черноморских станиц называли себя «хохлами», «кубанскими хохлами». «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинцы». В 1931 г. в Краснодаре проводилось обследование предприятий города «на предмет выявления украинцев». По данным обследования рабочие некоторых заводов говорили, что они «кубанские хохлы»⁵¹.

По мнению краснодарского исследователя И.Ю.Васильева, несмотря на «проукраинское» давление советской государственной машины в период проведения украинизации на Кубани, значительная часть людей продолжала отстаивать свой выбор в пользу русской культуры. После проведения коллективизации и как следствие более тесного соприкосновения селян с государственным русским языком процесс обрусения Кубани практически завершился.

Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в губерниях Центрального Черноземья. Так, например, отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 г. 49,39% населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что украинцы эти числятся таковыми только лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна». – «Практикуемая населением в общежитии речь Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьезную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охо-

той...»⁵². В докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде сообщалось, что украинский язык прививается не совсем хорошо, так как в украинском языке имеются слова, которые еще непонятны крестьянам. «Понятие же населения о литературном украинском языке слабое, поэтому работники ВИКов и сельсоветов в своих обращениях с ним (дача отчетов, докладов, а также разъяснений) применяют местное слобожанское наречие, если же говорить на чисто украинском языке, то он для них бывает не совсем понятным»⁵³. Точно так же в мае 1930 г. в докладной записке областной комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в ЦЧО, было указано, что нередки случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, которые ничего общего не имеют с украинцами⁵⁴.

Инспектор Отдела национальностей З.С. Островский, который находился в Курской губернии в связи с обследованием украинской работы в декабре 1927 г., отмечал в своем докладе, что здешнее население вполне сохранило свой особый язык (слобожанский говор) и бытовые особенности⁵⁵.

В связи с этим важно отметить тот факт, что многие местные руководители, как например, в Белгородском уездном отделе народного образования, даже саму политику по украинизации школы, особенно на раннем этапе, понимали достаточно упрощенно, исключительно как «введение в обиход школы разговорного местного языка»⁵⁶.

Но наиболее активно за сохранение своих региональных особенностей высказывалось население Кубани, где вместо «украинизации» намеревались произвести «кубанизацию». В справке ОГПУ в ЦК ВКП (б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа от 31 мая 1928 г., в частности, сообщалось следующее: «Наряду с отрицательным отношением населения к украинизации, особо следует отметить неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения «своего кубанского языка»,

а не «чужого украинского». Идея «кубанизации» исходит главным образом от кубанских руководителей, методистов-украинцев, возглавляемых профессорами Шалем, Мартининым и другими. Считая, что украинизированный букварь, которым пользуются украинизированные школы, не отвечает интересам кубанского населения, говорящего на особом наречии, и дети не понимают украинской литературной речи, они выдвинули вопрос о создании нового букваря, составленного на основе местного наречия. Студенты педагогического техникума, работающие сейчас на практике в станице Полтавской Кубанского округа, под покровом краеведческой работы проводят специальное задание по изучению особенностей кубанского наречия, записывая отдельные слова и выражения для составления особого кубанского словаря.

Некоторые из самостийно настроенных учителей, преимущественно из среды коренных кубанцев, поддерживают идею «кубанизации школы». Характерно отметить, что в школах, возглавляемых этими учителями (например, 2-я Украинская в станице Старощербиновской Донского округа), как дети, так и родители на вопрос: какой язык они желают изучать – русский или украинский, отвечают: «Наш, кубанский».

В Уманском районе Кубанского округа. Ряд родительских собраний вынесли постановление, в которых высказывается желание о преподавании в школах «родного кубанского языка, а не украинского».

В Северском районе Кубанского округа среди населения наблюдаются разговоры: «Если украинизировать школы, то только на нашем кубанском наречии, а не на чужом украинско-галицийском...»⁵⁷.

2 июня 1932 г. в областной отдел нацменьшинств ЦЧО из В.-Карочанского райисполкома поступило следующее любопытное сообщение по вопросу проживания на территории района украинского населения: «Райисполком сообщает, что в нашем районе населенных украинцами пунктов нет, имеется один сельский совет, который населяется полуукраинцами, но говорящих на русском языке»⁵⁸. В ответ из Воронежа в район было направлено директивное письмо руководства областного

отдела нацменьшинств с требованием срочно сообщить название данного сельсовета и установить истинную национальность, проживающего там населения. «Областной отдел нацменьшинств, получив от Вас сообщение, что в одном из сельсоветов района проживают «полуукраинцы», считает необходимым разъяснить Вам, что определение нации «полуукраинцы», данное Вами, совершенно неверно, как нации, «полуукраинцев» быть не может. Возможно, что население этого сельсовета происхождением украинцы, но плохо владеющие своим родным языком. Просим срочно сообщить название этого сельсовета и установить национальность. Срок исполнения 30/VI-32 года»⁵⁹.

Все перечисленные выше примеры являются, на наш взгляд, достаточно убедительным доводом в пользу того, что в ходе развернувшейся политики украинизации в РСФСР в 1920-е гг. большинство малороссийского населения русско-украинского пограничья выступило за сохранение и развитие своих региональных особенностей (например, слободского и кубанского языка). Как видно, пограничный тип национальной идентичности – «мы – не украинцы и не русские, мы – хохлы, суржики, перевертни» – не только не исчезает, а, наоборот, даже начинает доминировать среди широких народных масс на Кубани и в Центральном Черноземье, как, своего рода, защитная реакция «полуукраинцев» на украинизацию, проводимую «сверху», под административным нажимом советских властей.

Как показывает анализ архивных документов, противниками украинизации, как правило, выступали представители низового партийно-советского и административного аппарата. Документы 1920-х–1930-х годов характеризуют позицию советского чиновничества в отношении политики украинизации в Центральном Черноземье как «пассивную», «инертную», а в ряде случаев «замаскировано-недоброжелательную». Если на первых этапах украинизации она отторгалась служащими сов-аппарата по причинам принципиального идеологического или же политического характера, как уступка «петлюровцам» и «контрреволюции», то с конца 1920-х – начала 1930-х годов нередко такая позиция противников украинизации объяснялась

простым нежеланием взваливать на себя дополнительную нагрузку по изучению украинского языка.

«Отношение аппарата к украинизации пассивное, а в целом ряде случаев замаскировано-недоброжелательное», «отношение аппарата, за редким исключением, надо определить как инертное», «открытых сопротивлений нет (...) но конкретные факты говорят за то, что отдельные работники, если не протестуют против украинизации, то и ничего не делают для скорейшего проведения таковой», – именно так характеризуют документы тех лет позицию советского чиновничества в отношении политики украинизации в Центральном Черноземье⁶⁰.

Так, учитель одной из украинских школ в Воронежской губернии Кравченко дает следующую нелестную оценку деятельности местных органов в деле просвещения украинского нацменьшинства, которая относится к началу 1920-х годов: «Отношение к украинизации школ, а также к уже украинизированным (школам) со стороны некоторых представителей местной власти крайне оппозиционное. Правда, особых репрессий не было, но нападки всякого рода так или иначе очень вредно отзывались на школе и тормозили ее работу. На учителей украинской школы смотрят, как на узких националистов и видят в них какую-то контрреволюционность. Но это, по всей вероятности, происходит от непонимания национальной политики совapparата. Сильно страдают школы также и оттого, что инспектора уезда являются яркими противниками украинизации школ или просто безучастны и легко становятся на сторону разных нашоштывателей. Нет таких людей в лице инструкторов или инспектуры, которые бы более здраво смотрели на вещи и согласовывались бы с требованиями, как времени, так и массы. Поэтому украинизированные школы нашей местности – явление случайное. Они есть там, где смогли прорваться через оболочку грубой закоснелости. Как при ГубОНО, так и при УОНО нужно иметь людей более здраво смотрящих на национальную политику совapparата и заинтересованных в этом, сочувствующих национальному, культурному развитию»⁶¹.

К аналогичному выводу пришел и инспектор Отдела национальностей ВЦИК Моравский. «Почти во всех органах от-

носились к вопросу об украинизации школ и советского аппарата в районах с украинским населением недоброжелательно, ссылаясь на невозможность перевода, вообще, сложность этого вопроса и “нежелание населения”, причем под последним подразумевают отзывы местных властей, которые или не понимают национального вопроса, или находятся под давлением советских или партийных органов», – говорилось в его докладной записке «О положении национальных меньшинств в Воронежской губернии» от 27 августа 1925 г. «Неудивительно, что украинское население, не находящее должного внимания у местных властей, ищет других путей для удовлетворения своих культурных потребностей на родном языке. По сообщению секретаря Россошанского укома, у них наблюдается нелегальное обучение украинскому языку»⁶².

В августе 1925 г. Воронежский ГубОНО сообщал, что значительная часть работников местных советских органов не склонна отличать особенности населения украинской национальности, утверждая, что таковое в Воронежской губернии достаточно русифицировано⁶³.

А вот выдержка из письма инспектора по просвещению нацмен при Воронежском ГубОНО Костева. «...Один раз, беседуя с товарищем Гавриленко (по-видимому, один из членов Президиума Воронежского губисполкома. – *Д.К.*), я сказал ему, что, когда я нахожусь в командировке в украинских селах, везде выступаю по-украински, меня везде понимают. На что т. Гавриленко сказал: “Необходимо выступать по-русски, потому что делопроизводство и вся работа ведется там по-русски”. Когда я обратил его внимание, что он, наверное, шутит, а не серьезно дает директивы мне, он посмотрел на меня и сказал: “Товарищ Костев, Вы будете только по-русски говорить и докладывать в ВИКах, сельсоветах и т.д.” Я больше не возражал...»⁶⁴.

Аналогичная ситуация складывалась и в Курской губернии. Когда летом 1925 г. заведующий подотделом губсовнацмена при Курском ГубОНО товарищ Голубятников, назначенный на эту должность в конце апреля того же года, попытался наладить просветительную работу среди украинского нацменьшин-

ства Курской губернии, то услышал от инспектора губернского отдела народного образования Яньшина следующее: «Что ты хочешь по всей Курской губернии Хохляндию разводить!»⁶⁵. В своем письме в Отдел национальностей ВЦИКа Голубятников писал: «Слово “нацмен” казалось им (имеются в виду противники украинизации из руководства Курского ГубОНО. – К.Д.) тем, с чего только можно было посмеяться, и они это делали, и иронизировали, и смеялись на деловые вопросы по работе нацмен»⁶⁶.

Об этом же писал в своей книге «Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР» З.С. Островский: «В 1927 году один начальник районного адмотдела в бывшем Валуйском уезде Воронежской губернии на бумажке, написанной на украинском языке, высокомерно начертал: “Это вам не Украина, а РСФСР, прошу писать мне по-русски”. Могу добавить, что я лично видел такие же документы, исходившие от УЗУ, от УФО и даже от губземкомиссии. Эти ответственные органы не стеснялись в ответ на полученную бумажку на украинском языке наложить резолюцию: “Предлагается вам писать по-русски, так как у нас пока не Украина, а РСФСР”. И это делалось именно в бывшей Воронежской губернии, где число украинцев достигло огромной цифры. В апреле 1927 г. на заседании Президиума Гриворонского уисполкома бывшей Курской губернии было официально указано инспектору Наркомпроса, что “проведение плана украинизации потребует смены уисполкома и укома”, как не владеющих украинским языком, между тем “в программе партии нигде не указано, чтобы изучать чужие языки” (...)»⁶⁷.

Советская политика украинизации проходила на фоне начавшегося с конца XIX в. процесса формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако этот процесс был еще очень далек от своего завершения. И ярче всего это проявлялось среди украинского/малороссийского населения России. Так, в Центральном Черноземье и на Кубани, в пограничной русско-украинской зоне, ассимиляционные процессы привели к тому, что проживая в русскоязычной среде и владея русским языком, этнические украинцы отнюдь не всегда желали обучаться на родном украинском языке, так как

многие жизненные перспективы в этом регионе (возможность продолжить обучение в вузе, получить престижную работу и т.д.) традиционно были связаны с русским языком. И поэтому местное украинское население зачастую высказывалось против проведения украинизации, что сводило на нет все украинизаторские усилия местных властей.

По сути, как нам представляется, политика советской украинизации в РСФСР была формой конструирования украинской национальной идентичности взамен малороссийской среды «хохлов» Центрального Черноземья и Кубани.

Как нам представляется, можно говорить о том, что в какой-то мере национальный вопрос на русско-украинском пограничье был искусственно раздут, он никогда не имел такого принципиального значения для местного населения, как русского, так и украинского, по сравнению, например, с аграрным вопросом, с проблемами социально-экономического плана. Поэтому в какой-то мере справедливыми будут оценки этого процесса как насильственной украинизации, своего рода украинофикации. Дело все в том, что бывшее малороссийское население Воронежской и Курской губерний не считало себя «украинцами», они называли себя «хохлами», но никак не «украинцами». В результате перевод школ на украинский язык встречал сопротивление со стороны самого населения. Литературный украинский язык ему не был знаком и зачастую воспринимался как чужой и непонятный («галицийский»). Возникло противоречие: с одной стороны, коренизация (и украинизация как один из ее региональных вариантов) должна была приблизить советский аппарат управления к местному населению, привлечь его к советскому и культурному строительству, опираясь на его язык, обычаи, традиции (резолюции X и XII партийных съездов), а с другой стороны – практика реализации мероприятий, связанных с коренизацией украинцев РСФСР, в том числе проживавших в Центральном Черноземье и на Кубани, приводила к обратным результатам. В школах изучался язык, который не находил применения в повседневной жизни, так как во всех государственных и общественных учреждениях использовался русский язык. Попытки перевести

делопроизводство на украинский язык приводили к тому, что только затрудняли эффективную работу местных органов власти, так как не было достаточного количества советских и партийных работников, свободно владеющих литературным украинским языком. Зато русским языком свободно владели все социальные группы украинского населения. Поэтому местное население выступало за обучение на родном языке, но не на «украинском», а на понятном ему «хохлацком», «слобожанском», «кубанском», который вполне можно было рассматривать в качестве одного из диалектов русского языка. Но в таком случае под вопрос ставилась сама необходимость дальнейшей политики украинизации в отношении этого населения.

Получался своего рода замкнутый круг. Центральные органы в лице Отдела Национальностей ВЦИКа и Совета (Комитета) по просвещению нацменьшинств НКП РСФСР, исходя из задач четкого выполнения партийных директив по национальному вопросу, требовали от уполномоченных по работе среди нацмен и инспекторов по просвещению нацмен в украинских районах Центрального Черноземья и на Кубани дальнейшей украинизации школы, культурно-просветительных учреждений, перевода на украинский язык делопроизводства низовых советских и административных органов. Но, когда начинали развертываться такие мероприятия по украинизации, то они сразу наткнулись на глухое сопротивление, а в лучшем случае на индифферентное и пассивное отношение со стороны местного населения, так как в большинстве случаев реализация политики украинизации среди украинцев России не облегчала их жизнь, а наоборот, осложняла. Это противоречие сопровождало политику украинизации в Центральном Черноземье и на Кубани на всех этапах ее реализации и во многом повлияло в конечном итоге на ее эффективность и результативность.

В 1932/33 гг. по инициативе сталинского руководства из-за угрозы распространения украинского национализма на внутренние области России произошел отказ от политики украинизации РСФСР⁶⁸. Суть перемен в приоритетах советской национальной политики, начавшихся в этот момент, довольно точно раскрывает короткая записка, которая сохранилась в рабочих

бумагах Сталина. Она датируется 1933 г. «Мы, – писал Сталин, – боролись и подорвали основы великорусского шовинизма для установления национального равенства. Но ввиду того что борьба эта велась нередко националистическими элементами не всегда по-большевистски, не всегда во имя интернационализма, нередко национализм великорусский заменялся национализмом украинско-галицким, и вместо национального равенства получалось неравенство, шовинизм и украинизм, не интернационализм, а национализм»⁶⁹.

Существовавшие украинские районы и украинские школы были ликвидированы, делопроизводство в государственных учреждениях, как и преподавание в школах и ВУЗах было вновь переведено на русский язык. С этого времени на русско-украинском пограничье возобновился процесс естественной ассимиляции украинского населения, а под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности с украинской на русскую. Украинская национальная идентичность не успела еще пустить прочные корни среди малороссов, проживавших на территории РСФСР.

В споре двух национальных проектов в первой трети двадцатого века украинский проект не смог одержать верх в РСФСР (да и в пограничных восточных областях УССР), так как историческая традиция и самосознание местного малороссийского населения были неразрывно связаны сначала с русским государством и русской культурой, а затем с Советским Союзом и советской культурой. К этому времени на территории РСФСР был накоплен опыт длительного совместного проживания русского и украинского населения в рамках единого государства, обусловленный этнокультурной и конфессиональной близостью двух восточнославянских народов, который позволил украинцам России практически безболезненно преодолеть кризис, вызванный свертыванием политики украинизации. Правда, это означало дальнейшую их ассимиляцию среди русского населения и почти полное слияние с русской нацией к концу двадцатого столетия⁷⁰.

-
- ¹ Авторы книги «Украинцы», подготовленной Институтом этнологии и антропологии РАН, выделяют среди восточной диаспоры в отдельную группу «украинцев в полосе этнических границ, издавна живущих на стыке этнических массивов разных народов (руско-украинская, украинско-молдавская и другие этнически смешанные зоны)». Без сомнения, к этой категории относятся украинцы Центрального Черноземья и Кубани. См.: Украинцы. М., 2000. С. 77.
- ² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 360.
- ³ Цит. по: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 72.
- ⁴ См. подробнее: *Дроздов К.С.* Белгородчина в составе Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского: оккупация или присоединение? // Белгородский краеведческий вестник. Белгород, 2006. Вып. 6. С. 11–35; *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010; *Черномаз В.А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009.
- ⁵ *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 48–49.
- ⁶ Под украинским проектом автор понимает комплекс теоретических и идеологических постулатов, а также практических мероприятий (например, политика украинизации как «петлюровская», так и «советская») сторонников украинского национального движения, направленных на создание украинской национальной идентичности среди малороссийского населения сначала в Российской империи, а затем в УССР и РСФСР.
- ⁷ Цит. по: *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* Малоросс // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. М., 2012. С. 435.
- ⁸ Там же. С. 436.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–3об.
- ¹⁰ Там же. Л. 6.
- ¹¹ Там же. Д. 124. Л. 2.
- ¹² Подробнее о присоединении Таганрогского и Шахтинского округов к РСФСР см.: *Борисенок Е.Ю.* Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 207–209, 223.
- ¹³ Цит. по: *Сергійчук В.І.* Українізація Росії: політичношукацтво українців більшовицькоювладою в 1923–1932 роках. Київ, 2000. С. 37–38. Украинская сторона, обращая внимание на слабость работы среди украинского нацменьшинства в РСФСР, всячески подчеркивала угрозу со стороны «петлюровских элементов», которые готовы взять в свои руки руководство культурным процессом среди украинцев. «У контрреволюционных, шовинистических эле-

ментов на Украине момент необслуживания украинского населения в РСФСР занимает одно из значительнейших мест», – заявлял в своем выступлении перед делегатами 2-го Всероссийского совещания уполномоченных по работе среди нацменьшинств (май – июнь 1928 г.) руководитель нацменработой в УССР Саулевич. См.: Совещание уполномоченных по работе среди нацменьшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928. С. 389.

¹⁴ ГА РФ. Ф. А-296. Оп 1. Д. 86. Л. 29.

¹⁵ Чего нельзя сказать, например, о причинах свертывания политики украинизации в конце 1932 – начале 1933 г. как в РСФСР, так и на Украине. В отличие от первого вопроса данная проблема, а также известные постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 14 и 15 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» и «Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР», положившие конец политике украинизации на территории РСФСР, довольно широко исследовались в последнее десятилетие и украинскими, и российскими историками на фоне форсированной коллективизации крестьянских хозяйств и кризиса хлебозаготовительных кампаний 1932–1933 гг., результатом которых стал крупномасштабный голод/голодомор в зерновых районах Советского Союза. См., например: *Борисенко Е.Ю.* Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е годы) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 162–170; *Ефіменко Г.Г.* Зміна векторів у національній політиці Москви у голодоморний 1933 г. // Українській історичний журнал. 2003. № 5. С. 25–50; *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 240–242 и др.

¹⁶ Заботясь о местном украинском населении, которое, по его мнению, подвергается русификации, Н.А. Скрыпник инициировал направление комиссии ЦИК СССР в Сибирь и на Дальний Восток с целью обследования обеспечения прав украинского национального меньшинства. См.: ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 20. Д. 204. Л. 15–16, 60–61. В начале 1930-х он не раз заявлял: «Если в Ц.Ч.О. не обращают преимущественного внимания на разрешение украинского национального вопроса, на культурное и экономическое поднятие украинцев в Ц.Ч.О., то это свидетельствует о наличии там российско-великодержавного шовинизма». Цит. по: *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 413.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 997. Л. 28.

¹⁸ Там же. Л. 28–28 об.

¹⁹ Там же. Л. 26. Стоит заметить, что еще 1 февраля 1923 г., за несколько дней до вышеуказанного письма Центрального украинско-

- го бюро Совнацмена, на I Всероссийском съезде Губсовнацменов состоялось совещание делегатов по вопросу о партийной работе среди нацменьшинств. На нем было принято постановление о «всемерном усилении работы среди нацмен для закрепления своего влияния на этом участке борьбы» в условиях усилившегося натиска «клерикальных националистических элементов, стремящихся распространить свое влияние на широкие массы нацмен». Также было решено – вопрос о создании украинской и белорусской секций, как в центре, так и на местах, отложить до выяснения мнения соответствующих губкомов. Кроме того, делегаты совещания приняли решение «просить агитпроп ЦК разослать инструктивное письмо агитпропам Губкомов о засчитывании работы среди нацмен в число общих партобязанностей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 997. Л. 21).
- ²⁰ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.
- ²¹ Там же. Л. 6–7.
- ²² Там же. Л. 8.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 570.
- ²⁵ Там же. С. 570.
- ²⁶ Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 239–240.
- ²⁷ ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. С. 278–279, 281. Такое положение объясняется, на наш взгляд, еще и тем, что в течение этих двух лет в центре и на местах происходила организационная перестройка государственных структур, которые должны были проводить политику украинизации: был ликвидирован Наркомнац РСФСР и его аппарат на местах, а вместо него был создан Отдел Национальностей ВЦИК, который должен был наладить работу уполномоченных по работе с нацменьшинствами в краях, областях и губерниях РСФСР. Этот период продолжался до тех пор, пока в губерниях Центрального Черноземья и на Кубани, где проживала большая часть украинского населения России, не начался процесс создания местных органов, отвечавших за работу среди украинского национального меньшинства как по линии советов, так и по линии Наркомпроса. Только к концу 1925 г. в решении украинского вопроса в России намечился определенный сдвиг.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 86. Л. 1 об.
- ²⁹ Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. С. 482.
- ³⁰ Как сообщал один из делегатов XIV Курской губернской партконференции, которая состоялась в ноябре 1924 г., у них на крестьянскую волость в 30–35 тысяч человек приходится всего-навсего 12 коммунистов (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 508). Современ-

- ный курский исследователь В.Н. Письменов, анализируя механизмы формирования и функционирования органов управления Курской губернии в 1920-е годы, приходит к выводу, что «самым слабым звеном среди низовых органов власти губернии для правящего режима были сельские советы», они были менее всего затронуты большевизацией. К 1927 г. процент коммунистов по Курской губернии составил чуть более 6%. См.: *Письменов В.Н.* Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров (1920–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. С. 23. Не случайно в отчете Центрального украинского бюро за октябрь 1924 – апрель 1925 г. находим следующее: «Украинское крестьянство Воронежской, Курской (губерний) и Кубани до сего времени не является вполне “советским” вследствие того, что вся политико-просветительная работа ведется на русском языке, отчего создается недоверчивое отношение к работникам, на которых смотрят, как на чуждый, пришлый элемент, т.е. как на руссификаторов» (ГА РФ. А-296. Оп. 1. Д. 132. Л. 5).
- ³¹ ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 280.
- ³² Там же.
- ³³ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–7.
- ³⁴ См.: *Вдовиченко.* Обслуживание культурно-социальных нужд украинского населения в РСФСР // Советское строительство. 1928. № 7 (24). С. 82.
- ³⁵ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 853. Л. 23.
- ³⁶ Там же. Д. 1055. Л. 10. По мнению составителей доклада «О положении дела просвещения национальных меньшинств в Воронежской губернии», который был подготовлен в конце 1923 г., в этом отрицательном ответе Богучарского уездного отдела народного образования «определенно проводится ссылка на русификацию украинского населения, которая, по мнению УОНО, может продолжаться и далее в таком же порядке над 147 542 человеками украинского населения, составляющего 79% всего населения уезда».
- ³⁷ Цит. по: *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж, 2012. С. 70–71.
- ³⁸ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1055. Л. 11.
- ³⁹ Цит. по: *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Указ. соч. С. 79.
- ⁴⁰ *Островский З.С.* Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 47.
- ⁴¹ *Иванов, Ковалев.* Некоторые итоги национальной политики на Северном Кавказе // Советское строительство. 1929. № 7(36). С. 122.
- ⁴² *Островский З.С.* Указ. соч. С. 55.
- ⁴³ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 116.

- ⁴⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 55.
- ⁴⁵ Там же. С. 55–56.
- ⁴⁶ *Островский З.С.* Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁷ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 116.
- ⁴⁸ *Алдакимова О.В.* Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. С. 161.
- ⁴⁹ *Дроздов К.С.* Государственная политика украинизации на Белгородчине в 1923–1932 гг.: цели, этапы, результаты // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 3. Белгород, 2011. С. 29–30; *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Указ. соч. С. 127–128.
- ⁵⁰ *Борисенко Е.Ю.* Русские об украинцах и украинизации 1910–1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 362, 407.
- ⁵¹ *Васильев И.Ю.* Указ. соч. С. 90.
- ⁵² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об., 67.
- ⁵³ Там же. Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 123. Д. 199. Л. 67.
- ⁵⁵ Там же. Л. 30.
- ⁵⁶ Там же. Д. 215. Л. 23 об.
- ⁵⁷ ЦК РКП (б)–ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 572.
- ⁵⁸ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 385. Л. 235.
- ⁵⁹ Там же. Л. 234.
- ⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 192. Л. 13, 43 об., 87.
- ⁶¹ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 106. Л. 42 об.
- ⁶² Там же. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 69.
- ⁶³ Там же. Л. 72.
- ⁶⁴ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 119. Л. 21 об.
- ⁶⁵ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 265.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Островский З.С.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶⁸ По мнению И.Г. Иванцова, ряд выступлений против советской власти проходил под знаменами именно национального кубано-украинского возрождения, как внутри страны, так и среди эмигрантских кругов за рубежом. «Однако, по существу, никаких активных действий они не вели, исключением являлось лишь периодическое распространение листовок и прокламаций антисоветского, в первую очередь, и националистического содержания». См.: *Иванцов И.Г.* Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП (б), 1920-е – начало 1930-х гг.: монография. Кубань, 2009. С. 84. Однако, на наш взгляд, у сталинского режима имелись вполне объективные основания, чтобы опасаться деятельности украинизаторов, в частности на Кубани, и подозревать их в политической нелояльности советской власти. Достаточно

но привести фрагмент из воспоминаний Петра Вольняка, чтобы представить себе ту атмосферу, в какой проходила работа по обучению и воспитанию молодежи в украинизированных школах Кубани в разгар коллективизации. Петр Вольняк в 1931 г. выехал из Украины на Кубань и был назначен на должность преподавателя украинского языка и литературы в семилетнюю школу станицы Новомалороссийской. Вот как он об этом пишет: «Отношение к нам, прибывшим из Украины, было искреннее и товарищеское. Хотя меня избрали председателем союза учителей станицы, и я стал “профбюрократом”, все-таки меня звали к окну, чтобы я послушал, как ученики, став в круг посреди двора, пели кубанский гимн, которого я никогда не слышал. За пение кубанского гимна, да еще в государственном учреждении, грозило такое же наказание, как и за “Ще не вмерла Украина”. А все же его пели все, даже дети в школе». Цит. по: *Алдакимова О.В.* Указ. соч. С. 161.

⁶⁹ См.: ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 13.

⁷⁰ Если в середине 1920-х годов в Воронежской и Курской губерниях насчитывалось около 1,5 млн. украинцев, то в 2010 г. численность украинского населения в Центральном Черноземье не достигла даже и 100 тыс. человек: в Воронежской области проживало 43 054 человек, в Белгородской – 41 914 человек и в Курской – 13 643 человек.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Цель данной статьи – познакомить читателя с некоторыми взглядами, оценками и концепциями современных, прежде всего англоязычных историков, касающихся ряда вопросов истории российского еврейства и политики властей в еврейском вопросе во второй половине XVIII – начале XX столетий.

При анализе историографии изначально мы обращаемся в основном к работам, начавшим выходить еще в первой половине 1960-х годов. Тогда были сформулированы многие подходы и оценки к изучению евреев в Российской империи. А для понимания более поздних оценок и выводов не раз приходилось обращаться и к более ранним периодам.

Вместе с тем в статье рассматриваются и исследования, вышедшие в последние десятилетия. Надеюсь, что знакомство с рядом концепций и подходов зарубежных коллег, окажется полезным для отечественных историков занимающихся, как специально русско-еврейскими сюжетами, так и различными вопросами российской истории указанного периода.

Необходимо сразу отметить, что большинство вопросов по истории российского еврейства, его религии, культуры, общественной жизни, традиционного образования, как и особенности политики Российского государства в отношении евреев, целый ряд дискуссионных проблем, нашедших отражение в крайне обширной зарубежной литературе, не позволяют рассматривать их в одной данной статье во всей полноте и разнообразии. В предлагаемой статье нашли отражение только несколько важных сюжетов.

Прежде всего, коснемся некоторых особенностей еврейской историографии, которая, в отличие от европейской и рос-

сийской, возникла и стала развиваться достаточно поздно. Другой важный сюжет – это вопрос об хронологических рамках еврейской истории, датировке ее периодов, которая подчас отличается от принятых хронологических рамок европейской и российской историографии. В статье также будут рассмотрены такие темы, как отражение в историографии вопроса о причинах и времени возникновения Черты оседлости – пожалуй, важнейшего института, который, хотя и не сразу, но примерно с середины XIX в. стал символом дискриминационного положения национального и религиозного еврейского меньшинства в империи; вопроса о еврейских погромах, первая волна которых началась в 1880-х годах; участие и роль евреев в русском революционном движении. Будут затронуты и некоторые другие сюжеты.

Обращаясь к вопросу о датировке еврейской истории, необходимо отметить, что в ряде случаев она отличается от общепринятой. Родоначальником «иерусалимской школы» в еврейской историографии, которая может быть названа также и сионистской, стоял видный израильский историк, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Бен Цион Динур/Динабург/ (1884–1973). Его основные труды – многотомная история еврейского народа, состоящая из двух основных разделов: «Израэль бе-арцо» («Израиль в своей стране», 1938) и «Израэль ба-гола» («Израиль в диаспоре» (3 изд., 1961–1966)). Для его концепции характерно восприятие еврейской истории сквозь призму идеологии сионизма. Согласно Динуру, в истории еврейского народа в странах рассеяния имеется немало общих черт. А смена исторических периодов и характер каждого из них определяются существующим постоянным конфликтом между стремлением еврейства упрочить свое положение в диаспоре и желанием к «избавлению», т.е. освобождению и исходу в Палестину.

В результате этого конфликта в центре внимания, оказывается ряд важных демографических, социально-экономических и психологических процессов, тесно связанных с Эрец Израэль, т.е. Страной Израиля. Динур уделяет большое внимание проблеме периодизации еврейской истории, в особенности пе-

реходу от Средневековья к периоду Нового времени. В этом контексте начало массовой иммиграции хасидов из Восточной Европы в Палестину в 1700 г. рассматривается как начало Нового времени в еврейской истории.

В той же парадигме израилюцентризма построена и концептуальная статья посвященная основным началам еврейской истории и, в частности, еврейской общине (*ишуву*) в Палестине и государству Израиль в русскоязычной «Краткой Еврейской энциклопедии»¹ и обобщающая коллективная монография, написанная видными израильскими историками и вышедшая сначала в трех томах в 1969–1970 гг. на иврите, а затем и на английском языке в 1976 г.: “A History of the Jewish people”². Кроме того это фундаментальное издание переведено на немецкий, японский и испанский языки. Имеется и сокращенная русская версия этой монографии, вышедшей в Иерусалиме в 1979 г. («Очерк истории еврейского народа», т. 1, 2).

Принцип построения данного труда, на многие годы определивший концепцию израильской историографии, в основном хронологический. Еврейский народ представлен как единая этническая общность. Разнообразные процессы, происходившие в его среде в различных странах Европы, Азии и Америки, анализируются в общих главах. Например, в части пятой, посвященной истории еврейства в Средние века и написанной видным израильским историком, профессором Еврейского университета в Иерусалиме Хаимом Бен-Сасоном (1914–1977), уже названия глав говорят сами за себя: «Статус и экономическая структура еврейских общин, 1096–1348»; «Автономия: институты и тенденции»; «Социальные идеалы еврейства в конце периода Средних веков» и т.п.

Акценты несколько смещаются, в шестой части, написанной профессором Еврейского университета в Иерусалиме Шмуэлем Эттингером (1919–1988). Но и в этом разделе, хотя и имеются главы, посвященные отдельным регионам (например, статья о советском еврействе), также преобладают главы обобщающего характера, где социально-экономические и политические процессы, происходившие в разных странах, рассматриваются в едином контексте: «Демографические измене-

ния и экономическая деятельность в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков»; «Развитие новой еврейской культуры, укрепление связей»; «Диаспора после Второй мировой войны» и др.

Именно с первой половины 1960-х годов стало появляться все больше монографий, посвященных российскому еврейству. Это, конечно, не было случайностью и может быть объяснено, с одной стороны, значительным интересом общественных и правительственных структур Запада к Советскому Союзу, с другой – усилением внимания к положению еврейского меньшинства в СССР.

В 1964 г. в США выходит обширная монография американского еврейского историка Сало Барона (1895–1989) «Евреи в России в царский и советский периоды»³. То, что к этой обширной и многоплановой теме обратился Барон – автор многолетнего труда «Социальная и религиозная история евреев», один из крупнейших еврейских историков XX в., патриарх современной иудаики – науки о еврейской истории и культуре, весьма симптоматично. Эта работа, выдержавшая два издания (в 1964 и 1976 гг.), не содержащая по сути новых фактов, имен и событий, написанная на опубликованных источниках, тем не менее давала новую интерпретацию еврейской истории в России. Историк и здесь остался верен своей «антилакримозной» (т.е. антислезливой) концепции. Подвергший всеобъемлющей критике взгляд на еврейскую историю как сплошной мариолог, историю гонений, бедствий, погромов и дискриминации, Барон, чья научная карьера реализовалась в США, считал, что еврейские историки переоценивают роль и значение антисемитизма и юдофобии в истории своего народа, и придают этим явлениям незаслуженно большое значение и влияние на еврейскую историю. На самом деле, важнейшей чертой еврейского народа является способность выжить и добиться процветания вопреки преследованиям⁴. Концепция Барона решительно противостояла «плачущей, наполненной слезами» еврейской историографии.

Подход Барона был направлен против устоявшихся взглядов в еврейской историографии, идущих еще со времен еврей-

ского историка Генриха (Гирша) Греца (1817–1891) – основателя «Wissenschaft des Judentums» – науки о еврействе, определявшей в течение многих десятилетий подходы к изучению истории еврейского народа. Основная идея монументального двенадцатитомного труда Греца «История евреев с древнейших времен до настоящего времени» может быть выражена следующей формулой ее создателя: «Учить и странствовать, мыслить и страдать, познавать и терпеть – содержание всей эпохи диаспоры»⁵.

Барон в развитии своих взглядов пошел дальше, когда выступил против общепризнанного мнения об уникальности истории еврейского народа. В истории евреев, считал он, нет ничего уникального, она подчиняется тем же закономерностям, что характерны для других народов и цивилизаций. Такое видение Барона явно диссонировало и с концепцией другого, наряду с Грецом, «архитектора» еврейской истории – С.М. Дубнова (1860–1941). «История знает, – писал Дубнов, – много примеров исчезновения наций при утрате территории и рассеянии среди других народов, но она знает и один пример сохранения нации безземельной и рассеянной. Этот уникам в истории – еврейский народ»⁶.

Влияние взглядов Сало Барона. Концепция, нашедшая отражение в трудах Барона, оказала важное, если не решающее влияние на развитие зарубежной историографии евреев в последние десятилетия, включая изучение еврейской истории и в Восточной Европе. Многие события еврейской истории зарубежные исследователи по крайней мере двух последних поколений воспринимают сквозь призму антилакримозной концепции патриарха еврейской историографии.

В большинстве работ современных авторов особо оговаривается задача по-новому взглянуть, дать переоценку устоявшимся за прошедшие годы взглядам и мнениям еврейских историков из России и Польши, оказавшим прямое или косвенное влияние на формирование западноевропейского и американского подходов к пониманию восточноевропейского еврейства.

Первые работы новой волны, посвященные российскому еврейству до 1917 г., касались главным образом политики пра-

вящих кругов в еврейском вопросе и отношении к этой проблеме общества; а также и еврейскому Просвещению – Гаскале, наиболее ярким выразителям этого движения; еврейским политическим партиям, в особенности сионистскому движению. Внимание исследователей, как видим, было отдано прежде всего тем сюжетам, что опирались на достаточно широкую и доступную в то время источниковую базу и вместе с тем были политически актуальны. Расширению и разнообразию тематики мешала недоступность архивных материалов по еврейской истории, находившихся в советских архивах, как и влияние тематики предшественников, и политико-академическая ангажированность. Вместе с тем большинство вышедших в ту пору исследований ломали многие сложившиеся стереотипы в отношении русско-еврейской истории. Очевидно, это было легче сделать тем, авторам которые не находились в лоне еврейской национальной историографии. И в этом отношении достаточно показательна обширная статья Ричарда Пайпса – американского историка, никогда прежде, как и потом, не обращавшегося специально к еврейской тематике⁷.

Черта оседлости – вынужденное решение? Исследование Пайпса посвящено знаковому событию во всей русско-еврейской истории, служившему для еврейской общественности и русских либеральных и демократических деятелей второй половины XIX – начала XX в. символом дискриминации евреев в имперской России – возникновению Черты еврейской оседлости. Так называлась обширная территория западного региона империи, где дозволялось проживать абсолютному большинству евреев. Это был особый институт, просуществовавший вплоть до крушения царского режима в феврале 1917 г. В своей пионерской статье Пайпс отмечал, что национальная еврейская историография страдает преувеличенным этноцентризмом. Еврейские авторы, обращаясь к истории двухтысячелетней диаспоры, достаточно редко пытаются анализировать проблемы нееврейского окружения, среди которого еврейская история, собственно, и происходила. В результате, считал Пайпс, эти историки обречены на неуспех, ибо отношение к евреям является «побочным продуктом обстоятельств, которые

лишь совсем в небольшой степени касаются или вообще не касаются того, что связано с евреями»⁸.

Историки российского еврейства, считает Пайпс, включая С. Дубнова⁹, а также Юлия Гессена (1871–1940)¹⁰, Луиса Гринберга (1894–1946)¹¹, да и самого С. Барона, рассматривали положение евреев вне контекста российского законодательства и соответствующих институтов.

Задача статьи Пайпса состояла в рассмотрении основных факторов формирования «еврейской политики» Екатерины Второй, в чье правление и возник «еврейский вопрос» или, другими словами, определилась первоначальная политика властей в отношении по меньшей мере полумиллиона евреев, ставших подданными российской императрицы по завершению разделов Речи Посполитой, т.е. к 1795 г. По стандартам своего времени, политика Екатерины II была весьма просвещенной, а в ряде аспектов Россия даже стала пионером в деле эмансипации евреев. Еще до первого раздела Польши (1772), когда еще оставался в силе указ императрицы Елизаветы Петровны об изгнании из России евреев¹², Екатерина конфиденциально позволяла селиться им в пустынной Новороссии и тем самым участвовать в колонизации этой недавно включенной в состав империи территории, рассматривая ее освоение как важнейший этап в установлении господства России на Черном море. Императрица не стремилась заботиться о евреях как таковых, писал Пайпс. Однако она считала, что благодаря своим качествам евреи, если им предоставить равные права с христианами, станут полезными членами общества.

После начавшихся разделов Польши, когда еврейское присутствие в империи стало фактом, у правительства, по Пайпсу, имелся выбор одного из двух путей. Первый – сохранить польский традиционный путь, т.е. оставить орган еврейского самоуправления. Кагал платил бы прежние налоги и отвечал за новые, введенные русскими властями. Другой – относиться к евреям также, как к остальным поданным, платящим налоги в соответствии и со своим социальным статусом. В первом случае, сохранение status quo не вызывало бы раздражения у христианского окружения. Во втором евреи получили бы возмож-

ность эмансипироваться от своих, по мнению властей, «фанатичных» лидеров.

С некоторыми колебаниями Екатерина фактически обратилась ко второму варианту: решила распространить свои реформы и на евреев. Как и христианам, им было предложено записываться в сословия в зависимости от рода занятий и имевшегося у них капитала. В результате все еврейское население империи оказалось приписанным к купеческому или мещанскому сословиям и тем самым выведено из-под юридической и фискальной власти кагала. Евреи обязаны были платить налоги и стали подсудны магистратам и ратушам, как и их христианские соседи. Все это привело к тому, что кагальная администрация потеряла значительную часть своей традиционной власти. Не в меньшем замешательстве оказалось и христианское общество, которому было указано обращаться с евреями как с равными. На запрос по этому вопросу из Петербурга было дано четкое разъяснение: евреи, живущие в белорусских губерниях, облагаются налогами в соответствии с принадлежностью к тому или иному сословию «без различия рода и закона», т.е. происхождения и религии. Этот ответ (1783) стал, замечает Пайпс, основой для обращения с евреями в Российской империи в течение всего десятилетия. То были – восьмидесятые годы XVIII в., которые он характеризует, как период, когда проводилась «наиболее просвещенная политика за всю историю царской России по еврейскому вопросу»¹³. Тем не менее, участие евреев в избрании органов городского управления вызвало враждебность христианского, и прежде всего католического окружения, для которого «участие еврея в выборах было не менее отвратительным, чем чернокожего, ставшего избирателем после Гражданской войны между Севером и Югом в Соединенных Штатах»¹⁴.

В перспективе, эти выборы могли бы стать значительным событием в еврейской истории. Ссылаясь на Барона, Пайпс замечает, что в ту эпоху лишь еще одной страной, где евреи получили право участия в муниципальных выборах, было Великое герцогство Тосканское.

Вмешательство местных христианских властей в избирательную процедуру вынудило лидеров еврейских общин обратиться с жалобой на имя императрицы. В своем ответе Сенат указом от 7 мая 1786 г. «Об ограждении прав евреев в России» подчеркнул полное равенство евреев, запрещалось ссылаться «на прежние польские законы и установления», которые дискриминировали евреев¹⁵. Этот сенатский указ, отмечает Пайпс, «составил целую веху в русско-еврейской истории: он впервые формально провозгласил, что евреи наделены всеми правами их сословия, и что дискриминация их на основе религии или происхождения является незаконной»¹⁶. Указ более чем на пять лет предвосхитил знаменитую Декларацию Учредительного собрания Франции, распространившую на евреев гражданское равенство.

В Российской империи XVIII в. «равенство» не означало прав современного гражданства. Оно свидетельствовало, что евреи обладают сословным равенством, т.е. единственно известным тогда пониманием равноправия. Указ 1786 г. отрицательно был воспринят христианским обществом и практически так никогда и не был реализован. А последующее российское законодательство о евреях по сути его игнорировало.

Указ Екатерины II от 23 декабря 1791 г.¹⁷, который отвергал протест еврейских купцов в связи с отказом приписать их к купечеству Смоленска и Москвы и отмечал, что «евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние Российские города и порты», большинство историков рассматривало как поворотный момент в истории российского законодательства. Дубнов и Гессен считали, что этим нововведением евреи были лишены свободы передвижения в стране. Этот указ, считали они, и привел уже в то время к возникновению Черты оседлости (заметим, что данного термина в ту пору еще не существовало). «Между западной и восточной Россией, – писал Дубнов, – была возведена “московская стена”, и даже в отведенной для евреев в черте оседлости ощущалось стремление загнать их в еще более ограниченную область... Историк не может молча пройти мимо этой “реформы”, обрекавшей евреев на изоляцию»¹⁸.

Однако Пайпс отмечает, что в то время все платившие налоги российские сословия были лишены свободы передвижения (и только дворянство в 1785 г. получило это право). Пайпс вообще не считает указ 1791 г. качественно новым явлением. Подобные отказы еврейские купцы получали и раньше. Тем не менее, историк не может уйти от вопроса, почему все же Екатерина в 1790-х годах пошла на недопущение евреев во внутренние губернии империи? Причина кроется, как подчеркивает Пайпс, в крайне неблагоприятном положении среднего класса в Российской империи. В случае «нормальной», по западноевропейским меркам, социальной структуры в империи приток еврейского населения вряд ли создал бы особые проблемы для властей. Однако в связи с тем, что и юридически, и фактически в огромном большинстве евреи являлись торговцами или ремесленниками, проникновение их в русские города немедленно «вырыло бы яму» российскому среднему классу, который был тогда «нищим, невежественным и отличался докапиталистической ментальностью». Позволить евреям в 1780-х годах свободно поселиться на всей территории в России, означало бы ввести иностранное соперничество, с которым русские купцы были не конкурентно способны¹⁹. Даже крайне небольшое число еврейских купцов, оказавшихся тогда в Москве, вызвало решительное противодействие местных торговцев.

Начало Великой Французской революции превратило еврейский вопрос, замечает Пайпс, из экономического и религиозного вопроса в политический. Евреи стали рассматриваться как некая чужеродная сила, способная доставлять с западной границы вместе с контрабандным товаром и «вредные идеи». После 1789 г. политические соображения в политике Екатерины II явно перевешивали экономические. С того времени правительство приостановило свою деятельность по интеграции евреев. Наиболее важный указ, касающийся евреев, считает Пайпс, был обнародован в июне 1794 г.²⁰ Его основное, определяющее значение состоит в том, что в нем впервые была определена или подтверждена территория, открытая для проживания евреев. Именно с этого акта, подчеркивает историк, и следует вести начало возникновения Черты оседлости. Отме-

тим, еще раз, что начальная дата (1794) образования Черты оседлости, у Пайпса, отличается от общепринятой большинством исследователей, занимавшихся этим вопросом. Гессен писал, что Указом 23 декабря 1791 г. о том, что евреям право «гражданства и мещанства» представлялось только в Белоруссии, Екатеринославском наместничестве и Таврической области тем самым «и было положено начало “черты еврейской оседлости”», т.е. установлено «правило» по которому евреям «запрещается водворяться за пределы означенной территории». Вместе с тем, он отмечал, что правительство в условиях тогдашнего общественного строя, «не могло иметь в виду создать для евреев специальные ограничения в передвижении»²¹.

Лейтмотив исследования Р. Пайпса состоит в том, что основные законы о евреях ни в коей мере не были направлены на ограничение их прав. Только в XIX столетии эти законы обрели иную направленность, и ответственность за это несут власти уже другой эпохи.

Ш. Эттингер в упоминавшейся выше «Истории еврейского народа» также относил учреждение Черты к 1791 г.²² и вообще критически отнесся к статье Пайпса, отметив в другой своей работе, что «главное внимание в ней уделяется намерениям императрицы... а не действительному положению евреев в России»²³.

«Еврейский вопрос»: бесценное наследие. Нельзя сказать, что на Западе изучение еврейской истории в России вообще прекратилось после изданных на английском языке томов Дубнова. В Израиле и Соединенных Штатах продолжали работать еврейские историки, в основном это были эмигранты из Восточной Европы. До сих пор в историографии не получили заслуженной оценки научные труды историка, публициста, редактора Саула (Шауль) Гинзбурга (1866–1940). Его плодотворная деятельность началась еще в дореволюционной России и продолжилась в первые годы советского режима, когда историк получил возможность работать с архивными источниками. Гинзбург являлся редактором и автором целого ряда значительных исследований, ввел в научный обиход обширный пласт исторических документов. Вместе с другим известным

дореволюционным историком Петром (Песахом) Мареком (1862–1920) он издал сборник «Еврейские песни в России», ставшим ценным вкладом в изучение еврейского фольклора и тех эпох, когда он создавался²⁴. Обширные материалы по культурной и общественной истории еврейства XVIII–XIX вв. содержатся в четырех сборниках «Пережитое» (1908, 1910, 1911, 1913 гг.), вышедших под редакцией С. Гинзбурга при активном участии Ю. Гессена, П. Марека, основателя этнографии восточноевропейского еврейства С. Ан-ского, литературоведа Сергея (Израиля) Цинберга и др. Перу Гинзбурга принадлежит монография, посвященная участию евреев в Отечественной войне 1812 г.²⁵

Новая глава в изучении российских евреев. В 1970–1980-е годы на Западе выросло послевоенное поколение историков. Их работы, несомненно, открыли новую, можно без преувеличения сказать, блестящую главу в изучении Российской империи. Этот ренессанс коснулся и историографии российского еврейства. Он начался с издания двух монографий по истории еврейской социал-демократии – Бунда. Одна из них написана Э. Мендельсоном²⁶, другая – Х. Тобиасом²⁷. В этих работах рассматривался целый ряд вопросов, касающихся как русской революции, так и истории еврейского революционного движения в России. Эти исследования оказали серьезное влияние на выбор тематики и оценки целого ряда других историков, обратившихся в то время к русско-еврейской истории.

Важным событием в историографии изучения политики поздней имперской России стала небольшая статья Ханса Роггера (1923–2002)²⁸. Американский историк подверг сомнению большинство устоявшихся взглядов на мотивы имперской политики в отношении евреев. Его пионерская статья дала толчок процессу пересмотра стереотипов в изучении российского еврейства. Более подробно о ней и о ее влиянии речь пойдет ниже.

Первые работы этой «новой волны» в историографии касались и политики властей в отношении евреев в царствования Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Это были монографии Михаэля Станиславского²⁹ и Джона Клиера (1944 – 2007)³⁰. Указанные труды предлагали новые решения, новые

концепции и значительно расширили представления не только о политике властей в «еврейском вопросе», но и касались общественных настроений. Эта проблематика прежде всего была рассмотрена в монографии Клиера³¹. В этой своей первой книге Клиер ставит три важных вопроса: «что означал для русских “еврейский вопрос?” как в России осознавали его существование? как собирались его решать?»³².

Клиер оспаривает вывод Дубнова, что российская политика в еврейском вопросе определялась прежде всего религиозным фактором. Дубнов полагал, будто добрые намерения Екатерины II и Александра I смогли лишь несколько ослабить эту реальность. Клиер же считает, что чиновники имперской России были людьми с совершенно новыми идеалами и культурными ценностями. Риторика этих официальных лиц уже не представляла евреев как «врагов Христа», а являла собой дискурс эпохи Просвещения с его идеей о необходимости решения еврейской проблемы. С другой стороны, историк отказывается смотреть на евреев, ставших подданными российских самодержцев, как на «инертную массу, безропотно претерпевающую все эксперименты имперского социального строительства».

В литературе, которая почти стала каноном, считалось, что политическая активность евреев ограничивалась усилиями всего лишь нескольких лиц, общинных представителей – так называемых штадланов. В своей книге американский историк Д. Бяли, опираясь главным образом на анализ опыта польского еврейства, оспаривает этот устоявшийся взгляд³³.

Клиер в своей работе также пытается с этой точки зрения взглянуть на российское еврейство. Он внес значительный вклад в изучение истории антисемитизма в России. В своей монографии историк отмечает серьезную эволюцию в российской юдофобии: простой, примитивный предрассудок, гласивший, будто евреи – богоубийцы и враги Христа превратился в комплекс более изощренных мифов, опиравшихся на мнение, что евреи – это религиозные фанатики и эксплуататоры русских крестьян³⁴. А к концу XIX в. эти мифы дополнились легендами о мировом еврейском заговоре, направленном против самих основ христианской цивилизации. Россия, таким обра-

зом, в дальнейшем внесла свой собственный «вклад» в развитие этой мифологии в виде книги Я. Брафмана (1869) и «Протоколов сионских мудрецов». Важно заметить (это особенно подчеркивает исследователь), что российский юдофобский миф сформировался под влиянием взглядов, пришедших в Россию с Запада. «Западные заимствования в русской культуре, – отмечает Клиер, – могли иметь и темную зловещую сторону»³⁵.

Касаясь религиозной традиции, которой, как уже отмечалось, придавал столь большое значение Дубнов, Клиер в политике имперских властей конца XVIII – первой четверти XIX в. видит прежде всего прагматический подход, который и играл определяющую роль. Традиция реформ, возникшая под прямым влиянием идей европейского Просвещения, рассматривала евреев как жертв политики религиозных преследований и гонений, к которым с наступлением новой эпохи веротерпимости должна проводиться политика «исправления» этого народа, составляющего «государство в государстве». Превращение евреев в непродуктивный паразитический класс эксплуататоров, их отчужденность от страны, и составляют, по Клиеру, «еврейский вопрос»³⁶.

Для решения этой проблемы на рациональной основе в начале царствования Александра I в 1802 г. был учрежден Первый еврейский комитет, который выработал «Положение о евреях» 1804 г. Предлагалось переместить евреев из мелкой торговли, шинкарства, арендаторства в мануфактурное производство и сельское хозяйство. Для достижения поставленных целей, считали бюрократы-реформаторы, необходимо произвести массовое выселение евреев из сельской местности. «В итоге проект был совершенно оторван от жизни и опирался на глубокое непонимание истинной роли евреев в местной экономике»³⁷. Попытки реализовать основные направления «Положения» 1804 г. вызвали «полный экономический хаос и тяжкие людские страдания». «Положение» 1804 г. «потерпело крах в результате внутренних противоречий и необеспеченности средствами со стороны государства»³⁸. По мнению Эттингера, единственным практическим результатом этого «Положения» стало начало изгнания евреев из деревень, и в итоге это первое

«еврейское законодательство» явилось «компромиссом между стремлением к интеграции евреев в русском обществе, за которое выступала еще Екатерина Вторая, и давлением со стороны дворянства и горожан черты оседлости, обвинявших евреев во всех бедах региона». Обвинением евреев в тяжелом положении крестьян был создан прецедент на ближайшее столетие³⁹.

Отрицая еврейскую политическую пассивность, Клиер, в частности, указывает, что представители евреев (от себя укажем, что это были прежде всего *маскилы* – сторонники еврейского Просвещения – Гаскалы) выступали в качестве советников при разработке властями «Положения» 1804 г.

«Государство, – замечает историк, – сочло такое участие настолько полезным, что в 1812 г. их представительство при центральной администрации было поставлено на постоянную, непрерывную основу – был учрежден институт депутатов еврейского народа. Государство даже согласилось с принципом избрания обладателей этого поста самими еврейскими общинами»⁴⁰. Кроме того, богатые подрядчики Нота Ноткин и Абрам Перетц, наряду с маскилами Ильей Франком и Йехудой Лейбом Неваховичем использовали свои связи и выступления для защиты еврейских интересов и привлечения внимания высших чиновников и российской публики к своим проблемам.

Несомненным вкладом в изучении отношения к решению еврейского вопроса стало обращение Клиера к взглядам русских деятелей различных общественных ориентаций и принадлежавших разным слоям российского общества: митрополита Платона, Н.И. Новикова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Ф.Н. Глинки, Н.М. Муравьева, П.И. Пестеля и др. Фактические все их оценки, несмотря на различные общественно-политические настроения, определялись, говоря словами Клиера, негативными и стереотипными представлениями о евреях. Например, декабристы, стремившиеся сокрушить самодержавное государство во имя конституционных, либеральных принципов, «полностью разделяли тревогу официальных властей из-за предполагаемой “вредоносности” евреев, как и их намерение реорганизовать жизнь евреев в России»⁴¹. Однако, как справедливо отмечает автор, эта «озабоченность» в ту эпоху занимала

явно маргинальное место и в политике властей, и в общественных настроениях.

Положение начало меняться в эпоху Великих реформ 1860–1870-х годов. В своей монографии, посвященной состоянию еврейской проблемы в тот период, Клиер смог показать, что и тогда зарождавшееся общественное мнение в стране и позицию правящих кругов не разделяла непроходимая пропасть⁴². Более того, он отмечал, что между правительственными и общественными лагерями подчас существовала прямая или опосредованная связь. Причем, нельзя однозначно сказать, что в отношении эмансипации евреев взгляды «образованного общества» перманентно оказывались более прогрессивными, чем политика властей. Клиер показал, как за годы царствования Александра II (1855–1881) еврейский вопрос из периферийного постепенно превратился в одну из центральных проблем российского общества. Отношение к евреям и исповедуемой ими религии – иудаизму за двадцать пять лет проделало заметную эволюцию: от неясного доброжелательства до очевидного утверждения многих мифов, определивших неприятие интеграции евреев в русское общество. На отношение к эмансипации этого народа повлиял ряд крупных событий и процессов эпохи: польское восстание 1863 г., русско-турецкая война 1877–1878 гг., дипломатическое поражение России на Берлинском конгрессе, бурные социально-экономические процессы; кроме того, обогащение крайне небольшой, но бросающейся в глаза группы еврейских нуворишей, а также участие евреев в русском революционном движении. На формирование российской юдофобии и ряда ее особенностей оказали влияние, отмечает Клиер, европейские и прежде всего немецкие идеологи формировавшегося в ту пору антисемитского расизма.

Уже к началу 1860-х годов, пишет Клиер, ряд русских публицистов перестает рассматривать еврейскую проблему лишь в теоретической плоскости. Важную роль он отводит известному славянофилу, издателю и публицисту И.С. Аксакову. Толерантная оценка иудаизма и евреев Аксаковым в конце 1850-х годов не была продолжительной. Именно он, пишет Клиер, и являлся главным проводником иностранного, в осо-

бенности немецкого, антисемитизма в России. Одним из первых, уже в 1864 г., Аксаков выступил с критикой «просвещенных евреев», отрицая за новой нарождающейся русско-еврейской интеллигенцией (ее возникновение детально исследовал в своей первой книге американский историк Майкл Станиславский, о чем речь пойдет ниже) право на вхождение в христианское общество. «Русским вкладом» в антисемитизм, замечает Клиер, стала «Книга Кагала» Я. Брафмана. Эта фальсификация имела шумный успех. Брафман дал очень «простой» ответ на вопрос, как решить пресловутый еврейский вопрос, ибо всю проблему он объяснял могуществом придуманного им международного кагала – главного оплота «мирового еврейского заговора».

В рассматриваемый период евреи начинают занимать важное место в идеологии как консерваторов, так и революционеров, отмечает историк. В воззрениях первых евреи связывались с «нигилизмом», угрожавшим основам русской государственности. Именно консервативные авторы не считали приобщение евреев к русскому образованию (на что уповали либералы) способом решения еврейского вопроса. Аргументы консерваторов о разлагающем влиянии евреев на русскую школу мостили дорогу для введения процентной нормы при Александре III. Клиер вместе с тем говорит и о некоторой парадоксальности взглядов на еврейский вопрос как у консерваторов, так и у либералов. Например, немало провинциальных юдофобов выступали за отмену Черты оседлости, считая, что в этом случае Западный край перестанет нести бремя «еврейского ига». В то же время либеральные публицисты придерживались мнения о необходимости сохранить Черту, по крайней мере, до тех пор, пока евреи не откажутся от своего «фанатизма». В революционной же публицистике евреи отождествлялись с буржуазией. Показательно, отмечает Клиер, что юдофобия в России, первоначально опиравшаяся на критическое восприятие роли евреев в экономической жизни, в дальнейшем стала включать в себя и оккультные формы. Так возникает ее новый вид, питавшийся страхом, перед «международным еврейским заговором» и признанием существования убийств, совершаемых евреями с

ритуальной целью. Оккультная юдофобия продемонстрировала, что обладает серьезными возможностями для влияния, замечает историк. Отныне она была воспринята и более рационально мыслящими юдофобами.

Итак, за четверть века, прошедших со времени реформ, еврейское население, считает Клиер, оказалось в сложном и противоречивом положении. Правовое положение его улучшилось. Но ценой тому стало растущее непринятие евреев частью общества. Возникшие в канун реформ общественные настроения о необходимости изменения правового положения еврейства сменились в 1870-е годы иными веяниями. «В лучшем случае еврейский вопрос рассматривался как проблема, решение которой оказалось более сложной, чем считалось прежде... В худшем – евреи оказались демонизированными и представлялись врагами русской христианской культуры... Они виделись зловредной эксплуататорской силой, угрожавшей как бедным, так и богатым. Общественное мнение, одно время проявляя слабую симпатию к евреям, стало враждебным и скептически настроенным к любому решению еврейского вопроса. Это был заколдованный круг»⁴³. Таким видится автору отношение к еврейской проблеме достаточно широких общественных кругов накануне первой волны погромов начала 1880-х годов. Вскоре, заключает Клиер, предрассудки общества были возведены в ранг официальной политики.

Англо-американский историк не ограничивает свое исследование изучением еврейского вопроса и попыток его решения так, как это обычно делали авторы, обращавшиеся к данному сюжету. Несколько глав своей обширной монографии он посвятил так называемой русско-еврейской интеллигенции – новой общественной группе в российском еврействе, сформировавшейся в результате как политики правительства, так и внутренних процессов в самом еврейском обществе, связанных с Гаскалой. Возникшее как мировоззрение маскилов – крайне небольшой группы сторонников еврейского Просвещения – Гаскалы, пришедшего в Россию из Германии, это движение в условиях либеральных реформ Александра II стало одним из заметных явлений в еврейском сообществе пореформенной

России. Представители новой еврейской интеллигенции (выпускники созданных властями казенных еврейских училищ, российских университетов и гимназий) являлись активными сторонниками действий властей, официально объявленной политики «сближения и слияния» евреев с окружающим населением. Однако в большинстве своем эта интеллигенция понимала «слияние» не как ассимиляцию, а как интеграцию евреев в российское общество и считала своим национальным долгом содействовать прежде всего обретению гражданского равноправия для своего народа. Однако, как замечает Клиер, положение этой новой группы оказалось сложным. Первое поколение русско-еврейской интеллигенции рассматривало себя в качестве представителей всего еврейского народа в России. Но они были не поняты и подвергались остракизму со стороны традиционных кругов еврейства. В поисках самоидентификации еврейская интеллигенция новой формации оказалась в изоляции. К ней с недоверием и подозрительностью отнеслась большая часть русского образованного общества.

В значительной мере первооткрывателем темы русско-еврейской интеллигенции стал американский историк Михаэль Станиславский, опубликовавший свою первую монографию несколькими годами ранее появления первой работы Клиера⁴⁴.

При написании своего исследования Станиславский широко использовал источники на древнееврейском, идише и русском языках, что позволило рассмотреть поставленные в книге проблемы, опираясь на солидную источниковую базу. Историк подробно остановился на истории возникновения и идеологии первого поколения русско-еврейской интеллигенции конца 1840 – начала 1855 г.⁴⁵ и отметил, что ее «безудержный патриотизм и верность самодержавию» были характерны вплоть до конца 1870-х годов. Однако, наряду с ура-патриотизмом подавляющего большинства сторонников Гаскалы, даже до воцарения Александра II в 1855 г. нашлись люди, выражавшие недовольство обращением правительства с евреями. Это была группа еврейских деятелей, обратившихся с прошением к новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову о расширении гражданских прав евреев в России. «Политический и

идеологический взрыв 1860-х годов был только приведен в действие с восшествием на престол Александра II, однако фитиль этой бомбы, сплетенный из множества различных нитей, начал тлеть еще в предшествующую эпоху. Появление русско-еврейской интеллигенции во всем ее многообразии стало результатом преобразования еврейского общества в России при Николае I»⁴⁶.

Станиславский проанализировал самые различные аспекты трансформации еврейской общины в николаевское царствование. Во многом эти изменения были вызваны попытками правительства покончить с «фанатизмом» и изолированностью еврейства, опираясь на убеждения Николая I, что армия является самым действенным институтом для решения любой проблемы. В 1827 г. для евреев была введена рекрутская повинность, направленная на «исправление» евреев. Одной из основных ее особенностей было учреждение для малолетних института кантонистов. Одной из важнейших задач, которую ставили власти при наборе евреев в армию, являлось обращение их в православие. «Точное число евреев, обращенных в православие в николаевской армии, определить невозможно», – отмечает Станиславский. На основе доступных архивных материалов он приходит к выводу, что «по крайней мере, половина еврейских кантонистов и значительное число взрослых солдат-евреев были крещены во время прохождения военной службы». Согласно опубликованным данным о наборе рекрутов на всей территории империи, примерно 70 тысяч евреев было призвано в России с 1827 по 1854 г. И примерно 50 тысяч из них были несовершеннолетними⁴⁷. Рекрутские наборы, особенно набор малолетних детей, крещение (чаще всего насильственное), произвол кагалов, которым власти поручили организацию наборов, вызвали различные формы сопротивления в еврейских общинах и повлекли глубокий раскол в еврейском сообществе и отчуждение от кагального руководства. Николаевская эпоха сохранилась в народной памяти как эпоха *ззейрос*, т.е. время несправедливых гонений и насильственного крещения.

Американский историк молодого поколения Йоханан Петровский-Штерн в своей монографии «Евреи в русской армии. 1827–1914» выступил против историков-традиционалистов и их «лакримозного» подхода при изучении этой темы (он странным образом зачислил в свои единомышленники даже М. Станиславского)⁴⁸. Петровский-Штерн посчитал, что воспоминания бывших кантонистов и другие источники по этой теме, равно как и фольклор, строятся по единому шаблону и мало соответствуют исторической реальности. Традиционные исследования по данной проблеме – это «результат этноцентрического подхода, основанного на национальных предрассудках... или продукт однобокого, изоляционистского подхода»⁴⁹. Историк рассматривает русскую армию как важнейший институт модернизации России. Служба в царской армии, по его утверждению, сыграла важнейшую роль в интеграции еврейства в российское общество.

Возвращаясь к монографии Станиславского, отметим, что автор сумел проанализировать как политику правительства Николая I в еврейском вопросе, так и реакцию и изменения в еврейской общине, произошедшие в результате введения рекрутской повинности, культурной и образовательной политики и иных действий. «Из своего изолированного существования на обочине российского общества в период николаевского царствования евреи были втянуты в водоворот российской жизни и политики», – отметил в Заключении своей монографии Станиславский⁵⁰. Книга американского историка в значительной мере также посвящена и возникшей в рассматриваемый период Гаскале и ее влиянию на еврейское общество в начальный период ее развития в России.

В последующих монографиях он по сути продолжил исследовать эту важную проблему: судьбы Гаскалы в поздней Российской империи и Восточной Европе конца XIX – начала XX столетия. Истории Гаскалы пореформенной России посвящена его работа “For Whom Do I Toil?: Judah Leib Gordon and the Crisis of Russian Jewry” (1988). Еврейское просвещение, его судьбы и метаморфозы в России и Европе на исходе XIX столетия стали объектом исследования в другой книге: “Zionism

and the Fin de Siècle. Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky” (2001). Самая последняя книга американского историка “Murder in Lemberg: Politics, Religion, and Violence in Modern Jewish History” (2007) по-прежнему находится в сфере интересов, заявленных уже в первой книге.

Монументальный труд израильского историка Ионатана Франкеля (1935–2008), как и ряд его других публикаций, посвященных возникновению и развитию революционного и национального движения среди русских евреев, восприятию идей социализма и различных течений сионизма, впервые заявивших о себе на русской почве, в Америке и Палестине, оказали серьезное влияние на многие работы исследователей занимавшихся этими вопросами⁵¹. Один из основных постулатов этой монографии состоит в том, что в результате погромов начала 1880-х годов происходит сильнейшее разочарование русско-еврейской интеллигенции в возможности интеграции еврейства в российское общество. Кризис идей еврейского Просвещения, отмечал Френкель, вызвал значительное усиление революционных настроений среди еврейской молодежи, приведших, среди прочего, к появлению еврейской социал-демократии – Бунда, а с другой стороны, к бурному развитию палестинофильского, а затем и сионистского движения. Эти настроения стали катализатором формирования политики еврейства в предреволюционной России, а главное – поворотным пунктом в русско-еврейской истории и, по существу, во всей современной еврейской истории. Френкель представляет «период с мая 1881 г. по май 1882 г. ... как уникальный по значению в современной еврейской истории и во многих отношениях как форму революции»⁵². Попытка интеграции не удалась, начал развиваться процесс, который историк назвал «сионистской революцией»: складываются различные формы еврейской националистической идеологии, возникают еврейские национально-ориентированные партии и организации, начинается массовая эмиграция.

Новое поколение историков, в частности, американский исследователь Бенджамин Натанс отнесся критически к восприятию русско-еврейской истории как к парадигме постоянно

происходящих кризисов: «на протяжении длительного времени в историографии восточноевропейского еврейства именно феномен кризиса фактически признается основной причиной и ведущим механизмом происходивших в его среде важнейших процессов и событий. В целом, если в работе какого-либо историка восточноевропейского еврейства мы не находим констатации того, что евреи пребывали в состоянии кризиса, то у нас есть повод удивляться. Кризис называется причиной и одновременно следствием мессианских движений, хасидизма, Гаскалы, массовых политических движений конца XIX столетия»⁵³. Натанс, опираясь на широкую источниковую базу, демонстрирует в своей монографии, что не взирая на дискриминацию во многих сферах жизни и политику сегрегации при Александре III продолжала происходить интеграция определенной, выборочной части еврейского общества. «В течение последнего полувека царского правления российские поиски ответа на «еврейский вопрос» обнаружили... архаические формы дискриминации, от территориальных ограничений передвижения до обвинений в ритуальных убийствах, которые (вместе с тем. – А.Л.) сосуществовали с осторожной интеграцией избранных категорий евреев в различные сферы российского общества»⁵⁴.

Погромы: была ли «направляющая рука»? Изучение антиеврейского насилия – погромов является традиционной темой для многих историков, занимающихся еврейским вопросом. Ход погромов, их причины, состав погромщиков, противодействие погромам и поддержка их, периодизация и география, влияние этих насилий на еврейское общество и его идеологов, отношение к ним российской власти и общества – вот лишь некоторые сюжеты, которые рассматриваются историками. Одним из основных здесь вопросов остается вопрос: кто был ответственным за погромы, стояла ли за ними какая-либо определенная политическая сила и организация, сами властные структуры?

Зарождение и развитие историографии российского еврейства тесно связано с борьбой за его эмансипацию. Это обстоятельство не могло не повлиять на ее особенности и характер.

Авторы многих трудов делали, прежде всего, акцент на анти-еврейском законодательстве, постоянной дискриминации евреев в различных сферах государственной и общественной жизни. Евреям запрещалось все, что не было специально разрешено законодателем. Иными словами, как уже отмечалось, то была историография, нередко представлявшая историю русских евреев как непрерывную цепь гонений и преследований. Такой подход повлиял и на появление первых работ на эту тему и за рубежом. Характерен заголовок книги, опубликованной в конце XIX столетия в Великобритании: «Российские евреи: эмансипация или уничтожение?»⁵⁵. В результате такого подхода подчас не учитывались особенности политики властей в различные эпохи. Касалось это позиции власть имущих и самих погромов.

Российские евреи пережили три основные волны погромов: в 1881–1884, 1903–1906 и 1917–1921 гг. Впрочем, это вовсе не означает, что погромы не совершались и в другие годы; правда, их интенсивность и распространенность были иными, более слабыми и в промежутки между указанными периодам можно говорить лишь о единичных случаях. Эти погромы, и прежде всего две первых волны, воспринимались современниками, а вслед за ними и историками, первое поколение которых было современником и свидетелем тех ужасных насилий, через идеи конспирологии. «Заговор» якобы был заранее спланирован, подготовлен и инспирирован правительством или кругами, близкими к нему. Такое видение подтверждалось, как будто, многими признаками: похожестью одного погрома на другой, близостью по времени их проведения, почти полным бездействием армии и полиции, слухами (в случае погромов начала 1880-х годов) о тайном царском указе «бить жидов» и т.д.

Концепция заговора «направляющей руки», утвердившаяся в русско-еврейской историографии еще с дореволюционных времен и получившая однозначную поддержку в публикациях советского времени, стала подвергаться критической оценке в западной историографии с начала 1970-х годов. Причин для столь длительного хождения этой конспирологической теории было немало: приверженность идеям рационалистического гу-

манизма, исчезновения целого поколения еврейских историков в Советском Союзе в результате массовых репрессий 1930-х годов и гибели в годы Великой Отечественной войны, и, очевидно, определяющий фактор – Катастрофа европейского еврейства, Холокост, когда подготовка нацистами геноцида была очевидной.

Впервые с критикой этой теории выступил в уже упомянутой статье Ханс Роггер⁵⁶. Другой американский историк, С. Берк, обращаясь к изучению положения русских евреев в годы кризиса 1881–1882 гг., пришел к выводу, что «взрыв был спонтанным. Бездействие гражданских властей, полиции и армии превратило ограниченные, локальные проявления насилия в ширококомасштабные погромы. Не было регулирования сверху, не было “тайной руки”, направляющей тех, кто творил бесчинства. При авторитарном режиме, когда спонтанность любого рода считалась вредной, такое явление, как погром, не только было неожиданным, но и вызывало опасения»⁵⁷.

Вопрос о возникновении первой погромной волны 1880-х годов обстоятельно изучил израильский историк Михаль Аронсон⁵⁸. Весь комплекс известных исследователям источников не дает оснований, считает он, говорить об организации погромов властями или какой-либо иной структурой. К утверждению Аронсона можно добавить, что и к настоящему времени таких документов не обнаружено, и можно выразить почти полную уверенность, что их никогда и не существовало. Насилия над евреями обычно происходили в городах и крупных местечках, откуда по железной дороге и водным путям распространялись на другие населенные пункты. Среди социальных групп, принимавших участие в погромах, Аронсон называет рабочих и крестьян, прибывших из великорусских губерний в поисках работы. Их тогда было особенно много в связи с промышленной депрессией, в результате которой многие рабочие Москвы и Петербурга потеряли работу. Эти люди, оказавшись вдали от родных мест, испытывая постоянный голод, чувствовали свою обезличенность. Погромы того времени, отмечает историк, были прежде всего городским явлением «результатом ускорения в России модернизации и индустриализа-

ции»⁵⁹. Губернии, в которых произошли погромы (Черниговская, Екатеринославская, Херсонская, Киевская, Подольская, Таврическая) являлись одними из самых урбанизированных и индустриальных регионов Европейской России последней трети XIX в., где крестьянская система ценностей перестала находить себе место. Кроме того, на Украине существовала длительная традиция насильственного антагонизма к евреям со времен их массовых убийств во времена Хмельнитчины (1648–1649) и ГайдаMATчины (1734–1768).

Бурное экономическое развитие, последовавшее после 1861 г., негативно сказалось на массе еврейского населения. Число разбогатевших и преуспевающих евреев оказалось очень небольшим. Но их успех был весьма заметен. Экономическое соперничество объясняет и тот факт, что в насилиях участвовало и сравнительно небольшое число ремесленников. Сельское население по отношению к евреям занимало двойственную позицию. Отношения их с евреями были хорошими и доброжелательными, но, в то же время, характеризовались взаимной подозрительностью и обидой. Хотя евреи играли важную роль в купле-продаже сельскохозяйственной продукции, что давало работу многим крестьянам, крестьяне смотрели на евреев как на чужаков. Их религия, язык, манеры, пища – все оставалось чужим, воспринималось как странное и таинственное. И все же, отмечает Аронсон, погромы – результат скорее ускоренной модернизации, чем следствие застарелых религиозных и национальных антагонизмов.

Источники свидетельствуют о существовании инструкций властей, направленных на прекращение антиеврейских беспорядков. Но прекратить их оказалось очень нелегким делом. Численность полиции была крайне невелика. Регулярная армия, которую привлекли для подавления погромов, сталкивалась с целым рядом проблем. Вопрос о ее привлечении был непростым решением: ей приходилось действовать в густонаселенных кварталах, не имея никакого опыта подавления беспорядков в городах. Нельзя сбрасывать со счетов и антисемитскую позицию местных властей, вынужденных прибегать к военной силе для защиты евреев и подавления погромных дей-

ствий своих же единоверцев-христиан. Например, попытка начать погром в Киеве первоначально была подавлена властями. Но после того, как погром все же начался, войска стреляли в толпу, убив несколько погромщиков. Хотя киевский генерал-губернатор и не скрывал своей антипатии к евреям, отношение к сохранению общественного порядка и собственности во вверенном городе было однозначным. Реакция властей на действия погромщиков является еще одним свидетельством намерений правительства. Арестованы были почти 4 тысячи человек, большинство из которых предстало перед судом. Однако в большинстве случаев наказанию подверглись те, кто оказывал сопротивление войскам, а не участвовал в самих погромах. Привлеченными к суду оказались и евреи за попытку самообороны.

Встанем, пишет Аронсон, на точку зрения тех, кто считает, будто погромы были сознательно подготовленной акцией определенных политических сил и прежде всего правительства. Какие цели могли преследовать подобные гипотетические действия? Наиболее распространенный ответ состоит в том, что организаторы погромов стремились ослабить еврейское экономическое влияние. Ряд авторов считает, что погромы должны были дискредитировать министра внутренних дел М. Лорис-Меликова, имевшего репутацию либерала. Некоторые авторы исходят из того, что целью погромов являлось поощрение еврейской эмиграции. Другие думают, что погромы – дело рук сменившего Лорис-Меликова Н. Игнатьева, который стремился обрести дополнительную поддержку своей идее созыва консервативного Земского собора. Все эти мнения, считает Аронсон, не выдерживают критики. Нет никаких оснований, позволяющих говорить о причастности к погромам Игнатьева. Власти негативно относились к погромам, т.к. опасались, что они могут стать орудием в руках революционеров. В начальный период беспорядков власти еще не были информированы о том, что погромы сопровождалась демонстрацией лояльности к самодержавию. Что же касается отставки Лорис-Меликова, то она была предрешена вступлением на престол Александра III, не пожелавшего иметь дело с либеральным министром. Касаясь вопроса о провоцировании эмиграции и известным

высказыванием Игнатьева, о том, что «западная граница России открыта для евреев», Аронсон отмечает, что министр выражал в данном случае свои личные взгляды, а не точку зрения правительства. По самой своей природе самодержавие, отмечает историк, не могло проводить политику провоцирования ненависти масс к евреям как средство для решения своих задач⁶⁰.

Некоторые сторонники «теории заговора» связывали организацию погромов со «Священной дружиной» – неофициальной и тайной организацией, состоявшей из высокопоставленных чиновников и лиц, связанных с правящими кругами, организовавшихся для борьбы с революционерами и их идеологами террористическими методами. Так, на «Священную дружину» ссылались и Дубнов, и Эттингер. Анализируя настроения видных членов «дружины» (среди них кн. П. Демидов, кн. Сан-Дonato, гр. С. Витте, министр государственных имуществ М. Островский и др.), Аронсон пишет, что все они являлись противниками каких-либо насилий над евреями. Мнение Роггера о том, что «антисемитизм не играл никакой роли в программе “Священной дружины”», Аронсон считает абсолютно верным⁶¹. Касаясь вопроса о причастности к погромам «Народной воли» и встречающихся в народовольческой прессе и прокламациях антисемитских призывов, Аронсон отмечает, что расследования властей подтвердили отсутствие каких-либо фактов участия революционеров в подготовке и в проведении погромов. То, что география погромов ограничилась Украиной и Новороссией и не распространилась на Северо-Западный край, автор объясняет ускоренным экономическим развитием именно Юго-Западных и Южных регионов. Сезонные рабочие отправлялись в эти районы, создавая тем самым потенциальную армию погромщиков. Свою лепту в антисемитскую кампанию внесла провинциальная и столичная печать, особенно во второй половине 1870-х годов, волна ксенофобии и шовинизма, сопровождавшая русско-турецкую войну, а также обвинения евреев в участии в революционном движении. На отношение окружающего населения к евреям повлияла и дискриминационная политика государства. Местное население восприни-

мало евреев как находящихся вне защиты закона. Слух о царском указе придавал легитимность погромам.

В заключении, Аронсон, отражая современные подходы в еврейских исследованиях, отмечает, что такой вопрос как антиеврейские погромы может быть понят только в российском историческом контексте. Не существовало единственной силы или одного фактора, вызвавшие эти массовые насилия. Погромы 1880-х годов происходили в атмосфере общего культурного примитивизма, социальной напряженности, экономической нестабильности и политического замешательства. Они возникли при стечении ряда исключительных обстоятельств, при соединении всех выше обозначенных факторов.

Ставшая к настоящему времени уже традиционно-хрестоматийной еврейская историография погромов, уделяя большое внимание погромам начала 80-х годов XIX в., датирует этим временем начало новой эпохи в истории евреев не только в Восточной Европе, но рассматривает, как уже отмечалось, как поворотный момент в еврейской истории в целом. Ряд историков подчеркивает, что драматические события того времени оказали прямое влияние на принятие решения об эмиграции десятков тысяч евреев Восточной Европы, на рост и развитие еврейской общины в Северной и Южной Америке, зарождение сионистских идей и самого сионистского движения, первоначально известного как палестинофильство, а так же на вовлечение все большего числа еврейской молодежи в революционную активность. Погромы создали новую ситуацию и в еврейско-русских взаимоотношениях. Ряд еврейских публицистов и идеологов, с одной стороны, и российское правительство, с другой – выдвинули новые идеи и методы решения еврейского вопроса в империи.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что некоторые исследователи, и прежде всего Барон, о концепции которого уже шла речь выше, и без прямого или косвенного упоминания которой, не выходит практически ни одно исследование на Западе, отмечал, что не склонен связывать еврейскую эмиграцию, как и возникновение сионизма, напрямую с погромами. Еврейский исход, начавшийся из Российской империи конца XIX в., счи-

тал Барон, был частью общероссийской эмиграции того времени и определялся в немалой степени экономическими причинами. Возникшее тогда палестинофильское движение развивалось на фоне роста национализма, характерного в ту пору для многих европейских стран. Европейский национализм дал еврейскому народу ощущение легитимности и собственного национализма. Почему, спрашивал Барон, сионизм не возник в эпоху массовых насилий над евреями в XVII в.? Для ответа на этот вопрос нужно принять во внимание еще один фактор, важный для еврейства XIX в. – бурный процесс эмансипации, затронувший со второй половины позапрошлого столетия и евреев в России.

Возвращаясь к проблеме погромов, обратимся к коллективному исследованию американских, израильских и канадских историков, которое затрагивает не только первую волну погромов, но также вторую и третью⁶². Уже Аронсоном было отмечено, что оценки причин погромов начала 1880-х годов некорректны для последующих погромных волн, ибо они происходили в иных исторических условиях. Американский историк Роберт Вайнер в статье, вошедшей в этот коллективный сборник, «Погром 1905 г. в Одессе: предмет изучения»⁶³, на примере тех трагических событий раскрыл механизм прямой вовлеченности местных властей в массовые убийства. Авторы книги пришли к заключению, что погромы 1903–1906 гг. продемонстрировали куда большую включенность в них властей. И тем не менее их видение проблемы отличается от оценок, данных историками предыдущих поколений, нередко современников тех событий. (С. Дубнов, Л. Моцкин, П. Гринберг), писавших о «погромной политике царизма». Шломо Ламброза в статье «Погромы 1903–1906 гг.» отмечает, что в высших сферах действительно были деятели, провоцировавшие погромы. Это и великий князь Николай Николаевич, и товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов, и другие члены царской камарильи. Симпатизировал погромщикам и Николай II. А наряду с ними – целый сонм чиновников и военачальников на местах: губернаторы, командующие гарнизонами, полицмейстеры. Но в правительстве были и те, кто решительно воспротивился по-

добным действиям: например, премьер-министр С.Ю. Витте, и его мнение разделяли многие представители местных властей. Погромы 1903–1906 гг. явились прежде всего результатом насаждения антисемитских настроений в стране. «Правительство сознательно, умышленно, намеренно, откровенно поддерживало антисемитскую деятельность... Позиция правительства создала условия, которые позволили погромам произойти... Политика властей покоилась на ложной вере в то, что, преследуя евреев, они в некотором роде нейтрализуют революционное движение. Правительство... видело то, что хотело видеть, и слышало то, что хотело услышать... Именно нежелание считаться с реальным миром вещей унесло много безвинных жизней и, в конечном счете, сокрушило саму династию Романовых»⁶⁴.

Отметим, что одной из особенностей нового взгляда на погромы является обращение авторов не только к мотивам и ментальности власти имущих, но и анализ настроения толпы, социального состава участников насилий. В заключительной статье сборника Роггер отмечает, что погромы, последовавшие сразу за Манифестом 17 октября 1905 г., отражали возникшие тогда фобии, что возможность уравнивания в правах евреев ухудшит положение христианского населения. В этой же статье американский историк вводит погромы в Российской империи в контекст антиеврейских и иных расовых взрывов в Европе и Америке XIX–XX вв.

О том, что тема погромов не потеряла своей значимости и актуальности и в нынешнем столетии, свидетельствует конференция “Anti-Jewish Violence: Reconceptualizing ‘the Pogrom’ in European History, 17th–20th Century”, состоявшаяся в Стокгольме в 2005 г. На основе ее материалов составлен опубликованный сборник⁶⁵. Издание, в котором участвовали американские, израильские, английские, шведские, литовские и что показательно российские исследователи, расширяет временные и географические границы погромов, которые стали объектом изучения, рассматривает вопросы, касающиеся антиеврейских насилий в тех регионах, которые прежде не привлекали внимание историков: Крым, Сибирь. Уделяется внимание периоду Пер-

вой мировой войны. Ряд концептуальных статей книги касается советского времени и выходят за хронологические рамки нашего исследования.

Американский исследователь Эрик Лор в своей статье сравнивает еврейские погромы периода Первой мировой войны с насилием, которое происходило еще в предвоенное время, главное внимание уделяя участию армии в антиеврейских акциях, отношению к ним правительства, связь погромов с экономической ситуацией и окрепшими националистическими настроениями. Этот сюжет по сути продолжен в статье американского автора Питера Холквиста «Роль личности в период первой (1914–1915) русской оккупации Галиции и Буковины», в которой отмечается, что антисемитская позиция высшего военного командования русской армии сыграла важную роль в погромах, совершавшихся армейскими частями. Раздел книги, касающийся реакции на погромы, включает публикацию израильского автора Владимира Левина, который рассматривает три вида попыток противодействия насилию: разного рода посреднические усилия и действия еврейских отрядов самообороны, а также систематическую борьбу с антисемитизмом. Американский историк Натан Меир обращаясь к опыту Киева начала XX в., касается вопроса о месте, которое погромы занимали в еврейской повседневности.

Ряд сюжетов и проблем, которые рассматривались в первом сборнике, нашли продолжение и во втором. Речь идет, прежде всего о статье английского автора Клер де Фоль «Отсутствие погромов в Белоруссии, 1881–1882: условия и мотивы». Исследовательница склоняется к заключениям, которые были высказаны авторами в уже первой книге: этой территории почти не коснулись процессы модернизации, значительно повлиявшие на причины погромов. Многие элементы феодальной системы, как отмечает Клер де Фоль, еще оставались в Белоруссии вплоть до XX в., что позволяло сохранить евреям свои прежние социальные позиции. Погромы были главным образом городским явлением, и в рассматриваемый период белорусские города оставались небольшими поселениями, в которых евреи доминировали демографически. Выход книги свидетельствует

о сохранении и преемственности изучения этих трагических событий еврейской истории.

Евреи в революционном движении: между мифами и реальностью. В сравнении, скажем, с такой темой, как «еврейский вопрос и попытки его решения», сюжет «евреи и русская революция», несмотря на большой интерес к этому вопросу прежде всего у публицистов и достаточно широкой аудитории, для еврейской историографии не был объектом пристального внимания и носил скорее почти маргинальный характер. Эту традицию попытался, и достаточно успешно, преодолеть канадский историк Эрих Хаберер. Его монография посвящена главным образом участию евреев в русском революционном народничестве⁶⁶. Одним из немногих предшественников Хаберера в изучении этого вопроса был Лев Дейч (1855–1941) – ветеран революционного движения, автор книги мемуарного характера «Роль евреев в русском революционном движении»⁶⁷. Точка зрения Дейча утвердилась в академической историографии: роль евреев в революционном движении 1860–1870-х годов была второстепенной и ограничивалась главным образом исполнением важных, но прежде всего технических функций. Дейч и стоявший на близких позициях к его взглядам еврейский историк Илья (Элиас) Чериковер (1881–1943) изображали еврейских участников русского народничества как ассимилированных «нееврейских евреев», выводя их по сути за пределы русско-еврейской истории⁶⁸.

Хаберер в своей монографии ставит несколько важных вопросов: насколько пропорциональным к общей численности еврейского населения России было присутствие евреев в революционном народничестве; каковы причины, обусловившие приход евреев в революцию в ту эпоху; наконец, в чем собственно состоял вклад евреев в революционное движение той поры. Внимание историка привлекают такие знаковые фигуры в русском народничестве, как М. Натансон, Л. Дейч, П. Аксельрод, А. Зунделевич, О. Аптекман, Л. Гинзбург, Гр. Гольденберг и др. Достаточно распространенным объяснением активного участия евреев в революционной деятельности были ссылки на их бесправие. Однако подобное объяснение, замеча-

ет Хаберер, рождает недоуменные вопросы. Ведь вступление еврейской молодежи на революционную стезю пришлось как раз на тот период, когда явственно обозначились признаки начавшейся эмансипации, или, по выражению Б. Натанса, начался процесс «выборочной интеграции» части еврейской общины. Великие реформы 1860–1870-х годов открывали для наиболее деятельных слоев еврейского общества (купцов, частично ремесленников, лиц с высшим образованием и некоторых других) возможности для относительно полноправной интеграции в российское позднеимперское общество.

Хаберер придает большое значение последствиям Гаскалы. Прямым следствием стало распространение идеологии европейского Просвещения (да и само возникновение Гаскалы стало в немалой мере следствием этих идей). Восприятие нового мирозерцания, привело к разрушению традиционного еврейского образа жизни, развитию секулярных начал как и возникновению до того времени беспрецедентной мобильности части еврейского общества. Еврейская молодежь, получив образование в русской школе, в значительной своей части дистанцировалась от еврейского окружения и вступила в неведомый для ее мир русского нигилизма, в котором царило братство и не существовало ни расовой, ни религиозной нетерпимости. Таким образом, замечает Хаберер, молодые, радикально мыслящие евреи обретали для себя новую идентичность: не христианскую (как это было обычно в случае крещения) и не русскую. Они интегрировались в социалистический мир нравственных ценностей, поведения и морали и входили в новую космополитическую субкультуру. Такой путь, как показывает историк, был в большей или меньшей степени типичен для евреев-народников 1860–1870-х годов. Таким образом, считает Хаберер, еврейское Просвещение в его российской разновидности породило еврейские кадры для российского революционного движения той поры.

Хаберер также придерживается мнения, что погромы 1880-х годов кардинально изменили настроения еврейской общины, которая, как уже отмечалось выше, видела отныне решение еврейского вопроса главным образом в палести-

нофильском движении и массовой эмиграции. Однако канадский историк приходит, на первый взгляд, к парадоксальному выводу: погромы 1880-х годов, которые, как известно, в революционных целях попыталась использовать и часть народовольцев, в целом не только не отдалили евреев-революционеров от их русских товарищей, а, напротив, «погромный кризис укрепил их (евреев. – *А.Л.*) солидарность с движением... усилил их приток в ряды “Народной воли” и, наконец, укрепил, а не ослабил их еврейское сознание»⁶⁹.

Хаберер меняет также устоявшиеся представления о количественном составе евреев в революционном движении 1870–1880-х годов. По оценке Барона и Гринберга, процент евреев среди революционеров-народников равнялся примерно 4,4%, т.е. соответствовал их доле среди населения империи⁷⁰. И только в последующие десятилетия это соотношение стало меняться в сторону увеличения еврейского присутствия.

Динамика же роста вхождения евреев в революционное движение выглядит, по Хабереру, следующим образом. С начала 1870-х по конец 1880-х годов их участие каждые четыре-пять лет возрастало приблизительно на 5%. Лишь в 1871–1873 гг. евреи составляли 4–5% общего числа – пропорционально их численности в государстве. Однако уже в 1874–1876 гг. пропорция оказывается нарушенной и составляла 6–7%. К 1878–1879 гг. эта цифра достигала уже 9%. Крутой подъем, отмечает историк, происходит в начале 1880-х – 14–15%. Вступление нового поколения в революционную деятельность в 1880-х годах привело к тому, что еврейскую вовлеченность можно определить в 20%. Наконец, в 1886–1889 гг., в период начала распространения социал-демократических идей, евреи составляли от 35% до 40% всех привлеченных Департаментом полиции за «политические преступления». По сути, отмечает Хаберер, за двадцать прошедших лет евреи превратились в «критическую массу» русского революционного движения⁷¹. В условиях разгрома и кризиса революционного движения восьмидесятых годов приток еврейской молодежи позволил сохранить преемственность революционной традиции и проложить новые пути в следующее десятилетие.

Как на бессознательном, так и на сознательном уровне еврейское происхождение, воспитание, культурное влияние, самоощущение, психологические устремления и личные желания исторических фигур в монографии Хаберера играли очень важную роль в радикализации и восприятии ими социалистических доктрин. Евреи-участники такого уникального движения, как русское народничество, по убеждению канадского историка, стали субъектами и еврейской истории, а их искания, заблуждения, страдания и гибель – составной частью еврейского национального опыта.

* * *

Возникшая в 1980-х годах в Израиле школа «новых историков», известная также как «постсионистская историография», почти все свое внимание уделила кардинальной переоценке ряда центральных моментов в истории создания Еврейского государства и первых десятилетий его существования⁷², однако критический дух этой школы нашел отражение в израильской историографии, касающейся и истории восточноевропейского еврейства.

С рубежа XX–XXI столетий для многих работ западноевропейских и особенно американских авторов, как и их израильских коллег, при изучении евреев Российской империи характерно стремление переосмыслить, сделать еще одну переоценку еще, казалось бы, совсем новых, но для молодого поколения историков уже, по их убеждению, прежних устоявшихся подходов и концепций. Характерная черта зарубежной историографии российского еврейства – это выход на комплексы новых источников, хранящихся в архивах многих стран, внимание к новым сюжетам при сохранении интереса и к традиционным вопросам. Большое внимание уделяется внутренним процессам, происходившим в еврейском мире, и прежде всего исторической демографии, еврейской религиозной традиции и ее наиболее выдающимся выразителям; гендерным исследованиям⁷³.

К настоящему времени изучением российского еврейства занимается довольно значительное интернациональное акаде-

мическое сообщество, включая немецких и польских историков⁷⁴. Одним из примеров реализации коллективного международного проекта, посвященного истории евреев в России, стали первые два тома, из намеченных трех, вышедшие в иерусалимско-московском издательстве «Гешарим/Мосты культуры»⁷⁵.

Хочу еще раз заметить: вопросы, проанализированные в данной статье, лишь сравнительно небольшая часть сюжетов, проблем, фактов и явлений, которые являются предметом изучения многочисленных зарубежных исследований по истории еврейского народа в России и Восточной Европе. Иные темы – предмет анализа будущих публикаций, некоторые сюжеты которых лишь намечены в этой статье.

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976–2005. Т. 1–11. URL: <http://www.eleven.co.il/>

² A History of the Jewish People / Ed. by H.H. Ben-Sasson. Cambridge (Mass.), 1976.

³ *Baron S.W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York; London, [1964]; 2 ed.: 1976.

⁴ К настоящему времени в переводе на русский вышел первый том сочинений С. Барона в переводе: *Барон С.У.* Социальная и религиозная история евреев. Т. I: Древний мир: до зарождения христианства. М., 2012.

⁵ *Грец Г.* Предисловие // *Грец Г.* История евреев от древнейших времен до настоящего. Т. 4. Одесса, 1905. С. 3.

⁶ Цит. по: *Локшин А.* Иудаика в России: русско-еврейская история и ее исследователи // *Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв.* М.; Иерусалим, 1995. С. 16–17.

⁷ *Pipes R.* Catherine II and the Jews: The Origins of the Pale of Settlement // *Soviet Jewish Affairs.* 1975. Vol. 5, No. 2. P. 3–20.

⁸ *Ibid.* P. 5.

⁹ *Dubnow S.* History of the Jews in Russia and Poland. Vol. 1. Philadelphia, 1916. P. 320. Всего вышло три тома Дубнова в переводе на английский: *Idem.* History of the Jews in Russia and Poland. Philadelphia, 1916–1926. 3 vols.

¹⁰ *Гессен Ю.* История евреев в России и Польше. СПб., 1914; *Гессен Ю.* История еврейского народа в России Т. 1, 2. Л., 1925–1926. Переизд.: М.; Иерусалим, 1993.

¹¹ *Greenberg L.* The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. 2 vol. in 1. N.Y., 1976.

¹² Именной Указ от 2 декабря 1742 г. о «высылке как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень, всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имени-

- ем за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять христианскую веру греческого вероисповедания» (Полное собрание законов Российской империи Собр. 1. Т. XI. № 8673. Далее: ПСЗ-1; *Леванда В.* Полный хронологический сборник законов и положений касающихся евреев... от 1649–1873. СПб., 1874. № 23. С. 17).
- ¹³ *Pipes R.* Op. cit. P. 3.
- ¹⁴ Ibid. P. 12.
- ¹⁵ ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17006; *Леванда В.* Указ. соч. № 42. С. 36–37.
- ¹⁶ *Pipes R.* Op. cit. P. 13.
- ¹⁷ ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17006; *Леванда В.* Указ. соч. С. 36–37.
- ¹⁸ *Dubnov S.* History of the Jews in Russia and Poland. Vol. 1. P. 320.
- ¹⁹ *Pipes R.* Op. cit. P. 15.
- ²⁰ ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17224; *Леванда В.* Указ. соч. № 43. С. 37.
- ²¹ *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. С. 78–79.
- ²² A History of the Jewish people. P. 757.
- ²³ *Эттингер Ш.* Россия и евреи. Иерусалим, 1993. С. 221, примеч. 1.
- ²⁴ Еврейские народные песни в России. СПб., 1901.
- ²⁵ *Гинзбург С.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1913. Сто лет спустя его исследование было дважды переиздано: 1812 год. Россия и евреи. М.; Иерусалим, 2012; *Гинзбург С.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. М., 2012.
- ²⁶ *Mendelsohn E.* Class Struggle in the Pale. Cambridge, 1970.
- ²⁷ *Tobias H.* The Jewish Bund in Russia. Stanford, 1972.
- ²⁸ *Rogger H.* The Jewish Policy of Late Tsarism: A Reappraisal // The Wiener Library Bulletin. 1971. Vol. XXV, No. 1–2. P. 42–51.
- ²⁹ *Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews. Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855. Philadelphia, 1983.
- ³⁰ *Klier J.* Russia Gathers Her Jews: The Origins of the Jewish Questions in Russia, 1772–1825. Dekalb, 1986.
- ³¹ Эта монография переведена на русский язык: *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России, 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000. Книга значительно переработана и дополнена автором, в нашей статье цитируется по этому изданию.
- ³² Там же. С. 11.
- ³³ *Biale D.* Power and Powerlessness in Jewish History. N.Y., 1986.
- ³⁴ *Клиер Дж.Д.* Указ. соч. С. 12.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 217.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ «Положение о евреях» 1804 года // *Эттингер Ш.* Россия и евреи. Иерусалим, 1993. С. 220–221.
- ⁴⁰ *Клиер Дж.Д.* Указ. соч. С. 218.
- ⁴¹ Там же. С. 314.

- ⁴² *Klier D.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, New York: Cambridge Univ. Press, 1995.
- ⁴³ *Ibid.* P. 455.
- ⁴⁴ *Stanislawski M.* *Op. cit.* P. 101.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 109–122.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 122.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 25.
- ⁴⁸ *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. М., 2003. С. 13. Английская версия этой книги вышла несколькими годами позже: *Petrovsky-Shtern I.* Jews in the Russian Army, 1827–1917: Drafted into Modernity. Cambridge; New York, 2009.
- ⁴⁹ *Петровский-Штерн Й.* Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁰ *Stanislawski M.* *Op. cit.* P. 188.
- ⁵¹ *Frankel J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981. Русский перевод: *Френкель Й.* Пророчество и политика: социализм, национализм и русское еврейство, 1862–1917. М.; Иерусалим, 2008.
- ⁵² *Frankel J.* The Crisis of 1881–82 as a Turning Point in Modern Jewish History // *The Legacy of Jewish Migration 1881 and its Impact.* N.Y., 1983. P. 9.
- ⁵³ *Nathans B.* Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. University California Press, 2002. P. 8. Русская версия: *Натанс Б.* За Чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007.
- ⁵⁴ *Натанс Б.* Указ. соч. С. 426.
- ⁵⁵ *Errera L.* The Russian Jews: Emancipation or Extermination? L., 1894.
- ⁵⁶ См. сноску 28.
- ⁵⁷ *Aronson M.* Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 176.
- ⁵⁹ A History of the Jewish People. P. 881, 882.
- ⁶⁰ *Aronson M.* *Op. cit.* P. 192.
- ⁶¹ Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / Ed. J. Klier and Sh. Lambrozo. Cambridge [u.a.]: Cambridge Univ. Press, 1995.
- ⁶² *Ibid.*
- ⁶³ *Ibid.* P. 248–290.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 242.
- ⁶⁵ Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Ed. by Dekel-Chen J., Gaunt D., Meir N. and Bartal I. Indiana Univ. Press, 2011.
- ⁶⁶ *Haberer E.* Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1995.
- ⁶⁷ *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. Берлин, 1923. Второе издание книги вышло в СССР в 1925 г.
- ⁶⁸ *Чериковер Э.* Идн-революционерн ин руссланд ин ди 60-ер ун 70-ер йорн // *Хисторише шриффтн.* 1939. № 3. (Идиш). Надо отме-

тить, что Чериковер занимает в еврейской историографии особое место: ему во многом принадлежит приоритет в исследовании сложного комплекса социальных, экономических, культурных, психологических и др. предпосылок, определивших достаточно активное участие евреев с конца XVIII в. в освободительных, революционных и социалистических движениях европейских стран. Важнейшие работы Чериковера по этой проблематике были изданы в 1957 г. в Тель-Авиве, в переводе на иврит, в книге «Иехудим бе-иттотха-махпеха» («Евреи в революционную эпоху»).

⁶⁹ *Haberer E.* Op. cit. P. 267.

⁷⁰ *Baron S.* Op. cit. P. 139; *Greenberg L.* Op. cit. P. 149 (Vol. 2).

⁷¹ *Haberer E.* Op. cit. P. 257.

⁷² См. номер журнала, специально посвященный этому направлению: *History & Memory. Special issue. Istaeli Historiography Revised. Spring / Summer 1995. Vol. 7, No. 1.*

⁷³ Достаточно характерна в этом отношении монография израильского историка: *Rosman. M. Founder of Hasidism: Quest for the Historical Ba'al Shem Tov.* Berkeley, Calif.: Univ. of California Press, 1996. В ней на основе целого комплекса новых источников представлена, как считает автор, реальная историческая фигура основателя хасидизма, который решительно расходится с традиционным описанием его жизни и деятельности, например, у С. Дубнова в *Toldot Ha-Hasidut (История хасидизма)* (Tel-Aviv, 1975; на иврите). См. также: *Etkes I. The Gaon of Vilna: The Man and his Image.* Berkeley, 2002; *Lurie I. Edau-medina: Hasidut Habadba-imperia ha-rusit, 1823–1883 = [Община и государство: хасидизм Хабад в Российской империи].* Иерусалим, 2006; *Freeze Ch. Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia.* Hanover, N.H.: Brandeis Univ. Press, 2002; *Stampfer Sh.:* 1) *Families, Rabbis and Education: Traditional Jewish Society in Nineteenth-Century Eastern Europe.* Oxford: The Littman Library of Jewish Civilization, 2010; 2) *Lithuanian Yeshivas of Nineteenth Century: Creating of a Tradition Learning.* Littman Library of the Jewish Civilization, 2012.

⁷⁴ См., например: *Kleinmann Y. Neue Orte – neue Menschen: Jüdische Lebensformen in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert.* Göttingen, 2006; *Hofmeister A. Selbstorganisation und Bürgerlichkeit: Jüdisches Vereinswesen in Odessa um 1900.* Göttingen, 2007; *Dorhn V. Jüdische Eliten im Russischen Reich: Aufklärung und Integration im 19. Jahrhundert.* Köln 2008. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas; Bd. 44); *Wodziński M. Oświecenie Żydowskie w Królestwie Polskim wobec chasydizmu.* Warszawa, 2003; *Stepniewska-Holzer B. Żydzi na Białorusi: Studium z dziejów strefy osiedlenia w pierwszej połowie XIX w.* Warszawa, 2013.

⁷⁵ *История еврейского народа в России. Т. 1: От древности до раннего Нового времени; Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917.* Иерусалим; М., 2010–2012.

ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КРЫМСКОМУ ХАНУ СЕЛИМ-ГИРЕЮ I¹

В мае – июне 1671 г. османское правительство сместило крымского хана Адиль-Гирея и назначило новым ханом Селим-Гирея I². Вскоре после назначения, в сентябре 1671 г., хан организовал поход крымских войск в Кабарду³. В преддверие похода кабардинские князья отступили «в горы, в крепкие места и с собою все побрали»⁴. Крымские войска остались зимовать в Бесленях, там же находилась ставка крымского хана. Отсюда Селим-Гирей направлял своих посланников к ногайским и дагестанским мурзам, калмыцким тайшам⁵. В январе 1672 г. бежавшие из похода крымские татары рассказывали русским посланникам, находившимся в Бахчисарае, что «ханы и татаровя стоят по разным местам и помирают з голоду сами и лошади, а добрава де дела себе не учинил, зачем поехал... и многие тысячи забежали ис походу тайком»⁶.

Османский султан категорически потребовал от крымского хана весной будущего года выступить на Речь Посполитую. Последняя надежда хана «взять у черкес аманатов и вместо дани ясырь»⁷ не достигалась. В конце января 1672 г. послал калгу Селямет-Гирея в Бахчисарай для наказания главарей побега и новой мобилизации⁸. Благодаря подоспевшей из Крыма помощи, а также набегу ногайского Каракася-мурзы на притеречные районы Кабарды, крымский хан сумел нанести кабардинским князьям сокрушительное поражение⁹. Кабардинская аристократия была вынуждена выдать крымскому хану 50 заложников, обязалась выставить для участия в предстоящем польском походе одного из владетельных князей Большой Кабарды Бекмурзу Джамбулатова, а также передать крымцам 7 ногайских заложников¹⁰.

По сведениям, собранным русскими посланниками в Крыму, в мае 1672 г. хан Селим-Гирей I, потеряв в походе около 6000 человек, вернулся в Бахчисарай. «И на хана де, – сообщал

в своих статейных списках Василий Шишкин, – за то, что он ходил на черкасы, а людей столько потерял, всем Крымом кричат и бранят»¹¹. Несмотря на неизбежные потери, крымские войска вернулись с богатой добычей: многочисленным ясырем, десятками тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. Кабарда была разорена. Как отмечали жители Терского города, приобретавшие продовольствие главным образом у кабардинцев, «после его ханова отходу кабардинцы ... учели ездить в Терек с просом и ечемнем и с овощьми немногие люди. И ныне на Терке русским людям голод большой»¹².

Кабардинский поход 1671–1672 гг. вызвал острый конфликт между Московским государством и Крымским ханством. В августе 1672 г. от имени царя Алексея Михайловича хану Селим-Гирею I была направлена грамота, в которой он обвинялся за поход на русских подданных «горских черкас в Большую Кабарду» и военные операции под Терским городом¹³.

В феврале 1673 г. русский посланник в Бахчисарае Гаврила Михайлов встретился с ближним человеком хана агой Супхам Газы. Претензии российского правительства по вопросу о Кабарде ханский представитель отклонил так: «Та де ссора чинитца от кабардинского Казбулата, старо крымский подданной, заворовав сослався с калмыцкими тайшами, чинит ссору на обе стороны»¹⁴.

На царскую грамоту хан Селим-Гирей I ответил крайним возмущением: «Черкасы (Кабарда. – *Д.Р.*) и нагайцы искони до нынешнего дни под нашим повелением, наши подданные, у предков ваших и у вас Черкасская земля никогда под вами не бывала и таких слов предки ваши не писывали»¹⁵. Подобный демарш крымского хана подкреплялся содержащимися в Бахчисарае уже более года кабардинскими и ногайскими заложниками. В этой связи Посольский приказ, основываясь на материалах XVI–XVII вв. составил и направил в Бахчирай большую царскую грамоту в которой приводилась историческая справка о давних сношениях Русского государства с кабардинцами, кумыками, калмыками, ногайцами и т.д.¹⁶ Грамота вызвала огромный резонанс в Крыму. Крымское правительство долго на

нее не отвечало. Причину этого ближний человек хана изложил российским посланникам следующим образом: «В той его великого государя грамоте писано, чего на перед сего не бывало»¹⁷, потому и посылали ее османскому султану¹⁸.

В июле 1673 г. по приказу османского султана кабардинские аманаты были отпущены из Крыма¹⁹. Очевидно, не в последнюю очередь решение султана было обусловлено участием кабардинских отрядов в османско-крымском походе на Речь Посполитую. Свой кратковременный успех в Кабарде крымский хан Селим-Гирей I попытался закрепить военным союзом: весной 1673 г. отправленный туда для этой цели калга Селямет-Гирей из-за эпидемии в Кабарде вынужден был вернуться в Бахчисарай²⁰.

1672 г., май. Грамота царя Алексея Михайловича крымскому хану Селим-Гирею I.

Божией милостью от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и государя и обладателя Великия орды Крымского Юрта Салим Гирею хану поздравление.

В нынешнем во 181-м году апреля в 29 день к нам, великому государю нашему царскому величеству, писали вы в грамоте своей з гонцом своим с Кутлюю о чем в нашей царского величества грамоте к вам писано, про то про все вам ведомо. А что вы с послом своим с Маметь Имельдешем послали к нам, великому государю к нашему царскому величеству, шертную свою грамоту за печатью, о чем в той грамоте писано, и мы, великий государь наше царское величество, те слова и любовь не приняли для того, чтоб быть шерти вашей по шах Темир Аталыкову договору. И вы наперед сего к нам, великому государю к нашему царскому величеству, в грамоте своей с Маметь Имельдешем писали ж – буде которое слово в той шертной грамоте мы, великий государь, в приятство принять не укажем,

и нам бы, великому государю нашему царскому величеству, тое вашу шертную грамоту прислать к вам назад, для того чтоб за незбытное дело слова не продлилось, дружба и недружба была явна и слово ваше тожи мимо той шертной грамоты слово ваше инако будет. А буде мы, великий государь, желаем с вами быть в дружбе, и нашему б царскому величеству по прежней вашей шертной грамоте дружбу и любовь совершить и всякое дело исполнить без убавки. А буде мы, великий государь наше царское величество, по той вашей шертной грамоте единого слова в приятство принять не изволим, и нашему б царскому величеству ту вашу шертную грамоту прислать к вам назад и недружбу объявить, для того что вы надеетесь на милость силоного бога и на заступление пророка своего Магметя.

И мы, великий государь наше царское величество, к вам, Салим Гирею хану, как наперед сего в наших царского величества грамотах чрез дворянина нашего Василья Шишкина и толмача Фому Кречнева писали, так и ныне объявляем, что в прошлом во 178-м году, будучи у нас, великого государя у нашего царского величества, на Москве с нашими царского величества думными людьми прежних Магмет Гирея и Адиль Гирея ханов Сефер ага да Шахтемир Аталык с товарищи з грамотами их меж нами, великим государем нашим царским величеством, и Адиль Гиреем ханом и государствы нашими учинили договор на том, что нам, великому государю, и наследником нашим и впредь – будущим Великие России государем царем и великим князем, также и брату нашему наяснейшему и великому государю Михаилу, божиею милостию королю польскому и великому князю литовскому, рускому и иных, также и наследником его великим государем королем и великим князем королевства Полского и Великого княжества Литовского с ним, Адиль Гиреем ханом и наследники его впредь будущими на Крымском Юрте ханы, быть в крепкой дружбе и любви от того дня впредь навеки неподвижно другу другом, а недругу недругом. И по тому договору ему, Адиль Гирею хану, и впредь будущим ханам и калгам и нурадыном и детям и племянником и мурзам и всем ордам и всяким улусным людям, которые послушны х Крымскому Юрту, на наши великого го-

сударя и брата нашего королевского величества полского на украинные города войною не ходить и городков и земель и подданных по обе стороны Днепра казаков не воевать и воинских людей не посылать и лиха низачто не хотеть, и злых ссор в украине к войне ни от кого не слушать, и между тремя государствы мир согласно и вовеки непрременной держать, и боярина нашего Василья Борисовича Шереметева со всем полоном, сколько в Крыму и в улусах същется, всех отпустить на розмену без окупа на том на всем те вышепомянутые послы веру дали, на Куране шерть учинили и шерную запись за руками и за печатями своими дали. А в шертной их записи написано – обещалися они господу богу, сотворителю неба и земли, на том, что по приказу государя своего Адиль Гирей хана и калги и нурадына и великих родов, которые на Крымском Юрте и в улусех, запись по договору о вечном и неразрывном миру между Крымским Юртом с улусами нашим царским величеством и государством Московским и королевством Полским, со всею украиною и з городами обоих государств и меж Крымским улусом, как в записи за их печатями договорено и утвержено вовеки быть непрременно, так им всесилный бог помощи в сий век и в будущий во всех заповедях своих содержать мирную правду от того дни и вовеки на том своем Куране и шерть учинили. А как Куран целовали и говорили обещание, еже в Куране написано, держать все еже им обещаете с прилежание до уреченного времени. И тот их договор и шерть Адиль Гирей хан и калга и нурадын подтвердили и на Куране шертовали при наших царского величества посланниках и шерную грамоту за своею печатью к нам, великому государю, к нашему царскому величеству прислали. А в шертной их грамоте написано, что он, Адиль Гирей хан, и калга, Крым Гирей и нурадын Девлет Гирей шертовали на том, что с нами, великим государем с нашим царским величеством, они и все Крымского Юрта люди в дружбе и любви навеки учинилися и ссору и войну и плен отставили и обоим государствам земским людям тишины желают, и з братом нашим, с великим государем его королевским величеством полским, дружба и любовь утверждена, и подданным нашего царского величества Московского государства

убытков не чинить и никакова зла не мыслить, и в дружбе и в любви Адиль Гирею хану и его братье и детям и впредь будущим ханом крымским быть навеки неподвижно другу нашему другом, а недругу недругом, которое обещание имеет быть не токмо что на время и вовеки неповрежденно, как в законе нашем написано. И мы, великий государь наше царское величество, тое шертную грамоту впредь на умножение наши государские дружбы приняли в любовь. И наши, царского величества, ближней человек окольной и посланники с казною и ваши послы и пленные люди высланы были на розмену и стояли в наших царского величества украинских городех болши года. А после того учинились на Крымском Юрте вы, Салим Гирей хан, и по нашего царского величества указу, а по утвержденной Крымского Юрта Адиль Гирея хана, к вам, хану, в нашей царского величества грамоте писано з дворянином нашим с Васильем Шишкиным надеясь, что от всего Крымского Юрта по шертной грамоте Адиль Гирея хана и по договору послов его с нами, великим государем, с нашим царским величеством, к непорушиму здержанию исполнено будет и шertzь вы на Куране учините вскоре, и вы о принятии нашей царского величества грамоты у вышепомянутого нашего царского величества дворянина по договору и по шертной грамоте Адиль Гирея хана шertzь не учинили, а ходили со многими ратными людьми на наших царского величества подданных на горских черкас в Большую Кабарду и под Терек, и подбегаючи те ваши ратные люди нашим царского величества подданным, терским жителем, убытки великие учинили. И тех наших царского величества подданных убытки вам не попредили, своего многого лишились и с немалым упадком в Крым возвратились. А вышепомянутой дворянин в Крыму задержан был многое время. А как вы ис того своего походу пришли на Крымской Юрт и нам великому государю нашему царскому величеству при вышепомянутом нашего царского величества дворянине и при подъячем Гавриле Михайлове на Куране шертовали на том, что вы, Салим Гирей хан, и калга Селемет Гирей и нурадын Сафат Гирей и иные в Крыме будучие братья ваши и Карачей князь и аги и мурзы и все ваши подданные и улусные люди нашего

царского величества Московского государства украинных городов и земель, которые бывали в подданстве у предков наших, и ныне у нас великого государя у нашего царского величества пребывают, тех людей и всех не воевать, а подданных наших запорожских казаках и о иных делах, которые годны к воздержанию миру меж нас, великого государя, и брата нашего великого государя его королевского величества полского, и чтоб вам быть нашего царского величества другу другом, а недругу недругом по ево в той своей шертной грамоте против посолского Сефур Агина и шах Темир Аталыкова договору и шертной их записи и прежняго Адыль Гирея хана шертной грамоты не написали, и тое шертную грамоту и шертъ свою вы нарушили, в нынешней своей грамоте з гонцом с Кутлюю наши государевы титла написали не по нашему государскому достоинству, мимо посолского договору и прежней Адиль Гирея хана и своей шертной грамоты, и как к нам великому государю, с Маметъ и Муладешем писали не так, как нам великому государю от господа бога поручено, и сами себя описуем. А к нам, великому государю к нашему царскому величеству, древний и честний великий государь цесарь христианский и иные великие государи, короли братья наши и из бусурманского закону брат наш великий государь Сулейман шахово величество перситцкой и государь ваш, брат наш, великий государь Магметъ Салтанове величество турской и ханы китайской, юргенской и бухарской и иные пишут по нашему государскому достоинству. А что в вашей же нынешней грамоте писано – ведая вы, что мы, великий государь наше царское величество, з братом нашим с наяснейшим великим государем королем полским, с его королевским величеством, в дружбе, ходили в Черкасскую землю и многие убытки починили и Петру Дорошенку помогали, Литовскую землю воевали. И буде вы впредь Петру Дорошенку будете помогать и Полскую землю учнете воевать, и мы, великий государь наше царское величество, калмыцких и черкасских и нагайских ратных людей морем и сухим путем, заодно с полским королем, учнем промышлять. И будто черкасы и ногайцы искони до нынешнего дни под вашим повеленьем ваши подданные, а у предков наших царского величества и

у нас, великого государя, Черкасская земля никогда в подданстве не бывала. И то вы к нам, великому государю к нашему царскому величеству, в грамоте своей пишете неправду, понеже у предков наших царского величества; у великих государей царей и великих князей российских, и блаженной памяти у отца нашего великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Великия Росии самодержца были в подданстве ногайские Шейдяк князь да Урус князь с мурзами. Иштерек князь с мурзами ж и с улусом Какильбаев, да Кара Калмамет мурзы кабардинские и черкасские, Темрюк и Мамстрюк Нарчов, Куденек и Нямдашима князь Канбулатовичи, Сунчалей князь Янклычов, Кулмамет князь Куденекович, Муцал князь да Будачей мурзы Сунчалеевичи, Шегалика мурза Лузлаков, калмыцкой и тарковской Казаналп мурза и иные нам, великому государю нашему царскому величеству, служат верно. Черкасские мурзы князь Казбулат Муцалович, Хату мурза Салтанбеков сын, Адамерю мурза Татарханов сын; кабардинские Мусост мурза Казыев сын, Адыль мурза Котавжуков сын, Денгизбилей мурза Алегукин сын, Кудми мурза Хапыков сын, Бек мурза Женбулатов сын, Кайтука мурза Женбулатов сын, Ялчигир мурза Исламов сын, Клычюка мурза...²¹ Кумыцкие тарковской Будай Шевкал Андреев сын, Чеполов мурза. Казыевские Руслан бек мурза, Нузур мурза Ураковы половины Девей мурза, Исуп мурза; едисанские Емамет мурза Енаев сын, Тинбаев Мамей Демин, мурза князь Алеев сын Урусов. Калмыцкие Дайчин Аюка тайша з братьями своими и с племянники, Назар Мамут тайша, Мелеш тайша, Солом Серен тайша, Батыр тайша, Балба Дайши Кулделеня Абаша три сына, Дайзин тайша, Мойчак Замса тайша со многими своими улусными людьми, которые за помощью божиею, а по нашего царского величества повеленью всегда над крымским Юртом за ваши неправды всякой воинской промысл, естли вы от той своей неправды не отступите, чинить не престанут.

Да в той же вашей грамоте писано – полской король своему государству особ государь, в вашей с ним дружбе и в недружбе наши царского величества слова не вмещаютца. И то вы, Селим Гирей хан, пишете к нам, великому государю к нашему

царскому величеству, не ведая с нами, великим государем, прежних ханов крымских ссылки и их непостоянства как мы, великий государь наше царское величество, всчали с братом нашим с великим государем Яном Казимиром королем полским, тогда государствующим, за некоторые важных договоров нарушенья войну и многие города под нашею царского величества высокою рукою в подданстве учинили, тогда Крымско-го Юрту Магмет Гирей хан нам, великому государю нашему царскому величеству, правду дал за себя и за калгу и за нурадына и за иных царевичей и за весь Крымской Юрт, на Куране шерть учинил при нашем царского величества посланнике, на том, что ему с нами, великим государем, быть в дружбе и в любви, другу другом, а недругу недругом. А после того ту свою шерть наруша учинился в дружбе с недругом нашим, тогда будучи с его королевским величеством полским и князь великому государю писал, чтоб мы, великий государь, польского короля не воевали и завоеванные города отдали и полскому королю и нашим царского величества изменником Ивашку Выговскому против наших царского величества бояр и воевод и ратных людей помогал, тогда меж нами, великим государем, и полским королем слова ваши для чего вмещались. И за то он, Манметь Гирей хан, от господа бога месть восприял, из владенья своего с Крымского Юрта, согнан. А как по воли божии меж нас, великого государя нашего царского величества, з братом нашим с великим государем с Яном Казимиром королем полским; с его королевским величеством учинилось христианское миротворение и братцкая дружба и любовь, а меж государства нашими покой и тишина, тогда мы, великий государь наше царское величество, тое дружбу государю вашему Магмет Салтанову величеству турецкому, чрез наших царского величества послов объявляли, чтоб он, ведая про тот учиненный покой, прежде свое братцкое приятство изволил с нами подтвердить и хану крымскому приказывал, чтоб он в соседстве с обоими нами, великими государи, спокойно пребывал и до войны ни какова случая не давал, за чтоб противясь и наши общие мирные силы смешався на юрты разорением не поступили и к нам, великому государю к нашему царскому ве-

личеству, государь ваш салтаново величество с нашими царского величества послы писал и ближние люди им в ответе говорили, что его салтаново величество с нами, великим государем с нашим царски величеством, в соседственной дружбе не толко что сам изволил пребывать и х крымскому хану указ свой послал под заповедью, чтоб он на украинные города войною сам не ходил и царевичей и мурз и татар не посылал. И по тому его салтанова указу Адыль Гирей хан нам, великому государю нашему царскому величеству, во всякой дружбе веру дал, на Куране шерть учинил и шертную свою грамоту к нам, великому государю к нашему царскому величеству, прислал. А в шертной его грамоте написано, что быть ему и по нем впредь всем будущим ханом и наследником вашим и братье и детем и племянником с нами, великим государем, в дружбе и любви, другу другом, а недругу недругом. А с полским королем у него дружба утверждена для того, что он своему государству сам государь, а нам великому государю, полской король его королевское величество, приятной друг и брат, и по тем з государем вашим с салтановым величеством любителным ссылкам, что от его салтанова величества и от вас обоих нас, великих государей, украиным городам войны и разоренья никакова быти не имело. И брат наш, великий государь его королевское величество, полской, рати свои государские распустил на прокормление, и государь ваш салтанова величество, видя брата нашего, его королевское величество, обнадежена обсылками в неготовности, собрався со множественными войсками своими волоскими, мунтянскими, вашими татарскими, наруша с королевством Полским прежние договоры, которые были учинены под Хотинном, по снесении войск его турецких в государство королевства Полского вступил войною, город Каменец Подольской взял и многих невинных людей мужеска полу кровь пролили, наипаче ж освященных господу богу дев осквернил, за которое невинное кровопролитие ему, Салтану, господь бог месть воздал, множества войска его турецкого и татарского от самых малых полских войск, которые прослыша то разоренье, собрались и в скором времени побиты, а иные от голоду и от холоду и ото многих нужд верблюдов, буйволов, коней, турецких тел бу-

сурманских безчисленным множеством леса, дебри и поля исполнены были, меж которых тел в убитых трупех сысканы вашего юрта Батырша мурза Сулешов с сыном, и карачей и мурзы и аги и иные знатные многие люди. А досталные вашего юрта татарова с вами пришли в Крым немногие, с великим уроном. А что в вашей же грамоте писано – буде мы, великий государь, такие слова пишем к вам объявляя свою силу и множества людей, и вы от множества недруга своего не боитесь, а надеетесь на бога и на заступление пророка своего Магаметя, для того что будто в прежних временах малые ваши люди ходили до самые нашего царского величества столицы, и нам бы, великому государю, рук своих где не достягнуть не простирать. И мы, великий государь, наше царское величество, уповаем на бога и во единосущного сына его и бога Иисуса Христа, иже смирен бысть и гордых всегда смирял, и на пречистую его мать древнюю предстательницу и надежду нашего рода христианского пресвятую богородицу не на множество, но на самую правду и истину уповаем, иже сам есть бог, он же неправедных и восхитителей наказует, есть приклады древние и нынешние, иже вси показывают которые начинают войну гордости ради, и бог того наказует до конца, аще и мнитца ему вначале быть счастливым. Ксеркс, великий перский царь с пятью миллионы войска хотя грека покорити, от немногих греков побежден бысть. Хозрой, царь перский, славный, при Ракли царе греческом сам и чрез воеводы христианом многое разорение чинил, Ираклий же, призвав в помощь господя бога Иисуса Христа и взяв крест его спасителя, Персицкую землю пленил чрез семь лет и самого Хоздроя убил и в его место сына царем поставил. А предок наш царского величества, великий князь Дмитрий Иванович московский, предка вашего татарского хана Мамаю Темника, которой с великою гордостью против его устремился было, и помощью божиею и предстательством заступницы нашей преситые богородицы явным боем на главу побил и сокрушил и болши двадцати миль великия поля мертвецов татарских исполнены были, и сам насилиу жив ушол. Царства великие Казанское и Астраханское в прадеда нашего царского величества, блаженные памяти от великого князя Ивана Василье-

веча всеа Великия Росии самодержца под его царского величества мечем от предков ваших достались, и Золотая Орда в то ж время разорена и доконца искоренена, как вам про то самим достаточно ведомо, что и доднесь мечети ваши в диких полях пустуют. О взятии ж царства Казанского и Астраханского слыша славный ваш Селим Солтан турецкой собрал войска горним и водяным путем турецкого и волшего татарского болши трехсот тысяч и чрез такие болшие войска Астрахань осадил, и была в осаде многое время, и за божию помощью и пречитые богородицы, надежды наши христианские, от немногих наших христианских войск, тогда там для береженья будущих, турецкие и ваши татарские войска с великою срамотою побиты и побеждены и изгнаны, едва толко осталось две или три тысячи и назад с великою срамотою насилу отошли. Потом бесчисленные войска ваши от наших христианских войск когда Идивей мурза взят при отце нашем, блаженные памяти великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Великия Росии самодержце, государя вашего Мурат Салтанова величества преславной город Азов от малых людей от донских казаков взят. И как Азов был за нами, великими государи, и втое время нам, великим государем, государя вашего Мурат Салтанова величества многое прошение об отдаче Азова было, и по многому его прощенью Азов ему отдан. А он за то обещал заказ крепкой учинить вам, крымских ханом, чтоб вы на наши царского величества украинные города войною не ходили и разоренья не чинили, и тот его заказ и повеленье предки ваши, крымские ханы, ни во что ставили, ни един правды и шерти не додержал, все на наши царского величества украинные города войною ходили и разоренья чинили и возмездие восприяли ж. Те ж донские казаки преславный город Трапезон, Мисеврию, Ахелло, Созопали и иные поимали и по самой царствующий град Константинополь многожды прихаживали. И во время нынешние помочи полскому королю и нашим царского величества изменником от наших царского величества войск колко есте ратных людей потеряли, как и Девлешу Ширинскому и иных многих честных родов во время войны будучей при боярине нашем и воеводах при князе Григорье Семеновиче Кура-

кине с товарищи поимано и ныне надеяся на помощь всесилного бога и на пречистую богородицу, надежду нашу христианскую, что руку нашего царского величества в нашей правде на неприятеля в неправде прострет. В грамоте ж вашей писано, что в прошлых годах мы, великий государь наше царское величества, надеяся на множество посылали войска свои с Трубецким и с Шереметевым несколько несметные силы было, и что над ними учинилось. И мы, великий государь наше царское величество, вам, хану, объявляем – хотя в то время наши царского величества ратные люди, будучие з боярином нашим и воеводы со князем Алексеем Никитичем Трубецким с товарищи, некоторые и побиты, однакож то учинено чрез измену подданного нашего Ивашку Выговского и чрез нарушение шерти Магметь Гирея хана и не толко от ваших войск до наших царского величества городов дошел оборонною рукою на многие ваши татарские рати и изменничьи побиты и в полон многие поиманы, как вам про то самим подлинно известно. А боярин наш и воеводы василей Борисович Шереметев с таварыщи с некоторыми ратными людьми взят от войск королевского величества чрез измену подданного нашего Юраска Хмелницкого и присягу корунных гетманов, при которой присяге был и Нурадын Салтан с крымскими войски, посланной от Магметь Гирея хана, на которую присягу и месть господь бог Магметь Гирею хану воздал – государства своего отбыл, как сего в нашей царского величества грамоте на укоризну вашу и на непостоянство объявлено. В вашей же грамоте писано что гетман Петр Дорошенко у турецкого государя в подданстве и полской король на своей правде не устоял, казацкую землю воевал. И ты, Салим Гирей хан, к полскому королю писал, естли подданных салтанов учнет воевать, и он государю нашему и вам будет недруг, такую ты ему дружбу чинил. И он ваши слова не приял и за ту его войну государь ваш и вы вместе на полскую землю ходили и полские города государь ваш поимал и несколько мест победил и многих в полон поимал и Полскому государству несметной убыток учинился. И полской король к вам прислал с любителною грамотою послов своих чтоб досталному государству его разоренья не учинить, и по твоему

прошенью государь ваш турской салтан досталному Полскому государству убытков не учинил. А Дорошенко государю своему, полскому королю, его королевскому величеству изменил и со всею Украиною там той стороны Днепра поддался государю вашему. И мы, великий государь наше царское величество, вам, салтанова величества подданному, объявляем, что брат наш, великий государь его королевское высочество, изменника своего Дорошенка восхотел смирить и под свою руку в подданство подвести по-прежнему. А что вы пишете, что салтаново величество некоторые города Полского государства чрез войну взял и разоренье починил, и мы вам против того объявляем – как салтаново величество видя недавно несогласие между христианских государей, против брата нашего великого государя Леопольдуса цесара христианского воевали. Потом видяще христианских государей соединение и победу на вас, помирились с цесарем. А после над Винницею, над слабшею частью от христиан, воинствовали, и Кандию восхитили безо всякие правды. И по умирении с ними, видя между несогласие королевского величества полского и казаков, напрасно на них напали поправшее договоры свои прежние и присяги. И то есть причина, что нарушав договоры Полское государство воевали. А что вы пишете – те дела все ведаючи мы, великий государь наше царское величество, государя вашего турского салтана на украинной город Азови на Азовскую башню многих ратных людей присылали и убытков причинить пожелали, и бог убытков избавил, и для таких ваших непристойных дел государь ваш, турской салтан, не возлюбит. И мы, великий государь, ко государю вашему в нашей царского величества любительной грамоте з дворянином с Васильем Даудовым писали, чтоб он, государь ваш, брата нашего, великого государя его королевского величества полского на города войною не ходил и разоренья не чинил, и вам, хану, с ратными людьми идти приказал. И тот наш царского величества посланной задержан в Азове и послыша то ево задержание под Азов и под Каланчинские башни донские казаки ходили без нашего царского государя указу по своей воли отискивать нашей царского величества земли, на которой государь ваш, турской салтан, поставил на Ка-

ланче башни. А как нам, великому государю нашему царскому величеству, ведомо учинилось, что государь ваш, турецкой салтан, и вы, брату нашему его королевскому величеству, наруша прежние договоры и присяги, учинили разоренье, и мы, великий государь, указали послать на Дон нашего царского величества думного дворянина и наместника шатсцкого и воевод Ивана Севостьяновича Болшово Хитрово с товарищи, со многими нашими царского величества ратными людьми, а велено им наперед писать в Азов к паше, чтоб он, паша, писал к государю своему, чтоб государь ваш от полской войны отстал и вам отстать приказал, и больши того намерения своего не имел, и королевскому величеству полскому Каменец Подольской и иные города отдал, как наперед сего и с стороны нашей царского величества государю вашему Мурат салтану Азов отдал. А естли государь ваш того учинить не похочет и вас от войны не уймет, и по нашему царского величества указу веленом нашим воеводам с ратными нашими царского величества черкасскими, кабардинскими, кумыцкими, казывскими и Ураковы половины мурзы, и с калмыцкими тайшами со многими конными и пешими людьми горним и водяным путем, за божией помощью, всякой воиской промысл чинить неотменно. Да по нашего царского величества указу, а по писму и прощенью брата нашего, великого государя короля полского, его королевского величества, отпущен из нашего царствующего града Москвы в Запороги подданной наш царского величества Иван Серик, которой при Одиль Гире хане в самом Крыме разоренье починил и из Бакчи Сарай сам хан со всеми силами за ним выходил и ничего ему не учинил. А из Запарог, собрався з запорожскими многими казаки, велено ему идти на море чайками и всякой воинской промысл чинить над Крымским Юртом, колко милосердный господь бог помощи подаст. А в украинные города в нашего царского величества отчину в Киев на оборону нашим царского величества подданным, посланы нашего царского величества боярин и воеводы и наместник нижегородцкой князь Юрья Петрович Трубетцкой с товарищи со многими ратными конными и пешими людьми. В грамоте ж вашей писано, буде мы, великий государь наше царское вели-

чество, пожелаем быть с вами в дружбе и любви, и вы в дружбе и в любви по шертной грамоте будете. А буде надеючись на множество мысль наша будет о недружбе, и к вам бы посланного вашего Кутлея с ответом не задержав отпустить. И мы, великий государь наше царское величество, государь христианский, милосердный, в своей правде с вами, ханом, в дружбе и любви быть желаем. На том, буде государь ваш, салтаново величество, з братом нашим, с великим государем с Михаилом королем полским, с его королевским величеством, и вы войне весть не престанете и гетмана Петра Дорошенка ис подданства своего свободите, и из завоеванных городов ис Каменца и из иных людей своих выведете, и Каменец и иные города его королевскому величеству польскому отдадите, также и шертную грамоту переписав вновь против посолского договору и образцового списку, каков у подьячего у Гаврила Михайлова, к нам великому государю, за свою печатью пришлете, и мы, великий государь наше царское величество, с вами в дружбе быть желаем и розмену велим учинить на прежнем месте, под Волуйкою, и ратных наших царского величества людей з Дону и смотря и из украинских городов всех велим возвратить назад, а Азову и крымским улусам разоренья и убытков чинить не велим. А буде государь ваш, салтаново величество, от полской войны не престнете и турских людей ис Каменца и из иных городов государь ваш не выведет и брату нашему, великому государю его королевскому величеству, не отдаст, и мы, великий государь наше царское величество, освидетельствовавсь господем богом и за помощью того ж всесилоного бога и пречистые его богоматере, древние заступницы рода нашего христианского пресвятые богородицы, и взяв себе в помощь животворящей крест господень, на нем же распят спаситель наш господь бог, им же побежден бысть от благочестивого царя Ираклия Хоздрой царь перский, и совокупясь з братьею нашею, со всеми великими государи христианскими, также и з братом нашим с великим государем с Сулейман шаховым величеством, учнем против государя вашего салтанова величества и против вас стоять заодно, и надеемся на господа бога и на его пречистую мать пресвятую богородицу, что господь в

нашей нам, православным христианом, поможет. О котором случении сил писали к вам, великому государю, братья наши, великие государи христианские. Христиан король дацкой его королевское величество, да велможнейший государь Каолюсь король свейский его королевское величество, что они нам, великим государем, нашему царскому величеству и его королевскому величеству против общих всех христиан неприятелей, то есть государя вашего, султана турского, и вас, крымского хана, помочь людьми и казною чинить готовы, каждой своих краев или где случай воинской употреблять будет со всяким поспешением. Да мы ж, обои великие государи, писали против вас, неприятелей христианских, о случении войск к папе римскому, да к великим государем х королем, братье нашей, к гишпанскому, ко французскому, к аглинскому и к талиянским князми курфирстром, которые издавна против вас, христианских неприятелей, тшатца с нами, великими государи, быть в союзе и послов своих к нам, великому государю к нашему царскому величеству, для того случения сил шлют и ожидаем вскоре. А курфирстры Иоанн Георгий Саксонской и Фредерик Вильгельм Бранденбургской, их курфистрские пресветлейшества, к нам, великому государю к нашему царскому величеству, писали, что они брату нашему, великому государю его королескому величеству, помочь чинить против нас, христианских неприятелей, готовы и к братье нашей к великим государем христианским ко всем о том писали ж. Чево ради припоминаем вам прежних времен войну государя вашего нынешнего Мегьмет салтана турского, как вовал брата нашего, великого государя Леопольдуса цесаря римского, со многими турскими силами, а крымской Мегметь Гирей хан посылал сына своего со всеми Крымского Юрта ратными людьми, и покаместа братья наши, великие государи христианские, помочи его цесарскому величеству не учинили, тогда в государстве его царского величества, турецкие и татарские войска учинили разоренья. А как братья наши, великие государи христианские, его царскому величеству помочь учинили и сотворили брань на реке Раб, тогда от христианских войск турецкие и татарские конные и пешие силы збиты все и пушки поиманы, едва вам един везирь ушел и ук-

рылся за деревом, и взяли закона вашего больши трехсот знамен, которые и ныне на вас наказанья божия к вам и на славу впредь будущим родом христианским держать в костелах своих. И салжаки ваши великие и многие паши и чуть не все начальники и янычаря, агасы со всеми своими чорважи и пахильяр агасы толикое множество побиты, что река трупом их помостилась и кровью смешалось. И бегал везирь две недели никем гоняющ. Также будут везиря со многими паши с турским и с татарским войском и с вологи и с мунтяны генерал Зуза под городом Левля в то ж время на голову побил. И видя везирь и паши христианскую над собою победу насилу примирения у брата нашего, великого государя у его цесарского величества, упросили. И тое на турецкие и на крымские силы христианскую победу надобно вам и ныне припоминать, покамест мы, великие государи христианские, все братья наши между собою не совокупилися и помочи брату нашему, великому государю его королевскому величеству полскому не учинили. Да и то мы, великий государь наше царское величество, вам напоминаем, что вам, хану, от предков ваших ведомо подлинно – когда предки наши, христианские государи, меж смебя учинили соединение против салтана турецкого Баязита, тогда послушав вскоре салтан турецкой Баязит о таковом так многих государей и князей соединение о примирении изрядных послов к Якубу Альбрехту королю полскому прислал, покоя или примиренья на время прося. А салтан Осман со многим множеством войсками турецкими и татарскими приходил на полского Владислава короля и под Каменец, тогда под Хотинот от немногих христиан полского народу и от казаков збит и безчисленное войско погубил *славных каракаш и иных*²² многих пашей потерял и со стыдом у поляков примиренья учинил, которое ныне государь ваш попра. Салтан Сулейман Славный собрав войска, что которой салтан так много не имел, ходил войною на цесарскую землю и столной город Бечь осадил, а король Квинт цесарь тогда во отлучении в далней Немецкой земле был. И послыша собрал христианского войска скорее пошел против салтана. И салтан недождався его от города побежал и бежал со стыдом многие недели, как тому объявляет и донныне постановленной от

Сулеймана салтана Столп Жан Куртаряк. А в осаде и в побеге войска своего потерял больши осмидесяти тысяч. В шертной же вашей ханове грамоте, какова с Маметъ Имендешем к нам, великому государю к нашему царскому величеству, прислана писано. Нашего царского величества послом и торговым людем убытков не чинить, и отпускать и провожать без задержанья и бес пошлин. А хто ваш подданной учинит насилство, и тех людей казнить смертью. И тое шертную грамоту вы нарушили, нашего царского величества толмача Фому Кречнева велели в неволю бусурманить. И то вы учинили мимо государей мусулманских, обычай, которого над посланными нигде не бывает. И за тем нарушением шертной вашей грамоты к вам назад отослать не годитца, для того что та ваша шертная грамота у нас, великого государя нашего царского величества, будет вам и впредь для будущих ханов крымских, и наследников ваших на непостоянство ваше на укоризну и стыд. И того б вам однолично не мнить, что нам великому государю нашему царскому величеству чинить против вашей шертной грамоты, и вам бы, хану, того нашего царского величества посланного толмача Фому Кречнева ис Крыму к нам, великому государю, велеть отпустить. А хто его бусурманил и против шертной грамоты, велеть казнить смертью, чтоб впредь над нашими царского величества посланными никто подданные ваши так не делали. А буде того толмача к нам, великому государю, не отпустите и казни тому хто над ним так учинил не учините, и по нашего царского величества указу учинено будет над вашими посланными против того ж. А с сею нашего царского величества грамотою послали мы, великий государь, к вам толмача Андрея Путицына и гонца нашего Кутлея, пожаловав нашим царского величества жалованьем, отпустили не задержав. И вам бы, Селим Гирею хану, того нашего царского величества толмача к нам, великому государю к нашему царскому величеству, отпустить и о намерении своем, буде вы с нами, великим государем с нашим царски величеством, и з братом нашим, с великим государем с его королевским величеством, пожелаете быть в дружбе и любви, против того как писано к вам в сей

нашей царского величества грамоте выше сего, отписать не замотчав.

Писан в государствия нашего дворе в царствующем велицем граде Москве лета от создания мира 7181-го месяца июня 4-го дня.

Белая грамота писана татарским письмом, божие имя и лапа и государево имянованье по ханово писано золотом, на александрейской большой бумаге. Запечатана государственною болшою печатью под котодиену гладкою. Да в ней же положен список писан слово в слово, на александрейской же бумаге, божие и государево имянованье и кайма и фигуры золотом татарским писмом. Писал переводчик Асан Меситев с русского писма на татарский язык.

Писал начерно, сказывал Михайло Кашаев. Справливал белую Абдул Баицын руским писмом. Писал подьячей Михайло Медведев. Отдана толмачю грамота июня в 9 день.

Подпись на грамоте подписал татарским писмом переводчик Асан Меситев.

181-го мая в 16 день. Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец сей грамоты слушал з бояры в Передней. Указал бояром слушать вдвугоряд. И мая ж в 22 день, по указу великого государя слушали бояре сей грамоты вдвугорять в Столовой палате: Боярин князь Никита Иванович Одоевской. Боярин князь Иван Александрович Воротынской. Боярин князь Юрья Алексеевич Долгоруков. Боярин князь Иван Андреевич Хилков. Боярин князь Иван Борисович Репнин. Боярин князь Юрья Иванович Ромадановской. Окольничей Никита Михайлович Боборыкин. Думные дворяне: Иван Иванович Чадаев. Яков Павлович Соловцов.

И слушав приговорили – быть такове, как в ней писано.

С сего писма переводил начерно татарским писмом Михайло Степанов сын Кашаев.

Писал набело х крымскому хану грамоту переводчик Асан Месетев, а сказывал ему с черного Абдул Баицын.

Справляливал белую грамоту татарским писмом с черною грамотою что татарским писмом Абдул Баицын с Алексеем Месетевым.

А на той грамоте по склейкам Михайло Кашаев руку приложил.

РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 3. Д. 58. Л. 161–189 об.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

² Селим-Гирей I (1631–1704) – хан Крыма, примечателен тем, что занимал престол четыре раза в 1671–1678, 1684–1691, 1692–1699 и 1702–1704 гг. Сын крымского хана Бахадыра I Героя. В юности получил в Бахчисарае хорошее образование, был знатоком богословия, законов и иностранных языков. Селим Герей был выдающимся политиком, очень популярным как в народе, так и среди крымской знати. В первое правление (1671–1678) Селим-Гирей назначил калгой своего брата Селямет-Гирея, а нурэддином – своего двоюродного брата Сафа-Гирея, сына нурэддина Сафа-Гирея (ум. 1637).

³ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Д. 52. Л. 177.

⁴ Там же. Д. 55. Л. 97 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 94–95.

⁷ Там же. Л. 99 об.

⁸ Там же. Л. 100–100 об.

⁹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1967. С. 333.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 59. Л. 153.

¹¹ Там же. Д. 52. Л. 72.

¹² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 337.

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 52. Л. 297–300.

¹⁴ Там же. Д. 58. Л. 100 об.–101.

¹⁵ Там же. Д. 207. Л. 1–4.

¹⁶ Там же. Д. 58. Л. 161–189 об.

¹⁷ Там же. Д. 59. Л. 179–179 об.

¹⁸ Там же. Л. 168.

¹⁹ Там же. Л. 158 об., 168.

²⁰ Там же. Л. 151–156, 158 об., 168.

²¹ Оставлено место для 1–2 слов.

²² Написано на полях, с указанием вставки в текст.

**КАБАРДИНСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В РОССИЙСКО-ОСМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.¹**

**Кабардинские княжества в Восточной политике России
в период Великой Северной войны**

Вступление в войну с сильнейшей державой континентальной Европы – королевством Шведским, категорически требовало от российского правительства сохранения в восточной политике геополитического равновесия, главным образом, в отношениях с Османской империей. В силу этого, Россия во взаимоотношениях с союзными кабардинскими аристократами, приостановила выполнение достигнутых ранее договоренностей.

В начале XVIII в. международное положение кабардинских княжеств серьезно осложнилось. Угроза османо-крымского нашествия становилась все более очевидной. Перед лицом неминуемой опасности кабардинская знать сплотилась вокруг фигуры верховного князя – Кургоко Атажукина. Поводом для вторжения послужил эпизод из противоречивой истории взаимоотношений с Крымским ханством. Весной 1707 г. калга Менгли-Гирей получил указ Каплан-Гирея I: собрать с кабардинских князей ясак, добиться выдачи скрывшихся в их владениях бесланеевцев, убивших в 1699 г. кубанского сераскера Шахбаз-Гирея и попытаться уговорить князей переселиться на Кубань. К концу лета 1707 г. Менгли-Гирею удалось собрать с Кабарды богатый ясак. Однако в начале осени 1707 г. скрытое недовольство населения поведением татар переросло в открытое неповиновение. Практически весь отряд сейменов был уничтожен, Менгли-Гирею чудом удалось бежать.

Как только в Бахчисарае стали известны подробности случившегося, Каплан-Гирей I отправил в Стамбул посла, который

уведомил султана о судьбе миссии Менгли-Гирея и передал просьбу хана – санкционировать военные действия против Кабарды. Российский посол в Стамбуле П.А. Толстой, внимательно следивший за развитием событий, в письме, отправленном в Москву в феврале 1708 г., сообщал, что Порта дала свое согласие, и султан послал хану в подарок дорогой кафтан и саблю, предписал ему собрать 30 или 40 тысяч татар и самому возглавить поход, «чтобы оных черкес разорить и жилища их пожечь»². Кроме того, султан приказал бейлербею Каффы Муртазу-паше присоединиться к войскам хана³.

Необходимо отметить, что в преддверии кампании «мурзы крымские отклоняли хана от похода»⁴. Военный потенциал кабардинского войска к началу XVIII в., в силу значительного распространения огнестрельного оружия, заметно возрос, в то время как видовое разнообразие массового оружия крымско-татарского войска не претерпело существенных изменений. На это и указывала крымская знать, «совершенно резонно выставляя на вид неуменье татар владеть огнестрельным оружием»⁵. Но Каплан-Гирей I не внял доводам своих приближенных и весной 1708 г. 35 тысячное крымское войско двинулось на Кабарду.

Накануне крымского нашествия верховный князь сумел организовать оборонительный союз, объединивший вооруженные силы кабардинских княжеств. По его приказу кабардинцы отравили в горы все свое имущество, жен и детей и ожидали приближения неприятеля. Дворянское ополчение четырех удельных княжеств Большой Кабарды к началу 1708 г. насчитывало приблизительно 15 тысяч воинов. Реальная опасность полного покорения страны требовала поиска военно-политической поддержки среди соседних народов. Весной 1708 г. с просьбой о военной поддержке кабардинцы обратились к калмыцкому хану Аюке (1673–1724). Хан вынужден был отказать, поскольку «без указа великого государя людей своих... послать» не может, к тому же «у великого государя с турским салтаном и крымским ханом учинен... мир». Подобный прием ожидал кабардинских посланников у донских, терских и грбенских казаков.

К середине лета 1708 г. османо-крымское войско достигло Кабарды и расположилось лагерем вблизи истока р. Малка. По свидетельству участника кампании, кабардинского князя Татархана Бекмурзовича, военные действия продолжались до начала осени, «полтора месяца на всякий день»⁶. Решающее сражение произошло в начале сентября 1708 г. вблизи горы Канжал. В результате боя крымцы были наголову разбиты. Князь Татархан Бекмурзович сообщал: «Хан ушел с малыми людьми, а иные без бою с гор убивались. Солтана взяли в плен и многих их мурз и простых крымцев, четыре тысячи коней и панцырей множество, 14 пушек, 5 бомб, много пищалей и всю их пороховую взяли. И шатры, которые у них, все взяты»⁷.

Разгром крымцев вызвал большой общественно-политический резонанс в Юго-Восточной Европе. Молдавский господарь Михайло Раковица извещал российского канцлера Г.И. Головина: «Хан какой срам, урон и напасть восприял от черкесов, есть дело сие достойное слышанию, если наперед сего от кого иного о сем слыхали истинно, что уж пострадал то, чего или никогда или от веку не видал Крым, так что из старшины крымской и из ширинбеев очень немного спаслося, також и из яман сайдаков первый мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что было с ним привезено, все досталось в руки черкезам. Сим крымцам погибель и напасть случилась оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и нечаянно ударили»⁸. По словам Фындыклылы: «Никогда не слыхано было такого их избиения»⁹.

В конце октября 1708 г. в Стамбуле стало известно о разгроме османо-крымских войск. П.А. Толстому удалось узнать подробности событий осени 1708 г. в Кабарде. Согласно сведениям, собранным послом, от ханского войска уцелело около 5 тысяч человек, из отряда Муртазы-паши, располагавшего «четырьмя тысячами турок конных, возвратилось в Керчь всего человек с тридцать»¹⁰. Османское правительство сместило Каплан-Гирея I, назначив на его место Девлет-Гирея II (1708–1713). Новый хан возобновил военные действия против Кабарды.

Охлаждение российско-османских отношений подтолкнуло правительство Петра I к необходимости пролонгации военно-

политического союза с Кабардой. В феврале 1709 г. царь предписал Азовскому губернатору И.А. Толстому выяснить позицию кабардинских князей по данному вопросу. Губернатор известил царя о готовности кабардинцев восстановить военно-политический союз с Россией¹¹.

Объявление османской стороной войны России в 1710 г. было явно спровоцировано европейской дипломатией. Разработанный русским дипломатическим и торговым агентом С. Рагузинским стратегический план военных действий включал в себя операции на широком фронте от Балкан до Кубани. Он исходил из господствовавшей после Полтавы в российских дипломатических и военных кругах переоценки собственных сил и явной недооценки сил Турции и особенно Крыма. Борьбе против Крымского ханства отводилась явно второстепенная роль.

Для координации действий кабардинцев и российских войск в Большую Кабарду был направлен кн. А.Б. Черкасский. В донесении от 30 июня 1711 г. он известил российское правительство об условиях, на которых кабардинские князья соглашались служить России. Во-первых, «ежели будут трактаты с турком к миру, в тех трактатах не забыть и черкес, как ваших слуг верных». Во-вторых, наделять их «погодным» жалованьем «как предком их было». В-третьих, «не позывать их в дальние края в службу». В-четвертых, «ежели неприятель наступит, в разорение не дать и оборонить». Российский представитель заверил кабардинцев в том, что «царское величество прозьбу вашу милостиво приемлет». В заключении Черкасский информировал царя о том, что «и другим владельцам, которые обретаются близ черкес, посылал призвать в службу к трем народам: кумыком, мичкисом, чеченцам. И оные ответили мне чрез посланцов своих, чтоб им дать жалованье, сколько персон выедут на службу. Ежели вам то угодно, прикажите дачи на них прислать, удобно здешнего края народом червонные ефимки, камки, бельи мехи»¹².

Прутская неудача Петра, стоившая России возвращения Азова и ликвидации российского флота, отразилась и на русско-кабардинских отношениях, поскольку 2-я статья Прутского

договора требовала от российского правительства «в области» «у хана крымского суших» не «вступатца»¹³. Тем временем действия антикрымского альянса в Прикубанье достигли своей кульминации. В результате блистательного кубанского похода кабардинских войск 15 тысячный корпус нуредина Бахта-Гирея был разгромлен¹⁴. Дальнейшее наступление на кубанцев пришлось прекратить в связи с известием о нападении на Кабарду Тарковского Шамхала.

Адрианопольский договор, завершивший череду русско-турецких войн 1710–1713 гг., потребовал от правительства Петра I резко ограничить свои контакты с Кабардой. Опасаясь осложнения взаимоотношений с османами, в условиях затянувшегося военного конфликта на западных рубежах, российское правительство фактически прекратило выполнение своих обязанностей перед союзной Кабардой.

Второе десятилетие XVIII в. в истории Кабарды, в общем, было характерно внутривосточной консолидацией. Благоприятные внешнеполитические обстоятельства, когда в силу ряда факторов геополитическое влияние России, Османской империи и Крымского ханства заметно ослабло, позволили приступить к социальным реформам, необходимость которых остро ощущалась во всех слоях кабардинского общества. Однако обострение внутривосточной обстановки с конца 1718 г. и ухудшение геополитического положения страны резко оборвало ход реформ, чем обусловило нарастание социальных противоречий

С середины XVI в. противоборство фамильного и частносемейного принципа феодального владения в Кабарде периодически обострялось и затухало. В начале 20-х годов XVIII в. оно проявилось образованием двух враждующих княжеских группировок. Основным содержанием междоусобицы между ближайшими родственниками, членами княжеских фамилий Большой Кабарды, стала борьба между дядьями и племянниками за земельные владения, главным образом по р. Баксан¹⁵. В одной группировке оказались Мисостовы и Атажукины, при предводительстве Ислам-бека Мисостова, в другой Джамбулатовы во главе с Арсланбеком Кайтукиным. Геопозиционные

преимущества и внушительный военный потенциал Мисостовых и Атажукиных уравнивались тем обстоятельством, что дворянское ополчение их противников возглавлялось большим количеством князей. Общеизвестно, что личность князя была неприкосновенной для всех адыгов¹⁶. «При сражениях, свидетельствует российский источник середины XVIII в., владелец узденей и подданных их бьет и рубит, а уздени на противного им владельца, по древним обычаям их, и рук своих поднять не могут, и только что сами от них ретируются и спасают живот свой. И тако, на которой стороне владельцев больше, та сторона и сильнее бывает»¹⁷.

Сформировавшийся паритет сил подтолкнул Мисостовых и Атажукиных к привлечению военной помощи за рубежами страны. Автор «Краткой истории» Хурреми-челеби Акай-эфенди писал по этому поводу: «Из-за кабардинского дела, бывшего еще при Каплан-Герая, крымский хан в 1720 г. с крымским войском пошел в Кабарду по известию и зову старшего сына своего Салих-Герая, который был кабардинский питомец – Кабартай бэслемеси – и говорил: «Кроме сынов Кай-тук-бека все с нами»¹⁸.

В начале 1720 г. крымский хан Саадет-Гирей III (1717–1724) «испросил у Порты разрешения совершить набег» на Кабарду. Правительство Ахмеда III (1703–1730) санкционировало поход, а также отдало приказ «о присоединении к ханской армии сил из войск османских, расположенных в пределах Крыма».

В конце мая 1720 г. авангард османо-крымских войск, семитысячный отряд Салих-Гирея, вступил в закубанские владения Кабарды и расположился лагерем в двух днях пути от «ставки кабардинских князей» – Пшикова. Мисостовы и Атажукины предприняли попытку руками крымцев ликвидировать своих противников¹⁹. Однако их усилия не увенчались успехом, поскольку Джамбулатовы «с владением своим» поспешили отступить «в горы, в крепчайшие места, в урочище Кашка-тов»²⁰.

В начале июня 1720 г. Саадет-Гирей III через своих послов потребовал от кабардинской знати: признать подданство Пор-

те, переселиться на Кубань, «за бесчестье прежняго хана» (имелся в виду разгром крымских войск Каплан-Гирей I в 1708 г. – *Д.Р.*) выплатить «4000 ясырей, да сверх того, как войско ханское побили, и взяли добыч коней и ружья, и панцирей, и протчаго»²¹. Такое развитие событий оказалось полной неожиданностью для Мисостовых и Атажукиных. Стремясь достичь решительной победы над своими политическими оппонентами, они поставили под угрозу суверенитет государства. Им пришлось изъявить готовность частично удовлетворить притязания крымцев. Вместе с тем, они указали, что компромисс возможен только в том случае, если хан «не перейдет через Кубань, а ежели перейдет, то будут браниться, пока живота их не станет»²². Непосредственно перед нашествием основных осmano-крымских сил, лидеру Джамбулатовых – Арсланбеку Кайтукину, удалось заключить военно-политический союз с Шамхалом Тарковским Адиль-Гиреем и калмыцким ханом Аюкой, о чем он уведомил терского коменданта В.И. Заозерского²³.

В конце августа 1720 г. Саадет-Гирей III с 40-тысячным войском перешел р. Кубань и повел свои войска на Кайтукиных и Бекмурзиных. Последним, в сравнительно короткий срок, в урочище Кашкатау, удалось построить крепость – «Черекский городок»²⁴. Осада длилась до конца 1720 г. Положение осажденных было сложным, и в одно время Бекмурзины даже предложили пойти на примирение с ханом, но Арсланбек Кайтукин, «не хотя того и слышать, всякими способами их от того отвращал»²⁵. В конечном счете, все усилия крымцев и дворянского ополчения Мисостовых и Атажукиных овладеть крепостью оказались тщетны, а в декабре того же года «хан с войском своим отступил от того городка на Кубань»²⁶. Расположив здесь свой лагерь, Саадет-Гирей III стал направлять отряды по всей территории Кабарды для сбора дани. «Лучшее было богатство скот, но и то все крымцы обобрали», – говорится в российском источнике²⁷. Поведение ханских войск вызвало острое недовольство кабардинской знати и населения страны.

В середине января 1721 г. на р. Нальчик Кайтукины и Бекмурзины рискнули вступить в бой с превосходящими силами

крымцев и дворянского ополчения Мисостовых и Атажукиных. В ходе сражения большая часть кабардинских дворян внезапно перешла на сторону Арсланбека Кайтукина, в результате чего крымские войска были разгромлены и бежали из Большой Кабарды. Только на месте сражения крымцы оставили 360 убитых²⁸.

Окрыленные успехом Джамбулатовы при посредничестве Чакдорджапа, сына калмыцкого хана Аюки, вступили в переговоры с Мисостовыми и Атажукиными. Однако кабардинские князья оказались не в состоянии пойти на взаимные уступки. Более того, переговоры завершились сражением, в результате которого Канамат Кайтукин и 10 дворян были убиты, а Татархан Бекмурзин ранен.

Весной 1721 г. Саадет-Гирей III вновь, по призыву Мисостовых и Атажукиных, вступил в Кабарду. Широкомасштабная военная акция против Кайтукиных и Бекмурзиных планировалась силами трех отрядов: крымский хан расположился на р. Лабее, «брат ево калга-салтан на реке Оропе», а нурадин-салтан с Бахта-Гиреем расположились на р. Кубани²⁹. Тем не менее, «Черекский город» в очередной раз выстоял. Внутривполитическая конфронтация в стране приняла затяжной характер. В это время скончался верховный князь Кабарды. Игнорируя права Джамбулатовых и их лидера Арсланбека Кайтукина, Атажукины и Мисостовы избрали верховным князем Исламбека Мисостова (1721–1732).

В конце 1721 г. правительство Петра I, сообразуясь с региональной геополитической конъюнктурой, решилось оказать помощь союзной Кабарде, но в такой форме, чтобы «не подать туркам причины к нарушению между его царским величеством и Портою Оттоманскою мирных трактатов»³⁰. Выполнение этого деликатного поручения было возложено на Астраханского генерал-губернатора А.П. Волынского (1719–1725). Когда последний прибыл в г. Терки, то оказалось, что войско крымского хана уже ушло. 5 декабря 1721 г. Волынский известил царя о результатах своей военно-дипломатической миссии: «Я сюда в казачьи верхние городки прибыл, куда некоторые кабардинские князья еще до меня прибыли, затягивая меня к себе, чтоб противную партию им через меня искоренить или, по

крайней мере, противных князей выгнать вон, а им в Кабарде остаться одним; однако я им отказал, и что я неволю мирить не буду, и по-прежнему милостью вашего величества обнадежил и потом помирил их»³¹. Кабардинская знать, во главе с верховным князем, пошла на примирение с правительством Петра I. Исламбек Мисостов был вынужден явиться в г. Терки и присягою подтвердить свою верность России. В «знак верности» верховный князь обязался «сына своего и племянника» в аманаты отдать, а до их прибытия неотлучно находиться в Терках³².

Вместе с тем губернатор особо подчеркивал, что достигнутое перемирие едва ли будет долговечным: «Не знаю, будет ли им из моей медиации впредь польза, поскольку между ними и вовек миру не бывать... По исследованию дела не сыскался виноватый ни один и правого никого нет, а за что первая началась ссора, то уже из памяти вышло, и так, за что дерутся и режутся, истинно ни один не знает»³³.

Персидский поход Петра I и развитие российско-кабардинских отношений

После успешного завершения Северной войны российское правительство получило возможность реализовать активную наступательную политику в южном направлении. Практическая реализация геополитических интересов России выразилась в Персидском походе. В ходе похода и особенно после него выяснилось, что без разрешения проблемы Крыма и Азова Российская империя на Кавказе не может вступить в серьезный вооруженный конфликт ни с Османской империей, ни с Сефевидским Ираном. Это предопределило развитие союзных отношений между Российской империей и кабардинскими княжествами в 20–30-е годы XVIII в.

В начале 1722 г. крымский хан Саадет-Гирей III уведомил османское правительство о кабардинских делах. В частности, он указал на то, что «кабардинский владелец Аслан-бей» (Арсланбек Кайтукин. – *Д.Р.*) пообещал России покорить кубанских

ногайцев черкесов и тем открыть ей сообщение с Черным морем. Российское правительство прислало ему на помощь 800 донских казаков и около 400 калмыков, а также и регулярное войско. «Предводитель регулярных войск» (А.П. Волынский. – *Д.Р.*), под видом примирения, требовал сыновей от всех князей и дворян. Далее хан доносил, что в Кабарде уже строится крепость, «и хотят поставить еще» две крепости³⁴.

Правительство Ахмеда III отреагировало незамедлительно. В феврале 1722 г. чрезвычайный посол Порты Миралем Кападжи Мустафа-паша подал императору ноту протеста, где требовалось: запретить российским подданным помогать Арсланбеку Кайтукину и главное, прекратить постройку крепостей. Петр I, занятый подготовкой к Персидскому походу, решил не обострять отношений с османами и 20 марта вручил послу ответную грамоту. В ней сообщалось, что российские подданные не имеют приказа нападать на кабардинцев и на Крым и строить в тех странах крепости, что кабардинским владельцам было отказано в помощи даже друг против друга. Крепостей у кабардинской земли строить не предполагается, равно, как не было никаких переговоров о сообщении России с Черным морем. Казаков и калмыков кабардинцы нанимают друг против друга самовольно. Обычай брать аманатов у кабардинских владельцев российское правительство за собой оставляло, как издавна существующий у обеих империй. В конце грамоты Петр I советовал султану предписать крымскому хану, чтобы он поступал с кабардинцами умереннее, не отягощал их налогами и не нарушал их древних прав³⁵. В тоже время послам Джамбулатовых, находившимся в С.-Петербурге, было указано немедленно возвратиться и готовиться к походу российских войск в Прикаспий.

Сефевидский Иран, сильно ослабленный процессом феодального распада, в начале XVIII в. оказался не в состоянии контролировать деятельность административных структур в кавказских провинциях, особенно в Дагестане. Коррупционность и систематическое нарушение фискального законодательства в этих провинциях неизбежно приводили к нарастанию социальной напряженности, что, в конечном счете, акцен-

тировало внимание внешнеполитических ведомств сопредельных держав к этому региону.

В 1720 г. в связи с вторжением в Иран афганцев шах Хусейн обратился за помощью к владетелям Дагестана. Однако вместо ожидаемой помощи шахское правительство было извещено об осаде Шемахи значительными силами горцев во главе с Сурхай-ханом казикумыхским и Дауд-беком. После непродолжительной осады последние заняли Шемаху. Вблизи города повстанцы разбили войска Гянжинского и Эриванского ханов, спешивших на помощь Шемахинскому хану. Позднее выступили против Гянджи, осадили Баку, Ардебил и Дербент. Осенью 1721 г. кабардинские князья известили А.П. Вольнского о том, что «Дауд-бек и Сурхай, ребилизанты персицкие, послали к турецкому султану через крымского хана, чтоб он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи»³⁶. Достоверность этих сведений подтвердилась сообщением российского резидента в Константинополе И.И. Неплюева о том, что Порты втайне от иранского шаха ведет переговоры о принятии в свое подданство «лезгин Дауд Бека и Сурхая»³⁷. Астраханский генерал-губернатор ссылаясь на донесение кабардинских князей об обращении Сурхая и Дауд-бека за покровительством к османскому султану, стал настаивать на скорейшей реализации давно задуманного похода на юг. Вопреки возражениям отдельных сенаторов Петр I согласился с мнением А.П. Вольнского и к концу марта 1722 г. сосредоточил в Астрахани войска и корабли, предназначенные к походу.

В начале апреля 1722 г. Арсланбек Кайтукин извещал Петра I о резком ухудшении положения Джамбулатовых: «Мы, три года ожидая от вашего царского величества помощи и сидя в осаде, очень обнищали, и ни скота, ни лошадей не имеем»³⁸. Князь сообщал так же, что Джамбулатовым удалось помириться с верховным князем. Но «Кургока сын и Шуканука сын с нами не помирились и... отъехали в кубанские стороны», а там «соединяясь с Бахти-Гиреем салтаном, войска приготавлиют и мыслят чинить на нас нападение»³⁹. В связи с чем Кайтукин просил «войска к нам прислать, чтоб нам не бедствовать»⁴⁰.

Вскоре он прислал императору еще одно письмо, где сообщалось: «Кургоков сын Мухамед и Ниятшаг денно и ночью... с крымскими татарами на нас нападают, желая меня похитить. А я с малыми моими людьми в осаде сижу. А от донских казаков мы помощи просили и оные без указа вашего величества на помощь не приезжали и ответствовали, будто от вас, великого государя, им указу нет. И мы без помощи зело ослабели»⁴¹. В заключение испрашивался указ «вашего величества донским казакам и терским, во время нашей нужды нам помогать»⁴². Однако все просьбы кабардинских князей были оставлены без внимания. Тем не менее, сосредоточение 100 тысячной российской армии в низовьях Волги оказало отрезвляющее действие на Мисостовых и Атажукиных. На короткое время давление на Джамбулатовых ослабло.

Стремясь скорее добиться поставленной цели, Петр I с пехотой на кораблях 18 июня отплыл из Астрахани, а через десять дней высадился на берегу Аграханского залива. 6 августа 1722 г. на р. Сулак российскую армию встречали Арсланбек Кайтукин и его союзник – Шамхал Тарковский Адиль-Гирей с некоторыми дагестанскими владетелями. Здесь к армии Петра I присоединились Эльмурза Бекмурзин и Асланбек Кельмаметов со своими дворянами. Территория от устья р. Сулак до р. Милюкент за Дербентом была занята в течение четырех недель. На р. Милюкент император встретился с представителем османского правительства, который заявил, что дальнейшее продвижение российских войск на Кавказе будет рассматриваться как причина для объявления войны России.

Перед отъездом с Кавказа для сохранения здесь влияния России Петр I отдал распоряжение о проведении ряда важных мероприятий. В конце августа – начале сентября по его указанию на Учинском валу, вблизи устья р. Аграхань, было построено укрепление и провиантские склады – Аграханский тражемент, а на р. Сулаке заложена новая крепость – Св. Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании Шамхала Дагестана, с подчинением ему всех местных владетелей.

Изменение расстановки геополитических сил в регионе, но главное – стремительное ухудшение позиций Джамбулатовых, подтолкнуло Арсланбека Кайтукина к решению представить правительству Петра I обширный проект по кардинальному переустройству союзных отношений между Россией и Кабардой⁴³. Анализируя стремление российского правительства – обеспечить безопасность южных границ и кабардинских князей – оградить население страны от крымских набегов, к выгодному исключительно для Джамбулатовых исходу, он предложил переселить население Большой Кабарды в низовья р. Терека. Реализация проекта категорически требовала закрепления наследственных прав на княжение над нерусским населением Терского города за кабардинскими князьями, желательно за кем-либо из Кайтукиных или Бекмурзиных⁴⁴. В этом случае, суверенитет удельных княжеств Мисостовых и Атажукиных наверняка подвергся бы суровому испытанию со стороны донских и терских казаков, калмыков, караногайцев, войск Шамхальства Тарковкого и, наконец, дворянского ополчения Джамбулатовых.

Император нашел проект интересным и поручил КИД рассмотреть предложение Кайтукина о переселении кабардинских князей в низовья р. Терека. 20 сентября 1722 г. Коллегия, извещая Астраханского генерал-губернатора А.П. Волынского о том, что «просил Араслан-бек, дабы послать какого знатного человека к владельцам, которые живут в Кабарде и дали на Терек своих аманатов, и велеть бы их спросить, верно, ли они в обещании своем пребывают; и когда скажут, что пребывают верны, тогда сказать бы им указом е. и. в. чтоб перешли жить к Терку или где его величество заблагоразсудя повелит» предписала «е. и. в. соизволил и повелел вам послать в Кабарду к владельцам одного человека... и велеть оному... учинить по... требованию его Араслан-бекова»⁴⁵. По вопросу «о правлении в Терках» Петр I указал: «Впредь рассмотрение учинено будет и, яко надлежащее им, отдана будет одному из них, кабардинским владельцам»⁴⁶. Позднее, один из Джамбулатовых – Эльмурза Бекмурзин, в статусе офицера иррегулярных войск был назначен правителем над нерусским населением терских слобод.

23 сентября Петр I подписал указ «Калмыцкому Аюхаюхану и донским атаманам и казакам»⁴⁷ в котором говорилось: «Повелеваю вам... в потребном случае, когда будет на... Арслан-бека, от неприятелей нападение, по возможности чинить им вспоможение»⁴⁸. Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала А.М. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. с основными силами Петр I отплыл в Астрахань.

В начале января 1723 г. Арсланбек Кайтукин уведомляет Петра I о полном провале проекта переселения кабардинцев в низовья р. Терек: «На... соизволение вашего величества, объявить нашим кабардинским князьям, чтобы нам ссору меж собою вывести и единогласно б две Кабарды согласясь на Терке реке, в земле в. и. в. жили; и сего нашего совету оные противные наши князи не приняли»⁴⁹. Обнародование проекта вызвало большой общественный резонанс в стране. Впервые, со всей неприглядной очевидностью, вскрылись непомерные политические амбиции лидера Джамбулатовых. Во имя достижения собственных целей Кайтукин проявил готовность пожертвовать суверенитетом государства, безопасностью и благополучием соотечественников. Дворяне Большой Кабарды, определившие исход сражения с крымцами на р. Нальчик в январе 1721 г., теперь безоговорочно отвернулись от Арсланбека Кайтукина, что, в конечном счете, предрешило его падение.

Острое беспокойство у Джамбулатовых вызвало появление в Большой Кабарде посла крымского хана, вручившего Мисостовым и Атажукиным письмо Саадет-Гирея III. В нем, в частности кабардинские князья уведомлялись о том, что «два государя в миру, и Кабарду отдали ему, хану крымскому»⁵⁰. Крымский хан, хорошо осведомленный о состоянии российско-османских отношений, удивительно точно предугадал позицию правительства Петра I по кабардинским делам. В период обострения противоборства с Османской империей за раздел кавказских провинций Сефевидского Ирана, Россия не имела возможности оказать действенную помощь союзной Кабарде. Предвидел Саадет-Гирей III и реакцию кабардинских князей на информацию о том, что их Родину, на защиту которой было

отдано столько сил, «отдали» – всплеск национально-патриотических чувств и поиск внутренних врагов Кабардинского государства. Несмотря на то, что в письме «кто именно Кабарду отдал хану крымскому»⁵¹ не было написано, Арсланбек Кайтукин прекрасно понимал, чем для Джамбулатовичей обернется развитие ситуации. В связи с чем, он просил императора «дабы нас крымскому хану не соизволили отдать»⁵².

Беспокойство Арсланбека Кайтукина оказалось оправданным. Верховный князь Кабарды Исламбек Мисостов принес присягу в верности крымскому хану Саадет-Гирею III и породнился с ним, выдав свою дочь за его племянника – кубанского сераскера Салих-Гирея. В начале февраля верховный князь «навел» на Джамбулатовых «крымского салтана с войском, от которого они ныне сидят в осаде»⁵³. Правительство Петра I, только 9 марта 1723 г. оповещенное о развитии событий в Кабарде, указало А.П. Волынскому «чтоб он, губернатор, немедленно донес, что он... учинил... для пресережения е. и. в. интересов»⁵⁴. Войска Салих-Гирея находились в стране до Касимово дня, а при отступлении увели за Кубань вассально зависимых от кабардинских князей абазин-тапанта, проживавших на левобережье р. Баксан. Однако Саадет-Гирей III не успел развить военно-дипломатический успех ханства в Кабарде, поскольку летом 1724 г. в результате мятежа крымских музр он был свергнут. Менгли-Гирей II (1724–1730), назначенный ханом в октябре того же года, был целиком занят решением внутривосточных проблем и подготовкой крымской армии к войне с Персией. С Кабардинским государством хан старался наладить добрососедские отношения.

1724 г. стал для Джамбулатовых критическим. Арсланбек Кайтукин, в период наивысшего обострения военно-политического противостояния с Мисостовыми и Атажукиными, стремительно терял своих союзников. Правительство Петра I, добываясь урегулировать российско-османские противоречия, фактически игнорировало достигнутые ранее договоренности с кабардинскими князьями. В феврале 1724 г. скончался калмыцкий хан Аюка. Только осенью 1724 г. российское правительство нашло ему приемлемую замену, назначив наместни-

ком ханства осторожного и во всем послушного России Церен-Дондука (1724–1731). Последний надежный союзник Арсланбека Кайтукина – Шамхал Тарковский Адиль-Гирей, недовольный неоднократными насилиями российской администрации над его подданными и обнадеженный помощью Порты и Крыма, в течение 1725 г. дважды штурмовал Аграханский редут, но был разгромлен и отступил с большими потерями⁵⁵. Для наказания шамхала на Сулак прибыл сам генерал Матюшкин. Он приказал генералу Кропотову «всячески трудиться, чтобы его, шамхала, добыть в свои руки»⁵⁶. Исполняя этот приказ, Кропотов разорил резиденцию шамхала – Тарки, а самого загнал в горы. Кайтукин не рискнул поддержать шамхала, в связи с чем Адиль-Гирей был вынужден обратиться за помощью в Крым, но, как сообщал российский резидент в Константинополе, его посланникам Менгли-Гирей II «не отписався к Порте, никакой отповеди не дал... а между тем их у себя удержал»⁵⁷.

В этих условиях, единственно приемлемым решением для Джамбулатовых было любой ценой наладить союзные отношения с Крымским ханством. С этой целью Арсланбек Кайтукин направляет в Бахчисарай Джамбулата Кайтукина и Татархана Бекмурзина⁵⁸. Менгли-Гирей II предложение кабардинских послов воспринял благосклонно, но от вмешательства в кабардинские дела уклонился. Не получив реальной поддержки, Кайтукин удовлетворился тем, что выдал свою дочь за одного из могущественных претендентов на ханский престол – Арслан-Гирея, а другую за бунтовщика Бахта-Гирея⁵⁹. Последний согласился помочь и весной 1725 г. совершил набег на Большую Кабарду. Мисостовы и Атажукины предпочли не вступать в столкновение с Бахта-Гиреем и укрылись «на Баксан реке во Пшикове урочище»⁶⁰. Впрочем, осада Пшикова была не долгой и в апреле 1725 г. кабардинские князья «со оным Бахтагиреем помирились»⁶¹, а вскоре он покинул страну. Очередная попытка Кайтукина изменить соотношение сил в Кабарде провалилась.

Весной 1726 г., в преддверии нового похода против Шамхала, Арсланбек Кайтукин, Эльмурза Бекович и некоторые да-

гестанские владетели убедили Адиль-Гирея прибыть в русский лагерь у Кум-Таркалы. Кайтукин рассчитывал на его примере выяснить позицию Екатерины I (1725–1727) по вопросу о том, возможна ли пролонгация прежних договоренностей после нарушения в прошлом году Джамбулатовыми присяги российскому правительству. Тотчас по прибытии в русский лагерь, Адиль-Гирей был взят под стражу, а затем доставлен в крепость Св. Крест для содержания под караулом, а осенью 1726 г. сослан в г. Коло Архангельской губернии. Более того, правительство Екатерины I сочло, что «полезнее не быть шевкалу»⁶², и указом Сената титул Шамхала был ликвидирован, а исполнение верховной власти в Дагестане было возложено на командующего российскими войсками.

Судьба Шамхала лишила Арсланбека Кайтукина последних надежд. Он принимает решение покинуть Кабарду. «При уходе своем в Крым, – судя по сообщению Магомета Атажукина в КИД (1732), – Кайтукин братьям своим, Большой Кабарды владельцам, сказал... что желает быть во владении у крымского хана Мегли-Гирея... Потом он... просил у них... чести владения своего людей. И они, владельцы, ему, Арслан-беку, ничего не дали. И ушел он... с братом и сыном своим в Крым»⁶³. Эмиграция Арсланбека Кайтукина привела к временной консолидации Кабарды.

Кабардинские княжества в российско-османских отношениях накануне и годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Геополитическое положение кабардинских княжеств в конце 20-х годов XVIII в. заметно укрепилось. Изгнание Асламбека Кайтукина и его сторонников привело к временной консолидации Кабарды. Но Кайтукин, даже находясь в политическом изгнании, не прекращал попыток утвердиться в Центральной Кабарде. Так, весной 1729 г. по его призыву крымские войска во главе с сераскером Имеат-Гиреем вторглись в Кабарду, однако потерпели сокрушительное поражение. В

сражении погибли оба крымских султана⁶⁴, что стало причиной резкого ухудшения кабардино-крымских отношений.

В следующем, 1730 г. крымским ханом вновь стал Каплан-Гирей – давний враг Кабарды. Один из его соперников, Салих-Гирей, бежал к своему тестю – Исламбеку Мисостову. С ним ушло 2000 ногайских семей (до 35–40 тыс. человек). Каплан-Гирей, в свою очередь, признал Асланбека Кайтукина, находившегося в Крыму, единственным законным претендентом на княжение в Кабарде и предоставил в его распоряжение 19-тысячное войско. На фоне нового обострения кабардино-крымских отношений в Кабарде возобладали пророссийские настроения.

Правительство императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) было готово действовать на Кавказе решительно. Это проявилось летом 1731 г., когда крымские войска во главе с Арслан-Гиреем (братом убитых в 1729 г. кабардинцами (царевичей) и Асланбеком Кайтукиным подошли к границам Кабарды. Они требовали выкуп «за кровь» двух султанов (царевичей) из расчета: по одному ясырю с каждого двора. В соответствии с решением императорского двора комендант крепости Святой Крест генерал Д.Ф. Еропкин выдвинул русские войска к границам Кабарды. Крымцы начали отступление и были разбиты объединенными силами кабардинцев и ногайцев Салих-Гирея⁶⁵.

В августе 1731 г. кабардинские владетели, стремясь закрепить этот успех и сплотившись перед лицом крымско-турецкой угрозы, отправили в Петербург большое посольство, из 66 человек, во главе с князем Магометом Атажукиным (род Мисостовых). 5 марта 1732 г. на аудиенции у императрицы Анны Иоанновны Магомет Атажукин вручил ей письмо с упоминанием о службе кабардинцев России со времен Ивана Грозного, с просьбой о помощи против врагов и выдаче кабардинским князьям «жалованья». Под письмом подписались самые известные князья обеих партий, в том числе от Баксанской партии: Исламбек Мисостов, Касай Атажукин, Магомет Атажукин, Кара-Мурза Алиев; от Кашкатавской партии – Батоко Бекмурзин, Кайсын Бекмурзин, Магомет (Бамат) Кургокин⁶⁶.

Для обороны от неприятеля и возвращения земель Западной Кабарды (с абазинским населением) князя просили передать им 20 пушек и оказать помощь русскими и калмыцкими отрядами. При этом особо подчеркивалось, что кабардинские владельцы хотят сохранить с Россией прежние отношения, при которых военная помощь и «жалование» поступают с российской стороны, в то время как сами они обязуются верно служить России, хотя в данный момент не могут оказать ей какую-либо помощь: «От предков В. И. В. давано было нам, рабам вашим, жалованье, о чем и ныне покорно просим, дабы по тому прежнему указу оное жалованье и от В. И. В. нам давано было, чтоб по В. И. В. милости могли сохранить владение наше, а не для того, чтоб войска свои мы в иную какую сторону отправить могли, ибо и без того много неприятелей имеем»⁶⁷. Русское правительство подтвердило покровительство Кабарде и заверило, что окажет кабардинцам военную помощь против общих «неприятелей».

В 1732 г. Исламбек Мисостов скончался, но позиции лидера кашкатавцев оказались настолько слабы, что старшим князем Большой Кабарды, в обход прав старшего по годам Асланбека Кайтукина, был избран Татархан Бекмурзин (1732–1737)⁶⁸. Это приводит к резкому обострению внутривластической обстановки в Кабарде. Возникает реальная опасность новых крупных столкновений, в том числе и с привлечением российских войск. Чтобы предотвратить такой поворот событий, в дело вмешивается российское правительство. 12 сентября 1732 г. КИД России посылает командующему крепости Святой Крест Г. Дугласу императорский указ, в котором в жесткой форме напоминает ему, что помощь кабардинцам необходимо оказывать лишь в случае нападения на них крымских татар и ногайцев, а не в их междоусобных войнах на стороне той или иной партии. В этом указе, в частности, сказано:

«Мы не можем апробовать учиненную от вас посылку команды войск наших к Кабарде и особливо моеора Виттена в самую Кабарду с немалым числом казаков токмо для примирения кабардинских владельцев в их ссорах с Араслам-беком и з другими, которые сторону хана крымского держат... А вы и

указу явившейся к тому причины войска наши посылать, ибо указы наши, маеору Еропкину прошедшего 1731 г. сентября от 19-го числа и потом подтвердительные имянно гласят, что ежели на Кабарду крымские или кубанские татары станут наступать действительно, то в таком случае по прошению кабардинцов на помощь им войска наши посылать, а сего не было, да и быть того не чаемо, как то мочно видеть ис письма к тебе, во ответ от салтана Хаджи-Гирея присланного, в котором он не токмо уверяет, что войска от них в Кабарду быть ныне не имеетя, но притом вас не неявственно укоряет, что вы без всякой причины о Кабарде великое движение чините... надлежит и велено вам их оборонять токмо от нападения крымских и кубанских татар, а не в междоусобных их кабардинских владельцов ссорах»⁶⁹.

В Калмыцком ханстве, тесно связанном с Кабардой, после длительного периода междоусобных распрей произошел раскол. В конце 1731 г. один из претендентов на ханский престол – шурин Магомета Кургокина (лидера Атажукиных) – Дондук-Омбо с 11 тыс. кибиток откочевал на Кубань – в крымские владения. Это заметно ослабило позиции России в регионе⁷⁰.

Дальнейшее развитие междоусобной борьбы в Кабарде происходило на фоне общего обострения политической ситуации на Кавказе и вокруг него, связанного с приходом к власти в Иране Надир-хана (1736–1747), которому удалось успешно противостоять афганским и османским войскам, вступившим в страну. Российское правительство в 1732 г. вернуло Ирану занятые ранее прикаспийские провинции (Астрабадскую, Гилянскую, Мазендаранскую) на условиях совместной борьбы с османами⁷¹.

В 1733 г. по приказу османского султана Махмуда I через Северный Кавказ в Иран была отправлена крымская армия во главе с царевичем Фети-Гиреем. Русские войска под командованием князя Людвиг Гессен-Гамбургского дали крымцам сражение на р. Сунже, но вынуждены были отступить и укрыться в крепости Святой Крест. Крымская конница, минуя русские укрепления, проследовала в Закавказье. Вскоре основные силы крымского хана Каплан-Гирея тем же путем – через

Черкесию и Дагестан – беспрепятственно прошли в иранские владения в Закавказье. Русские источники оценивают численность корпуса Фети-Гирея в 25 тыс., а армии Каплан-Гирея – в 80 тыс. человек. Численный перевес крымско-османских сил был подавляющим. Русские войска находились в осаде, городки гребенских казаков подверглись грабежу. Лидер баксанцев Магомед Кургокин пообещал Каплан-Гирею 200 всадников для отправки в его армию, о чем он сообщил российским властям⁷².

Решительная победа Надир-хана над крымско-османскими войсками в 1734 г. резко изменила ситуацию. По его требованию российское правительство вывело свои войска из Ширвана и Дагестана. Граница между Российской империей и Ираном была установлена по нижнему течению Сулака. Центром российских владений на Кавказе стал основанный в 1735 г. Кизляр, куда были переведены регулярные армейские части и казаки соединения из Ширвана и Приморского Дагестана⁷³.

Османские власти пытались вопреки всему продолжать наступательные операции, проходя с войском через Северный Кавказ. Летом 1735 г. Каплан-Гирей с 60-тысячной армией и легкой артиллерией выступил в новый поход на Иран. В Прикубанье он присоединил к своим войскам до 20 тыс. воинов из числа ногайцев и закубанских черкесов и к концу августа занял Кабарду.

Кабардинские владельцы пообещали Каплан-Гирею выставить от каждого удельного княжества по 100 всадников, но фактически уклонились от участия в походе⁷⁴.

Используя тяжелое положение, в котором оказалась Османская империя, и стремясь не допустить усиления крымского влияния на Северном Кавказе, Россия вступила в войну с османо-крымским политическим блоком. Наступление 40-тысячной русской армии В. Леонтьева на Перекоп в октябре 1735 г. вынудило Каплан-Гирея спешно возвращаться из Иранского похода. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. на кавказском театре боевых действий велась в основном силами иррегулярных войск – казаков и калмыков. С началом войны калмыцкий владетель Дондук-Омбо вернулся в Калмыкию, присягнув на

верность российской императрице и выставил 20-тысячную конницу.

Кабардинские княжества в целом уклонились от прямого участия в конфликте, но небольшая часть дворянской конницы (2000 воинов) под командованием Асланбека Кайтукина в союзе с калмыками приняла участие в войне на стороне России в Кубанском походе, организованном весной 1736 г. силами донских казаков атамана Д. Ефремова и калмыков Дондука-Омбо. В результате были разбиты и приведены к покорности ногайские улусы Султан-Улу и Новруз-Улу. Асланбек Кайтукин также присягнул на верность российской императрице. Смерть в 1737 г. Татархана Бекмурзина наконец позволила Кайтукину реализовать свои права на титул старшего князя Кабарды, и он вместе со своими сторонниками активно включился в военные действия на стороне России⁷⁵.

Летом 1737 г. капитан-лейтенант А. Лопухин, направленный в Кабарду с целью организации совместного похода на Кубань, далее Кизляра не проехал. Причиной приостановки его деятельности была вспыхнувшая в Кабарде эпидемия чумы⁷⁶. Отсутствие подкрепления со стороны российских пограничных властей, свирепствовавшая эпидемия чумы, сильная жара и вызванная ею «разлитие рек», а также нелояльное отношение малокабардинских князей отсрочили выступление войск Большой Кабарды в поход на Кубань. Таким образом, в компании 1737 г. кабардинцы не принимали участия⁷⁷.

В 1738 г. кабардинцы во главе с Магометом Кургокиным и Карамурзой Алеевым (род Мисостовых) совместно с калмыками Дондук-Омбо совершили поход в Закубанье и перевели в Кабарду своих давних подданных – владельцев абазин-тапанта. Весной 1739 г. войска Большой Кабарды во главе с Асланбеком Кайтукиным (1737–1746) вместе с калмыками Дондука-Омбо вновь пошли походом в Закубанье, достигли берегов Лабь и заставили покориться бесленевцев и абазин-шхарауа (башилбаевцев).

Крымские войска Фети-Гирея, кубанского сераскера Казии Гирея и союзных Крыму темиргоевцев летом 1739 г. совершили ответное нападение на Кабарду. Тогда «крымские войска

Фети-Гирей-салтана... да кубанские татары сераскера Кази-Гирей-салтана купно с темиргоевскими черкасы» напали на летние пастбища и некоторые пограничные населенные пункты Кабарды и угнали «двести тысяч овец, семь тысяч коров... и взяли в полон пятьсот душ»⁷⁸. Асланбек Кайтукин, немедленно отреагировал на вторжение неприятельских войск. Во главе с ним объединенные силы кабардинцев и калмыков в конце августа 1739 г. на р. Лабе настигли войска Кази-Гирея и нанесли ему поражение, при этом погиб и сам сераскер.

На главном театре военных действий – в Приазовье, Крыму и Молдавии – русская армия одержала над османо-крымскими войсками ряд важных побед. Были заняты крепости Азов, Кинбурн, Очаков, Хотин. Дважды русские армии под командованием фельдмаршала Б.-Х. Миниха вторгались в Крым и разорjali его. В 1737 г. в войну на стороне России вступила Австрия и нанесла ряд поражений османам на Балканах. Однако огромные потери в войсках, разногласия с Австрией, враждебная позиция некоторых европейских держав (Франции, Швеции) вынудили правительство Анны Иоанновны ратифицировать в сентябре 1739 г. Белградский мирный договор⁷⁹. Границы между Россией и Османской Турцией остались неизменны. Даже взятый русской армией штурмом Азов с окрестностями объявлялся нейтральной зоной.

VI статья договора касалась Кабарды. Она адекватно отразила международный статус Кабарды: «Об обеих Кабардах, т.е. Большой и Малой, кабардинском народе, с обеих сторон согласенность, чтоб быть тем Кабардам вольными и не быть под влиянием ни одного ни другого империя, но токмо за бариеру между обеими империями служить имеют; и что другой стороны, Блистательной Порты, туркам и татарам во оные не вступаться, и оных не беспокоивать, також де и от Всероссийской империи оные в покое оставлены будут»⁸⁰. Договаривающиеся стороны сошлись на том, что «по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую Империю от тех кабардинцев для спокойного их пребывания аманаты; и Оттоманской Порте також позволяется, для такой же причины, брать от них таких же аманатов»⁸¹. В случае, «ежели... кабардинцы причины жалобы

подадут одной и другой Державе каждой позволяется нака-
зать»⁸².

Завершение русско-турецкой войны 1735–1739 гг. ознаменовалось для Кабарды главным образом временной стабилизацией внутреннего положения. Об этом свидетельствует письмо кабардинских князей, направленное императрице Анне Иоанновне не позднее первой половины 1740 г., где в частности указывается, что: «ныне между нами, кабардинскими князьями, никаких ссор нет и все мы живем в согласии»⁸³. Это согласие, как и в другие периоды кабардинской истории, было зыбким и недолговременным, поскольку не являлось следствием глубокого переосмысления политической элитой своей роли в обществе, осознанием своей ответственности перед страной и не стало результатом каких-либо значительных политических преобразований. На самом деле такое положение было вызвано временным совпадением интересов у основных игроков политического процесса в период русско-турецкой войны и являлось не более чем спадом напряженности перед очередным витком конфронтации.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к выводу о том, что кабардинские удельные княжества в русско-турецком конфликте 1735–1739 гг. в целом занимали нейтральную позицию, всячески избегая прямого участия в войне. Внешнеполитическую активность главным образом проявлял Асланбек Кайтукин и его сторонники. Именно для них военный успех был жизненно необходим, поскольку собственный военно-политический потенциал обрекал на поражение любые попытки упрочить свои позиции в Кабарде. Асланбеку Кайтукину необходим был влиятельный союзник. Ход войны, недвусмысленно показавший явное превосходство российского оружия, предопределил выбор такого союзника.

Геополитическое значение Белградского договора для кабардинцев состояло в том, что Россия объявляла Кабарду «вольной», т.е. независимой, и особенно важно – вынудила согласиться с этим Порту, которая до этого никогда не признавала суверенитет Кабарды. Это обстоятельство позволило российскому правительству в середине XVIII в. решить две внеш-

неполитические задачи: во-первых, не привлекая значительных вооруженных сил, руководствуясь преимущественно нормами международного права, эффективно противодействовать реализации геополитических интересов Стамбула и Бахчисарая в северокавказском регионе, и, во-вторых, поддерживая сложившуюся расстановку политических сил, избежать опасного для народов региона обострения междудельных отношений в Кабарде.

Кабардинские княжества в середине XVIII в.: закат средневекового величия

Белградский мирный договор 1739 г. позволил российскому правительству устранить внешнеполитические затруднения, которые создавались до войны 1735–1739 гг. заявлениями крымских ханов о принадлежности кабардинских княжеств Крымскому ханству и Оттоманской Порте. Тем не менее, независимость кабардинских княжеств и находящихся в вассальной зависимости от них народов Центрального Предкавказья оказалась на деле весьма неустойчивой, в силу непрекращающихся княжеских междоусобиц, позволявших, вмешиваться в их внутренние дела, что, в свою очередь, предоставляло возможность изменив внешнюю ориентацию отдельных владельцев, устранить их от русского влияния. Ситуация усугублялась тем, что геополитическая обстановка на Северном Кавказе, в связи с началом завоевательной политики Надир-шаха в Дагестане (1741–1745) была весьма напряженной.

В 1742 г. в Петербург прибыло кабардинское посольство, которое заявило о своей приверженности России и, как и прежде, будет бороться против общего врага. «Баксанские» князья во главе с Баматом Кургокиным и Касаем Атажукиным (Мисостовым) в письме, направленном новой императрице Елизавете Петровне, объявляли об имеющихся между ними и Асланбеком Кайтукиным разногласиях: «От приводу брата нашего Арслан-бека Кайтукина завсегда на нас крымского войска мы покою себе иметь не можем, и для того всеподданнейше

просим, когда ради помощи нам войско потребно, дабы калмыцкое или донское казачье войско всемилостивейше назначено и определено было»⁸⁴. Однако причина разногласий была иной и заключается в том, что зимой 1741–1742 г. вдова умершего незадолго пред этим хана Дондук-Омбы – Джан (приходившаяся родной сестрой Бамату Кургокину) после неудачной попытки установить свою власть в калмыцких улусах бежала в Кабарду⁸⁵. Вместе с ней тогда в Кабарду прибыли зайсанг Арала и владелец Бодонг со значительным количеством калмыков. «Баксанцы» говорили: «При ней же, сестре нашей, бывшие кыргисцы для верности их приведены были к присяге, но оные кыргисцы, презря свою присягу, ночным временем збежали...». В ходе организованного преследования «в близости Кубани при реке Куме их догнали». Туда на помощь беглецам подошел отряд крымских войск и, как заявляли баксанские князья, «и мы с ними, киргисцами и с салтаном сражение имели, на котором месте разбили...»⁸⁶. Таким образом, к середине 1742 г. взаимоотношения «баксанцев» как с Крымским, так и с Калмыцким ханствами были обострены. Поэтому военная угроза исходила от них, а не от «кашкатауцев», которых, по мнению «баксанцев», необходимо было «отвратить» от «кубанских салтанов».

Для России наиболее актуальным был вопрос о калмыках, находившихся в Кабарде с 1742 г. Вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин вручил кабардинскому послу обширное «объявление», подготовленное в Коллегии иностранных дел. В нем М. Мисостову предлагалось направить в Кабарду «нарочного» с сообщением о необходимости выдачи в Кизляр зайсанга Аралу (оставленного там для ведения переговоров с персидскими представителями от лица ханши Джан), владельца Бодонга и оставшихся у своих дядей детей Джан⁸⁷. 1 июня 1743 г. М. Мисостов ознакомил вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина с листом от Бамата Кургокина и Касая Мисостова, где последние извещали об отпуске «Дундук-Омбина двух сыновей». Таким образом, стремление баксанской партии решить «вопрос» с князем Асланбеком силовыми методами и при помощи России не увенчалось успехом. Этому, кстати, способст-

вовали и весьма активные действия русского посла в Стамбуле. Еще в августе 1742 г. резидент А. Вешняков обращал внимание Порты на проявляемую кубанским сераскером активность в отношении Кабарды и тем самым в какой-то мере нейтрализовал ее нарастание⁸⁸.

Позднее середины 1746 г. Асланбек Кайтукин умер⁸⁹. В течение нескольких месяцев после смерти верховного князя баксанская коалиция распалась. Бамат Кургокин «посредством детей его от Расланбековой сестры рожденных» помирился с Кашкатауской партией⁹⁰. Новая коалиция князей выгнала «с Баксану Касая Атажукина с его братьями, а сами и со своими подданными для житья перешли в Баксан и завладели Касаевыми подданными»⁹¹. Новый лидер «кашкатауцев» Батоко Бекмурзин поставил вопрос о перераспределении собственности и подданных изгнанных Мисостовых. В 1747 г. в Кабарде собралось «множество старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай... абазинских». Для выяснения цели этого сбора туда был направлен гонец из Кизляра, который сообщил, «... что из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину с братьями и призвали де нас для того, чтоб ныне по ссоре Бама-та Кургокина с реченными их владельцами нам подвластными их людьми не называться. И разделили де нас Батоко и Бамат з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самих и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать... и, ежели у кого есть оных владельцев Месоусовых, холопов или какой скот, оных им объявить, а тем владельцам не отдавать. И в том берут с нас присягу»⁹².

В 1747 г. владельцы кашкатавской партии Кайтукины и Бекмурзины, придерживавшиеся протурецкой ориентации, приняли к себе в гости Казы-Гирея и Шабаз-Гирея, сыновей крымского хана Арслан-Гирея, и «сей хан способом помянутых детей» стремился «притесняя из кабардинских владельцев к здешней (т.е. российской. – Д.Р.) стороне доброжелательную баксанскую партию, кабардинский народ действительно к себе подчинить»⁹³.

Российское правительство выразило обеспокоенность данным обстоятельством: Коллегией иностранных дел астрахан-

скому губернатору И.О. Брылкину был направлен указ, в котором в частности говорилось: «сверх собственного их кабардинского народа уменьшения и разорения и российские ближние к ним границы обеспокоены бывают»⁹⁴. Астраханский губернатор незамедлительно отреагировал на указ: из Кизляра были посланы специальные «нарочные», дабы «кабардинский народ от того отводить и баксанскую партию в доброжелательстве ее укрепить»⁹⁵, владельцам кашкатавской партии было направлено письмо с предупреждением, что «содержание в Кабарде солтанов следует в противность не токмо кабардинской пользе, но и мирному трактату, между Всероссийскою Империею и Блистательною Портою заключенному», и потребовал в связи с этим высылки из Кабарды сыновей хана, «чтобы из того кабардинскому народу какого беспокойства последовать не могло»⁹⁶.

Посланные кизлярским комендантом И.Л. Фрауендорфом в Кабарду майор П. Татаров и ассессор В. Бакунин доносили Коллегии, что встретились там с одним из ханских сыновей Шабаз-Гиреем и передали ему письмо российской администрации с требованием о немедленном выезде из Кабарды. В ответ на это Шабаз-Гирей заявил: «В Крым к отцу своему по его несклонности к нему он ехать не может, а жилище себе изберет за Кубанью». Далее Татаров докладывал: «Все-таки Шабаз-Гирей из Кабарды не выезжает и в кабардинские дела весьма вступается»⁹⁷.

В свою очередь крымский хан, по сведениям Коллегии иностранных дел, представил в 1750 г. Османскому правительству жалобу на российские власти, содержание которой сводилось к следующему: «будто со здешней (т.е. российской. – *Д.Р.*) стороны посылан был в Кабарду нарочный для раздачи кабардинцам жалованья к приуготовлению их к походу против Пруссии и Швеции»⁹⁸. Резидент России в Стамбуле А.И. Неплюев в своей реляции Коллегии иностранных дел предполагал, что «пункт о Кабарде» в донесении Арслан-Гирея «сплетен от кабардинских владельцев, преданных туркам, и от хана крымского при учинении о том сюда рапорта увеличен»⁹⁹.

Османское правительство потребовало объяснений по этому поводу, и российские власти нотами от 31 декабря 1750 г. и

от 12 июля 1751 г. ответили, что Россия не видит необходимости для объявления войны «противу тех держав, что в записке упоминаются», и соответственно, посылать в Кабарду посла «с казной для набирания войска», так как с этими державами «она ныне в вожделенном мире пребывает». Действительно, в Кабарду был послан офицер, но только для размена аманатов. «Желание российского двора, – писала Коллегия, – состоит лишь в том, что кабардинцы предосудительные кабардинским интересам несогласия между собой не заводили и не обеспокоивали бы границы обеих империй»¹⁰⁰. Российское правительство совершенно справедливо обвинило крымского хана в прямом вмешательстве во внутренние дела кабардинцев: в 1747 г. «помянутые ханские дети», а с ними и кубанские султаны «войско в Кабарду силою вводили для приведения в покорность» одного из владельцев баксанской партии Касая Атажукина, «спасшегося бегством в Кизляр»¹⁰¹. В свою очередь, российский резидент А. Неплюев интерпретировал данный инцидент как очередную попытку крымского хана развязать российско – османский конфликт, причем при активной поддержке французской дипломатии.

Доводы Неплюева возымели свое действие. Порта потребовала от крымского хана отозвать своих детей из Кабарды¹⁰². Арслан-Гирей был вынужден послать из Крыма в Кабарду племянника Касая Атажукина Мамбета «для взятия ханского ясыря и детей»¹⁰³. Однако пребывание ханских детей в Кабарде несколько затянулось, поскольку часть кабардинских князей, «Магомет Кургокин и его партия», не соглашались платить дань крымскому хану, заявивших, что лучше отдать таковую России, так как «от крымской стороны добродетели никакой они не видят, а от российской стороны защищение имеют»¹⁰⁴. Вскоре дети крымского хана все-таки выехали из Кабарды, инцидент был исчерпан.

Тем временем, судя по донесению российского резидента в Кабарде Бакунина в Коллегию иностранных дел, в кабардинских княжествах стали распространяться опасные слухи о том, что в ближайшее время Османская Порта намерена вступить в войну с Россией, «якобы от времени до времени турецкие вой-

ска в Крым и в другие пограничные места, особливо из Анатолии, пересылаются, амуниция военная множеством туда ж перевозится, и во всех тамошних сторонах, как совершенное известие, разглашается, что с Россией конечно будет война»¹⁰⁵. В том же рапорте Бакунин извещал Коллегию о том, что позиция кабардинских князей в случае предполагаемого конфликта с Россией остается неизменно пророссийской. Более того, Касай Атажукин просил, если начнется война, «прислать к ним в Кабарду команду для утверждения их в подданстве российском», иначе кабардинские князья протурецкой ориентации не останутся на прежнем месте жительства и «всю Кабарду силою выведут на Кубань»¹⁰⁶.

В ответ на предложение Касая Атажукина КИД указала астраханскому губернатору Брылкину предпринять соответствующие меры предосторожности на случай войны с Османской империей: немедленно отправить из Кизляра в Кабарду «пристойную команду регулярных и иррегулярных войск с надежным командиром и велеть той команде в Кабарде стать в крепком и безопасном месте и доброжелательным к здешней (российской. – *Д.Р.*) стороне владельцам в переводе ими кабардинцев в крепкие тамошние места чинить им пристойную помощь». Если же представится такая возможность, то и «противных к здешней стороне кабардинских» владельцев «прибрать к своим рукам»¹⁰⁷. Все эти указания астраханский губернатор должен был исполнить только тогда, когда получит «подлинные известия» о войне с Турцией.

Вскоре русско-турецкие отношения обострились, чему причина жалоба Арслан-Гирея на незаконные, по его мнению, действия кабардинских владельцев, захвативших во время одного из очередных набегов «из принадлежащих крымскому хану бесланейского народа немало числа людей»¹⁰⁸. Кроме того, кабардинские князья приняли к себе противников крымского хана, беглых кубанских сераскеров Сеадет-Гирея и Казигирея.

Российское правительство решило воспользоваться крымско-кабардинскими противоречиями, дабы «верных к здешней стороне (баксанцев. – *Д.Р.*) пред другими поусилить», выселив

владельцев кашкатавской партии с Баксана в урочище Кашкатав. Для этого были посланы в Кабарду очередные «нарочные» майоры И. Барковский и И. Татаров, которые выяснили, что кабардинцы действительно приняли к себе бесланеевцев, а у кашкатавцев находятся не только Кази-Гирей, но и его дети¹⁰⁹.

В конце декабря 1752 г. российский резидент в Стамбуле А.М. Обрезков был подробно извещен российским правительством о причине и ходе очередного конфликта между Крымом и Кабардой, что позволило ему своевременно уведомить османское правительство о событиях в Кабарде и действиях там России. Порты благосклонно отнеслась к сообщению российского резидента.

В конце мая 1753 г. Обрезков опять доносил из Стамбула в Петербург о провокационной деятельности крымского хана, который «незначительные» действия России в Кабарде «при Порте сумнительными сделать старается». Османское правительство немедленно указало крымскому хану, чтобы он со своей стороны также послал «нарочного» в Кабарду и «в равной силе» к кабардинским князьям писал о прекращении междоусобиц и выводе кубанских сераскеров за пределы Кабарды¹¹⁰. Официальная позиция Османской империи по данному вопросу была выражена в ноте от 4 мая 1753 г. врученной Обрезкову, содержавшей «равное» с мнением российского правительства мнение о мерах по поддержанию Россией порядка в Кабарде. В свою очередь российский резидент «словесно» сообщил, что русским офицерам в Кабарде «всемерно наказано с присланными от хана во всем сноситься и общее дело иметь»¹¹¹.

Тем временем основные усилия России были направлены на «легитимацию» новой пространственной организации политических группировок Кабарды, а также на закрепление установившегося там баланса сил. Законодательное оформление этих инноваций можно было сделать только с санкции «полного собрания владельцев и узденей обеих партий», т.е. хасэ Большой Кабарды. Благодаря деятельности российских властей 31 октября 1753 г. представители враждовавших партий подписали соглашение о прекращении междоусобиц «с целовани-

ем на Коране», что способствовало стабилизации положения в Кабарде. Соглашение было достигнуто на следующих условиях:

1. Считать реку Чегем границей между двумя партиями.
2. Не принимать «турецко подданных солтанов и других тому подобных утеклецов и противников крымских», а также «перебежчиков» из одной партии в другую.
3. «Не взыскивать ни на ком Канаматову кровь».
4. «Отослать находящегося в Кашкатауской партии Навруза Исламова».
5. «Предав все ссоры совершенному забвению, выбрать от обеих партий по 20 человек узденей» для разбора взаимных претензий и возвращения имущества, захваченного во время междоусобиц¹¹².

На следующий день стали присягать и дворяне «с каждой деревни по одному человеку в той же силе, как и владельцы, целованием Курана»¹¹³. От Баксанской партии присягали 43 человека – 6 князей и 37 дворян. А от Кашкатауской – 15 князей и 27 дворян, всего 42 человека¹¹⁴.

Вместе с тем Петербург изыскивал дополнительные возможности для укрепления своих геополитических позиций в Центральном Предкавказье. Для этой цели в указе кизлярскому коменданту предписывалось изучить местоположение «угла» между р. Терек и устьем р. Курпа, дабы выяснить, «удобно ли оные к обитанию и к построению крепостцы... и в случае неприятельского нападения и набегов есть ли какая натуральная защита». Выполнив этот указ, в декабре 1753 г. комендант ответил, что «имеется способное место для строения крепости... по обоим сторонам устья реки Курпа, которое имеет быть для закрытия от Кубанской стороны и от набегов горских татар». Однако российские власти не решились на строительство этой крепости, опасаясь разрыва мира с Османской империей.

В 1752–1753 гг. крымско-кабардинские отношения вновь осложнились. На сей раз причиной послужил вопрос о принадлежности абазинцев. КИД составила для Обрезкова и кизлярского коменданта Фрауендорфа «Записку», в которой поддерживала претензии кабардинских князей Магомеда Кургокина и

Касая Атажукина. В ответ на это крымский хан представил российскому правительству «Пункты», содержание которых сводилось к опровержению претензий кабардинских князей и доказывал крымское подданство абазинцев¹¹⁵.

В середине мая 1753 г. КИД проинформировала кизлярского коменданта Фрауендорфа «о прошедшей ныне с турецкой стороны об оных абазинцах претензии», тогда как «со здешней стороны (т.е. российской. – *Д.Р.*) за благо рассуждено возможное напротив того старание употребить такую турецкую претензию опровергнуть», потому что «она предосудительная здешнему интересу»¹¹⁶. Коллегия указала Фрауендорфу довести до сведения кабардинских князей посредством майора Татарова и Барковского, что российское правительство защищало интересы Кабарды перед Крымом и Портой лишь в силу законности их требований. Османское правительство было лишено возможности поддержать требования крымского хана и предотвратить распад Кубанской Орды, поскольку фактически Россия лишь удовлетворила претензии кабардинских князей, что не противоречило прежним русско-турецким договоренностям, и в частности, статьям Белградского договора.

В 1760 г. кизлярский комендант И.Л. Фрауендорф и астраханский губернатор А.С. Жилин доносили в Коллегию иностранных дел о том, что новый крымский хан Крым-Гирей «присылал в Большую Кабарду нарочного...» со следующим объявлением: поскольку «кабардинцы издревле были подданные турецкие и на нынешних местах... поселены от бывшего напред сего крымского Салат-Гирей хана», то кабардинские князья должны ему платить ежегодную подать. Кабардинцы отказались платить. Поводом для подобного рода призывов послужила поездка Темрюка, сына кабардинского владельца Бамата Кургокина, в Мекку для паломничества. После возвращения его через Стамбул в Крым он был задержан в Бахчисарае в качестве заложника за убийство крымских султанов кабардинскими князьями, которое произошло до Белградского договора.

КИД незамедлительно прореагировала на данное происшествие. Российскому резиденту в Стамбуле Обрезкову 14 декаб-

ря 1760 г. было указано уведомить султанский двор «о несходном в сем случае хана крымского с трактатом поступке». Российское правительство считало, что он не имел права удерживать кабардинского владельца Темрюка за кровь убитых в Кабарде в 1729 г. «бывших самой Порты бунтовщиков и противников» крымских ханов, тем более, что прежнему хану Арслан-Гирею уже было «подтверждено» самой Портой «сие дело оставить», так как по Белградскому трактату «все прежние дела преданы вечному забвению»¹¹⁷. В то же время во владениях кабардинских князей баксанской партии находился «беглый» кубанский сераскер и дети крымского Султан-хана, что вызвало недовольство Крым-Гирея.

КИД указала резиденту Обрезкову уведомить османское правительство о прежней твердой позиции Петербурга в отношении претензий Крыма к Кабарде и «о... старании русского двора по удовлетворению справедливых ханских требований». Выполняя данное намерение Коллегия 16 февраля 1761 г. предписала новому Астраханскому губернатору В.В. Неронову отправить «нарочного» человека с письмом в Кабарду, дабы он способствовал «высылке помянутых крымских солтанов»¹¹⁸. Однако, судя по донесениям в Коллегию Неронова и посланного в Кабарду майора Татарова, выяснилось, что крымский хан, играя на религиозных чувствах Темрюка Боматова, добился от него присяги в подданстве Крымскому ханству, а так же обязательства переселиться на Кубань, где крымское правительство построит для него город и мечеть.

Тем временем в Кабарде между княжескими группировками возникла ссора, и теперь уже представители кашкатавской партии просили российское правительство «о защищении» их от баксанцев. Выполняя поручение Коллегии иностранных дел о командировании в Кабарду «нарочного», Неронов послал туда майора Татарова с письмами кабардинским князьям, в которых обращался к ним как к русским подданным и «склонял к тому, чтобы крымских солтанов не держали»¹¹⁹.

Оперативность, проявленная Нероновым в данной ситуации не нашла поддержки в Коллегии. Ему в категоричной форме было указано, что письма в Кабарду следует отправлять

только в том случае, когда «произойдет от хана крымского или сераскера кубанского на них жалоба», что кабардинцы нарушают условия Белградского договора. В случае внутренних кабардинских раздоров следует давать посланным от губернатора в Кабарду резидентам «одни в наставление записки», причем сами «записки» должны быть в обязательном порядке возвращены российской администрации. Кроме того, в отношениях с кабардинскими князьями следует блюсти «крайнюю осторожность» и ни в коем случае князей «здешними (российскими. – Д.Р.) подданными не писать»¹²⁰.

Надо полагать, что вышеуказанное письмо Неронова было доставлено кем-то из кабардинских князей Крым-Гирею, который поспешил воспользоваться просчетом российской администрации. Однако, несмотря на все старания крымцев, этот инцидент не повлек за собой серьезных международных осложнений. Недовольный таким оборотом дела, крымский хан сменил своего резидента в Кабарде, судя по оценке российского резидента в Стамбуле Обрезкова, – «человека, весьма лукавого». По прибытии его в Стамбул османское правительство объявило Обрезкову выписку из рапортов хана крымского на посланные ему Портой указы по поводу задержки в Крыму Темрюка Боматова, из чего стало ясно, что Темрюк «никогда арестован не бывал», но сам, добровольно перешел в подданство крымского хана¹²¹.

Из донесений майора Татарова в КИД видно, что Темрюк Боматов стал проводить среди кабардинских князей прокрымскую политику, он неоднократно приводил в Кабарду крымских и кубанских посланцев и требовал «в помощь крымского войску из кабардинцев баксанской партии войска». Более того, Крым-Гирей указал Боматову «баксанских владельцев о бытии в подданстве ево, хана крымского, подлинно утвердить». Причем Темрюк склонял их на сторону Крыма, угрожая в случае отказа тем, что «им, Темрюком, зделана быть имеет между двумя государствами ссора и миропомешательство». Подобная демонстрация Боматовым своих намерений ясно говорила кабардинским князьям прорусской ориентации о том, что среди крымской знати и чиновников османского правительства

утвердилось намерение пересмотреть условия Белградского договора 1739 г. в части, касавшейся статуса Кабарды. Судя по донесениям Татарова, деятельность Боматова имела некоторый успех: часть князей баксанской партии склонялись к тому, чтобы «вручить себя ... в подданство крымскому хану»¹²².

КИД в данной ситуации предписала Неронову сообщить кабардинским князьям баксанской партии, что в случае конфликта с кашкатавской партией они могут рассчитывать на поддержку российских властей. Однако такая поддержка может быть оказана лишь в том случае, когда станет доподлинно известно о помощи крымского хана кашкатавцам.

Темрюк неоднократно приезжал в Кабарду и продолжал вести прокрымскую агитацию среди кабардинских князей. Как писала КИД Обрезкову, Крым-Гирей заявлял в одном из своих призывов, что якобы по условиям заключенного Россией мира с Пруссией (речь идет о Семилетней войне. – *Д.Р.*), прусский король обещал турецкому султану, что «российская граница имеет быть от малой Кабарды прямо на реку Дон, поэтому кабардинские владельцы теперь считаются рабами турецкими»¹²³. Кабардинские князья, в том числе отец Темрюка Бамат, отклонили предложения крымского хана. По сведениям русского правительства Крым-Гирей и впредь не оставлял попыток «с ведома Порты Оттоманской проискывать и переманивать кабардинцев в свою пользу».

Народы Центрального Предкавказья в первой половине XVIII в. продолжали оставаться важным объектом военно-политической экспансии Османской империи и Крымского ханства. Вместе с тем, османо-крымская политика утратила динамизм и остроту, характерные для XVI–XVII вв. В условиях нарастающего социально-экономического кризиса Османской державы противодействовать проводимому российским правительством внешнеполитическому курсу, жестко опиравшегося на статьи Белградского мирного договора Порты уже не могла. Внешне политические акции Турции в Кабарде приняли исключительно провокационно-пропагандистский характер. В то же время Российская империя, опираясь на военно-политические союзы с горскими владетелями, не привлекая

значительных материальных и людских ресурсов, сумела в полной мере реализовать свои геополитические интересы на Кавказе.

-
- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI – XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».
- ² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией) 1708 г. Д. 2. Л. 278.
- ³ Там же. Л. 137.
- ⁴ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 14.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Архив СПб. ОИИ. Ф. 83. Карт. 14. № 247. Л. 1–1 об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ РГАДА. Ф. (Сношения России с Молдавией и Валахией). 1708 г. Д. 1. Л. 3–7.
- ⁹ Цит. по: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 15.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 89. 1708 г. Д. 2. Л. 419 об., 437.
- ¹¹ Там же. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 14. Л. 164 и об.
- ¹² Там же. Кн. 13. Л. 1022–1023 об.
- ¹³ Письма и Бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. М., 1962. С. 322–324.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 115 (Сношения с Кабардой). 1712 г. Д. 1. Л. 21–22.
- ¹⁵ *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 142.
- ¹⁶ Там же. С. 163.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). 1744 г. Д. 4. Л. 140 об.
- ¹⁸ Цит. по: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 34.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). Оп. 1. 1720 г. Д. 1. Л. 95, 96.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и сенатские учреждения). Кн. 93. Л. 224.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). Оп. 1. 1720–1721 гг. Д. 5. Л. 112 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Кн. 30. Л. 123–129.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). Оп. 1. 1720 г. Д. 1. Л. 56.
- ²⁹ Там же. 1721 г. Д. 5. Л. 38.
- ³⁰ Там же. 1720–1721 гг. Д. 5. Л. 134–136.
- ³¹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Кн. 30. Л. 123–129.

- ³² АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). Оп. 2. 1720–1805 гг. Д. 1. Л. 84–84 об.
- ³³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Кн. 30. Л. 123–129.
- ³⁴ *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 43.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). 1722 г. Д. 6. Л. 8–12.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Кн. 54. Л. 667.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. 89 (Сношения с Турцией). 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 30.
- ³⁸ Там же. Ф. 115 (Кабардинские дела). 1722 г. Д. 1. Л. 9.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 10.
- ⁴¹ Там же. Л. 25–26.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Ф. 77 (Сношения России с Персией). 1723 г. Д. 5. Л. 23–25.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 115 (Кабардинские дела). 1722 г. Д. 3. Л. 14.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 77 (Сношения России с Персией). 1723 г. Д. 5. Л. 23–25.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 115 (Кабардинские дела). 1722 г. Д. 3. Л. 19.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. 1723 г. Д. 1. Л. 11–12.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. 1723 г. Д. 3. Л. 1–2.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1557–1801): в 2 т. Т. 2. Владикавказ, 1912. С. 27.
- ⁵⁶ Там же. С. 98.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1725 г. Д. 6. Л. 254.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 115 (Кабардинские дела). Оп. 1. 1725 г. Д. 2. Л. 2.
- ⁵⁹ Там же. Л. 6, 7.
- ⁶⁰ Там же. Л. 4.
- ⁶¹ Там же. Л. 3.
- ⁶² Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 10, т. 19–20. М., 1985. С. 9.
- ⁶³ АВПРИ. Ф. 115 (Кабардинские дела). 1731–1732 г. Д. 2. Л. 130–137.
- ⁶⁴ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII в. Т. 2. М., 1957. С. 60, 61. Далее: КРО.
- ⁶⁵ Там же. С. 43–45, 49, 50, 58–60, 65.
- ⁶⁶ Там же. С. 45.
- ⁶⁷ Там же. С. 46.
- ⁶⁸ *Сокуров В.Н.* Жабаги Казанок и его время // Жабаги Казанок: 300 лет. Нальчик, 1987. С. 18.
- ⁶⁹ КРО. Т. 2. С. 77.

- ⁷⁰ *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. С. 169.
- ⁷¹ *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801 гг.). Ставрополь, 1991. С. 185. Далее: *Потто*, 1991.
- ⁷² КРО. Т. 2. С. 78, 79.
- ⁷³ *Потто*, 1991. С. 189.
- ⁷⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 428, 429.
- ⁷⁵ КРО. Т. 2. С. 91, 92.
- ⁷⁶ Там же. С. 93.
- ⁷⁷ *Вилинбахов В.Б.* Совместные русско-кабардинские военные действия // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 7. Нальчик, 1959. С. 128.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. (Кабардинские дела). 1739 г. Оп. 115/1. Д. 1. Л. 24–25.
- ⁷⁹ *Петрухинцев Н.* Война с пространством // Родина. 1998. № 5, 6. С. 65–66.
- ⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1835. Т. 10. № 7900. С. 899–901.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ КРО. Т. 2. С. 101.
- ⁸⁴ Там же. С. 104.
- ⁸⁵ Там же. С. 103.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же. С. 106.
- ⁸⁸ *Якубова И.И.* «Кабардинский» вопрос в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. Вып. 2. Нальчик, 2005. С. 116.
- ⁸⁹ *Карданов Ч.Э.* Путь к России: кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик, 2001. С. 281.
- ⁹⁰ КРО. Т. 2. С. 155.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² АВПРИ. Ф. (Кабардинские дела). 1747 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 53.
- ⁹³ ЦГА РД. Ф. 379. 1762 г. Оп. 1. Д. 500. Л. 18.
- ⁹⁴ АВПРИ. Ф. (Кабардинские дела). 1751–1776 гг. Оп. 115/2. Д. 3. Л. 15.
- ⁹⁵ ЦГА РД. Ф. 379. 1762 г. Оп. 1. Д. 500. Л. 18.
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф. (Кабардинские дела). 1750 г. Оп. 115/ 2. Д. 1. Л. 133.
- ⁹⁷ Там же. 1751–1776 гг. Оп. 115/ 2. Д. 3. Л. 13.
- ⁹⁸ ЦГА РД. Ф. 379. 1762 г. Оп. 1. Д. 500. Л. 19.
- ⁹⁹ АВПРИ. Ф. (Сношения России с Турцией). 1750–1751 гг. Оп. 89/1. Д. 3. Л. 12.
- ¹⁰⁰ КРО. Т. 2. С. 171.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. С. 176.

- ¹⁰³ КРО. Т. 2. С. 166.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 166.
- ¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. (Кабардинские дела). 1751–1776 гг. Оп. 115/2. Д. 3. Л. 136.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 117.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 118.
- ¹⁰⁸ ЦГА РД. Ф. 379. 1762 г. Оп. 1. Д. 500. Л. 25.
- ¹⁰⁹ КРО. Т. 2. С. 184.
- ¹¹⁰ ЦГА РД. Ф. 379. 1752–1753 гг. Оп. 1. Д. 288. Л. 88.
- ¹¹¹ Там же. Л. 89.
- ¹¹² *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 53.
- ¹¹³ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 8. Д. 2. Л. 150.
- ¹¹⁴ *Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 54–55.
- ¹¹⁵ ЦГА РД. Ф. 379. 1752–1753 гг. Оп. 1. Д. 288. Л. 21–24.
- ¹¹⁶ КРО. Т. 2. С. 19.
- ¹¹⁷ ЦГА РД. Ф. 379. 1762 г. Оп. 1. Д. 500. Л. 61.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 62.
- ¹¹⁹ КРО. Т. 2. С. 64.
- ¹²⁰ ЦГА РД. Ф. 379. 1762 г. Оп. 1. Д. 500. Л. 64.
- ¹²¹ Там же. Л. 54.
- ¹²² Там же. Л. 14.
- ¹²³ Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 48. С. 336.

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
«СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА»
В 1938–1941 ГГ.**

После Октябрьской революции национальная политика в Советской России была сведена к определенным образом понимаемому интернационализму. Советское государство рассматривалось как удобный плацдарм для дальнейшей «мировой революции», а создание СССР – как «решительный шаг по пути к объединению трудящихся всего мира в единую Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹.

Однако постепенно политика «Мировой революции» утратила приоритет в планах советского руководства. Неуспех коммунистических революций в других странах мира (просоветские режимы удалось установить только в Монголии и Туве, которые на мировой арене играли очень малую роль) привел к более трезвой оценке перспектив развития социалистической системы в СССР. В 1924–1925 гг. руководство страны сформулировало политику построения социализма «в одной, отдельно взятой стране». Решения XVII съезда ВКП (б), состоявшегося в январе–феврале 1934 г., окончательно обозначили «Мировую революцию» лишь как один из вспомогательных инструментов внешней политики СССР по обеспечению своих собственных интересов. Руководство Советского Союза взяло курс на осторожное возвращение к патриотическим ценностям. Понятие «Родина» (часто с приставкой «советская») теперь получило новое, более важное значение в государственном лексиконе².

Хотя Конституция СССР не предусматривала первенство какой-либо нации, в условиях отказа от «Мировой революции» и развития Советского Союза как государства в традиционном понимании этого термина, а не как «стартовой площадки для мирового пожара», власть в качестве национального базиса для такого государства решила вернуть русскому народу государ-

ствообразующую роль. Еще в мае 1933 г. И.В. Сталин заявил: «Русские первыми подняли знамя Советов вопреки всему остальному миру. Русский народ – самый талантливый в мире народ»³. К 1938 г. русский народ официально получил руководящую роль в Советском государстве. В феврале 1938 г. «Правда» писала: «В... братской семье народов русский народ – старший среди равных»⁴. В подписанных в печать в апреле 1938 г. томах Большой и Малой советских энциклопедий говорилось, что «великий русский народ как первый среди равных... ведет народы СССР к полной победе коммунизма»⁵.

Признание «первенства» и «величия» русского народа звучали из уст официальных представителей разных регионов СССР. В июне 1938 г. Н.С. Хрушев на XIV съезде КП(б)У заявил, что «сила украинского народа – в тесном единении со всеми народами Советского Союза, и в первую очередь с великим русским народом»⁶. Народная артистка Азербайджанской ССР Ш. Мамедова в статье «Чем мы обязаны русскому искусству» отмечала, что «успехи азербайджанского искусства и развитие всей нашей национальной культуры исторически связаны с благотворным влиянием культуры великого русского народа»⁷. Руководитель Узбекистана У.Ю. Юсупов в своем выступлении 11 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП (б) отметил, что «узбекский народ, опираясь на помощь великого русского народа... может показать на своем примере всем угнетенным народам Востока, что если хочешь освободиться, – иди за Красной Москвой, иди за великим Сталиным, иди за русским народом, и тогда будет обеспечен успех»⁸.

В систему государственных ценностей были возвращены героические страницы истории России и русского народа. Положительно была оценена деятельность таких исторических деятелей как А. Невский, К. Минин, Д. Пожарский, Петр I, а также роль некоторых исторических событий дореволюционного прошлого – в частности, Отечественной войны 1812 г.⁹ В июле 1937 г. на экраны вышел кинофильм «Петр Первый». В мае 1938 г. широко отмечалось 750-летие «Слова о полку Игореве»¹⁰.

2 апреля 1939 г. состоялась советская премьера оперы «Иван Сусанин» в Большом театре (в новом варианте И. Сусанин спасал не царя, а Москву). Финальный эпизод оперы (яркая толпа приветствует вступающих на Красную площадь победителей ликующим хором «Слава, слава!») был описан как «чудесное, незабываемое мгновение» – «момент, когда зрители и артисты сливаются воедино, и кажется – одно огромное сердце бьется в зале», «народ приветствует свое героическое прошлое, своих витязей, своих бесстрашных богатырей»¹¹. Е.С. Булгакова, жена писателя М.А. Булгакова, сделала в своем дневнике запись о том, что перед эпилогом оперы правительственное перешло из обычной ложи в среднюю большую (бывшую царскую) и оттуда уже досматривало представление. Публика, как только это увидела, начала аплодировать. К концу представления, к моменту появления К. Минина и Д. Пожарского, аплодисменты превратились в грандиозные овации¹². Таким образом, возрождение «великодержавия», одним из символов которого стала опера «Иван Сусанин», было встречено советскими людьми с пониманием.

Особое внимание было посвящено возрождению почитания военного прошлого русского народа. В августе 1938 г. в Эрмитаже была организована выставка «Военное прошлое русского народа – в памятниках искусства и предметах вооружения»¹³. В Красной Армии в рамках политической подготовки красноармейцев и командиров проводились лекции на тему «Борьба русского народа за свою независимость»¹⁴. В сентябре 1937 г. был открыт Бородинский исторический музей (в честь 125-летия войны с Наполеоном). В ноябре 1938 г. на экранах появился исторический художественный фильм «Александр Невский»¹⁵. 8–12 июля 1939 г. в Полтаве была проведена сессия Института истории АН УССР, посвященная 230-летию разгрома шведских интервентов под Полтавой¹⁶.

Выдающиеся успехи русского народа были отмечены в науке – в лице таких ученых, как Н.И. Лобачевский, Д.И. Менделеев, П.Н. Лебедев, В.О. Ковалевский¹⁷, И.М. Сеченов¹⁸. Были прославлены русская культура и искусство, с признанием, что русский народ вправе гордиться своими писателями и поэ-

тами (Пушкин, Гоголь, Толстой, Белинский, Добролюбов, Чернышевский)¹⁹, и передовая русская литература предвещала приход Октябрьской революции и «оказала огромное влияние на литературы других народов»²⁰. В 1937 г. было проведено празднование столетия памяти А.С. Пушкина, осенью 1939 г. – 125-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова. А.М. Горький также удостоился звания «великий сын русского народа»²¹.

Хотя в Конституции СССР отсутствовало положение о государственном языке, такой статус был де-факто закреплен за русским языком, которому предназначалась особая роль. Русский язык – «язык Ленина и Сталина», – получил статус «первого среди равных»²² в СССР, а в мире – статус «международного языка социалистической культуры» («как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как французский язык был международным языком XVIII и XIX веков»). Русский язык должен был «стать достоянием каждого советского гражданина»²³. Повысилась официальная роль русского языка на местном уровне – так, в июле 1938 г. он был признан государственным языком Белорусской ССР (наряду с белорусским языком)²⁴.

Предпосылками к повышению статуса русского языка были как перемены в политике, так и введение в Конституции 1936 г. всеобщей воинской обязанности, что предполагало знание государственного языка всеми призывниками. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»²⁵. Однако преподавание русского языка в национальных школах часто находилось на низком уровне, что было последствием слабой подготовки и плохой работы учителей русского языка, а также малого количества часов, отведенных на его преподавание²⁶. Выявилось, что многие призывники вообще не знают русский язык. 6 июля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка». Местные власти поставили задачу к 1941 г. «добиться полной ликвидации неграмотности и обучения русскому языку среди призывников»²⁷.

Укреплению статуса русского языка служил перевод письменностей многих народов СССР на кириллицу, который начался в 1936 г. и завершился к 1941 г. Кириллизация была обозначена не как «простой технический вопрос, а вопрос глубоко политический»²⁸. На кириллический алфавит были переведены письменности почти всех народов РСФСР, а также титульных народов Азербайджанской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской ССР и Молдавской АССР. Введенные ранее латинизированные алфавиты подверглись критике как «путанные, усложненные», «малопонятные широким массам трудящихся», «не соответствующие задачам социалистического строительства». Принятие алфавита на основе кириллицы было оценено властями как «величайшее событие»²⁹.

Советское руководство предприняло шаги по борьбе с русофобией. Еще в декабре 1930 г. Секретариат ЦК ВКП (б) подверг критике поэта Д. Бедного за антирусские настроения, выраженные в его фельетонах «Слезай с печки», «Без пощады» и др. 14 ноября 1936 г. русофобские произведения поэта были заклеены в постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) «О пьесе “Богатыри” Демьяна Бедного». Эта пьеса подверглась уничтожающей критике за «пошло-издевательски изображенное крещение Руси будто бы “по пьяному делу”» и «густо размалеванную характеристику русских богатырей»³⁰, которая «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главные из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа». Пьеса была снята с репертуара как «чуждая советскому искусству»³¹. 8 декабря 1936 г. Д. Бедный написал жалобу И.В. Сталину, но в ответ получил жесткую отповедь³².

Тема русофобии проявила себя в рамках кампании массовых репрессий 1937–1938 гг. – в вину репрессированным «изменникам родины», «буржуазным националистам» и «троцкистам» вменялось то, что они «пытались противопоставить русский народ другим народам СССР и насаждали отрицательное отношение к русской культуре». В частности, в русофобии обвинялся Н.И. Бухарин, который называл русских «нацией Обломовых»³³, а также глава Российской ассоциации пролетар-

ских писателей Л.Л. Авербах и его единомышленники из Российской ассоциации пролетарских музыкантов³⁴. Особое внимание было уделено обвинению «буржуазно-националистических агентов фашизма» в противодействии изучению русского языка³⁵, «вытравлению русского языка» в национальных регионах³⁶.

Взяв на вооружение национально-ориентированную идеологию, Советское государство не могло обойти своим вниманием историческую науку и историю как образовательную дисциплину. В 1934 г. отечественная история была восстановлена в правах учебной и воспитательной дисциплины, были учреждены исторические факультеты в ВУЗах. В 1936 г. был создан Институт истории АН СССР. В Постановлении ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП (б)”» была закреплена линия на дискредитацию «школы М.Н. Покровского», которую обвинили в «вульгаризаторстве» и «извращенном толковании исторических фактов»³⁷. Были изданы сборники статей историков, направленные «против исторических взглядов Покровского». В частности, в Институте истории АН СССР такую публикацию объемом 35 п.л. подготовили в 1938 г.³⁸ и издали в 1939 г. В советской печати было отмечено «положительное значение» этого сборника для борьбы «с антимарксистскими теориями на историческом фронте»³⁹. В распространении «исторического нигилизма» в 1920-х годах были обвинены «враги народа»⁴⁰.

Факты принижения истории русского народа, имевшие место в 1930-х годах, подверглись жесткой критике. В июле 1938 г. в «Правде» была дана низкая оценка «Малой Советской Энциклопедии» за то, что в ней «история борьбы русского народа за независимость нашей родины дана схематично и убого, то и дело встречаешь стремление принизить великий русский народ»⁴¹. С другой стороны, историкам и пропагандистам пришлось объяснять прежний антипатриотизм большевистской партии. Теперь выступление большевиков в 1914–1917 гг. против «защиты буржуазного отечества в империалистической

войне» было определено как «величайший образец интернационализма и вместе с тем – подлинной любви к родине»⁴².

Власть поставила задачу разработать и издать учебники, построенные на новой концепции истории. В октябре–ноябре 1937 г. в школы поступил «Краткий курс истории СССР» (под редакцией А.В. Шестакова), в котором красной нитью проходила тема патриотизма. И.В. Сталин принимал личное участие в редактировании этого учебника⁴³. Было предписано осуществить перевод учебника А.В. Шестакова на языки народов СССР (например, на чеченский и ингушский⁴⁴).

Подъем национально-ориентированной пропаганды не мог не вызвать реакцию отторжения со стороны тех коммунистов, которые жестко придерживались идеологии «пролетарского интернационализма». 7 марта 1938 г. Н.К. Крупская написала письмо И.В. Сталину, в котором выразила озабоченность тем, что «начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм»⁴⁵. Некоторые критики старались опорочить чуть ли не всякое произведение на патриотическую тему как олицетворение «квасного патриотизма» («кузьма-крючковщины»). Литературовед В. Блюм считал, что кинокартины «Александр Невский» и «Петр Первый», опера «Иван Сусанин», пьеса «Богдан Хмельницкий» искаженно освещали исторические события, подменяли пропаганду советского патриотизма пропагандой расизма и национализма в ущерб интернационализму. Однако его позиция, разумеется, не получила поддержки у власти. В сентябре 1939 г. ЦК ВКП (б) принял постановление, осуждавшее «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений»⁴⁶.

В то же время советское руководство стремилось избежать чрезмерного усиления «русского фактора» – в первую очередь, принимая во внимание многонациональный характер страны. С этой целью была разработана и активно внедрялась концепция «советского патриотизма», который определялся как «любовь и преданность своему отечеству, своей родине, чувство ответственности за судьбы своей страны, желание и готовность защищать ее от угнетателей и интервентов»⁴⁷. Этой доктрине придали исторические корни. М.И. Калинин в докладе на соб-

рании партийного актива Москвы в октябре 1940 г. заявил: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа»⁴⁸. Было объявлено, что «советский патриотизм» «совершенно чужд и в корне враждебен всякому шовинизму, всякому чувству национальной исключительности»⁴⁹.

Введение обязательного изучения русского языка не должно было перейти в русификацию. Его целью было лишь создание условий для билингвизма (двуязычия) или, самое большее, формирования «двойной культуры»⁵⁰ у «нерусских» народов СССР. В сентябре 1940 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление о том, что партийные и советские работники в национальных республиках должны были изучать язык титульной нации. Отсутствие намерения властей проводить русификацию, в том числе, проявилось в отказе от реализации программы по обязательному введению русифицированных фамилий и отчеств для коренных народов Азербайджана, Казахстана и республик Средней Азии⁵¹.

Связь «советского патриотизма» с русским национальным фактором была обыграна властями особым образом: «Советский патриотизм русского народа – это любовь к социалистической родине – отечеству трудящихся всего мира»⁵². Известный журналист М. Кольцов в статье «Русские люди, советские люди» (о полярниках-папанинцах) дал весьма образную, в духе того времени, характеристику связи «русского» и «советского»: «Враги... стараются по-своему истолковать триумф фантастически смелой советской полярной экспедиции... Они объясняют: Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров – это просто храбрые русские люди, успех их – это успех русского национального молодечества, и ничего специально советского, большевистского в нем нет... Да, четверка на льдине – это русские люди, но когда, как не именно под знаменем большевизма, под ленинским и сталинским знаменем, русский народ и все народы бывшей колониальной царской империи разверну-

ли свои национальные таланты и доблести, когда, как не теперь, нашли широкие свободные пути, громадные поприща для своих способностей, сметки, героизма, изобретательности, размаха?... Эти всемирно прославленные путешественники, исследователи, летчики несут в органическом соединении русское и большевистское, личное и сталинское»⁵³. Таким образом, М. Кольцов назвал полярника Э.Т. Кренкеля «русским», хотя по национальности он был немец. В таких пропагандистских посылах проявилась характерная черта концепции «советского патриотизма» – смешение русской и советской идентичностей.

Пропаганда активно прославляла «безнациональные» проявления «советского патриотизма», публикуя материалы о «беспримерных в истории подвигах» советских патриотов, «героизме советских патриотов», «семьях патриотов», «демонстрациях патриотов»⁵⁴. И.Д. Папанин писал о подвигах полярников, популяризации которых пропаганда уделяла много внимания: «Родина дала нам все, о чем только может мечтать человек»⁵⁵. Особое внимание посвящалось патриотизму в военной сфере: «Красная Армия сформировала волевых, всесторонне развитых, преданных родине советских патриотов»⁵⁶, «советский патриотизм взял свое у берегов Хасана и на монголо-маньчжурской границе... Наши бойцы бросались в бой на врага с возгласами: “За родину”, “за Сталина!”»⁵⁷.

«Воспитание трудящихся в духе советского социалистического патриотизма»⁵⁸, особенно молодого поколения⁵⁹, стало важнейшей государственной задачей. В том числе, перед политработниками Красной Армии была поставлена задача «воспитывать в каждом красноармейце и командире пламенного патриота Социалистической Родины»⁶⁰. Одно за другим появлялись патриотически-ориентированные произведения литературы: романы «Петр Первый» А.Н. Толстого, «Дмитрий Донской» С.П. Бородина, «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С.Н. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А.Н. Степанова, историческая трилогия В. Яна «Нашествие монголов», поэмы К. Симонова «Суворов» и «Ледовое побоище». Патриотический характер имели музыкальные произведе-

ния: кантата С.С. Прокофьева «Александр Невский» и симфония-кантата Ю.А. Шапорина «На поле Куликовом». Поставленная перед советским кинематографом задача создавать «фильмы, воспитывающие советского патриота»⁶¹, была реализована в художественных кинолентах «Минин и Пожарский» и «Суворов» В.И. Пудовкина, «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна, «Богдан Хмельницкий» И.А. Савченко. Высокую оценку получил известный пропагандистский фильм «Если завтра война» (1938) за то, что «он вызывает чувства советского патриотизма»⁶².

«Чрезмерное увлечение» реабилитацией дореволюционной истории России было признано властями недопустимым, так как это могло поколебать основы доктрины «советского патриотизма». Е.М. Ярославский в опубликованной им в 1939 г. в журнале «Историк-марксист» статье сетовал: «Ведя борьбу против антимарксистских извращений исторической “школы” Покровского, некоторые историки делают новые, не менее серьезные ошибки... Договариваются до того, что считают наименьшим злом вообще всю колониальную политику, все колониальные завоевания русского царизма». Е.М. Ярославский резко критиковал проф. Н.М. Дружинина и других историков за то, что они «производят ревизию взглядов на характер Крымской войны, относительно которой есть совершенно определенные указания Маркса и Ленина, что это была захватническая война», пересматривают оценку «Священного союза» и монархов в начале XIX в., «причем опять-таки игнорируются Маркс и Энгельс». Е.М. Ярославский утверждал, что, «становясь на такую позицию, можно прийти к оправданию всех и всяческих насилий царизма», и это «таит опасность развития квасного патриотизма, ничего общего не имеющего с советским патриотизмом, который питается героической борьбой народов СССР и их лучших представителей, как с иностранными захватчиками, так и с царским самодержавием». Поэтому он призвал «решительно бороться против того, чтобы в качестве героев прославлять людей, которые свой ум, таланты и энергию отдавали на угнетение народов, населяющих Россию» (в качестве примера был указан генерал М.Д. Скобелев)⁶³.

Чтобы сбалансировать реабилитацию героических страниц русского дореволюционного прошлого, историки не оставляли своим вниманием тему «российского колониализма». Институт истории АН СССР в 1939 г. разрабатывал такие темы, как «Колониальная политика царизма в Казахстане 1785–1828 гг.» и «Борьба горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля»⁶⁴, в 1941 г. – «Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость (1849–1856 гг.)»⁶⁵. История народов СССР и их «освободительная борьба» были отражены в литературе (романы «Десница великого мастера» К.С. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» А.А. Антоновской, «Разин Степан» и «Гулящие люди» А.П. Чапыгина, «Наливайко» И.Л. Ле, «Иван Богун» Я.Д. Качуры, трилогия о Радищеве О.Д. Форш), кинематографе (фильмы «Пугачев», «Степан Разин», «Салават Юлаев»), музыке (оперы «Кер-оглы» У.А.-Г. оглы Гаджибекова, «Степан Разин» А.А. Касьянова).

Как составная часть идеологии советского патриотизма, в СССР культивировалась концепция братства и непоколебимой дружбы народов. Советский Союз был провозглашен «братской семьей»⁶⁶, «великим содружеством народов и наций», которые «достигли подлинного расцвета»⁶⁷. Дружба народов СССР была признана «нерушимой»⁶⁸, так как «народы... Союза верны братству народов»⁶⁹. «Великая дружба народов СССР» подавалась как закономерный результат правильной национальной политики государства. Было провозглашено, что в Советском Союзе «опыт создания многонационального государства на основе социализма удался полностью», «великий многонациональный советский народ един в своей преданности делу Ленина–Сталина, в своей сплоченности вокруг партии большевиков»⁷⁰. Г.М. Маленков в своей речи на митинге избирателей Красногорского избирательного округа положение в национальном вопросе обозначил как «торжество ленинско-сталинской национальной политики»⁷¹. Украинский писатель А. Корнейчук подчеркивал, что «ни одно капиталистическое государство не могло и не в силах разрешить национальный вопрос», и только в СССР «правильное разрешение национального вопроса было глубоко и всесторонне разработано».

По его мнению, «события на озере Хасан показали всему миру, что значит сталинская дружба народов... Сокрушительной лавиной двигались против японских самураев плечом к плечу – русский и украинец, грузин и татарин, казах, белорус и чеченец – равноправные сыны нашей прекрасной матери-родины»⁷². В перспективе предполагалось укрепление «братства народов» СССР вплоть до «постепенного слияния наций... на основе общей социалистической экономики, способствующей стиранию национальных особенностей»⁷³, тем более что констатировался «процесс развития и сближения языков, который происходит на базе тесного сотрудничества народов СССР, их постоянного сближения»⁷⁴.

Для подкрепления идеологии «советского патриотизма» в СССР была доработана концепция национального вопроса. В опубликованной в 1939 г. статье И.В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос» были даны определения нации, народности, национальной группы⁷⁵. Утверждалось, что место межнациональных противоречий, неразрешимых при капитализме, при социализме «занимает национальная свобода и национальное равноправие, братская помощь одних народов другим народам в деле преодоления фактического неравенства наций». Как итог советской национальной политики, «развился мощный процесс консолидации наций, расцвет всех народов СССР»⁷⁶. В то же время, констатировалось сохранение неравенства наций, вследствие чего «остаются в силе и особые задачи ленинско-сталинской национальной политики, связанные с вопросом ликвидации этого неравенства, на основе нового, несравненно более высокого, уровня, достигнутого передовыми частями нашего Союза»⁷⁷. Эта концепция объясняла ведущую роль русского национального фактора в концепции «советского патриотизма» необходимостью использовать потенции русского народа как «наиболее передового» для оказания помощи другим народам СССР.

Наряду с развитием концепции «советского патриотизма», предвоенный период характеризовался общим повышением значимости этнического фактора в Советском Союзе, а также формированием деления наций на «своих» и «чужих». Совет-

ское государство недвусмысленно заявило, что национальность – это одно из самых существенных отличительных свойств каждого человека, в результате чего «определение человека по его национальности вошло в натуру советских людей»⁷⁸. Еще в 1935 г. в аппарате ЦК ВКП (б) была введена новая форма учета кадров, в которой была впервые предусмотрена графа «национальность». Затем был введен учет национальности работников всех государственных учреждений. С 1937 г. НКВД СССР стал фиксировать сведения о национальности заключенных. 2 апреля 1938 г. вышла директива НКВД, установившая новый порядок указания национальности при выдаче или обмене паспортов – если раньше в паспорте записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей, предъявляя при этом их паспорта и другие документы. Этот подход сохранился на многие десятилетия⁷⁹.

«Выдвижению и воспитанию национальных кадров» в СССР продолжало придаваться «огромное политическое и практическое значение»⁸⁰. Однако на самом деле национальные кадры, национальная культура и искусство являлись лишь проводниками укрепления «советского патриотизма». В реальности произошло свертывание работы с национальными меньшинствами, особенно с теми, которые не принадлежали к «коренным» народам СССР. По решению Оргбюро ЦК ВКП (б) от 1 декабря 1937 г. был ликвидирован ряд немецких, финских, корейских, болгарских и других национально-территориальных единиц, было признано вредным существование особых национальных школ (финских, эстонских, латышских, немецких, английских, греческих и др.) и предложено реорганизовать их «в советские школы обычного типа». На Украине были закрыты пионерские газеты на немецком и еврейском (идиш) языках, вместо них началось издание всеукраинской пионерской газеты на русском языке⁸¹. В марте 1938 г. были ликвидированы некоторые национальные (финские, латышские, немецкие⁸², греческие и др.) педагогические училища⁸³.

7 марта 1938 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА»,

которое предусматривало переформирование национальных частей, военных училищ, школ РККА в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменение дислокации соответствующих частей и соединений и призыв граждан всех регионов «на общих со всеми национальностями СССР основаниях»⁸⁴.

Были осуществлены депортации и «чистки» по национальному признаку. Еще в 1936 г. из Украины в Казахстан было переселено 45 тыс. поляков и немцев. В 1937 г. 2 тыс. курдов из приграничных районов Закавказья, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана было переселено в Киргизию и Казахстан, 172 тыс. корейцев было депортировано с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. В 1939 г. депортации подверглись поляки («осадники» и «лесники») из Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. из Мурманской области были депортированы «граждане инациональностей»⁸⁵.

20 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановило «дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах». Затем из оборонной промышленности были «вычищены» поляки, корейцы, латыши, эстонцы, финны, греки, китайцы, иранцы, румыны. В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 23 марта 1938 г. признавалось «ненормальным, что на предприятиях, в главных управлениях и центральном аппарате Наркомата оборонной промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев», и было поручено «очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей»⁸⁶. В июне–июле 1938 г. была произведена чистка армии – были уволены и почти сразу в большей части арестованы практически все военнослужащие и вольнонаемные «иностранных национальностей»⁸⁷.

С целью поддержания «дружбы народов» осуществлялась борьба с проявлениями «буржуазного национализма» и «великодержавного шовинизма». Достоверность ряда таких обвинений сомнительна, так как они были сделаны в рамках кампании массовых репрессий. Например, в ноябре 1937 г. Калмыцкий обком ВКП (б) объявил, что «враги народа» якобы агитировали

за то, чтобы «от Калм[ыцкой] республики... выбирать только калмыков»⁸⁸. Однако сигналы, поступившие в ЦК ВКП (б) в сентябре 1940 г. из Кабардино-Балкарии, очевидно, были достоверными. В этой республике были выявлены факты антирусского национализма – убийства, драки, избиения на национальной почве, уничтожение огородов русских рабочих, гонения на приезжих учителей. Ситуация усугублялась предвзятым отношением местных органов исполнительной и судебной власти, которые оправдывали местных националистов, препятствовали осуществлению правосудия⁸⁹. Такие факты было указано пресекать.

Однако в СССР не допускалось и ущемление прав «нерусских народов». Местные органы власти получали указания исправлять такие ошибки. Так, в декабре 1937 г. в пос. Кызыл-Кия (Киргизская ССР) были выявлены следующие факты: «Все новые дома, построенные за последние годы, заселены русскими... Все киргизы и узбеки живут в кибитках... С рабочими киргизами на шахтах обращение со стороны администрации чрезвычайно грубое, крики “баран”, “ишак” – обычное явление»⁹⁰. В Бурятской кавалерийской бригаде не были налажены «здоровые взаимоотношения между отдельными командирами – русскими и бурятами», отмечалось неодинаковое «бытовое положение командиров русских и бурят», «задержки в передвижении бурятских кадров командиров», «высокомерное отношение» к бурятам «со стороны высшего состава бригады – русских товарищей». Было дано указание «это быстро исправить, создать здоровую обстановку в бригаде... усилить партийно-политическую работу, интернациональное воспитание кадров и дело боевой подготовки в бригаде»⁹¹. В целом, следует сделать вывод, что в предвоенный период националистические проявления в СССР не перешли обычных границ, и массовых фактов национальной розни выявлено не было.

Одним из важнейших направлений советской политики было противостояние нацистской (фашистской) идеологии, распространявшейся из Германии. До середины 1939 г. советская пропаганда вела последовательную воспитательную работу в духе ненависти к фашизму и его идеологии⁹². Однако в

середине 1939 г., в связи с неудачей установления союза с Великобританией и Францией, обострением ситуации на Дальнем Востоке и т.д., советское руководство берет курс на сближение с Германией. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский Пакт о ненападении. 31 августа 1939 г. на внеочередной 4-й сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов торжественно объявил: «Конец вражде между Германией и СССР... Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом»⁹³.

После подписания Пакта в СССР произошло резкое свертывание антифашистской и антигерманской пропаганды. Произведения искусства, в которых имелись соответствующие мотивы, были «отсеяны», и исполнять их более не разрешалось⁹⁴ – в том числе, из проката был изъят кинофильм «Александр Невский»⁹⁵. Цензура жестко пресекала антифашистские и антигерманские публикации⁹⁶. Через Коминтерн было оказано давление на компартии западных стран, которым была дана обязательная для выполнения директива: свернуть борьбу против немецкого фашизма. Агрессором объявлялся «англо-французский империализм», против которого требовалось направить пропаганду и агитацию всех компартий⁹⁷.

В историографии получили распространение утверждения о том, что руководство СССР в 1939 г. было «одурачено» Гитлером. В частности, Ю.З. Кантор пишет, что после подписания Пакта Советский Союз отказался от сопротивления национал-социализму на идеологическом уровне⁹⁸. Такие утверждения являются более чем спорными. 19 августа 1939 г. И.В. Сталин на заседании Политбюро призвал «принять немецкое предложение» о заключении Пакта, «предвидя последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии» в приближавшейся войне. Он подчеркнул, что «в случае ее поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство... Наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы... изнуренные Англия и Франция были не в состоянии разгромить советизированную Герма-

нию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами... Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР, по крайней мере, в течение 10 лет... В интересах СССР... чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон»⁹⁹. Истинные намерения советского руководства понимали и на германской стороне. 16 июня 1941 г. Й. Геббельс сделал запись в своем дневнике: «Москва намерена избегать войны до тех пор, пока Европа не будет обессилена и обескровлена. Сталин начнет действовать, большевизирует Европу и установит свое господство»¹⁰⁰. Таким образом, следует говорить не о «доверии» советской стороны нацистскому руководству Германии, а об ошибке в оценке возможности начала и последующего хода войны с Германией.

Заключение Пакта вызвало в общественном сознании советского народа неоднозначную реакцию, внесло определенную дезориентацию – и в массовое сознание, и в деятельность пропагандистских структур. Официально провозглашенный советским руководством курс на сближение с нацистской Германией не находил широкого отклика среди общественности, так как такой курс разрушал формировавшийся годами враждебный стереотип германского фашизма¹⁰¹. Резко проявилась негативная реакция на Пакт, как среди творческой интеллигенции, так и «простых людей», включая красноармейцев, которые воспринимали немцев как потенциальных военных противников¹⁰².

Неприятие противоестественной «дружбы» гитлеровской Германии и СССР проявилось в том, что Германию в народе стали называть «наш заклятый друг». В среде советского народа проявлялась как «антифашистская инерция», так и прямое сопротивление переменам в пропаганде¹⁰³. Красноармейцы в начале 1941 г. говорили: «Германия хитрит, и эта хитрость получается очень выгодна для нее, она заключила мирный догово-

вор с Советским Союзом с целью, чтобы обезопасить себя с востока, а сама продолжает свою захватническую политику»; «В политике Германии сейчас можно видеть, что она желает усилить себя и с помощью других стран разбить Англию, а потом она и против нас пойдет. Так почему же мы сейчас торгуем с ней, ведь это укрепляет ее положение»; «Если Германия нападет на нас на Западе, то Япония нападет на востоке»¹⁰⁴. Таким образом, в общественном сознании Германия и после Пакта, в целом, осталась самым главным и вероятным противником¹⁰⁵.

В 1940 г. в отношениях СССР и Германии наступило охлаждение. Советские руководители были разочарованы тем, как ведет себя Германия на международном поле. Поэтому с августа 1940 г. деятельность Коминтерна приобрела замаскированную антигерманскую направленность¹⁰⁶. После визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. произошло усиление антигерманских настроений советского руководства¹⁰⁷, тем более что в декабре 1940 г. в руках советской военной разведки оказались основные положения плана «Барбаросса»¹⁰⁸.

В советскую пропаганду стали возвращаться антигерманские мотивы, которые в закрытых пропагандистских материалах появились уже осенью 1940 г. В марте 1941 г. Сталинская премия была присуждена фильму «Александр Невский», а в апреле 1941 г. фильм был снова выпущен в кинопрокат. В марте–апреле 1941 г. в ТАСС была создана новая редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном, которая начала подготовку к идеологической войне с геббельсовским Министерством пропаганды¹⁰⁹. В марте 1941 г. состоялось совещание у начальника Главного управления политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии А.И. Запорожца. На нем присутствовали кинорежиссеры С. Эйзенштейн, Г. Александров, сценаристы Вс. Вишневский, А. Афиногенов и др. По их предложению была создана Оборонная комиссия Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Первое ее заседание состоялось 13 мая 1941 г. Членам Комиссии была поставлена задача готовить фильмы о действиях различных родов войск Красной Армии против вероятного противника – Германии. Передовица «Прав-

ды» от 1 мая 1941 г. гласила, что в СССР «выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на “высшие” и “низшие” расы» – в этой фразе содержался ясный намек на нацистскую идеологию. Кульминацией возврата к антигерманской политике в преддверии войны стала речь И.В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г. – помимо констатации захватнических устремлений Германии в Европе, И.В. Сталин прямо указывал на нее как на страну, начавшую новую мировую войну. Люди, слышавшие эту речь, сделали однозначный вывод о неизбежности войны с Германией¹¹⁰, что и сбылось 22 июня 1941 г.

Внедрение концепции «советского патриотизма» было непосредственно связано с ожиданиями войны, распространившимися в Советском Союзе. Широко распространялась пропаганда будущей войны – войны «справедливой»¹¹¹, тем более что идеология «справедливых, незахватнических войн» якобы брала истоки в истории русского народа¹¹². В журнале «Знамя», а затем отдельной книгой вышла «повесть о будущей войне» Н. Шпанова «Первый удар»¹¹³. Известный писатель Вс. Вишневский оценил эту книгу как «ценную, интересную, глубоко актуальную», рисующую «войну не как утопию или фантастику, а как реальное продолжение международной социально-политической борьбы, в которой неминуема победа объединенных демократических сил», которая «увлекательно говорит о том, какой будет справедливая война советского народа против агрессоров – война смертельная для врагов социализма»¹¹⁴. В снятом в 1937–1938 гг. фильме «Великий гражданин» есть эпизод совещания ударников, на котором главный герой – партийный руководитель Петр Шахов – произносит речь: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз – республик этак из тридцати-сорока... Как хорошо»¹¹⁵.

«Военным настроениям» способствовали муссировавшиеся пропагандой утверждения об «опасности интервенции и реставрации»¹¹⁶, «нападения на СССР»¹¹⁷, тем более что они подкреплялись самой реальностью – агрессией гитлеровской Германии в Европе, военными столкновениями СССР с Японией у

оз. Хасан и на р. Халхин-Гол в 1938–1939 гг., Советско-финляндской войной 1939–1940 гг.

Нередко «военные» настроения имели «шапкозакидательный» характер – считалось, что СССР «нанесет своим врагам такое поражение, которое затмит все, что знает до сих пор история»¹¹⁸, «вдребезги разобьет всех, кто осмелится посягнуть на его свободу, разгромит своих врагов на их же территории»¹¹⁹. В качестве распространителя таких настроений можно упомянуть фильм «Если завтра война», полный пафоса и укреплявший миф о войне «малой кровью, на чужой территории». Материалы пропаганды рассказывали о том, что во время боев в районе озера Хасан «400 японских солдат бежали от горсточки советских пограничников»¹²⁰, прославляли «исторические подвиги Красной Армии при освобождении народов Западной Украины и Западной Белоруссии от польских панов и финского народа от белофинской банды»¹²¹. «Советский патриотизм» и дружба народов подавались как залог победы в будущей войне¹²².

В стране воспитывался изоляционизм, культивировалась уверенность, что СССР живет в условиях «враждебного окружения», которое «пытается вредить и пакостить... всяческими способами»¹²³. Победа коммунизма предполагалась возможной только при уничтожении этого окружения¹²⁴. Усилению изоляционизма способствовало исключение Советского Союза из Лиги наций 14 декабря 1939 г. (под предлогом развязанной СССР войны с Финляндией). На совещании по вопросам политической агитации в январе 1941 г. было объявлено: «Мы не можем сказать, кто выиграет... Германия или Англия, а мы должны укреплять оборонную мощь нашей страны»¹²⁵.

В рамках усиления изоляционизма в СССР была развернута борьба с «низкопоклонством». Так, на страницах «Правды» был подвергнут шельмованию математик Н.Н. Лузин за публикацию работ в иностранных изданиях. На XVIII съезде ВКП (б) понятие «низкопоклонник» применялось почти ко всем «врагам народа». В отчетном докладе И.В. Сталина «низкопоклонство» было осуждено как нетерпимое для советского человека чувство. Он отметил, что «троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей» пресмыкалась «перед заграни-

цей, проникнутая рабым чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей»¹²⁶. Необходимость борьбы с «низкопоклонством» в СССР усилилась после присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Многие советские военнослужащие, включая агитаторов и пропагандистов, были поражены зажиточностью населения и изобилием товаров в этих регионах, в результате чего смогли воочию убедиться в недостоверности навязывавшихся пропагандой стереотипов об «угнетательской политике» правительств Литвы, Латвии и Эстонии¹²⁷. С такими настроениями властям приходилось бороться.

В целом, несмотря на усиление в советской политике национального фактора, коммунистическая идеология в СССР, конечно же, не утратила своей силы. Утверждалось, что «граждане СССР... готовы отдать свою жизнь... за торжество коммунизма во всем мире»¹²⁸. «Пролетарский интернационализм» по-прежнему был в арсенале пропаганды как «неотъемлемое качество, боевое знамя советского патриотизма», в качестве одного из лозунгов провозгласившего, что народы СССР – «друзья всех народов»¹²⁹ Земли. Считалось, что «советский патриотизм воодушевляет сердца не только трудящихся нашей родины, но и трудящихся всего мира»¹³⁰. СССР по-прежнему рассматривался как «отечество международного пролетариата», имевшее союзников во всех странах мира, которые «до конца верны своему делу – оберегать Советский Союз от попыток интервенции его внешних врагов»¹³¹. Пропагандисты на местах стремились пронизать свою работу «духом боевого пролетарского интернационализма», «органически связать с перспективами мирового коммунистического движения»¹³². Такая же работа проводилась в Красной Армии¹³³, сила которой, как утверждала пропаганда, состояла в том, что «она с первого же дня своего рождения воспитывается в духе интернационализма, в духе единства интересов рабочих всех стран»¹³⁴. Однако такие заявления были направлены, в основном, на формирование просоветских настроений в других странах мира на случай войны, а также на будущее более гладкое вхождение в состав СССР новых территорий и народов. На деле «классовая солидарность» с

пролетариатом других стран постепенно отходила на второй план. В массы внедрялась установка, что «где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов своей Родины»¹³⁵.

К маю 1941 г. советское руководство, дав пропаганде указание расширить публикацию материалов «на тему о советском патриотизме»¹³⁶, склонилось к усилению в этой идеологической доктрине национального фактора. И.В. Сталин сказал Г. Димитрову: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм»¹³⁷. В том же месяце была опубликована написанная в 1934 г. работа И.В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в которой глава Советского государства обрушился на «классика марксизма» с жесткой критикой его русофобских высказываний¹³⁸.

Однако комплекс мер в рамках нового курса до начала войны реализовать полностью не удалось. В докладной записке ГУПП РККА на имя секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданова, датированной январем 1941 г., указывалось на наличие в массах вредного предрассудка, «что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить Советскую власть»¹³⁹. Советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычлняя рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отделяя их от «господ-эксплуататоров»¹⁴⁰. Из уст советских воинов звучали, в частности, такие заявления: «Я не могу воевать. Как я буду колоть хотя бы немца, когда он такой же рабочий, как и я» (красноармеец 34-й танковой бригады Московского военного округа Орехов)¹⁴¹.

Настроения, основанные на «пролетарском интернационализме», были следствием культивировавшейся ранее идеологии «классовой солидарности» и «шапкозакидательства». Они были губительны, ведь к этому времени руководство страны

осознавало как призрачность расчетов на «Мировую революцию»¹⁴², так и изменившееся в негативную сторону восприятие СССР в мире после участия в разделе Польши в 1939 г., Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и неоднозначно «добровольного» присоединения Прибалтики в 1940 г. Как сказал плененный во время Великой Отечественной войны финский офицер, «если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной армии, они бы все перешли на вашу сторону», однако после Советско-финляндской войны их настроения изменились диаметрально¹⁴³.

Власти пытались исправить ситуацию – в январе 1941 г. в подразделения Красной Армии поступила директива «поднять качество всей партийно-политической и воспитательной работы»¹⁴⁴ – в том числе, в плане внедрения доктрины «советского патриотизма» и более умеренного использования доктрины «пролетарского интернационализма». Некоторое ослабление «коммунистической составляющей» в структуре армии можно усмотреть в упразднении института политических комиссаров, которые являлись «представителями партии и правительства в части»¹⁴⁵. С.К. Тимошенко, нарком обороны СССР, будучи сторонником единоначалия в армии, смог убедить И.В. Сталина отменить институт военных комиссаров¹⁴⁶. 12 августа 1940 г. Верховный Совет СССР принял соответствующий Указ. Приказ наркома обороны «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте» гласил, что «институт комиссаров уже выполнил свои основные задачи... командные кадры Красной Армии и Военно-Морского Флота за последние годы серьезно окрепли», поэтому было признано необходимым «осуществление в частях и соединениях полного единоначалия и дальнейшее повышение авторитета командира – единовластного руководителя войск, несущего полную ответственность также и за политическую работу»¹⁴⁷. Эта мера встретила определенное понимание в армии. В августе 1940 г. три бывших военных комиссара написали письмо в ЦК ВКП (б), в котором выразили одобрение решения об упразднении института комиссаров: «Наши командиры это лучшие сы-

ны нашей страны, преданные делу партии... люди, и не требуют над собой контроля в лице комиссаров»¹⁴⁸.

Таким образом, советская национальная политика в предвоенный период характеризовалась сопряжением нескольких векторов: усиление русского национального фактора, формирование концепции «советского патриотизма», пропаганда «дружбы народов СССР» при одновременном ослаблении доктрины «пролетарского интернационализма».

Усиление русского национального фактора выразилось в придании русскому народу статуса «первого среди равных», введении обязательного изучения русского языка, реабилитации лучших страниц дореволюционной истории России и русского народа. Возврат к традициям великодержавия был оценен современниками даже как то, что «Сталин занял место Романовых»¹⁴⁹. Однако придание приоритета русскому национальному фактору не означало, что советское государство стало «национальным». Возвеличение русского народа служило укреплению положения власти, которая осознала, что коммунистическая идеология в чистом виде не может быть фундаментом жизнедеятельности СССР в условиях отказа от «Мировой революции». Русский национальный фактор был выбран в качестве «цемента» для объединения всех народов Советского Союза. Поэтому «русская» идентичность не выпячивалась, а размывалась среди «советской», став достоянием всех народов СССР. Фактически, «советское» стало означать «русское», что напоминало дореволюционную практику смешения «российского» и «русского».

Идеология «советского патриотизма», которая была увязана в национальной политике с русским национальным фактором, имела своей целью унификацию гражданственности всех народов СССР, создание морально-политической общности всех народов, которых на протяжении веков объединил русский народ.

В стране, в целом, повысилась значимость национального фактора. Произошло разделение наций на «свои» и «чужие». Представители народов, признанных «нелояльными», подверглись дискриминации и репрессиям по национальному признаку.

Важным в советской национальной политике был «германский фактор». Германия рассматривалась как основной, вековечный враг, а граждане СССР немецкого происхождения не пользовались доверием. Свертывание антигерманской пропаганды после подписания Пакта о ненападении было лишь политическим ходом советского руководства, которое пыталось перенаправить агрессию нацистов на Великобританию, Францию и другие державы.

В целом, перемены в советской национальной политике в 1938–1941 гг. доказали невозможность существования государства без учета национального фактора. В этот период был создан определенный базис для моральной подготовки советского народа к войне на основе национально-патриотического фактора. Однако в целом национальная политика в предвоенный период носила половинчатый характер из-за сохранения в ней концепции «пролетарского интернационализма», роль которой, однако, была уменьшена. Советские власти стремились решить сразу несколько задач – и перестроить государственную идеологию на национальных основах (для укрепления страны изнутри), и сохранить международный имидж СССР как «отечества мирового пролетариата» (это должно было помочь в будущих войнах). Такой дуализм в политике в определенной мере дезориентировал советских граждан.

¹ *Равин С.М.* Первая среди равных. Л., 1938. С. 35.

² За Родину! // Правда. 1934. 9 июня.

³ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 619.

⁴ РСФСР // Правда. 1938. 14 февр. С. 1.

⁵ БСЭ. Т. 7. М., 1938. Стб. 364; МСЭ. Т. 7. М., 1938. Стб. 364.

⁶ См.: Правда. 1938. 16 июня. С. 3.

⁷ См.: Там же. 1938. 9 апр. С. 4.

⁸ XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 74.

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25871. Оп. 2. Д. 388. Л. 221 (Тезисы к отчетному докладу о работе партбюро 8 ИАП за 1940 г.).

¹⁰ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 396.

¹¹ См.: Правда. 1939. 4 апр.

¹² *Булгакова Е.С.* Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 250.

- ¹³ См.: Правда. 1938. 1 авг. С. 6.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 38324. Оп. 1. Д. 67. Л. 121а (Докладная записка «Об итогах осенней 1940 г. инспекторской проверки политической подготовки красноармейцев и младших командиров»).
- ¹⁵ См.: Правда. 1938. 29 нояб. С. 6.
- ¹⁶ Историк-марксист. 1939. Т. 4. С. 203.
- ¹⁷ *Тарле Е.* «История XIX века»: (Предисловие редактора к новому изданию «Истории XIX века» Лависса и Рамбо, выпускаемому в ближайшее время в свет) // Большевик. 1938. № 14. С. 40.
- ¹⁸ Анохин П. Жемчужина русской физиологии // Правда. 1938. 26 сент. С. 4.
- ¹⁹ *Волин Б.* Великий русский народ // Большевик. 1938. № 9. С. 28.
- ²⁰ *Заславский Д.* Русская культура и Франция // Правда. 1938. 3 февр. С. 4.
- ²¹ См.: Правда. 1938. 28 марта. С. 4.
- ²² *Волин Б.* Великий русский народ. М., 1938. С. 18. Далее: *Волин*, 1938.
- ²³ Русский язык – достояние советских народов // Правда. 1938. 7 июля. С. 1.
- ²⁴ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М., 2009. С. 419.
- ²⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.
- ²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 1882. Л. 70 (Протокол заседания Калмыцкого обкома ВКП (б). 26 июля 1936 г.).
- ²⁷ Там же. Оп. 22. Д. 3647. Л. 93 (Докладная записка).
- ²⁸ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 390, 618.
- ²⁹ Алфавит калмыцкого языка на русской основе. Элиста, 1938. С. 11, 20.
- ³⁰ *Мартынова С.С.* Опера-фарс А.П. Бородин «Богатыри»: проблемы текстологии: дис. ... канд. искусствовед. М., 2002. С. 127.
- ³¹ *Максименков Л.В.* Сумбур вместо музыки: сталинская культурная революция, 1936–1939. М., 1997. С. 221.
- ³² *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 24–25.
- ³³ *Равин С.М.* Указ. соч. С. 19.
- ³⁴ См.: Правда. 1938. 20 марта. С. 4.
- ³⁵ Русский язык – достояние советских народов // Правда. 1938. 7 июля. С. 1.
- ³⁶ *Хрущев Н.С.* Доклад на XIV съезде КП (б) Украины // Там же. 16 июня. С. 3.
- ³⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898–1954. 7-е изд. Ч. 2. М., 1953. С. 861.
- ³⁸ Научный архив Института российской истории (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 4 (Отчет о выполнении производственного плана Института истории АН СССР за 1938 г.).
- ³⁹ Там же. Д. 37. Л. 4 (Издательский план Института истории АН СССР на 1939 г.).

- ⁴⁰ *Панкратова А.* Сталин и историческая наука // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 4.
- ⁴¹ *Потанов К.* Большие изъяны Малой энциклопедии // Правда. 1938. 7 июля. С. 4.
- ⁴² *Каммари М.* О пролетарском интернационализме и советском патриотизме // Большевик. 1940. № 15–16. С. 34.
- ⁴³ *Фукс А.Н.* Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2010. С. 437.
- ⁴⁴ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 345.
- ⁴⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.
- ⁴⁶ *Вдовин А.И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 121–122.
- ⁴⁷ *Фиронов Н.* Советский патриотизм // Тихоокеанская звезда. 1939. 5 авг. С. 2.
- ⁴⁸ *Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании: доклад на собрании партийного актива г. Москвы 2 октября 1940 г. // Правда. 1940. 30 окт.
- ⁴⁹ См.: Правда. 1938. 10 апр. С. 1.
- ⁵⁰ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 627, 630.
- ⁵¹ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 545–547, 563, 570, 622.
- ⁵² *Волин Б.* Великий русский народ // Большевик. 1938. № 9. С. 27.
- ⁵³ См.: Правда. 1938. 17 марта. С. 3.
- ⁵⁴ См.: Там же. 10 апр. С. 1; Там же. 5 нояб. С. 1, 3.
- ⁵⁵ См.: Там же. 17 марта. С. 2.
- ⁵⁶ *Виноградов Ф.* Патриоты // Правда. 1938. 1 февр. С. 4.
- ⁵⁷ *Молотов В.М.* 22-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад // Под знаменем марксизма. 1939. № 10. С. 12.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1162. Л. 69 (План работы Калмыцкого обкома ВКП(б) по подготовке 22-й годовщины РККА. 8 января 1940 г.).
- ⁵⁹ *Литвин С.* Воспитание юных патриотов // Правда. 1938. 3 сент. С. 3.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 6. Л. 1 (Докладная записка).
- ⁶¹ *Дукельский С.* Задачи советской кинематографии // Правда. 1938. 25 марта. С. 3.
- ⁶² *Моров Ал.* Патриотический фильм // Там же. 8 февр. С. 4.
- ⁶³ *Ярославский Ем.* Невыполненные задачи исторического фронта // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 5–7.
- ⁶⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 1, 4 (Издательский план Института истории АН СССР на 1939 г.).
- ⁶⁵ Там же. Д. 136. Л. 23 (План работ Института истории АН СССР на 1941 г.).
- ⁶⁶ См.: Правда. 1938. 14 янв. С. 2.
- ⁶⁷ *Равин С.М.* Указ. соч. С. 3.

- ⁶⁸ См.: Правда. 1938. 15 марта. С. 2.
- ⁶⁹ Хрущев Н.С. Речь на 4 киевской областной партийной конференции // Правда. 1938. 9 июня. С. 2.
- ⁷⁰ См.: Там же. 26 апр. С. 1.
- ⁷¹ См.: Там же. 9 июня. С. 3.
- ⁷² Корнейчук А. Братский союз народов СССР // Правда. 1938. 5 дек. С. 2.
- ⁷³ Трайнин И. Братское содружество народов СССР. М., 1938. С. 107.
- ⁷⁴ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 618.
- ⁷⁵ Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939. С. 55, 57, 95.
- ⁷⁶ Нация и народность: (консультация) // Большевик. 1940. № 13. С. 60.
- ⁷⁷ Левин И. Верховный Совет СССР и ленинско-сталинская национальная политика // Советское государство. 1938. № 2. С. 109.
- ⁷⁸ Мартин Т. Указ. соч. С. 614.
- ⁷⁹ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД, 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 36.
- ⁸⁰ См.: Правда. 1938. 12 окт. С. 2.
- ⁸¹ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 314–315.
- ⁸² Кроме учебных заведений в АССР Немцев Поволжья.
- ⁸³ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 395.
- ⁸⁴ КПСС о вооруженных силах СССР: документы, 1917–1968. М., 1969. С. 353.
- ⁸⁵ Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 790–791.
- ⁸⁶ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 396.
- ⁸⁷ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ. соч. С. 35, 37.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1885. Л. 111 (Материалы Калмыцкого обкома ВКП(б)).
- ⁸⁹ Там же. Оп. 122. Д. 2. Л. 24–28 (Приложение № 1 к протоколу № 26 заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 16 сентября 1940 г.).
- ⁹⁰ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 319.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 132. Л. 39–40 (Приложение № 1 к протоколу № 26 заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 16 сентября 1940 г.).
- ⁹² Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. М., 2006. С. 77.
- ⁹³ См.: Правда. 1939. 1 сент.
- ⁹⁴ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁵ Taylor R. Film Propaganda: Soviet Russia and Nazi Germany. London; New York, 1979. P. 128.
- ⁹⁶ Невежин В. Реакция советского общества на Пакт Риббентропа–Молотова и трансформация образа нацистской Германии в СССР (1939–1941 гг.) // Россия и Германия в XX веке. Т. 2. М., 2010. С. 859–860.

- ⁹⁷ Кантор Ю.З. Заклятая дружба: секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 231.
- ⁹⁸ Там же. С. 221, 231.
- ⁹⁹ Сталин И. Речь на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 февраля 1939 г. // Война, 1939–1945: два подхода. Ч. 1. М., 1995. С. 136–137.
- ¹⁰⁰ Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». 2-е изд. М., 2005. С. 339.
- ¹⁰¹ Невежин В.А. Польша в советской пропаганде. 1939–1941 // Россия и внешний мир. Диалог культур. М., 1997. С. 69–70.
- ¹⁰² Его же. Реакция советского общества ... С. 850–852, 854.
- ¹⁰³ Токарев В.А. Советский культурный ландшафт в тени Пакта Молотова–Риббентропа (1939–1941) // Российская история. 2010. № 5. С. 65–66.
- ¹⁰⁴ РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 483. Л. 130, 156, 164 (Донесения ВВ НКВД. 5 марта, 4 апреля, 4 мая 1941 г.).
- ¹⁰⁵ Голубев А.В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. 2008. № 5. С. 120.
- ¹⁰⁶ Скрытая правда войны, 1941 год: неизвестные документы. М., 1992. С. 50.
- ¹⁰⁷ Невежин В. «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007. С. 258.
- ¹⁰⁸ Скрытая правда войны... С. 150.
- ¹⁰⁹ Невежин В. «Если завтра в поход...». С. 265, 315.
- ¹¹⁰ См.: Его же. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2. С. 54–69.
- ¹¹¹ Баскин М. Два рода войн // Правда. 1938. 12 окт. С. 2.
- ¹¹² См.: Тихоокеанская звезда. 1939. 5 авг. С. 2.
- ¹¹³ См.: Шпанов Н. Первый удар: повесть о будущей войне. М., 1939.
- ¹¹⁴ Вишневский Вс. Книга о будущей войне // Большевик. 1939. № 11–12. С. 123.
- ¹¹⁵ Лаврентьев С. «Суворов»: на взгляд солдата // Искусство кино. 1990. № 5. С. 10.
- ¹¹⁶ Сталин И.В. Письмо тов. Иванова и ответ тов. Сталина, 12 февраля 1938 г. // Советское государство. 1938. № 1. С. 4.
- ¹¹⁷ См.: Правда. 1938. 6 июля. С. 1.
- ¹¹⁸ Кружков Н. «Книга о героизме русского народа» // Правда. 1938. 13 июля. С. 4.
- ¹¹⁹ Его же. Крах германской интервенции на Украине // Там же. 17 нояб. С. 2.
- ¹²⁰ См.: Правда. 1938. 30 авг. С. 4.
- ¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1162. Л. 68–69 (План работы Калмыцкого обкома ВКП (б) по подготовке 22-й годовщины РККА. 8 января 1940 г.); РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 390. Л. 6 (Приказ «Всем начальникам политотделов». 28 января 1940 г.).
- ¹²² Кружков Н. Крах германской интервенции на Украине // Правда. 1938. 17 нояб. С. 2.

- ¹²³ Лекция на тему «Церковь и государство в СССР» // Антиралигиозник. 1939. № 6. С. 41.
- ¹²⁴ О построении коммунизма в одной стране: (консультация) // Большевик. 1938. № 20. С. 62.
- ¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 16. Л. 6 (Материалы Совещания по вопросам политической агитации).
- ¹²⁶ XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. С. 26.
- ¹²⁷ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 100, 108.
- ¹²⁸ *Волин*, 1938. С. 48.
- ¹²⁹ См.: Правда. 1938. 10 апр. С. 1; Там же. 6 июля. С. 1.
- ¹³⁰ *Косарев А.* Интернационализм и советский патриотизм // Правда. 1938. 6 сент. С. 2.
- ¹³¹ Советский патриотизм и интернационализм // Там же. 5 нояб. С. 1.
- ¹³² *Матюхин П.* Интернациональное воспитание рабочих в цехе // Там же. 29 авг. С. 2.
- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 6. Л. 2 (Докладная записка).
- ¹³⁴ См.: Правда. 1938. 23 февр. С. 1.
- ¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 3 (Докладная записка ГУПП РККА).
- ¹³⁶ Там же. Л. 34.
- ¹³⁷ *Марьина В.В.* Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 42.
- ¹³⁸ См.: *Сталин И.В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3–5.
- ¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 2 (Докладная записка ГУПП РККА).
- ¹⁴⁰ *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁴¹ *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. М., 2004. С. 451.
- ¹⁴² *Невежин В.* «Если завтра в поход...». С. 313.
- ¹⁴³ От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: сб. ст. СПб., 2006. С. 180.
- ¹⁴⁴ РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 388. Л. 334 (План работы Отдела политпропаганды на январь 1941 г.).
- ¹⁴⁵ Боевые комиссары Красной Армии // Правда. 1938. 13 окт. С. 1.
- ¹⁴⁶ *Печенкин А.А.* Была ли возможность наступать? // Другая война. М., 1996. С. 190–191.
- ¹⁴⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 30. Л. 739 (Приказ наркома обороны).
- ¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 26. Л. 20–21 (Письмо 3-х бывших военных комиссаров в ЦК ВКП(б). Август 1940 г.).
- ¹⁴⁹ Журнал «Прометей» (на фр. яз.). № 124. Март 1937 г. // РГВА. Ф. 500 к. Оп. 3. Д. 242. Л. 311.

*Слободянюк Н.А.
(Киев)*

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ПОДПОЛЬЯ (1941–1943)

1. Евреи в киевском подполье

В начале Великой Отечественной войны многие жители Украины считали, что защита советской власти – это дело коммунистов и евреев, а простых людей это не касается, так как не соответствует их интересам. Лучше всего подобное отношение демонстрируют высказывания простых киевлян, многие из которых попали в архивы советских спецслужб благодаря доносам информаторов. Проживавшая по ул. Юрковской Евгения Артемьевна Голышевская оценила угрозу захвата Киева германской армией следующим образом: «Мое мнение, что русским и украинцам уезжать из Киева не следует, так как вместе с немцами придут украинцы и будет Гетман... До сих пор русские и евреи не давали жить украинцам, захватив себе все лучшее»¹. Подобные настроения выразила и киевлянка С.Ф. Зеленская: «Немцы – культурный народ и бояться их надо только евреям и коммунистам, а остальным нужно спокойно ждать»². Весьма показательными стали слова связной запасного подпольного горкома «Матрены». После вступления в Киев немцев она категорически отказалась работать в подполье, заявив, что это «жидовская лавочка», которая занимается дурью³. Следует отметить, что подобные настроения были присущи не только Украине и Киеву. Современный российский исследователь А. Посадский приводит несколько примеров антисоветских и антиеврейских настроений в неоккупированной российской глубинке осенью 1941 г.⁴

С приходом немцев и при их подстрекательстве такие настроения выплеснулись на киевские улицы. По свидетельству секретаря Петровского подпольного райкома И. Скляренко это происходило так: «Я сам был очевидцем такого факта: идет по

улице еврей и сразу, конечно, не видно, что это еврей, но кто-то его узнает и кричит “жид”, за ним бегут, догоняют, начинают избивать. Так было вначале, а сейчас многие поняли, что мы еще сильны. Тогда спешили выслужиться перед новой властью. Или другой факт: я ехал рано утром на Куреневку вместе с рабочими, стоит русская женщина и вдруг заявляет – вон пошел жид. Полицейский сразу выскочил, догнал, схватил за шиворот, женщина подбежала, закричала – он, он, его полицейский ударил по затылку и повел в полицию. Немцы, конечно, долго бы искали этого еврея, и может быть не нашли бы, так наши помогли. Многие, конечно, на этом нажились – разбарахолили имущество евреев и коммунистов»⁵.

Несмотря на подогреваемые немцами антисемитские настроения, многие киевляне, рискуя собственной жизнью, помогали евреям избежать расстрела, прятали их в своих жилищах, помогали достать фальшивые документы, принимали еврейских детей в свои семьи. По информации связного ЦК КП(б)У А. Левченко, неизвестная украинка прятала у себя евреев: «Как раз это ни в какой мере нельзя отнести к той женщине управдому, которая мне помогла прописаться, устроиться с жильем и работой. Мне еще Борис Платонович говорил, что опасаться этой женщины не следует, так как она вполне наш человек. Он мне рассказал, что она скрывает одну еврейскую семью не то у себя, не то где то на квартире. По национальности она украинка»⁶.

По Киеву ходили слухи, что немцы поначалу хотели устроить для киевских евреев гетто на Куреневке. Однако, согласно этим слухам, после взрывов на Крещатике, в которых немцы обвиняли и евреев, ими было принято решение о полном и немедленном уничтожении всего еврейского населения не только Киева, но и других недавно оккупированных районов Украины⁷.

После Бабьего Яра посчастливилось выжить Семену Григорьевичу Сатановскому: «Очутившись в окружении 22 сентября 1941 г. я попал в плен и был направлен в лагерь в гор. Борисполь. Там я пробыл три дня, откуда бежал в гор. Киев. Находясь в гор. Киеве без всяких документов и средств к существованию, я скитался дня 3–4 по всевозможным закоулкам. После всех этих страданий меня схватили и

погнали в Бабий Яр. Это происходило 29 сентября 1941 года. Когда меня подвели к яме, где расстреливали евреев, я начал говорить, что я украинец и попал по ошибке, что я подносил евреям вещи, и меня немцы вместе с евреями привезли сюда. Мне поверили и отвели в сторону. Через некоторое время приехал немец, доктор Босс, которому я также все это рассказал, он мне также поверил на слово и забрал меня с собой и... устроил на работу при школе, куда свозили еврейские вещи для раздачи их фольксдойчам. Вначале я работал там рабочим, а после бригадиром, там же я достал себе документы на имя Ткаченко Семена Павловича, на работу старался устраивать украинцев, вещи старался в большинстве случаев раздавать украинцам и пленным. В октябре месяце 1941 г. стал жить с тов. Пеленчук Марией Александровной...»⁸. Впоследствии Сатановский стал участником подпольной группы В.П. Назаренко.

Несколько примеров помощи киевским евреям со стороны украинского населения, и даже полицаев, приводит А. Прусин⁹. В последние годы получили известность факты спасения евреев настоятелем Покровской православной церкви на Подоле Алексеем Александровичем Глаголевым, его женой Татьяной Павловной и их детьми-подростками Магдалиной и Николаем. В октябре 1941 г. свояченица А. Глаголева Мария Егорычева попросила семью священника помочь своей невестке, еврейке Изабелле Миркиной укрыться от нацистов. Татьяна Глаголева отдала Миркиной свой паспорт. Благодаря этому Миркина смогла покинуть Киев и какое-то время прожить в селе. Однако в конце ноября Миркина, чувствуя опасность, вернулась в Киев. Глаголевы поселили Изабеллу и ее двухлетнюю дочь у себя как своих родственников. До самого освобождения Киева Красной Армией Миркины жили в церковной усадьбе по адресу ул. Покровская 7. Кроме этого, отец Алексей оформил церковные метрические записи на жену Дмитрия Пасечного Полину и его тещу Евгению Шевелеву. Много усилий, правда неудачных, приложили Глаголевы для спасения крещеных евреев Николая и Людмилы Гермайзе и их сына Юрия. 12 сентября 1991 г. Алексей, Татьяна и Магдалина Глаголевы, а 8 октября

2000 г. Николай Глаголев были удостоены звания Праведник народов мира¹⁰.

Курс нацистов на полное уничтожение евреев сделал их надежной социальной опорой советского Сопротивления. Членами киевского подполья также были евреи С. Пекер, С. Линько, В. Письменный, В. Либерман, О. Светличная, Т. Маркус, Л. Дисина, Л. Шрайбман-Гуменюк и др. Евреем по национальности был секретарь запасного подпольного горкома Киева С. Бруз. Бруз проявил себя как активный и непримиримый боец с врагом. При попытке его ареста гестаповцами, Бруз ранил в шею предателя И. Кучеренко, а затем застрелился¹¹.

В середине 1942 г. к борьбе с захватчиками присоединилась Ольга Моисеевна Светличная, в девичестве Голда Моисеевна Азрилевич. Ее муж Василий Светличный был военным летчиком, а Ольга осталась в Киеве с двумя малолетними детьми. Опасаясь доноса, Светличной пришлось выйти на улицу и назваться «погорелицей». Местные власти предоставили ей квартиру в доме, где на первом этаже жил голова Ярославской управы города, а по соседству – полицией. Чтобы прокормиться, Ольга начала печь пирожки, булочки и торговать ими на Евбазе (Еврейском базаре), на месте нынешней площади Победы. Там она познакомилась с Б. Петрушко и была вовлечена в подпольную организацию Железнодорожного района.

Чтобы скрыть ее еврейское происхождение, подпольщики сфабриковали Ольге документ за подписью священника и церковной печатью, в котором говорилось, что Светличная является православной и крестилась в такой-то церкви. Также для большей убедительности ей предложили «выкрестить» детей: дочку двух лет и сына четырех лет. Легальным занятием Светличной была выпечка и продажа коржиков и пирожков на Галицком базаре. Главным же ее заданием было содержание конспиративной квартиры¹².

Именно в квартире Светличной по ул. Короленко 84, кв. 11 с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. происходили все заседания Железнодорожного подпольного райкома. Член бюро этого райкома Г. Мироничев давал ей самые положительные характеристики: «Светличная, не щадя своей жизни и жизни своих

детей, вся отдавалась подпольной работе, делу партии Ленина-Сталина... даже в момент ареста поведение ее было патриотическое... Светличная постучала в дверь. Я открыл. Она обрадовалась и говорит: “Крепостей, которых бы большевики не взяли, нет”. Моими соседями были полицаи, и я ей сказал об этом. Но Светличная засмеялась и сказала, что ничего не будет. Я как-то несколько раз говорил ей о смерти. “Ну что ж, – говорила она, – если дети останутся живы, будут мстить за свою мать. Их воспитает Родина”. Светличная была наилучшая связная, это была наша героиня»¹³. Правда, такое поведение выглядит не столько как героизм, сколько как беспечность.

Героиня была арестована Абвером 29 октября 1943 г., подвергалась допросам и избиениям, а 5 ноября, накануне освобождения Киева советскими войсками, в числе нескольких арестованных подпольщиков была почему-то выпущена из-под стражи, в то время как другие подпольщики были расстреляны. Это вызвало подозрения у НКГБ УССР, и в «Справке по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР» отмечалось, что «в отношении Светличной собрано достаточно материалов о ее предательской деятельности. Вопрос стоит об аресте Светличной»¹⁴. Насколько известно, Светличная все-таки не была арестована, но «осадок остался».

Даже несмотря на позитивную статью об Ольге Светличной в газете «Известия», ходатайства в 60–70-е годы ее воспитателя в детском доме Иосифа Чверткина в Верховный Совет УССР о награждении Светличной орденом Отечественной войны ответа не получили. Уже в независимой Украине группа бывших партизан обратилась в Комиссию по делам бывших партизан при Верховной Раде Украины с ходатайством о награждении О. Светличной. В мае 1998 г. президент Украины Л. Кучма вручил Ольге Моисеевне орден Княгини Ольги¹⁵.

Бывший работник Киевского горсовета и еврей по национальности Соломон Пекер принимал участие в обороне Киева, попал в окружение и вернулся в Киев. Там он связался с подпольщиками Д. Лисовцом и П. Четвертяковым. Они стали регулярно слушать по радио сообщения Совинформбюро, печат-

тали листовки, подделывали различные оккупационные документы¹⁶. Кроме того, С. Пекер проводил устную агитационную работу среди киевлян. В этом деле он проявил недюжинную смекалку в маскировке и своеобразный юмор. С его слов, это происходило следующим образом:

«У меня была большая седая борода, как у Карла Маркса. До войны я не был седой, во время этих событий поседел. Волосы были длинные, как у попа, черные очки, посох. Носил свитку, как монахи носят, рваные сапоги были.

Брал Библию и по-маленечку с палочкой шел на базар. Усаживался возле какой-нибудь будки, где больше собирается народ. Сажусь, раскрываю Библию и начинаю читать... Мне не важно было что читать, мне важно было, чтобы видели, что я читаю Библию. Когда народ соберется, я начинаю читать молитвы: “Отче наш”, “Верую во единого Бога”, “Десять заповедей”. Читал и крестился.

Когда публика около меня соберется, я начинаю говорить: “Люди добрые, что делается на белом свете от того, что вы бросили верить в Бога. От Бога не убежите. Отцы и матери, от того, что даете врагу проливать нашу кровь, от того, что не жалуете ни бедных, ни несчастных, ни калек, от того, что даете на растерзание невинных людей, Бог будет гневаться все больше и больше. Пропадет тот человек, который прольет кровь невинных”.

Когда я читал, возле меня ходили наши люди. В случае опасности был установлен сигнал – кашлянуть. Когда я слышу кашель, я перестаю об этом говорить, начинаю что-нибудь другое. Когда вижу, что вокруг полицейских нет, я опять начинаю свои песни. “Близок час расплаты с теми, кто проливает человеческую кровь, близок час освобождения от тех людей, которые проливают нашу кровь...”.

Клади мне яички, хлеб, все что хотите. Я, бывало, приношу домой сотни две денег, яички, хлеб и прочее. Собирались в большинстве старики и женщины. Слышны были вздохи. Я крещусь, и они крестятся. Я видел, что сочувствие было большое. Особенно большой успех был в предпраздничные дни. На Пасху принес шестьдесят яиц домой. Я чувствовал себя удов-

летворенным, что я мог войти в массу и мог людям рассказать, что делается и в массе вызвать сочувствие...

...Был такой случай. Когда мы начали печатать листовки, я получил задание эти листовки раздать на базаре. Я пошел на еврейский базар, сел возле часовни вроде нищего, разбросал эти листовки вокруг себя и ушел. Поднялся ветер, эти листовочки по базару разлетелись. Публика поднимает...

Мы решили пойти в село и там проповедовать, что нужно. Я опять палочку в руки... Как только остановка, я начинаю читать Евангелие, всякие изречения. Тогда уже масса иначе относилась. Раскрывали рты, когда я говорил о советской власти... Тогда мои проповеди имели колоссальнейшую силу. Я рассказывал про советскую власть, про Москву. В последнее время наши победы были колоссальные. Все эти сводки прямо врезались в голову. Рассказывал про Харьков, про Курск».

«Три раза попался. Один раз я был неосторожен. Когда читал, упомянул советскую власть, что “единственная власть на которую Бог не гневается – это советская власть”... После этого подошел ко мне молодой человек лет двадцати пяти, одетый прилично. “Дедушка, идите сюда!” Вывел меня из толпы. “Покажите ваши документы?” – “Документы может проверить Бог, а не вы, вы гражданский человек. Вот мои документы”, – показываю на Библию.

- Вы из какого монастыря или вы просто коммунист?
- Единственный мой документ – это книжка Божия.
- Нет, ваши документы?

Начинаю копошиться. Вынимаю паспорт. В паспорте у меня было написано 1875 года рождения... Посмотрел. Паспорт у меня был вполне хороший. По паспорту я значился... Василий Константинович Иваненко.

- Еще какие документы?
- Метрика еще есть...

Показал. Умышленно вытащил бумагу, что я судился за антисемитизм. Когда я ему передавал метрику, из метрики эта бумага выпала. Он схватил эту бумагу. Читает: “Иваненко... Василий Константинович в таком-то году осужден Севасто-

польским военным судом на пять лет за агитацию против советской власти и за антисемитизм”.

– Вы судились?

– Судился. Наказывали безбожники, неверующие в Бога.

Нас святых судили.

– За что?

– За правду.

– А ну снимите очки. Пойдем в район.

– Пойдем, а бить не будете, а то вы бьете.

– Бить не будем.

Повел меня по Шулявской улице в полицию. Там был следователь, проверил мои документы. Отпустили. Таких было три случая. Один раз они меня сбросили с лестницы, но не били. К старикам относились более или менее снисходительно. Кроме того, я всегда носил при себе Библию, всегда старался, чтобы крестик выпал как бы нечаянно, всегда икона была у меня. Отделялся более или менее благополучно.

Когда он прочел эту записку, говорит: “Иди дедушка, раз жывид не любишь, иди домой”¹⁷.

Яркой участницей подполья была Татьяна Маркус. В отчете Киевского подпольного горкома КП(б)У о ней было сказано так: «Смелая, бесстрашная комсомолка... активная участница истребительно-подрывной организации, самолично уничтожила десятки немецких солдат и офицеров, предателей, путем удушения и отравления. Выполняла самые ответственные задания организации по подготовке диверсий...»¹⁸.

В конце сентября 1941 г. подпольный горком партии создал штаб диверсионно-подрывной деятельности. Возглавил его член подпольного горкома В. Кудряшов. В состав штаба вошли члены Железнодорожного райкома партии Г. Левицкий и И. Сикорский и Т. Маркус. В октябре 1941 г. в него были дополнительно введены коммунисты С. Пашенко, Ф. Ревуцкий и комсомолец А. Горобец. Одной из важных задач этого штаба было проведение террористических актов.

Участники террористической группы использовали Татьяну Маркус для завлечения жертв. Татьяна отличалась смелостью и рискованностью и лично умертвила трех гестаповцев.

В частности по приказу Ивана Пятницкого Т. Маркус во время свидания застрелила директора пивзавода и агента гестапо Мироновича. Один из руководителей киевского подполья Бронислава Петрушко рассказывала об этом эпизоде так: «Таня Маркус была очень красивой 19-летней девушкой. Хотя она и еврейка, но на еврейку не похожа. Мы дали ей задание познакомиться с ним во что бы то ни стало... Мы решили, что в то время, когда он придет с работы, Таня пройдет мимо его дома и заговорит с ним или что-нибудь попросит и таким образом познакомится... Через 5–10 минут после того, как он приехал домой, она пошла к нему, позвонила... и начала спрашивать другую фамилию. Он ответил, что такого здесь нет. Как же, сказала она, у меня ведь адрес, в общем поговорили, она начала ему глазки строить и они познакомились. Ну, в первый вечер ничего не вышло, а на второй она попала к нему в дом. Она была у него, кажется, два вечера, переночевала... Переночевав у него, она... опять пришла, любезничала, они целовались, обнимались, наконец она сказала: “Что ты все играть, да играть, я кушать хочу”... он ответил – сию минутку. Пошел во вторую комнату и начал готовить к столу. Она достала из сумочки пистолет, подошла к нему, он в это время резал хлеб, обняла его одной рукой, второй вынула пистолет, поднесла к нему и выстрелила прямо в висок»¹⁹.

После ряда успешных терактов, нацисты начали усиленные поиски Т. Маркус и ее товарищей по террористической группе. Оставаться в городе было для членов этой группы слишком опасным, и трое из них, Александр Фалько, Александр Горобец и Татьяна Маркус, попытались на лодке переплыть Днепр и уйти к партизанам на Черниговщину. Однако подпольщики попали в засаду, и в августе 1942 г. Маркус и Горобец были задержаны, а Фалько удалось скрыться. В гестаповских застенках Татьяну подвергали ужасным пыткам, но Маркус вела себя стойко, никого не выдала и была расстреляна. В 2006 г. Т. Маркус посмертно присвоено звание Героя Украины. Она стала единственной женщиной за годы независимости Украины, которая получила это звание за боевые заслуги²⁰.

2. Отношения с националистами

Как и большевики, националисты (в городе Киеве это были преимущественно не бандеровцы, а мельниковцы), проникали в оккупационные органы власти и другие учреждения. В начале оккупации членам ОУНа Мельника удалось сформировать городскую управу, полицию, создать в Киеве структуры Украинского Красного Креста и взять под свой контроль Союз писателей, газету «Українське Слово», многие культурно-образовательные, хозяйственные и экономические объекты города. По мнению Тараса Курыло, украинские националисты Киева объединились и проводили свою работу вокруг трех основных центров: городской управы, Автокефальной Православной Церкви и высших учебных заведений города²¹.

С одной стороны, мельниковцы демонстрировали лояльность к немцам, а с другой – проводили деятельность (в том числе нелегальную), направленную на создание украинского государства, что явно не входило в планы захватчиков. Обеспокоенные деятельностью ОУН Мельника, нацисты с декабря 1941 г. начали аресты и расстрелы украинских националистов. До марта 1942 г. легальные и подпольные структуры мельниковцев были практически разгромлены.

Обстоятельства военного времени затрудняли установление принадлежности тех или иных лиц к коллаборантам либо подпольщикам-оуновцам. Из документов видно, что большевики (иногда сознательно, иногда по неведению), сообщая о националистах, не проводили границы между украинскими националистами и украинскими полициями, которые носили на рукаве желто-голубую повязку, могли говорить по-украински, но были обычными коллаборационистами и не имели никакого отношения к националистическому подполью. Тем более, при контактах с оуновцами советские подпольщики не утруждали себя выяснением того, к какой фракции ОУН принадлежат эти люди: к ОУН Мельника или ОУН Бандеры.

Ниже приводится документ, в котором как раз трудно однозначно установить, о ком идет речь, о коллаборационистах или националистах, о бандеровцах или мельниковцах. Тем не

мене, этот документ помогает осознать атмосферу соперничества между просоветски и националистически настроенными группами населения: «Одновременно мною было доложено о тяжелейших невыносимых условиях и обстановки в Ружинском, Попельнянском и Вчорайшанском р-нах (Житомирская область. – *Н.С.*), так как эти районы являлись местом сосредоточения всего сброда украинских западноукраинских националистов (так в тексте. – *Н.С.*) после того, как они были разгромлены немецким гестапо. Работать нам в этих условиях было очень трудно и рискованно, так как все ответственные должности начиная с сельского и кончая районным руководством были заняты националистами. Эти националисты все средства борьбы повели против советского актива, тем более против членов партии, как факт в Верховне банда националистов... захватила спущенных советских парашютистов в Коробчине и сдали их немецкому Гестапо. Они же арестовали нашего подпольщика тов. Рыбак, сдали его в Гестапо... При обсуждении работы в этих районах я выразил свое мнение, что там можно держать только подпольные диверсионно-террористические группы, а людей завербованных в партизанские отряды вывозить из националистических районов в советские районы, как Макаров, Малин, Бородянка, Иванков и др. (преимущественно Киевская область. – *Н.С.*) Соображения мои были таковы, что если бы мы начали восстание, то надо было бы уничтожить всех националистов, а немецкая пропаганда использовала бы этот факт... что партизаны уничтожают украинское население. В одной Макаровке было около 250 семейств украинских националистов... По прибытии начальника санитарной части тов. Мулихина из разведки, я вместе с Дивониным имел встречу в Андрушках. Мулихин решил зайти по делу в с. Паволочь, где провокатор, голова колхозу “Маяк” с бандой националистов схватил Мулихина, сильно избили и в полумертвом состоянии положили на воз и доставили в Гестапо. Тов. Мулихин был расстрелян»²².

Несмотря на немецкие репрессии, с мая 1942 г. в отчетах немецкой полиции снова отмечается активизация националистов. В частности, отмечалось, что оуновцы проникают в орга-

ны местного самоуправления, церковные структуры, учебные заведения, редакции легальных периодических изданий и информационных служб, которые используют для своей агитации. Свои главные усилия они направляли на привлечение интеллигенции и молодежи. В немецких отчетах указывалось, что под заметным влиянием мельниковцев в Киеве находился педагогический институт, а также «Научный кружок», созданный якобы для научных исследований, а на самом деле занимавшийся националистической и антинацистской пропагандой. Причем главной темой антинацистской агитации становится призыв к уклонению от отправки рабочей силы в Германию.

Отношение советской власти и, соответственно, советского подполья к украинским националистам было однозначно негативным. Одной из задач, стоявших перед коммунистами-подпольщиками, был сбор информации о националистическом движении, составление списков националистов, а также их физическое уничтожение. Например, один из составленных киевскими подпольщиками списков членов Организации украинских националистов (ОУН) после освобождения Киева частями Красной Армии в ноябре 1943 г. был передан начальнику «Смерша» 63-й стрелковой дивизии подполковнику Кутяпкину. Согласно этого списка было арестовано около 30 подозреваемых в национализме²³. Именно как националиста террористическая группа подпольного горкома компартии 29 ноября 1941 г. убила киевского профессора Ревуцкого²⁴.

Идеологические битвы между большевиками и националистами проходили в гидромелиоративном институте. В отчете о подпольной работе Сталинского райкома партии и в показаниях участника событий А. Подвласова это столкновение описывается так: «В то время в Гидромелиоративном институте распространилось националистическое влияние студентов, приехавших из Западной Украины. Во главе со студентом первого курса Омельчуком, эта группа пыталась завоевать студенческую молодежь, призывая ее бороться за создание украинской националистической власти. Их девиз был – “Против немцев и против советов, за свободную и независимую Украину”. Группа комсомольцев под руководством Подвласова и Кожемяки

(из восьми человек. — *Н.С.*) организовала борьбу против националистов-западников, разъясняя молодежи вредность националистических взглядов...²⁵

Некоторое количество студентов... поддавалось на эту удочку и участвовало в их вечеринках. Мы не замедлили послать туда людей, чтобы знать, чем же они привлекают массы. Когда наши люди побывали там, мы увидели, что борьба с ними будет нелегкая, но и не тяжелая. Серьезные студенты только лишь прислушивались к ним, но за ними не пошли, на их вечера не ходили. Ходили туда девушки, искательницы легких приключений... Вечеринки они устраивали на частных квартирах, с танцами, выпивкой, легкой закуской изысканного вида, и под шумок велись разговоры, как было бы хорошо, если бы не было немцев, а свои “украинские власти”... Начали делать так: прежде всего стали разъяснять в частных разговорах с группами студентов, что... эти западные украинцы мало чем отличаются от немцев, что если бы не было немецкого фашизма, так был бы украинский фашизм, который бы также расстрелял всех украинцев, и не пожалел бы и украинцев советской ориентировки. Пришлось раздобыть из библиотеки института... книгу товарища Сталина: “Марксизм и национальный вопрос”, там есть статья о скрипниковщине... Идейная подготовка в этом отношении у нас была очень слабая, мы не знали деловой сути украинского национализма...

Не замедлил представиться случай, который мы использовали, чтобы дать им генеральный бой... 1-го января 1943 года. Группа студентов выразила такую мысль, что не плохо было бы потанцевать, устроить что-то вроде елки... мы решили, что в особых целях этот вечер нам пригодится. Роли были распределены точно; кто, где садился в зале, чтобы наша прослойка была везде... Стычка произошла в таких условиях, что о ней трудно даже рассказать. Танцевали. В одном углу украинская группа затянула гимн “Ще не вмерла Україна”. Тогда один комсомолец подходит к пианино и начинает играть фокстрот “Му-му”, и все пошли танцевать. Таким образом, сорвалась их попытка взять гимном торжественную тишину... Тогда один из этой группы подбегает к играющему и захлопывает крышку

пианино по его рукам. Со словами: “Тут московські пісні нічого грати – більшовицькі наймити”. В это время раздается звонкий девичий голос: “Кто из нас наймиты и чьи еще неизвестно”. Я до сих пор не знаю, кто это сказал. Водворилась мертвая тишина... Чувствовалось, что вот-вот он ударит того, что играл. Тогда я подошел к ним и сказал: давайте выйдем в коридор и поговорим спокойно... Они вышли и я вышел. Я оказался припертым к перилам. Я не боялся, что они меня ударят, но ощущение было неприятное. Я говорю: что ты хочешь. Они говорят: “Чтобы здесь не было большевистской агитации”. Я говорю: “Разве корова это большевистская агитация”. “Почему же вы не пели наш гимн». Я говорю, что мы его никогда не слыхали, хоть я украинец и люблю свою родину. “Какой же ты украинец, если ты был под большевиками”. Тогда я ответил: “Кто же украинцы – большинство ли, которые жили здесь или кучка, которая жила в лесах [в] западных областях”... Они не выдержали, махнули рукой и пошли. Я вошел в зал. Одна группа пела “Москва майская”, на пианино играли “му-му”... После этого вечера почувствовалось отчуждение этой группы студентов. Если до сих пор они были “хорошими и милыми со всеми”, то теперь даже стул девушке не уступали, если она не их круга»²⁶.

Несмотря на крайнюю взаимную враждебность, реалии “нового порядка”, тяжелые условия существования как советского, так и националистического подполья вносили в эти отношения некоторые коррективы, заставляя и тех, и других проявлять гибкость, мирно сосуществовать и в отдельных случаях даже сотрудничать друг с другом. Донесения двух советских подпольщиц-связных упоминают о связях коммунистов и националистов: «Гейко до мозга костей националист. Там их целая группа, с которой мы также немножко связались»²⁷. «Когда только немцы вошли в Киев, то появилось много украинских националистов, которые мечтали о “самостийной” Украине. Немцы их разгромили, большинство этих самостийников были расстреляны. Сейчас многие из них присоединяются к нашим и готовы даже идти в партизаны»²⁸.

НКГБ УССР после войны установило, что членом подпольной партийной группы системы Подольского райжилуправления был начальник отдела горжилуправления Матяшевич, который являлся «активным националистом». В связях с неким «Киевским националистическим центром» обвинялся член КП(б)У, бывший чекист, организатор и руководитель подпольной группы на заводе имени Дзержинского Борис Загорный²⁹. Судя по его показаниям, и другие члены разветвленной советской подпольной организации «Смерть немецким оккупантам», включая ее руководителя Г.С. Кочубея, имели контакты с националистами³⁰. Нельзя также исключать, что и в оуновское подполье проникали просоветски настроенные элементы.

Руководитель диверсионной группы НКВД И. Кудря случайно встретил в Киеве выходца из Западной Украины некоего Степана (фамилия неизвестна), который до войны был арестован как украинский националист, а следствие по его делу вел Кудря. Теперь этот человек работал переводчиком у шефа полевого гестапо. Степан узнал Кудрю, понял, что он находится в тылу немцев неспроста, и мог его выдать. Однако Степан сказал: «я Вас могу сейчас выдать, но я этого не сделаю... У немцев я работаю, но не на пользу их, а на пользу нашего дела». Трудно сказать, по идейным соображениям или по другим мотивам, но Степан не только не выдал Кудрю, но и предоставлял ему важную секретную информацию³¹.

Водораздел между двумя идеологическими антагонистами иногда пролегал прямо через семьи. Так, Петр Ионович Перевертун, уроженец Киевской области, был членом партии и помощником начальника оперативного отдела штаба 10-й танковой дивизии. После немецкого плена вернулся в Киев и стал участником советского подполья. По направлению Г. Голеца ушел в партизаны, был назначен командиром Киевского, а затем Ленинского партизанского отряда. А вот его брат Григорий Перевертун, беспартийный, до войны работал бухгалтером столовой на заводе «Ленинская кузница», принадлежал к ОУН Мельника. При немцах он стал председателем оргбюро Вукоопспилки (Всеукраинской кооперативной спилки – легальной

кооперативной организации при немцах) в Киеве. Эта организация стала одним из центров деятельности мельниковцев.

Кроме того, Григорий приютил брата в своей квартире, выделив ему отдельную комнату, куда часто приходили участники большевистского подполья. То есть, фактически, квартира украинского националиста стала явочной квартирой большевистского подполья. Григорий несколько раз помогал советским подпольщикам необходимыми продуктами и документами, позволял брату и его соратникам слушать советские радиостанции на своем приемнике. 2 марта 1943 г. Григорий Перевертун был арестован нацистами и вскоре расстрелян. Его брат Петр скрывался на разных квартирах в Киеве, а затем ушел к партизанам. По мнению Петра, он был повинен в гибели брата Григория, так как гестапо вышло на их квартиру из-за его деятельности в советском подполье. После возвращения советской власти Петр Перевертун вынужден был отчитаться не только о своей деятельности во время оккупации, но и давать показания о своем брате³².

Заключение

Таким образом, национальные отношения оказывали заметное влияние на деятельность подпольщиков. В борьбе за влияние на местное население советское подполье вступило в идеологическое, а иногда и вооруженное, противостояние с Организацией украинских националистов. Однако экстремальные условия оккупации, немецкие репрессии принуждали коммунистов и националистов идти на определенные формы взаимодействия.

Подводя итоги, следует отметить, что вследствие трагедии Бабьего Яра количество советских подпольщиков еврейской национальности было невелико. Вместе с тем, в борьбе с фашистами они продемонстрировали активность, отличались смелостью и находчивостью. Своей борьбой они вписали героическую страницу в общую историю города-героя Киева.

- ¹ *Бажан О.* Суспільні настрої в Українській РСР у перші дні Великої Вітчизняної війни: (за документами Галузевого державного архіву Служби безпеки України) // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2011. № 2. С. 16.
- ² Київ у дні нацистської навали: за документами радянських спецслужб: до 60-річчя визволення України від гітлерівських загарбників: зб. док. та матеріалів. Київ; Львів, 2003. С. 158.
- ³ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 119 (Сообщение тов. Громыки Павла Тимофеевича о подпольной работе, проводимой им в тылу противника. 7.02.1944 г.).
- ⁴ *Посадский А.В.* Крестьянство по обе линии фронта: к проблеме изучения // Доклады академии военных наук. 2005. № 3 (15): Страницы Великой Отечественной...: (к 60-летию Победы). С. 191.
- ⁵ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 369. Л. 250 (Информация Скляренко Ивана Кузьмича о состоянии подпольных парторганизаций в г. Киеве. 28.08.1943 г.).
- ⁶ Там же. Д. 119. Л. 300 (Стенограмма информации связного ЦК КП(б)У Левченко Антона Филаретовича. Саратов, 16 августа 1942 г.).
- ⁷ *Гуменна Д.* Хрещатий Яр (Київ 1941–43): роман-хроніка. Нью-Йорк, 1956. С. 195.
- ⁸ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 312. Л. 147–150 (Сатановский Семен Григорьевич. Краткий отчет о моей подпольной работе в боевой группе тов. Назаренко В.П.).
- ⁹ *Прусин А.* Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність: науковий журнал. 2007. № 1. С. 51–52.
- ¹⁰ Праведники народов мира. Избранные истории. Как могли, помогали евреям. Алексей и Татьяна Глаголевы и их дети Магдалина и Николай (Украина). URL: http://www1.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_glagolev.asp (Дата обращения 19.11.2012 г.).
- ¹¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 117 (Сообщение тов. Громыки Павла Тимофеевича о подпольной работе, проводимой им в тылу противника. 7.02.1944 г.).
- ¹² *Елисаветский С.* Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944): партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Єврейський опір в Україні в період Голокосту: зб. наук. ст. / під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя, 2004. С. 107.
- ¹³ ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 344. Л. 17 (Стенограмма беседы с Мироничевым Георгием Павловичем, бывш. членом бюро и вторым секретарем подпольного Железнодорожного райкома КП(б)У г. Киева, 10 марта 1947 г.).

- ¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112 (Маслов, зам. начальника отдела управления НКГБ УССР. Справка по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР. Киев, 5 мая 1945 г.).
- ¹⁵ *Елисаветский С.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁶ Там же. С. 106–107.
- ¹⁷ ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 245. Л. 3–6 (Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны. Стенограмма беседы с тов. Пекер Соломоном Абрамовичем. Киев, 1 марта 1944 г.).
- ¹⁸ Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. П-4. Оп. 2. Д. 1. Л. 139 (Отчет Киевского подпольного горкома КП(б)У).
- ¹⁹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 366. Л. 80 (Стенограмма информации Петрушко Брониславы Ивановны. 29 февраля 1944 г.).
- ²⁰ Підручник з історії: проблеми толерантності. Чернівці, 2012. С. 92.
- ²¹ *Курило Т.* Сила та слабкість українського націоналізму в Києві під час німецької окупації (1941–1943) // Україна модерна. 2008. № 2 (13). С. 125.
- ²² ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 10. Л. 3–4, 7 (Клопотовский Ф. А., член подпольной партийной организации на Дарницком ж.-д. мосте. 8 мая 1946 г.).
- ²³ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 360. Л. 14 (Стенограмма информации Лазебного Анатолия Николаевича. Киев, 27 апреля 1944 г.).
- ²⁴ ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 86. Л. 15 (Протокол № 28 заседания бюро райкома КП(б)У Железнодорожного района г. Киева от 2 июля 1945 г.).
- ²⁵ Там же. Д. 266. Л. 28 (Постановление бюро Сталинского РК КП(б)У от 14 ноября 1945 г. Утверждение отчета о работе подпольных партийных и комсомольских организаций, действовавших в период немецкой оккупации в Сталинском районе города Киева за период IX.1941 г. – XI.1943 г.).
- ²⁶ ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 347. Л. 13–15 (Стенограмма беседы с тов. Подвласовым Александром Владимировичем (продолжение). Киев, 4 марта 1947 г.).
- ²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 52 (Стенограмма беседы с тов. Груздовой М.И., прибывшей из г. Киева, 6 мая 1943 г.).
- ²⁸ Там же. Д. 353. Л. 103 (Стенограмма информации Гурской Марии Яковлевны, связанной Киевского подпольного горкома КП(б)У. Ворошиловград, 28.04.1942 г.).
- ²⁹ Там же. Д. 11. Л. 119–120 (Маслов, зам. начальника отдела управления НКГБ УССР. Справка по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР. Киев, 5 мая 1945 г.).
- ³⁰ Там же. Д. 355. Л. 95 (Информация о пребывании на оккупированной немцами территории Загорного Бориса Александровича 29.5.1944).

- ³¹ Там же. Д. 14. Л. 14–15 (Стенограмма беседы с тов. Груздовой М.И., прибывшей из г. Киева, 6 мая 1943 г.).
- ³² Там же. Д. 364. Л. 10–22, 25–28 (Стенограмма информации Перевертуна Петра Ионовича за время пребывания на оккупированной территории. 4 мая 1944 г.).

**«ОСТАТКИ ЦАРЕЙ ПОДВЛАСТНЫХ»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ТАТАР XIX В.
О КАСИМОВСКОМ ЦАРСТВЕ**

17 апреля 1834 г. старшему сыну императора Николая I, цесаревичу Александру исполнилось 16 лет. Во все концы Российской империи направились из столицы курьеры с текстом высочайшего манифеста, изданного¹ по такому радостному поводу, и с предписанием торжественно отметить совершеннолетие наследника престола. Рескрипт, написанный «на татарском диалекте», поступил и в Уфу. Располагавшееся там Оренбургское духовное магометанское законособорание² издало указ, который обязывал мусульманских священнослужителей на подведомственных территориях организовать праздничные мероприятия среди паствы. Повинуясь этим распоряжениям, мулла (имам) Ханской соборной мечети в городе Касимове Рязанской губернии Абдулвахид (Габдельвахит) Смаилев собрал прихожан и обратился к ним с речью, которая соответствовала мусульманской проповеди (*вааз*). Это выступление впоследствии было переведено с татарского языка на русский и вместе с рассказом о праздновании напечатано в «Молве, газете мод и новостей», приложении к популярному московскому журналу «Телескоп»³.

Помимо верноподданнических излияний, высказанных подобающим случаю выпрепненным слогом, мулла не преминул вкратце напомнить слушателям о довольно далеком уже прошлом, когда в этих местах Рязанской и окрестных губерний располагалось Касимовское царство. Опустив бóльшую часть восхвалений и благодарностей в адрес правящего самодержца и его семейства, приведем только историческую часть этой любопытной мини-лекции.

«Оное всемилостивейшее, недомысленное и неожиданное приветствие государя императора ободрило и воспламенило несколько

веков оставленные, смиренные наши сердца к вящему и восхитительному поощрению, как бы с прочими верноподданными, напомянуть и нам, жителям города Касимова, прежних веков царственные союзные милости и благоволения древних московских царей и великих князей, с 1465 года, прежде бывшим татарским царям, происшедшим из отрасли Казанских и прочих царств, как то:

Первоначальному из оных в знаменитости с 1450 года к царю *Касиму*, соорудившему в сем городе, около 1467 года, близ своего дворца, на богослужение в бессмертный свой памятник белокаменную мечеть; и благомышленному сыну его *Даньяру* и по нем знаменитому царю *Шах-Аллею* и брату его *Аналей Хану*; за оным *Саип Булату*, славному *Ганбулле* и наследнику его *Мустафе*; а по нем из киргизских царевичей поступившему *Ураз Махмету* и победоносному *Нур-маттю*; за оным индийскому хану *Оржану* и спокойному царю *Сеит Бурхану*, и приятному российской короне другому царю *Орслану* с детьми его, потомство свое продолжавшими в Касимове до 1677 года, 212 лет, в течение оною времени подвизавшихся за Россию на внешних неприятелей.

От сего самого места, с подвластными своими, острили они копья, сабли и стрелы; геройски побеждали противоборствующих возвышению скипетра Всероссийского, как многие истории говорят, за что и получили они дружественные вознаграждения, и даже в удел сей первобытный и областной Городец, что ныне сей Касимов, многое пространство вмещающий, по татарскому жительству, поступивший ныне в ограничение разных губерний, как то: самой Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, частью же и Нижегородской. От такового их водворения, по воле царей московских, за *верность* царю *Касиму* дарованного в Городце, он уже назван именем царя *Касима* и его царскою столицею.

Показанное тех царей пребывание премудрый потомок наследственного древних царей престола, государь наш, великий император Николай Павлович озарил своим светло-блестящим оком и, щедро вознаградив остатки царей подвластных удостоением в соединительность со всеми под славную его державою обитающими, вкупе принести Господу Богу благодарствие и испрошение Его всещедрыя милости на цветущую ветвь отродия, златоблестящей тени, Богом благословенной, их отечественного величества» (выделено мною. – В.Т.)⁴.

История вассального татарского Касимовского царства XV–XVII вв. в общих чертах известна. Среди посвященных

ему трудов выделяются трехтомное исследование В.В. Вельяминова-Зернова и недавние монографии А.В. Белякова и Б.Р. Рахимзянова⁵. Мы имеем возможность сопоставить объем знаний о царстве, которыми располагал Абдулвахид Смаилов, с информацией, накопленной позднейшими исследователями.

В своем выступлении Смаилов сделал основной упор на личностях правителей. Некоторые из названных им подробностей и датировок расходятся с реконструкциями историков второй половины XIX – начала XXI в. Однако сначала обратимся к заключительной части исторического экскурса, где мулла обрисовал территориальные пределы Касимовского царства. По его словам, оно включало земли современных ему губерний: Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской и частично Нижегородской (т.е. получается, что первые четыре в него входили полностью).

География этого оригинального образования представляет собой один из не проясненных аспектов его истории. В современной историографии противостоят два мнения относительно границ и территориального статуса Касимовского царства. Одни историки (и примыкающие к ним краеведы) отстаивают четкую административную определенность царства (называя его также Мещерским юртом). Они пытаются очертить его стабильные официальные границы, охватывавшие в начале XVII в., по их мнению, Касимовский, Темниковский, Кадомский, Шацкий и отчасти Елатомский уезды – «на 200 верст вокруг Касимова»⁶. Анализ осложняется тем, что, во-первых, в документах встречаются лишь отрывочные и косвенные упоминания о пространственном расположении царства; во-вторых, одновременно с его существованием, на протяжении двух столетий, в Мещерском крае постепенно происходило образование и разветвление уездов, населенных как русскими, так и неславянами – татарами и мордвой. Кроме того, некоторые авторы полагают, что в Мещере и в сопредельных регионах в XVI–XVII вв. было еще несколько владений, управлявшихся татарскими аристократами⁷.

Иной точки зрения придерживается А.В. Беляков, который отрицает наличие у Касимовского царства фиксированной тер-

ритории и считает, что оно представляло собой чисто административную абстракцию, фантомную структуру (по крайней мере в конце XVI – XVII в.). Ханские владельческие привилегии распространялись только на жителей посада г. Касимова и воплощались, кроме того, в правах на некоторые доходы с сопредельных территорий. Расценивать это как ханство, подобное Казанскому, Крымскому и т.д., сложно еще и потому, что с 1542/43 г. в городе, наряду с татарской администрацией, действовали также воеводы – причем не в качестве надзирателей-«протекторов» при ханах, как, например, в Казани в конце XV – начале XVI в., а как полноценные управленцы, царские наместники⁸.

Область, очерченная муллой Смаиловым, намного превосходит реконструированные историками пределы «юрта». Очевидно, касимовцы в 1830-х годах считали, что весь ареал проживания татар в Поочье и среднем правобережном Поволжье в старину входил в Касимовское царство. Хотя по источникам пока не удастся установить его территорию, приходится признать, что при всей условности и неполной достоверности смаиловского рассказа он косвенно подтверждает первый из названных подходов.

Теперь посмотрим на исторические персонажи, которые фигурируют в праздничной речи муллы Абдулвахиды. Большинство названных в ней лиц надежно идентифицируется⁹.

1. Царь Касим. Царевич Касим (до 1456 – около 1468), сын хана Золотой Орды Улуг-Мухаммеда. Царем-ханом он не был, но народная память наделила его этим званием, наверняка как основателя царства. Смаилов огласил две любопытные даты: 1450 г. как начало «знаменитости» Касима и 1465 г. как начало военного служения касимовцев России (этот год вычисляется при вычитании 212 лет правления здесь татарских царей из 1677 г., которым мулла обозначил конец царства). Обе даты не находят соответствия в источниках. В зависимости от трактовки отношений между царевичем и московским великим князем Василием Васильевичем исследователи относят «воцарение» Касима в Городце Мещерском к более раннему или более позднему сроку (обычно называют 1445 или 1452 г.). Вместе с

братом Якубом он активно проявил себя в военных походах на стороне Василия II на завершающем этапе «феодальной войны» и при отражении татарских набегов. Около 1450 г. Касим действительно успешно отражал «внешнего неприятеля» – «шайки хищников ординских», и историкам конца XVIII – первой трети XIX в. было известно об этом¹⁰. Княжеская междоусобица закончилась к середине 1450-х годов, а в 1465 г. какого-либо повода «подвизаться» на военном поприще у Касима не было, и никаких событий, связанных с новым владением в Мещере, в источниках и авторских «историях» за тот год не отмечено.

Что касается сооружения Касимом мечети в 1467 г., то еще В.В. Вельяминов-Зернов отмечал, что «в памяти народной у местных татар Касим слывет за строителя мечети и первого дворца на Городце». Но при этом исследователь справедливо недоумевал, откуда некоторые авторы первой половины XIX в. (и, как мы видим, мулла Смаилов) взяли эту дату. Ведь никаких данных о строительстве Касимом мечети, равно как, кстати, и ханского дворца, нет в источниках. Очевидно, память об этом сохранилась в татарских преданиях, не попав на страницы документов. У тогдашних русских историков под 1467 г. значится лишь неудачная попытка Касима воцариться в Казани¹¹.

2. Благомышленный сын его Даньяр. Царевич, сын Касима (около 1468 – около 1486). Он участвовал в военных кампаниях Ивана III, в том числе против Большой Орды, ничем себя не дискредитировал; в общем, действительно проявил себя «благомышленным» – лояльным и преданным. Щербатов вслед за летописями отцом Данияра называл Трегуба¹². Мулла Абдулвахид же, как видим, уверенно называет Даньяра сыном Касима, узнав об этом явно не из академических трудов. Тождество Касима и Трегуба было впоследствии доказано В.В. Вельяминовым-Зерновым. Позднейшие историки определили, что таково было прозвище Касима, возможно обладавшего дефектом лица – заячьей губой¹³.

3. Знаменитый царь Шах-Аллей. Царевич, потом царь Шах-Али б. Шейх-Аулияр (около 1516–1519, 1536–1546, 1546–1551, 1552–1567). Он в самом деле остался «знамени-

тым» не только в истории татар, но и в истории Российского государства, поскольку принимал активное участие во внешнеполитических (дипломатических и военных) акциях Ивана IV на востоке и на западе – прежде всего против Казани и Ливонии. При этом, несмотря на четырехкратное и в сумме чрезвычайно продолжительное правление Шах-Али в Касимове, татарская историческая традиция связывала его с другим владением: «Казань была юртом Шагали-хана»¹⁴.

4. Брат его Аналей Хан. Царь Джан-Али б. Шейх-Аулияр (1519 – около 1532).

5. Саин Булат. Царь Саин-Булат (до 1570–1573). В отличие от других касимовских вассалов (кроме, пожалуй, «знаменитого» Шах-Али), деятельность этого царя неоднократно и сравнительно подробно была освещена российскими историками XVIII – начала XIX в. Правда, их интерес к нему проявлялся в тот период его жизни, когда он уже оставил касимовский трон. Удивительно, но этот самый известный в русском Средневековье касимовец, знаменитый Симеон Бекбулатович, не удостоился ни единого эпитета в устах муллы Абдулвахиды. Причина такой лаконичности угадывается в сухой биографической справке о нем татарского историка и мыслителя Шихабуддина Марджани (1880-е годы), во многом опиравшемся на татарскую традицию. Эта причина – смена религии: «Девятым правителем был Саин Фулад... Рассказывают, что он воссел [на престол] в 975 году хиджры, в начале восьмьдесят первого года принял христианство и стал вероотступником, после чего был низложен с Касимовского ханства [*Кирман ханлыгыныннан*] и изгнан»¹⁵. Как видим, Марджани определенно указывает на устный источник своей информации (*дию мэрвидер* – «рассказывают»). Причем народная молва расценивала удаление царственного новокрещена из его царства как изгнание, в то время как в реальности это был шаг к дальнейшему карьерному взлету, и придворная карьера Саин-Булата~Симеона на этом только началась. Впрочем, обстоятельства (как и точный срок) оставления царем касимовского трона неизвестны.

Уже в качестве христианского правителя он, как известно, в 1575–1576 гг. занимал, по хитроумному замыслу Ивана Гроз-

ного, московский престол и затем получил номинальное великое княжение Тверское. Возможно, за показательным умолчанием муллы Смаилева крылись осуждение хана-вероотступника и его соответствующая репутация среди татар.

6. Славный Ганбулла. Царевич Абдулла (часто в источниках Кайбула, Кайбулла, Гайбула), сын астраханского хана Ак-Кобека. В 1552 г. выехал на Русь, был пожалован городом Юрьев Польский с поместьями и умер в 1570 г. В Касимове никогда не правил, да и никаких особых заслуг и отличий не имел. Присутствие его в составе московской рати в походах 1550–60-х годов не отмечено какими-либо подвигами и даже участием в военных столкновениях. Трудно сказать, на чем основана репутация Абдуллы как «славного» в устах Абдулвахиды. Почему о нем помнили через два с половиной столетия после смерти, понятно: в Касимове находилась и к XIX в. уцелела его могила с надгробной надписью.

7. Наследник его Мустафа. Царь Мустафа-Али (1584 – около 1590), сын предыдущего персонажа из списка.

8. По нем из киргизских царевичей поступивший Ураз Махмет. Царь Ураз-Мухаммед (1600–1610). Действительно, происходил из казахской («киргизской» в терминологии того времени) ханской семьи, был сыном султана Ондана и внуком хана Шигая, попал в Россию после пленения в Тобольске в 1588 г. Царь Борис Годунов пожаловал его тронем в Касимове после Мустафы-Али – «по нем», как передано у Смаилева.

9. Победоносный Нурматеть. Это явно тот же Ураз-Мухаммед¹⁶. Эпитет «победоносный» наверняка порожден памятью об участии этого царевича, затем царя, в походах на шведов, крымцев, северских мятежников (в начавшейся Смуте). Правда, из «победоносной» биографии выбивается конец жизни Ураз-Мухаммеда, когда он перешел на сторону Лжедмитрия II, а затем польского короля Сигизмунда III. Лжемитрий и убил его летом 1610 г.

10. Индийский хан Оржан. Прямых соответствий этому странному персонажу не находится. Из царевичей, живших на Руси, приходит на ум Афган-Мухаммед, сын хорезмского (ургенчского) хана Араб-Мухаммеда. Он не царствовал в Мещере

и вообще там не жил, но после своей смерти в 1648 г. был похоронен в Касимове, в мавзолее, который сохранился до наших дней¹⁷.

Появление «индийского хана» в перечне может быть выведено из нагромождения ошибок в одной публикации в журнале «Отечественные записки» 1828 г. Анонимный очерк «О древних зданиях в Рязанской губернии» содержит в том числе краткое описание древностей города Касимова. Автор описывает, в частности, один из касимовских мавзолеев: «Времени постройки оно, за изглажением надписей, определить с точностью невозможно; но должно предполагать, что построен во время обладания Касимовым татар, или в жительство их царей, по покорении сего города Державе Российской. В мавзолее сохранилась одна следующая арабская надпись: “Лета 1058 (1616 от Р.Х.) месяца рамазана в 9 день Орелан Мухамет Ханов сын Авган-Султан (индийский хан) преставился”»¹⁸.

На неточности в этом тексте указал В.В.Вельяминов-Зернов: «Описание 1828 г. само по себе, очевидно, не имеет ни малейшего значения. В нем на каждом шагу ошибки и несообразности... Араб-Мухаммед-хан произвольно переименован в Орелан (чит. Орслан)-Мухамета. Наконец, в довершение всего, приведено занимательное толкование имени собственного Авган; сочинитель статье перевел его словом: индийский, сочтя его, вероятно, за имя известного народа авганов; таким образом из Авган-султана вышел у него индийский хан»¹⁹.

Через шесть лет, при подготовке публикации в «Молве», сотрудники редакции или типографские наборщики в свою очередь ошиблись, изменив имя «Орелан» на «Оржан» (так же, как Саин-Булат превратился у них в Саип Булата, а Кайбулла-Гайбулла в Ганбулла). Тем не менее нелепая версия с индийским ханом, пожалуй, доказывает знакомство муллы Смаилева – представителя татарской духовной элиты – с исторической публицистикой своего времени.

11. Спокойный царь Сеит Бурхан. Правитель Сеид-Бурхан (1626–1679). В действительности он являлся не царем, а царевичем. Таковым же («Бурхан-султан») он считался и в татарской письменной традиции²⁰.

12. Приятный российской короне другой царь Орслан.

Арслан (Араслан Алеевич) был касимовским царем в 1614–1626 гг. «Другой» в контексте данного перечня означает скорее всего преемственность по отношению к предшественнику. Но на самом деле предшествовал Арслану не его сын Сеид-Бурхан, а Ураз-Мухаммед. В татарской традиции Арслан считался полноценным государем, происходившим из ханского рода, обладателем унаследованного, а не пожалованного монархического ранга: «Ключом Хан, его сын Али Хан, его сын Арслан Хан...»²¹.

Все перечисленные цари и царевичи принадлежали к самым разным ответвлениям громадного клана Чингисидов-Джучидов и были выходцами почти из всех постзолотоордынских ханств (Казани, Астрахани, Сибири, Крыма, Большой Орды) – как выразился мулла Абдулвахид, они происходили «из отрасли Казанских и прочих царств». Только Афган-Мухаммед~«Оржан» прибыл на Русь из далекого Хорезма (по версии рассказчика, из Индии), но он тоже являлся отпрыском джучидского рода Шибанидов.

Пять правителей пропущены в перечне Смаилова: касимовский царь из крымских царевичей Нур-Девлет (около 1486 – около 1493), его сыновья, касимовские царевичи Сатылган (около 1493 – около 1506) и Джанай (около 1506 – около 1512), касимовский царевич Шейх-Аулияр б. Бахтияр из семьи ханов Большой Орды (около 1512 – около 1516) и последняя татарская правительница Фатима-султан, вдова Арслана (1679–1681). Кроме того, в него необоснованно добавлены два не правивших лица: Ганбулла, без упоминания титула, и касимовский «поручик Кижее» – хан Оржан.

Можно предположить, что местные мусульмане обладали гораздо большим объемом знаний о прошлом своего края, чем донесла до читателей столичная газета. Сам жанр торжественной проповеди в честь царствующего дома не располагал к пространному историческому повествованию. Тем не менее попытаемся высказать некоторые наблюдения и гипотезы относительно передачи и хранения информации о прошлом у татар первой половины XIX в.

Конечно, невозможно определить, из каких именно источников Абдулвахид Смаилов черпал данные для своего вдохновенного выступления. Он вскользь упомянул «многие истории», засвидетельствовавшие славные деяния предков. Теоретически не исключено знакомство грамотного и любознательного муллы с изданными к тому времени немногочисленными русскими летописями²² и собраниями актов. Выше, при рассмотрении персоны «индийского хана Оржана», мы попытались обосновать вероятность того, что ему была известна статья в «Отечественных записках» 1828 г. Однако разнообразные эпитеты и краткие характеристики, примененные к некоторым историческим персонажам, указывают, пожалуй, и на другие исходные тексты.

Если под «многими историями» подразумевались созданные к 1834 г. своды российской истории, то это были сочинения прежде всего В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина²³ (первый том «Исследования о касимовских царях и царевичах» академика Вельяминова-Зернова увидел свет только через 28 лет). Однако дела вассального царства не привлекали пристального внимания названных авторов, и касимовские венценосцы нечасто появлялись на страницах их трудов. В 1833 г., незадолго до всеимперского торжества по случаю совершеннолетия будущего Александра II, вышли в свет заключительные пятый и шестой тома «Истории русского народа» Н.А. Полевого. В пятом томе излагались события за период с 1341 по 1505 г. В отношении рассматриваемой нами темы ничего нового, по сравнению с Карамзиным и другими предшественниками, этот автор не внес: те же походы Касима конца 1440-х годов на противников Василия Темного, та же авантюрная попытка занять Казань в 1467 г.²⁴, такое же молчание о Касиме в 1465 г. и отсутствие оснований для утверждения о «благомыслии» его сына и преемника Данияра.

Следовательно, профессиональных исследований о Касимовском царстве пока не было, а в многотомных обобщающих трудах оно почти полностью игнорировалось.

Из известных мне тюркских памятников письменности касимовские сюжеты упоминаются в «Сборнике летописей» (ус-

ловное название) Кадыр Али-бека Джалаира. Основная часть этого сочинения, написанного в 1602 г., представляет собой краткое переложение одноименного труда персидского хрониста Рашид ад-Дина (XIII – нач. XIV в.). Однако в нем имеются и оригинальные разделы, где среди прочих сведений по татарской истории есть глава (*дастан*) о касимовском царе Ураз-Мухаммеде. Именно при его дворе и состоял Кадыр Али-бек. Однако мы достоверно не знаем, был ли этот «Сборник» доступен татарам в 1830-х годах. Его единственный известный (до 1922 г.) список, изготовленный в 1640/41 г., был опубликован И.Н. Березиным только в 1851 г., а до того хранился невостробованным в библиотеке Казанского университета²⁵.

Косвенные данные о бытовании в Касимове XV–XVIII вв. восточных книг (впрочем, по большей части, очевидно, религиозно-назидательного содержания)²⁶ не дают почвы для утверждения о том, что там существовала письменная фиксация событий местной истории.

В некоторых татарских семьях велись родословные-*шед-жере*, но, насколько можно судить по опубликованным текстам, они в абсолютном большинстве не фиксировали предков и тем более события ранее XVIII в.

Есть основания полагать, что Касимов в XVII в. выполнял функцию заповедного родового некрополя (*куруж*) Чингисидов, проживавших и умерших в России²⁷. Надгробные надписи, несомненно, служили наглядными, хотя и малоинформативными свидетельствами событий XVI–XVII вв. Из них можно было почерпнуть некоторые минимальные познания о прошлых правителях. В газетном описании торжественной церемонии 1834 г. отмечается, что, помимо славословий и молитвы по поводу совершеннолетия цесаревича, были прочитаны поминальные молитвы («учинено вечное поминовение») в месте, где находится «погребение царских фамилий, коих остатки в гробницах, с написаниями на камнях по арабскому диалекту, покоятся»²⁸. Но выделить из десятков надгробий те, которые принадлежали именно касимовским царям и царевичам, можно было только достоверно зная об их столь высоком статусе и факте

проживания в городе (ведь тела многих из погребенных были привезены для захоронения из других мест).

Наконец, источником знаний татар, интересующихся историей, могли служить разыскания местных краеведов. Об И.С. Гагине выше упоминалось. Однако сведения, приведенные в его «Краткой сложности о касимовских царях...» 1835 г., содержат подробности, которые не вполне соответствуют тому, что огласил в проповеди мулла. Вместе с «Краткой сложностью» Гагиным было написано «Краткое изъяснение существования в городе Касимове царей татарских с 1465 по 1677 г. ...»²⁹. Некоторые из исторических персонажей, приведенных в данном очерке, отсутствуют у Смаилева. Например, в тексте рязанского краеведа содержится лестное упоминание «отличных» боевых действий Саин-Булата в Швеции, тогда как мулла, как мы видели, не удостоил биографию этого веротступника ни единым словом.

Сходство двух текстов обнаруживается в эпитете «благомысленный~благомышленный», которым Гагин охарактеризовал Данияра, а Смаилов – Касима; в присутствии «Нурмамety» (Гагин) ~ «Нурматетя» (Смаилов) рядом с Ураз-Мухаммедом («Ураз Махметом»); в упоминании исторически нелепого, прибывшего «в Касимов из Индии также ханского племени царя Орслана» (Гагин) и «индийского хана Орслана» (Смаилов). Однако выражение «поступивший из царевичей киргизских», примененное Гагиным к «Нурмамety», хотя и повторено Смаиловым, но верно отнесено последним к Ураз-Мухаммеду («Нурматеть» же у Смаилева просто назван победоносным). То есть при подготовке выступления в мечети происходило не простое копирование текста Гагина, а его редактирование – или же редактирование некоего общего для них источника.

Сложно сказать, какой из этих двух текстов был первичен по отношению к другому. Ведь Гагин вполне мог взять за основу речь Смаилева и «расцветить» ее данными из дополнительных источников.

Кроме того, любителям истории в Рязанской губернии был, возможно, известен рукописный сборник некоего Краснова с изложением истории Касимова. По предположению А.В. Беля-

кова, автором его был И. Краснов – протоиерей, в 1813–1832 гг. инспектор Касимовского духовного училища, а с 1832 г. до своей смерти в 1844 г. – смотритель этого училища³⁰. То есть он служил в Касимове как раз во время интересующих нас событий 1830-х годов. В его очень лаконичном историческом очерке, впервые увидевшим свет в 1860 г., прошлое царства представлено в таком виде:

«Род царей Касимовских продолжался 206 лет и состоял из 14 поколений, именно Койсыма, сына его Даньяра, астраханского царевича Ших-Алея и брата его Аналей-хана, Саип-Булата, Гайбулы и сына его Мустафы, киргизского царевича Ураз-Махмета, Нурматеда, индийского хана Орслана, названного в крещении Василием, и сына его Якова Васильевича с бабкой Фатьмой Сеитовой»³¹.

Здесь очевидно сходство с вышеприведенными двумя сочинениями: в изложении последовательности правителей, в «индейской» атрибуции Арслана. Однако видно, что никаких характеристик Краснов им не дал. Поскольку неизвестно точное время написания им данного перечня царей и царевичей, то нам и в данном случае сложно судить, был ли текст Краснова использован для праздничной речи муллы или же, наоборот, эта речь стала основой для сочинения Краснова.

Мулла Абдулвахид указывает дату конца царства – 1677 г., до которого, по его словам, продолжалось в Касимове потомство детей Арслана. В историографии принято считать, что Касимовское царство закончило свое существование (уже чисто номинальное) в 1681 г., когда умерла его правительница Фатима-Султан-бикем, мать царевича Сеид-Бурхана~Василия Араслановича, скончавшегося за два года до того. В литературе первой половины XIX в. было распространено неверное мнение, будто последним касимовским царевичем был сын крестившегося Сеид-Бурхана Яков Васильевич, смерть которого наступила в 1677 г., и на этом история царства якобы завершилась.

Гагин и Краснов тоже датируют завершение истории Касимовского царства 1677 г., но указывают конкретное событие,

обозначившее этот финал, – кончину «последнего царевича» (по Краснову) Якова Васильевича. Мулла же об этом умолчал, просто назвав год, – и, видимо, не случайно. Можно догадываться, что здесь сказались скрытое осуждение татарского аристократа, принявшего православие³² и тайное сожаление об исчезновении царства.

В целом речь мутлы Абдулвахиды Смаилева, сочинения И. Гагина и И. Краснова обнаруживают слабую осведомленность о средневековом прошлом Мещерского края. Отрывочные сведения из изданных к тому времени русских источников и глухие отголоски давней истории в татарской устной традиции в первой половине XIX в. сложились в сумме в достаточно стройную, хронологически в целом верную, но не насыщенную подробностями и изобилующую ошибками картину. Мнение А.В. Белякова о тогдашних касимовских татарах, которые «почти полностью забыли свою еще недавнюю историю»³³ отражает действительную ситуацию. Вместе с тем постепенное накопление информации о прошедших временах, ввод в научный оборот новых текстов, интерес и любознательность интеллектуалов из тюркской среды, а также подготовка тюркологов в Казанском и Петербургском университетах постепенно готовили почву для выведения исследования истории Касимовского царства на профессиональный уровень во второй половине столетия.

¹ 22 апреля 1834 г.

² Этот государственный орган по управлению религиозной жизнью мусульман юго-восточных регионов России, более известный как Оренбургское духовное управление и Оренбургский муфтият, был образован в 1788 г. С 1802 г., вопреки названию, находился в Уфе. В 1834 г. пост оренбургского муфтия занимал Габдессалам Габдрахимов.

³ Перевод был осуществлен не для газетной публикации, а для отчета, посланного 24 декабря 1834 г. касимовским ахуну в Уфу, муфтию Габдрахимову. Эта реляция была также перепечатана в составе извлеченного из архива сочинения касимовского краеведа И.С. Гагина (1767–1844) (*Гагин И.С.* Краткая сложность о касимовских царях татарских и памятниках, с их времен существую-

- щих // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. XVI, вып. 1. Рязань, 1901. С. 266–279).
- 4 Молва. 1835. Ч. 10. Стб. 70–71. Нами несколько изменены пунктуация и орфография подлинника. Городец (прежнее название г. Касимова) в цитируемом тексте дважды написан со строчной буквы, мы даем с прописной. Должность и имя муллы переданы в заголовке публикации и в редакционном введении «Молвы» искаженно: «старший чиновник нахун» вместо «и ахун», «Иман-Абдул Сеахит» вместо «имам Абдулвахид» (Там же. С. 68, 69). На эти искажения указал еще В.В. Вельяминов-Зернов, которому была известна данная газетная публикация. В своей монографии он неоднократно обращался к статье в «Молве» и к экскурсу, сделанному Смаиловым, чтобы указать на неточности (*Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах*. Т. 1. СПб., 1863. С. 66; Т. 2. СПб., 1864. С. 108, 198; Т. 3. СПб., 1866. С. 297).
 - 5 Там же. Т. 1–4. СПб., 1863–1887; *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.): очерки истории. Казань, 2009; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. Ф.Г. Калимуллина справедливо отмечает: «До В.В. Вельяминова-Зернова историей Касимовского ханства никто не занимался» (*Калимуллина Ф.Г.* В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. С. 18). См. также относительно недавние публикации, в которых рассматриваются вопросы истории не столько Касимовского царства, сколько касимовских татар: *Беляев А.Б.* Касимовские корни и современные ветви с древнейших времен. М., 2001; *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009; *Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань, 2010; *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары в истории России // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 155–168.
 - 6 *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени: (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 186–189; *Рахимзянов Б.Р.* Указ. соч. С. 66; *Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л.* Указ. соч. С. 222; *Шарифуллина Ф.Л.* Указ. соч. С. 156.
 - 7 *Акчурин М.М., Ишеев М.* К вопросу появления татарских князей в Мещерском крае // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 250–253; Татарские князья и их княжества. Н. Новгород, 2008.
 - 8 *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 269–273.
 - 9 Ниже в скобках даны даты правления в Касимове, в основном – по вышеназванной монографии А.В. Белякова.
 - 10 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. СПб., 1819. С. 341, 226 (прил.); *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. 4. СПб., 1784. С. 578; *Щерба-*

- тов М.М. История российская от древнейших времен. Т. IV, ч. 1. СПб., 1781. С. 568, 572.
- ¹¹ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. IV, ч. 2. СПб., 1783. С. 9, 10; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. V. С. 13, 14. Впрочем, В.В. Вельяминов-Зернов допускал, что 1467 г. как дата строительства мечети мог укорениться в литературе вследствие недоразумения, когда авторы первой половины XIX в. приняли обозначенное в летописях время казанского похода Касима, совершенного в том году, за время его воцарения в Городце Мещерском и возведения мечети (см.: Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 68, 69). О ханском дворце и мечети в Касимове см.: Там же. С. 59–72; Халитов Н.Х. К реконструкции архитектуры дворца в Хан-Кермане // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 210–224.
- ¹² Щербатов М.М. Указ. соч. Т. IV, ч. 2. С. 76.
- ¹³ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 18, 19; Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008. С. 228.
- ¹⁴ Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). [B.] I. Szeged, 2002. S. 90.
- ¹⁵ *Шуһабетдин Мәржани*. Әл-кыйсмел-әүвәл мин китабе «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар». Казан, 1897. Б. 147. На это издание мне любезно указал И.М. Мустакимов. В современной публикации данного сочинения Марджани его текст подвергнут сокращению и переложению на современный татарский язык (*Шуһабетдин Мәржани*. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан, 1989. Б. 185, 186). 975 г. хиджры соответствует 1567/68 г., начало 981 г. хиджры – 1573 г., когда мусульманин Саин-Булат действительно превратился в христианина Симеона Бекбулатовича (см.: Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской, 1567–1616 г.: (исторический очерк). Тверь, 1891. С. 17–20).
- ¹⁶ Об этой ошибке/описке см.: Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Т. 3. С. 108.
- ¹⁷ Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник, 2006. М., 2007. С. 95–112.
- ¹⁸ О древних зданиях в Рязанской губернии, по 1827 год // Отечественные записки. 1828. Ч. 33, № 95. С. 458.
- ¹⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Т. 3. С. 291.
- ²⁰ Ivanics M., Usmanov M.A. Op. cit. S. 32.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Издание Полного собрания русских летописей началось позднее, в 1841 г.

- ²³ К тому времени была опубликована только часть «Истории российской» Татищева до 1462 г. Щербатов и Карамзин довели изложение событий до Смуты начала XVII в.
- ²⁴ *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 5. СПб., 1833. С. 397, 450, 451.
- ²⁵ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 33, 36.
- ²⁶ *Гордлевский В.А.* Элементы культуры у касимовских татар: (из поездки в Касимовский уезд). Рязань, 1927. (Труды / Общество исследователей Рязанского края; вып. X). С. 28; *Беляков А.А.*: 1) Частная жизнь Чингисидов в России XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 14–18; 2) Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 130, 131.
- ²⁷ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 158.
- ²⁸ Молва. 1835. Ч. 10. Стб. 73.
- ²⁹ *Гагин И.С.* Указ. соч. С. 272–276.
- ³⁰ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII вв. С. 12.
- ³¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. СПб., 1860. С. 524.
- ³² *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII вв. С. 88.
- ³³ Там же. С. 12.

ФИНСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ (XIX–XX вв.)

На территории России финская диаспора состоит из нескольких групп, различных по исторической судьбе и происхождению. Самой многочисленной из них является старожильческое (с XVII в.) крестьянское население Ленинградской области – финны-ингерманландцы¹. Остальные группы состоят из финнов, которые в разное время иммигрировали в Россию, и их потомков.

Финская диаспора современной России формировалась на протяжении двух последних столетий. Небольшие колонии финнов издавна жили на территориях современной Карелии и Кольского полуострова, Карельского перешейка. После присоединения Финляндии к России в 1809 г. миграция финнов приобретает широкий масштаб и состоит из нескольких неоднородных потоков различных по величине, социальному составу и причинам.

В XIX в. миграция была обусловлена экономическими причинами и носила приграничный характер. Большая часть финляндских иммигрантов расселялась в северо-западных российских губерниях – Петербургской, Олонецкой, Архангельской, появляется и весьма специфическая группа т.н. «сибирских» финнов. В 1897 г. в империи насчитывалось 36 тыс. финляндских уроженцев, 98% из них (35 тыс.) проживало в Европейской России².

В XIX–XX вв. финская диаспора на территории России формировалась дважды.

Ингерманландцы сформировались здесь в допетровскую эпоху и вошли в состав русского государства в результате Северной войны (1700–1721) по условиям Ништакского мира. Из далекой окраины шведского королевства Ингерманландия оказалась в центре российской столичной жизни, в непосредственной близости от Петербурга (в 30-ти километрах). Город

стал во многом определять характер хозяйственной деятельности ингерманландских финнов, оказывать влияние на развитие культурных и общественно-политических процессов в финноязычной диаспоре Петербургской губернии. Финские крестьяне уходили на заработки в Петербург, где они работали чернорабочими, каменщиками, плотниками, сплавщиками леса и т.д.³

Оказавшись в составе Российского государства с 1809 г. финское крестьянство Ингерманландии было вовлечено в государственную систему социально-экономических отношений. Крепостничество, барщина, оброк и всевозможного рода отработки определяли содержание его хозяйственной жизни. Финский крестьянин, как и русский, строил Петербург, занимался извозом, работал на каменоломнях, валил и сплавлял лес. Его собственное хозяйство, по свидетельству современников, отличалось бедностью и отсталостью. И все же близость Петербурга и возникавших вокруг него городских поселений постепенно уничтожала патриархальную замкнутость крестьянского хозяйства, которое все в большей мере ориентировалось на рынок.

Эта тенденция стала определяющей после отмены крепостного права. Изначально скромные по размеру земельные наделы ингерманландских крестьян с разделом хозяйства между наследниками становились от поколения к поколению все меньше. Малоземелье заставило отказаться от выращивания зерновых и предопределило молочную специализацию животноводства (особенно в северной Ингерманландии) и выращивание картофеля на продажу. Они поставляли в столицу молоко и картофель, фураж, зимой ездили на своих лошадях в извоз, возили лес и другие строительные материалы, сырье для фабрик. Это способствовало развитию рыночных отношений, изменявших деревенский быт. Через рынок происходило взаимное общение финского и русского населения. Жители Карельского перешейка, знавшие русский язык и местную конъюнктуру, стали выполнять посреднические операции по реализации в Петербурге товаров из Финляндии. В финских районах губернии с конца XIX в. повсеместно основывались общества земледельцев, возникали кооперативы по снабжению и сбыту.

Большие надежды ингерманландский крестьянин связывал с проведением столыпинской аграрной реформы, в ходе которой около половины всех финских крестьян выразило желание получить землю и выделиться на хутора⁴.

Не смотря на то, что еще при Петре I в 1708 г. существовала Ингерманландская губерния, финское население региона никогда не имело какой-либо административной или культурной автономии. Однако оно не было лишено возможности сохранять свои национальные традиции, пользоваться родным языком в сфере народного просвещения и в иных областях общественной жизни.

Финны продолжали исповедывать свою старую религию, во всех финских приходах существовали лютеранские церкви, богослужение в которых шло на финском языке. Первая национальная школа для финнов была открыта в деревне Колппана (близ Гатчины) в 1785 г. Бесплатно обучавшиеся в ней дети финских крестьян изучали финский и русский языки, Закон Божий. В 30–50-е годы XIX в. в Ингерманландии при активной поддержке лютеранской церкви, связывавшей с народным просвещением успехи финского национального движения, было основано около десяти начальных школ. Однако нехватка учителей, отсутствие у них специального образования, нежелание крестьян платить налоги на содержание школы, дали скромные результаты в сфере народного просвещения в первой половине XIX в. Во второй половине XIX в. с основанием Колппанской учительской семинарии (1863–1919) близ Гатчины⁵, которая была призвана готовить национальные педагогические кадры для финских школ Ингерманландии положение стало улучшаться⁶. Трехлетнее бесплатное обучение включало в себя разностороннюю подготовку учеников по сравнительно широкому кругу гуманитарных, естественных и точных дисциплин, финского, русского и немецкого языков, а также в области музыки и хорового пения. За годы своего существования до 1919 г. семинария выпустила более 200 дипломированных педагогов, внесших неопределимый вклад в культурное развитие ингерманландцев. В этот период было открыто более 200 школ,

которые закончили восемь тысяч учащихся, которые внесли большой вклад в культурное развитие ингерманландцев.

Наряду с народными и церковноприходскими школами в конце столетия появляются и профессионально-технические (ремесленные) училища. Это было связано с фенноманским движением в самой Финляндии. Это движение отражало потребности формировавшейся финской нации в развитии собственной культуры в самых широких ее проявлениях. Идеология фенномании, исходившая из признания всемерного просвещения народа как необходимого условия его национального выживания, находила все большее число последователей среди ингерманландских финнов. Так, местное население сбором средств поддержало строительство лицея в Выборге, и наиболее состоятельные семьи стали посылать своих детей для продолжения образования не только в этот ближайший финляндский город, но и в другие учебные заведения страны, в частности в Хельсинкский университет. Процесс народного просвещения шел совместно с созданием в приходах сети сельских библиотек, число которых стало возрастать после 1877 г., когда в Петербурге финский книготорговец Валлениус открыл специальный книжный магазин по продаже шведской и финской литературы, которая совместно с финноязычной прессой Ингерманландии имела успех для народного просвещения и для активизации общественной жизни в целом. Первые планы создания собственной национальной газеты относятся еще к 40-м годам XIX в., но они не были реализованы из-за экономических трудностей. В этот период в Ингерманландии финноязычные издания представляли немногочисленные фенноманские газеты Финляндии, среди которых особой популярностью пользовалась издававшаяся в Выборге газета «Канава» («Канал»), которая отличалась острой социальной направленностью своих публикаций о положении крестьянства в восточных районах княжества.

Первая собственная газета «Пиетарин саномат» («Петербургские новости», редактор И. Хагман) была основана в 1870 г.; затем стали издаваться финноязычные «Пиетарин Суннунтайлехти» («Петербургская воскресная газета») под ре-

дакцией И. Оквиста (1871); «Пиетарин лехти» («Петербургский листок») под редакцией Т. Фримана (1874); «Пиетарин Вико-Саномат» («Петербургские еженедельные новости») начали выходить в 1879 г., редакторами этой газеты стали И. Мурман и И. Оквист.

И в последующие десятилетия в 1884 г. вышла газета «Инкери» («Ингрия», «Ингерманландия», редактор А. Силен), в 1905 г. «Ууси Инкери» («Новая Ингерманландия», ее редактировали К. Тюнни, П. Ряйккенен). В 1906 г. были основаны две газеты – «Нева» (редактор А. Весикко) и вновь «Инкери»⁷. Однако газеты часто закрывались. В XIX в. они переставали существовать только из-за финансовых трудностей, а в начале XX в. к ним прибавились и цензурные гонения. Нередко запрещенные царскими властями газеты возобновлялись под новыми названиями⁸. Между собой они отличались, тем, какой общественной ориентации они придерживались: церковно-консервативной, отразившей традиционные позиции лютеранской церкви в народной жизни Ингерманландии, или либерально-демократической, усилившейся в годы общественного подъема в начале XX столетия.

В культурной и общественной жизни Ингерманландии чрезвычайно популярны были народные праздники. Регулярно проводившиеся в разных районах, они сопровождалась театральными самодеятельными постановками, спортивными соревнованиями, выступлениями хоров. Впервые такое мероприятие было проведено в 1885 г. в Петров день (29 июня) в с. Лембалово. В 1899 г. под воздействием традиционно проводившихся с 1823 г. певческих праздников в Скворице, под Гатчиной, был проведен первый общеингерманландский праздник песни, который затем регулярно проводился вплоть до 1918 г. Праздники песни, собиравшие хоры, оркестры и театральные коллективы из всех районов Ингерманландии, а также многотысячные аудитории слушателей, являлись наиболее яркой страницей культурной жизни финского населения Петербургской губернии⁹.

Во второй половине XIX в. в Петербурге и губернии стали появляться различные финские добровольные общества. Еще в

1867 г. было основано «Финское общество работников ручного труда», в 1872 г. – «Петербургское финское певческое общество». Большой размах получила деятельность «Финского благотворительного общества». В 1880-х годах было создано «Петербургское финское женское объединение также активно занимавшееся благотворительностью. В конце XIX в. появились финские общества трезвости. Общество просвещения основано было в 1909 г.

В 1898 г. были основаны финские профессиональные объединения сапожников, портных и ювелиров¹⁰.

К началу XX в. в Ингерманландии уже появилась местная финская интеллигенция: школьные учителя, журналисты, писатели, поэты и музыканты. Известность некоторых из них перешагнула пределы региона. Заметный след в истории музыкальной культуры оставил композитор, хормейстер и преподаватель Моозес Путро (1848–1919). Большой вклад в развитие театрального искусства Финляндии внес выпускник Колпанской семинарии Ийсакки Латту (1857–1932), артист национального театра в Хельсинки. Целый ряд общественных деятелей, литераторов, журналистов, прославились в Финляндии и на своей родине – Ингерманландии. В условиях, когда в русском обществе стал усиливаться интерес к финской литературе, публиковались переводы художественных произведений наиболее крупных писателей Финляндии на русский язык, некоторые ингерманландские поэты и переводчики внесли свой вклад в ознакомление финского читателя с русской классической литературой – их переводы с русского печатались в местных изданиях.

Однако с конца XIX в. возможности национального развития в некоторых сферах общественной жизни Ингерманландии стали ограничиваться, в связи не только с общим усилением реакции в стране, но и с начавшимся еще в 1890-е годы наступлением царизма на автономию Финляндии. Проявлением этого политического курса стали введенные в это же время в Ингерманландии меры, направленные на ограничение гражданских прав финского языка. В первую очередь они коснулись школьного образования: сокращалось время на изучение род-

ного языка, во многих учебных заведениях языком преподавания становился русский. К началу первой мировой войны отдельные районы Ингерманландии уже не имели национальных школ. Ситуация усугубилась после 1914 г., когда около половины педагогов национальных школ мобилизовали в действующую армию. В годы войны не осуществились также планы по созданию в Петрограде национального музея и профессионального финского театра¹¹.

В 1917 г. в Ингерманландии имелось, как уже говорилось, значительное число церковных приходов, которые числили в своих списках 132 тысячи прихожан, проживавших в 1124 деревнях и селах (кроме того, Петербургский финский приход имел 15 502 прихожанина)¹².

В дореволюционное время лютеранская церковь являлась для финнов Петербургской губернии не только очагом национальной культуры, но и своеобразным центром общественной жизни. В приходских школах в процессе подготовки к конфирмации велось обучение молодежи грамоте и организовывались различные кружки, самодеятельные и церковных хоры. При церкви были свои библиотеки, составленные из книг не только духовного, но и светского содержания. Под ее покровительством совершались семейные обряды – свадьбы, родинные обряды, похороны. Народные календарные праздники аграрного цикла, такие, как Рождество, Крещение, Пасха, Иванов день и др. также стали религиозными по форме. Они освящались не только непременно богослужением в церкви, но и участием священнослужителей в собственно народных празднествах.

Начиная с 1880-х годов приток финнов в Россию значительно уменьшился, небольшой рост наблюдался лишь во время благоприятной экономической конъюнктуры конца 90-х годов и в годы Первой мировой войны, во время строительства Мурманской железной дороги¹³. Сокращение потока переселенцев было вызвано изменениями в экономике Финляндии и России, ростом российского промышленного пролетариата, осложнением политической обстановки в связи с наступлением царизма на финляндскую автономию.

В XIX в. эмиграция финнов носила приграничный характер: большая их часть рассеялась в северо-западных российских губерниях – Петербургской, Олонецкой, Архангельской, и это в основном были жители Восточной Финляндии. В 1897 г., по данным первой всероссийской переписи населения, в империи насчитывалось 36 тыс. финляндских уроженцев, 98% из них (35 тыс.) проживало в Европейской России¹⁴.

В основном районами иммиграции являлись Петербург и Петербургская губерния, где было сосредоточено свыше 80% всех переселенцев. Петербург оказывал существенное влияние на жизнь финского населения в форме сухопутной и морской крестьянской торговли, перевозок грузов и т.д. В середине XIX в. из Финляндии в Петербург ежегодно совершалось свыше 10 000 торговых поездок. Благодаря тесным контактам была возможность выяснить условия жизни и деятельности, ожидающие переселенцев на новом месте¹⁵. Одной из важнейших причин миграции финнов в российскую столицу следует считать высокую экономическую конъюнктуру в регионе и притягательность петербургского рынка рабочей силы. Около половины всех переселенцев были выходцами из городов, значительная часть из них относилась к сравнительно высокооплачиваемым категориям, в частности, это были ремесленники и квалифицированные рабочие¹⁶.

Численность финляндцев в Петербурге в отдельные периоды точно определить чрезвычайно трудно, поскольку шло постоянное переселение в том и в другом направлениях. Передвижения носили самый разнообразный характер – от кратких поездок на несколько дней на работу до переездов на постоянное место жительства и ассимиляции в русском обществе¹⁷. В 1820 г. в Петербурге насчитывалось 5,8 тыс. финляндских уроженцев. К 1869 г. их число возросло до 17 тыс. чел., к 1881 г. – до 22 тыс. Затем численность финского населения русской столицы начинает сокращаться: в 1910 г. в Петербурге проживало 15 тыс. финляндских уроженцев и их потомков¹⁸.

Свыше 80% всех петербургских финнов были заняты в промышленности и ремеслах. Наиболее характерными для них являлись профессии ткача, прядильщика, сапожника, портного,

столяра. Многие работали в металлургической промышленности, помимо небольших мастерских они трудились на всех крупных предприятиях Нобеля, Путилова, Лесснера, Байрда и Лейхентберга. Специфически финской была профессия трубочиста, в которой финляндцы составляли более половины всех специалистов. Петербург играл важнейшую роль в деле обучения финнов ремеслам, прежде всего таким, как часовых и золотых дел мастера¹⁹.

Условия общественной жизни, небольшие расстояния благоприятствовали и иммиграции женщин из Финляндии, доля которых в общем потоке переселенцев достигала 50–60% во второй половине XIX в. Они работали главным образом в качестве домашней прислуги (свыше 60%), а также в промышленности (преимущественно текстильной) и различных ремеслах²⁰.

В окрестностях столицы финны занимались извозом, торговлей, разного рода ремеслами. В 1897 г. в Петербургской губернии находилось свыше 12 тыс. финляндских уроженцев²¹.

Для большинства переселенцев пребывание в Петербурге и губернии носило временный характер. Заработав или обучившись ремеслу, многие возвращались на родину. В 1881 г. в городе было всего 11% финляндцев в возрасте свыше 15 лет, которые родились здесь. И хотя со временем появляется вторая группа второго поколения финнов, она была все же весьма немногочисленной.

Составляя интегрированную часть многонационального петербургского общества, финны практически не ассимилировались в нем, но и не было какой-то их этнической замкнутости. Консолидирующую роль выполняла лютеранская церковь. Приходы были для финнов центрами национальной духовной культуры, местом единения с родиной. Переселенцы имели свои общества и газеты, все они были финноязычными и находились под сильным влиянием, идущим из Финляндии, с которой сохранялись тесные контакты, что способствовало этнической общности. В период революции и гражданской войны большая часть переселенцев вернулась в Финляндию.

Переселение финляндцев в другие регионы Европейской России было обусловлено несколько иными факторами, что

отразилось и на социальном составе мигрантов. Для финнов, уехавших в северные российские губернии, важным стимулом к эмиграции становились частые неурожаи. В голодные годы мигрантами были преимущественно крестьяне²².

В Олонецкой губернии первые финские колонисты появились в 1830-е годы, однако особенно быстро количество переселенцев растет во второй половине столетия: 1858 г. – 365, 1865 г. – 991, 1883 г. – 2622 человека. К концу века численность финского населения Олонецкой губернии достигла 3 тыс. человек и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 г. (1% от всего населения). Доля мужчин и женщин в диаспоре была примерно равной. Довольно высокий процент составляли дети и молодежь в возрасте до 20 лет (в среднем свыше 40%) и люди трудоспособного возраста (свыше 50%)²³.

Основная масса переселенцев проживала в трех уездах – Петрозаводском (35%), Олонецком (24%) и Вытегорском (20%). Финны были заняты в промышленности, ремеслах, на строительных работах и лесозаготовках. Весьма распространенными являлись профессии столяра, плотника, портного, сапожника, печника. Занимались они и сплавом леса, работали в сельском хозяйстве, на речном транспорте (в том числе в качестве бурлаков). Женщины нанимались в услужение в богатые дома. Доля городских жителей среди финнов не превышала 24%²⁴.

Для большинства финляндцев переселение в Олонецкую губернию, как и в Петербургскую, было явлением временным: в конце столетия диаспора на $\frac{9}{10}$ состояла из мигрантов первого поколения²⁵. В 1917–1918 гг. около 70% финнов вернулись на родину.

В Архангельской губернии финны концентрировались на Мурманском побережье. Первые поселения появляются здесь в голодные для Финляндии 1860-е годы (1864 г., колония Ура-Губа). Стимулом к миграции стали и правительственные постановления 1868, 1876 и 1890 гг., предоставлявшие льготы колонистам Мурманска как россиянам, так и иностранцам, принявшим российское подданство²⁶. В 1870 г. на Кольском полу-

острове проживал 361 финн, к 1888 г. их число возросло до 823 человек²⁷.

В отличие от Петербургской и Олонецкой губерний, на Кольский полуостров финны переезжали с намерением прочно обосноваться на новом месте. Они селились по побережью Баренцева моря (Кольский залив) и вдоль реки Тулома. К концу столетия здесь появился уже целый ряд поселений, в которых сохранялся традиционный для финской деревни уклад жизни. В Кольско-Лопарской волости финны селились хуторами на расстоянии 1,5–2 км друг от друга.

В 1897 г. численность финнов на Кольском полуострове составляла 1276 человек (645 мужчин и 631 женщина). Лишь половина из них (650 человек) являлась мигрантами первого поколения (83% – уроженцы губернии Оулу). Еще ниже был процент тех, кто оставался финляндским подданным (428 человек, 33%). Диаспора имела нормальную демографическую структуру с благоприятными перспективами развития – 50% составляли дети и молодежь в возрасте до 20 лет²⁸.

Все переселенцы были сосредоточены в Кольском (85,5%) и Кемском (12,6%) уездах, и это было на 98% сельское население. Основным занятием финнов являлись рыбный промысел и охота. Чуть больше 16% трудилось в животноводстве и земледелии, 12% занималось различными ремеслами (обработка дерева, продуктов животноводства, изготовление одежды) и строительными работами. Большинство женщин в возрасте старше 20 лет (свыше 80%) находилось на иждивении мужей, занимаясь домашним хозяйством и детьми. Следует в этой связи отметить, что на Мурмане, где в то время не было ни одной школы, дети финнов в возрасте от 10 до 19 лет на 91% были грамотными (по-фински)²⁹.

В годы Первой мировой войны численность финского населения Кольского полуострова значительно возросла как отмечалось выше в связи со строительством Мурманской железной дороги, и в 1915 г. здесь проживали 2793 чел. (19% от всего населения края). После 1917 г. большинство финских колонистов осталось жить на Мурманском побережье.

С 1826 г. из Финляндии в Сибирь начинают высылать приговоренных к смертной казни и помилованных преступников (мужчин). В 1847 г. эта мера наказания была распространена на женщин, осужденных к смерти, а также на людей, приговоренных к тюремному заключению за бродяжничество. Положение о ссылке действовало в финляндском законодательстве до 1888 г. За это время из Финляндии в Сибирь был выслан 3321 человек (2859 мужчин и 462 женщины), 27% из них составляли люди, приговоренные к смертной казни за убийство³⁰.

899 человек, за особо тяжкие преступления, были отправлены в Сибирь на каторгу. Срок наказания составлял 20 лет, после чего приговоренный мог покинуть карательные заведения и в качестве переселенца обосноваться на новом месте, но до освобождения доживали единицы. Основная часть финляндских каторжников попала в Нерчинский уезд на прииски, в солеварни и винокурни, женщин распределили по разным местам Восточной Сибири³¹.

Большинство финских ссыльных – 2422 чел. (73%) – было направлено на поселение. Вначале финнов селили в деревне Рыжкова Тюкалинского уезда Тобольской губернии, основанной в 1804 г. высланными из Ингерманландии крестьянами (так называемая Чухонская колония). Появление в деревне преступных элементов обеспокоило местных жителей. Постепенно ингерманландцы покидают Рыжкову, в 1847 г. ими были основаны две новые деревни – Боярка (Тюкалинский уезд) и Бугене (Тарский уезд). Рыжкова же становится центральным местом для ссыльных лютеран (финнов, эстонцев, ингерманландцев, латышей), в 1859 г. там насчитывалось 1653 человека³². С увеличением населения росли противоречия между различными этническими группами и, для нормализации положения, по инициативе русской лютеранской церкви в Западной Сибири были основаны новые поселения. В 1863 г. на реке Омь возникла Омская колония, где для каждой нации была своя деревня; финская деревня называлась Хельсинки, ингерманландская – Нарва, эстонская – Ревель, латышская – Рига. Жили финны и в других деревнях Тарского и Тюкалинского уездов – Финны, Морозовка, Михайловка, Ковалево. Некото-

рая часть ссыльных была направлена в Восточную Сибирь; с 1857 г. финская деревня Верхний Суэтук появилась в Минусинской колонии (Енисейская губерния)³³.

В 1897 г. в Сибири проживало 2 182 финна (1379 мужчин и 803 женщины), самые большие группы были сосредоточены в Тобольской – 48% (1057 чел.) и Енисейской – 19% (421 чел.) губерниях, а также в Забайкальской области – 10% (211 чел.)³⁴.

Российская лютеранская церковь старалась заботиться о религиозных и образовательных потребностях изгнанников, посылая в наиболее крупные колонии пасторов и учителей³⁵. Однако лишь четвертая часть ссыльных постоянно обитала в местах своего поселения. Не имея средств для создания собственного хозяйства, большинство из них мигрировало по огромным просторам Сибири в поисках работы. Кочевой образ жизни, деформированная демографическая структура ссыльных поселенцев не способствовали сохранению этнической общности. Даже в лютеранских колониях культура финнов размывалась более многочисленными этносами – эстонцами и латышами. Национальная однородность, финский язык, традиционный уклад жизни сохранялись лишь в наиболее изолированных ингерманландских деревнях, но ссыльных принимали там неохотно. Составляя мизерную часть населения Сибири, финны неизбежно и быстро ассимилировались.

В XIX в. финские переселенцы проживали и в других российских областях, например, в Московской, Новгородской губерниях, на Дальнем Востоке. Это были совсем небольшие, разбросанные группы (всего менее 1,5 тыс. человек). Годы революции внесли существенные коррективы в численность и социальный состав финского населения России. В 1917–1918 гг. около 70% финнов вернулись на родину.

Судьба финнов в Советской России оказалась весьма трагичной. Годы репрессий, война, принудительные высылки и депортации привели к резкому уменьшению численности финноязычного населения России. Эта тенденция, обусловленная целым комплексом различных причин, сохранялась и все послевоенные десятилетия.

В советское время диаспора формировалась фактически заново. С 1918 по 1935 г. было три больших иммиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических причин и обусловленных изменениями, происшедшими в мире после российской революции. К 1936 г. иммиграция финнов в СССР прекратилась, а судьба тех, кто навсегда связал свою жизнь с «первым в мире социалистическим государством, оказалась столь же трагичной, как и судьба многих других народов. Большая часть диаспоры была физически уничтожена в годы репрессий и войны, некоторым удалось выехать из страны (реэмиграция 1932–1935 гг. и отчасти начала 1960-х годов), оставшиеся в живых в большинстве своем постепенно ассимилировались.

По причинам миграции, времени прибытия к месту исхода, финских иммигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы – политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы.

Первая большая волна эмиграции из Финляндии связана с поражением там рабочей революции в мае 1918 г. Тысячи участников событий и членов их семей, спасаясь от преследований, покинули страну. Часть эмигрировала в Швецию и другие государства, но большинство предпочло искать убежища в Советской России. Весной 1918 г. в Петроград прибыло 6 тыс. беженцев. Первоначально их размещали в самом Петрограде и городе Буй (современная Костромская область), где был создан специальный эвакуационный пункт. Оттуда людей направляли в Вологду, Кострому, Муром, Москву, Нижний Новгород, Мурманск, Петрозаводск, на Урал и в Сибирь. К концу лета основная масса иммигрантов была трудоустроена, а большинство способных к военной службе мужчин добровольно вступило в финские национальные соединения Красной Армии. Финские красногвардейцы сражались практически на всех фронтах Гражданской войны, многие из них погибли³⁶.

Большая группа политэмигрантов (около 300 чел.) после разгрома Колчака была направлена в Западную Сибирь для пропагандистской работы среди местного финского населения, основную часть которого составляли игнерманландцы, либо

сосланные, либо переселившиеся за Урал в период столыпинских реформ. В 1920 г. в Омске была создана финская ячейка РКП (б), куда входили 254 чел. Коммунисты распространяли свою деятельность на финские поселения и за пределами Омской области. Так они организовывали пропагандистские курсы, создавали политические клубы, издавали свою газету «Eteenpdin» («Вперед») ³⁷. Большое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде: закрывались церковные приходы, из школ увольнялись неблагонадежные учителя. Весной 1921 г. многие финские пасторы и преподаватели получили разрешение вернуться с семьями в Финляндию. С их отъездом преподавание на финском языке прекратилось, дети ингерманландцев и иммигрантов ходили в русские или эстонские школы. Но влияние красных финнов на жизнь финских поселений Сибири было кратковременным, вскоре основная их часть переехала в Карелию ³⁸. В ингерманландских деревнях Бугене, Пиетари и других еще десятилетие продолжал сохраняться традиционный уклад жизни. В годы нэпа хозяйства лютеранских колоний были во многом крепче и зажиточнее, нежели соседние русские ³⁹. Окончательное разрушение финских поселений Сибири произошло в процессе коллективизации. Большинство финнов попало в категорию кулаков. Они были либо репрессированы, либо рассредоточены по многочисленным колхозам и совхозам края. В последующие годы сибирские финны в большинстве своем ассимилировались.

Политэмигранты после окончания Гражданской войны были сосредоточены в Европейской России, ее северо-западном регионе. Красные финны считали, что российский север должен был стать своего рода форпостом мировой революции и большая роль в этом плане отводилась созданной в 1920 г. Карельской автономии. Карелия должна была превратиться в «образцовую социалистическую республику, способную революционизировать соседнюю Финляндию и скандинавские страны». Именно в этой цели были направлены в 1920 г. в молодую автономию видные деятели СДПФ и КПФ из числа красных финнов. 15 лет (1920–1935) республику возглавлял

бывший член финляндского парламента от СДПФ доктор философии Эдвард Гюллинг.

На момент создания Карельской Трудовой Коммуны в ней проживало около тысячи финнов, давно обосновавшихся здесь⁴⁰. К 1926 г. численность диаспоры за счет иммиграции увеличилась в два с половиной раза. Основными местами расселения финнов были Петрозаводск (26,3%), Петрозаводский уезд (22,8%), а также крупные национальные карельские районы – Уктинский (20,4%) и Олонецкий (13,2%)⁴¹. Составляя в 1926 г. лишь 0,9% от всего населения края, финны занимали видные должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями типа МОПРа и Осоавиахима, работали в области культуры, образования, науки. Многие становились кадровыми военными.

Политическая активность красных финнов использовалась советским руководством и в других местах. Часть из них была направлена на работу в финские поселения Кольского полуострова, где с их помощью создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны, артели, кооперативы. В конце 1920-х годов только в Александровской волости на Западном Мурмане действовало 14 рыбацких и 4 молочные финские артели. Самой знаменитой из них являлась животноводческая артель «Puna Karjakkо» («Красная скотница») в Грязной Губе. Часть финнов Мурмана продолжала трудиться по-старому, многие хуторские хозяйства Кольско-Лопарского района были уничтожены позже, в период коллективизации.

По данным переписи 1926 г. финны проживали более чем в 50-ти местах Кольского полуострова, в 7-ми из них (Сайда Губа, Торос-Остров, Грязная Губа и др.) было стопроцентное финское население. Оставаясь на 91% сельскими жителями, финны Мурмана были сосредоточены в трех волостях – Новозерской (20,3%), Кольско-Лопарской (20,8%) и Александровской (49,6%), причем в последней они составляли 72,4% от всего населения. В целом по губернии доля финнов составляла 7,4% от всего населения⁴².

Самая большая часть диаспоры проживала в 1920-е годы в Ленинградской губернии – 58% всех российских финнов. Это были и иммигранты 1918 г., и те, кто укоренился здесь в XIX в.

В 1926 г. финны Ленинградской губернии на 42% являлись городскими жителями. В Ленинграде и других городских поселениях они работали на промышленных предприятиях, в полиграфической отрасли, в народном образовании, культуре. Сельское финское население концентрировалось вокруг бывшей российской столицы и по побережью Финского залива, в Ленинградском, Троицком (Гатчинском) и Кингисепском уездах (98%). В Ленинградском уезде 90% всех финнов проживало в трех волостях – Куйвозовской, Парголово́вской и Ленинской, – население которых на 55% было ингерманландским. В Троицком же уезде 85% финнов жило в Ораниенбаумской волости, на три четверти русской. При этом в пяти волостях уезда, где сосредотачивались четверть всех ингерманландцев губернии и они составляли около 60% населения этих мест, не было ни одного финна⁴³. Такая же картина наблюдалась и в Кингисепском уезде.

Всего в Ленинградско-Карельском районе, куда входили Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Череповецкая губернии и Карелия, в 1926 г. насчитывалось 15,5 тыс. финнов (52% из них женщины). 71% диаспоры проживал в Ленинградской губернии и Ленинграде (соответственно 7113 и 3940 чел.), 15% приходилось на Карелию (2327 чел.), 11% (1697 чел.) на Мурманскую губернию. 77% финнов были грамотными (свыше 84% на финском языке), что значительно превышало средний показатель по региону (57,5%). Почти для 89% финский язык оставался родным. Правда, в городских центрах Ленинградской губернии и в Карелии, где многие переселенцы XIX в. в значительной степени уже подверглись ассимиляционным процессам, эта доля была немного ниже – 77,4% и 79% соответственно, зато финны Мурманска и сельских районов Ленинградской губернии на 98% сохранили родной язык⁴⁴. В этом регионе также находилось свыше 3,6 тыс. временно прибывающих финляндских граждан, 91% из них в Ленинграде⁴⁵. Это были специалисты, работавшие по контрактам,

и слушатели разного рода учебных заведений, где ковались кадры будущей мировой революции (Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств народов Запада имени Мархлевского, Интернациональная военная школа и т.д.). В других областях численность финского населения была невелика. Всего в 1926 г. в России проживали 18 945 финнов⁴⁶.

Политэмигранты и их семьи продолжали прибывать в Россию вплоть до начала 1930-х годов. В общей сложности численность этой группы иммигрантов, по косвенным подсчетам, могла достичь 10–12 тыс. чел.

Две других крупных иммиграционных волны приходится на начало 1930-х годов. Уже в 1920-е годы в Россию начинают прибывать первые группы переселенцев, эмигрировавших ранее из Финляндии в США и Канаду. На стройках и промышленных предприятиях Кемерово, Нижнего Новгорода, Магнитогорска североамериканские финны появляются в первой половине 1920-х годов. Тогда же начинают работу созданные ими сельскохозяйственные коммуну на Северном Кавказе («Сеятель»), в Карелии («Луч»), в Ленинградской области («Труд»), рыболовецкая артель в Канда拉克шской волости. Это были небольшие отряды людей, приехавших своими руками строить социализм. Массовый характер иммиграция финнов из Северной Америки в Россию приобретает в начале 1930-х годов и главным местом их расселения становится Карельская АССР.

Карелия малонаселенная и традиционно крестьянская в условиях начавшейся индустриализации остро нуждалась в высококвалифицированных специалистах и рабочих руках. В 1931 г. руководство Карелии с разрешения Москвы начинает широкомасштабную вербовку квалифицированных рабочих кадров среди этнических финнов Америки. За счет иммигрантов республиканское руководство планировало повысить производительность труда в основной отрасли – лесозаготовках, и завершить процессы формирования национальных рабочих кадров. С точки зрения Москвы, вербовка финских рабочих из-за рубежа шла в русле генеральной идеи о создании на севере

России форпоста мировой революции. Вербовке, которую проводили специально созданные для этого организации (Комитет технической помощи Карелии в Америке, Переселенческое управление в Петрозаводске), предшествовала широкая пропагандистская кампания, развернутая финно-язычной левой прессой США и Канады. Большинство переселенцев искренне верило в возможности нового общества «освобожденного труда», а экономический кризис, захлестнувший Европу и Америку, только укреплял эту веру. Финны надеялись обрести в Карелии работу по душе и внести свою посильную лепту в дело построения социализма. Трудовой договор заключался с переселенцами на два года, однако многие собирались обосноваться в России навсегда. Они ехали с семьями, везли с собой технику, оборудование, валюту. Всего за 1931–1934 гг. в Карелию из США и Канады переехало свыше 6 тыс. человек (треть из них женщины и дети). Трудились североамериканские финны в лесном комплексе республики (около 60%), а также в других отраслях промышленности, в сельском хозяйстве, культуре. Самые крупные американские колонии были в Петрозаводске, Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах⁴⁷. Кроме Карелии небольшие группы переселенцев работали и в других областях России.

Следующая крупная эмиграционная волна явилась следствием экономического кризиса в Финляндии. Начиная с 1930 г. большие группы людей, спасаясь от голода и безработицы, самостоятельно переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла и пропагандистская компания, развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами в связи с политикой вербовки рабочих кадров. Перебежчики хотели найти работу в России, спасаясь от нужды, а, порой, и от политических преследований. По приблизительным подсчетам, в 1930–1934 гг. из Финляндии в Советский Союз ушло свыше 12 тыс. человек. Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда, после проверки, людей направляли на работу в различные регионы Союза или в систему ГУЛАГа (за нелегальный переход границы тогда давали до трех лет лагерей).

После 1932 г. большую часть перебежчиков оставляли работать в не пограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от остальных иммигрантов, финперебежчики оказались в самой худшей ситуации, мало отличавшейся от лагерных условий. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ГПУ, не имели документов, не могли самостоятельно покидать место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных, горнорудных работах⁴⁸.

В середине 1930-х годов иммиграция из Финляндии и Северной Америки прекратилась, и значительно увеличился поток реэмигрантов. Уезжали из России прежде всего американские финны, разочарованные своим выбором и «социалистическим образом жизни». В целом, за 1932–1935 гг. Россию, легально и нелегально, покинуло примерно 4,5 тыс. человек.

В 1935 г. основная масса финнов-иммигрантов была сосредоточена в северо-западном регионе, главным образом в Карелии и Ленинградской области. Всего же в середине 1930-х годов финское население России должно было составлять не менее 32–33 тыс. человек. Диаспора имела нормальную демографическую структуру и с местным населением смешивалась слабо. Сказывались компактность расселения, этническое родство с коренными финно-угорскими народами, хорошие возможности для сохранения культурных традиций и родной речи. В Карелии, Ленинградской, Мурманской областях издавались газеты на финском языке, печатались журналы, книги, работали национальные школы, клубы, театры. До 1937 г. в КАССР финский являлся вторым, после русского, государственным языком.

Финны-иммигранты, несмотря на свою малочисленность, оставили заметный след в истории своей новой родины. Особенно отчетливо это видно на примере Карелии, которой на протяжении 15 лет (1920–1935) руководили красные финны, и где к середине 1930-х годов проживала примерно половина всей российской диаспоры – около 15 тыс. человек⁴⁹.

15 лет красные финны, составляя политическую элиту республики и, занимая ведущие номенклатурные должности от

партийных секретарей и председателей исполкомов до руководителей государственных учреждений и наркоматов, проводили в жизнь идею строительства на границе с Финляндией образцового общества, способного продемонстрировать рабочему классу и крестьянству соседней страны преимущества социалистического строя. Бывшие финские красногвардейцы составляли и костяк офицерского корпуса Отдельной Карельской Егерской бригады, являвшейся стратегической единицей Ленинградского Военного округа и охранявшей внешние рубежи республики.

На протяжении почти десяти лет (1922–1930) Карелия жила в условиях экономического эксперимента, разработанного главой правительства Эдвардом Гюллингом и одобренного Москвой. Экономическая самостоятельность, основу которой составляли особые бюджетные права, позволила за короткий срок поднять из руин и укрепить народное хозяйство республики. Валовая продукция ежегодно возрастала на 20–30%, что являлось одним из самых высоких показателей роста в мировой экономике того времени⁵⁰. В этом плане опыт Карельской автономии 1920-х годов уникален, а роль финского руководства трудно переоценить.

Финны трудились в различных отраслях промышленности. Наиболее значимым был их вклад в развитие строительной отрасли или таких крупных предприятий, как Кондопожский бумагоделательный комбинат и Петрозаводская лыжная фабрика. В становлении лесопромышленного комплекса республики велика роль американских финнов, 60% которых трудились в системе «Кареллеса». Новые орудия труда, привезенные иммигрантами (начиная со знаменитых лучковой пилы и канадского топора), новые технологии по рубке и вывозу древесины, умелая организация труда, все это имело большое значение для развития отрасли.

Американские финны стали в Карелии и пионерами колхозного строительства. В 1922 г. в Олонецком районе ими была основана первая сельскохозяйственная коммуна «Луч». Затем, в начале 1930-х годов появляются другие финские коллек-

тивные хозяйства: «Hiilisuo» (Совхоз № 2), Сунский и Ильинский совхозы.

Большой и значимый был вклад финнов в развитие карельской культуры образования, науки. До образования Карельской трудовой коммуны обучение детей карелов проводилось на русском языке. В 1920 г. грамотность среди карельского населения едва достигала 24% от всего населения⁵¹, национальной интеллигенции не было вообще. Создание национальных школ становится одной из первоочередных задач республиканского руководства. Подготовку учительских кадров для новых школ начал открытый в 1920 г. в Петрозаводске финский педагогический техникум, куда съезжалась молодежь со всей республики. Финны сумели многое сделать для развития в Карелии системы народного образования от начальной школы до высшей. К 1933 г. в республике работало свыше 500 школ (половина из них – национальные), полтора десятка техникумов, Педагогический институт, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В 1931 г. начинает свою деятельность первое академическое учреждение – Карельский научно-исследовательский институт.

К 1933 г. уровень грамотности карелов возрос до 46%, почти половина из них (48% от всего населения) владела финской грамотой или русской и финской одновременно⁵². В то время уже все национальные карельские школы были переведены на финский язык. Языковая политика республиканского руководства осуществлялась в русле концепции единого «карело-финского языка» и была направлена на постепенное приобщение карелов к литературному финскому языку.

Политика «карелизации» в начале 1930-х годов привела к методам силового решения языкового вопроса, когда введение финского языка становится самоцелью. Тем не менее, трехлетняя форсированная финнизация не смогла затушевать основных достижений в деле национально-культурного развития края. В целом политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъему национальных районов, способствовали консолидации карелов автономной республики в целостную этническую общность⁵³.

Финны-иммигранты стояли также у истоков национальной карельской литературы. В 1926 г. в Петрозаводске была создана первая писательская организация – Карельская ассоциация пролетарских писателей, которая сумела объединить вокруг себя талантливую карельскую молодежь, писавшую на финском языке.

Выпуском художественной литературы на финском языке, наряду с политической, научной, учебной, занималось издательство «Кирья», основанное иммигрантами в 1923 г. в Петрограде (Карельский филиал создан в 1927 г.). В 1934 г. в Петрозаводском отделении издательства печаталось две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке. По числу названий и общему тиражу издаваемых книг «Кирья» занимала четвертое место среди национальных издательств России.

И в целом, первая половина 1930-х годов стала временем расцвета национальной культуры Карелии. По всей республике возникали многочисленные профессиональные и любительские коллективы – театры, оркестры, хоры, художественные студии, агитбригады, фольклорные ансамбли. Во многих случаях, а в национальных районах повсеместно, организаторами и руководителями этих коллективов были финны. В 1933 г. республиканский Дом самодеятельного искусства объединял 389 самодеятельных кружков, 200 из которых являлись национальными.

«Финский» период закончился в Карелии в 1935 г.⁵⁴

Перемены по отношению к финнам в политике руководства страны начали проявляться уже в первой половине 1930-х годов в связи с изменением общеполитической обстановки.

Борьба с «национал-уклонизмом» и местным национализмом, развернувшаяся по всей стране после XVI съезда ВКП (б) (1930), не могла обойти стороной и финно-угорские народы России. В 1932–1933 гг. в Удмуртии органы безопасности «вскрыли и ликвидировали» контрреволюционную националистическую буржуазную организацию – Союз освобождения финских народностей. Организация эта якобы была создана

«реакционной удмуртской интеллигенцией по заданию финских и эстонских интервенционистских кругов» и ставила своей целью «отторжения путем вооруженного восстания Удмуртской АО и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР для создания «Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления». В 1932–1933 гг. Особым отделом Ленинградского военного округа на территории Карелии, Мурманского округа и ингерманландских районов Ленинградской области была проведена большая акция по «ликвидации контрреволюционного заговора», получившая в следственных документах название «Заговор финского генерального штаба». Сотни людей были обвинены в контрреволюционной повстанческой деятельности и в шпионаже в пользу Финляндии. Абсолютное большинство арестованных по этому делу составляли местные уроженцы – карелы и ингерманландцы, тем не менее, репрессии коснулись тогда и части финских политэмигрантов, прежде всего профессиональных военных.

В 1935 г. финское руководство Карелии было смещено и в республике развернулась антифинская компания. Людей увольняли с работы, исключали из партии, нарастала волна арестов среди политэмигрантов и финперебежчиков.

Борьба с буржуазным национализмом увенчалась большим террором 1937–1938 гг., поставившим финскую диаспору на грань уничтожения. Российские финны были обвинены в причастности к диверсионно-террористическим, контрреволюционным, шпионско-повстанческим организациям, работавшим по заданию финляндской разведки с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии.

Массовые репрессии в отношении финнов, как и других народов, осуществлялись по постановлениям Политбюро ЦК ВКП (б) и по так называемым национальным приказам наркома внутренних дел Н.И. Ежова.

В Карелии в результате проведенной с лета 1937 г. по весну 1938 г. операции по финнам органами НКВД было арестовано и осуждено (по разным источникам) от 3 до 7 тыс. человек⁵⁵. Осенью 1938 г. карельская Особая тройка приговорила к рас-

стрелу еще 1,5 тыс. финнов. К 1939 г. значительная часть финской диаспоры была либо физически уничтожена, либо рассредоточена по многочисленным лагерям и спецпоселениям страны. В целом, по данным переписи 1939 г., численность финского населения России сократилась до 24 тыс. человек⁵⁶.

Создание в 1940 г., в результате советско-финляндской войны Карело-Финской ССР, положения финнов не улучшило. Государственная политика по очищению приграничных районов от «неблагонадежных элементов» продолжала действовать. 23 июня 1940 г. нарком внутренних дел Л. Берия подписал приказ № 00761, результатом чего стало окончательное уничтожение мурманской диаспоры. Вместе с норвежцами, шведами, литовцами, латышами и другими «инонационалами» финны Мурмана были депортированы сначала в Карело-Финскую ССР, а затем дальше, в Сибирь⁵⁷. Во время войны уже все финское население северо-запада России было эвакуировано в глубокие тыловые районы, большинство мужчин оказалось в трудовых колониях НКВД.

В послевоенные десятилетия процесс разрушения финской диаспоры завершился. Разбросанные по всему Советскому Союзу, потомки финнов-иммигрантов в большинстве своем ассимилировались.

¹ Назывались так по скандинавскому названию территории, где они проживали – Ингерманландия.

² *Энгман М., Юнгар С.* Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия, 1700–1917. Л., 1980. С. 116–117.

³ См.: *Суни Л.В.* Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 7.

⁴ Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации: сб. материалов и документов. Петрозаводск, 2006. С. 44; См.: *Высколков Л.В.* Об этническом составе сельского населения северо-запада России (вторая половина XVIII – XIX вв.) // Петербург и губерния: историко-этнографическое исследование. Л., 1989. С. 116, 123.

⁵ См.: *Суни Л.В.* Указ. соч. С. 12.

⁶ Примечательно, что в этом же году была открыта учительская семинария в Финляндии.

- ⁷ Суни Л.В. Указ. соч. С. 13.
- ⁸ См.: Киуру Э.С., Суни Л.В. Очерк культуры российских финнов // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 47.
- ⁹ См.: Алто Э.Л. Советские финноязычные журналы, 1920–1930. Петрозаводск, 1989.
- ¹⁰ См.: Муссаев В.И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 29–31.
- ¹¹ См.: Киуру Э.С., Суни Л.В. Указ. соч. С. 49.
- ¹² См.: Суни Л.В. Указ. соч. С. 13.
- ¹³ См.: Киуру Э.С. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁴ Энгман М., Юнгар С. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁵ Там же. С. 116–117; Юнгар С. Финляндские ремесленники в Санкт-Петербурге // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. Л., 1975. С. 93.
- ¹⁶ Энгман М., Юнгар С. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁷ Юнгар С. Финляндские ремесленники ... С. 93.
- ¹⁸ Там же. С. 85–89.
- ¹⁹ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальные структуры населения Петербурга. Л. 1984. С. 165–169.
- ²⁰ См.: Энгман М., Юнгар С. Указ. соч. С. 123; Юнгар С. Финляндские ремесленники ... С. 94–96; Юхнева Н.В. Указ. соч. С. 172–174.
- ²¹ Энгман М., Юнгар С. Указ. соч. С. 121; Юхнева Н.В. Указ. соч. С. 175.
- ²² Энгман М., Юнгар С. Указ. соч. С. 116.
- ²³ Там же. С. 120.
- ²⁴ Бирин В.Н. Финны Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 27–29.
- ²⁵ Там же. С. 5–9, 15–18, 24–26.
- ²⁶ Там же. С. 31.
- ²⁷ Энгельгард А.П. Русский Собор: путевые заметки. СПб., 1897. С. 90–94.
- ²⁸ Такала И.Р. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьба. Петрозаводск, 1998. С. 100.
- ²⁹ Там же. С. 64–67.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 102.
- ³² Там же.
- ³³ Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области // Исторический процесс формирования среднего Прииртышья в этническом и национальном отношении. Омск, 1966. С. 100.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: Такала И.Р. Финны-иммигранты. С. 103.
- ³⁶ Юнтунен А. Участие финнов в строительстве сибирской железной дороги. Петрозаводск, 1992. С. 103.

- ³⁷ См.: *Коронен М.М.* Финские интеграционалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1959.
- ³⁸ См.: *Шиндин А.М.* Сибирское бюро ЦК РКП (б) – организатор и руководитель движения интеграционалистов в Сибири (1919–1921). Новосибирск, 1974. С. 166–173.
- ³⁹ Там же. С. 182.
- ⁴⁰ *Малиновский Л.В.* Сельское хозяйство национальных меньшинств в Сибири (1919–1928) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. С. 213.
- ⁴¹ См.: Статистический ежегодник Карелии, 1922 год. Вып. II, ч. I. Петрозаводск, 1923. С. 12–13.
- ⁴² См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1: Северный район. Ленинградско-карельский район. М., 1928. С. 178–181.
- ⁴³ Там же. С. 194–195.
- ⁴⁴ Там же. С. 182–187.
- ⁴⁵ Там же. С. 108–128.
- ⁴⁶ Там же. С. 136–137.
- ⁴⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17: СССР. М., 1928. С. 38.
- ⁴⁸ См.: *Андриаинен А.И.* Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся Светской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 190–191; *Такала И.Р.* В вопросах Эльдorado: североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1933. С. 91–110.
- ⁴⁹ См.: *Такала И.Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 158–163.
- ⁵⁰ Там же. С. 171–172.
- ⁵¹ *Каутиала П.* Советская автономия Карелии в 20–30-гг. История создания и деформация // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 52.
- ⁵² Статистический ежегодник Карелии, 1922. Вып. II, ч. I. С. 14–15.
- ⁵³ Перепись населения АКССР 1933 г. / Упр-ние народно-хоз. учета Карельской АССР. Вып. 1. Петрозаводск, 1934. С. 18, 40–41.
- ⁵⁴ См.: *Левкоев А.А.* Национальная политика в Советской Карелии, 1920–1928: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- ⁵⁵ *Попов А.* Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930 г. // *Studia Slavica Finlandensia* Т. IX. Helsinki, 1992. S. 165–168.
- ⁵⁶ См.: *Такала И.* Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х гг. // *Studia Slavica Finlandensia* Т. XI. Helsinki, 1994. S. 123–124.
- ⁵⁷ Там же. S. 133–134.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
<i>Аманжолова Д.А.</i> «...Совсем по-сталински...»: Советская власть, ее посредники и этнополитическая элита в Казахской АССР в 1920-е годы	5
<i>Гатагова Л.С.</i> Гримасы тлеющих этнофобий: Как партия реагировала на события 24–26 октября 1981 г. в г. Орджоникидзе	51
<i>Гронский А.Д. (Минск).</i> Интерпретации Отечественной войны 1812 г. в Белоруссии как проблема конструирования новой исторической памяти	70
<i>Дроздов К.С.</i> «Игры с украинизацией»: Особенности советской этнополитики 1920–1930-х годов на русско-украинском пограничье	89
<i>Локиин А.Е.</i> Некоторые аспекты истории евреев Российской империи в конце XVIII – начале XX в. в зарубежной историографии	133
<i>Рахаев Д.Я.</i> Грамота царя Алексея Михайловича крымскому хану Селим-Гирею I	173
<i>Рахаев Д.Я.</i> Кабардинские княжества в российско-османских отношениях в первой половине XVIII в.	194
<i>Синицын Ф.Л.</i> Формирование концепции «советского патриотизма» в 1938–1941 гг.	234
<i>Слободянюк Н.А. (Киев).</i> Этнонациональные аспекты истории киевского подполья (1941–1943)	264
<i>Трепавлов В.В.</i> «Остатки царей подвластных»: Историческая память татар XIX в. о Касимовском царстве	283
<i>Федосова Э.П.</i> Финская диаспора в России (XIX–XX вв.)	300

Научное издание

**ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 6

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: Л.С. Новоселова-Чурсина
Технический редактор: О.А. Пруцкова
Компьютерная верстка Л.П. Андриановой

Подписано к печати 28.10.14. Заказ № .
Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonTT
20,5 п.л. 16,49 уч.-изд.л.
Тираж 300 экз.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19